

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

На правах рукописи

П. М. Аркадьев

Типология двухпадежных систем

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН
Татьяна Михайловна Николаева

Москва – 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
0.1. Постановка задачи	7
0.2. Материал исследования	11
0.3. Структура диссертации	14
0.4. Замечание о названиях падежей	16
0.5. Замечание о представлении материала	16
Глава 1. Теоретические предпосылки типологического изучения падежных систем	18
1.0. Вступительные замечания	18
1.1. Определение и выделение грамматической категории «падеж»	19
1.1.0. Предварительные замечания	19
1.1.1. Определение понятия «падеж»	20
1.1.2. Проблема выделения падежей	23
1.1.3. Заключение	29
1.2. Подходы к изучению семантики падежей	29
1.2.0. Вступительные замечания	29
1.2.1. «Инвариантный» vs. «полисемический» подходы к семантике падежей	31
1.3. Функции падежей: синтаксические отношения vs. семантические роли	36
1.3.0. Предварительные замечания	36
1.3.1. Синтаксические отношения: проблема универсальности	37
1.3.2. Семантические роли как универсальные прототипы	43
1.4. Заключение	48

Глава 2. Функционально-семантические аспекты типологии двухпадежных систем	49
2.0. Вступительные замечания	49
2.1. Кодирование ядерных ролей	50
2.1.0. Предварительные замечания	50
2.1.1. Стратегии кодирования ядерных ролей в двухпадежных системах	52
2.1.1.1. Аккузативная стратегия	52
2.1.1.2. Эргативная стратегия	54
2.1.1.3. Нейтральная стратегия	57
2.1.1.4. Контрастивная стратегия	58
2.1.1.5. Квазинейтральная стратегия	58
2.1.1.6. Частотность основных стратегий кодирования	60
2.1.1.7. Выражение именного предиката	62
2.1.1.8. Маркирование топика	63
2.1.1.9. Заключение	67
2.1.2. «Расщеплённое» кодирование актантов в двухпадежных системах	67
2.1.2.0. Предварительные замечания	67
2.1.2.1. «Расщеплённое» кодирование роли S	69
2.1.2.2. «Расщеплённое» кодирование, обусловленное семантикой аргументов	71
2.1.2.3. «Расщеплённое» кодирование, обусловленное видо-временными категориями глагола	76
2.1.2.4. «Дифференцированное маркирование объекта»	79
2.1.2.5. «Расщеплённое» кодирование, обусловленное коммуникативным статусом аргументов	85
2.1.2.6. «Расщеплённое» кодирование, обусловленное независимым или подчинённым статусом предикации	88

2.1.2.7. «Неканоническое» маркирование ядерных аргументов	90
2.1.2.8. Заключение	95
Экскурс. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем	97
2.2. Кодирование периферийных ролей	119
2.2.0. Вступительные замечания	119
2.2.1. Кодирование роли Адресата	121
2.2.2. Кодирование пространственных ролей	131
2.2.3. Кодирование прочих предикатных ролей	142
2.2.4. Кодирование приименного определения	147
2.2.5. Сочетание падежей с предлогами и послелогами	153
2.2.6. Заключение	156
2.3. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем	157
2.3.0. Предварительные замечания	157
2.3.1. Основные функционально-семантические типы двухпадежных систем	160
2.3.2. Уточнение семантической карты двухпадежных систем	175
2.3.3. Материал двухпадежных систем в связи с некоторыми функционально-семантическими универсалиями	177
2.4. Заключение	182
Глава 3. Морфологические и диахронические аспекты типологии двухпадежных систем	184
3.0. Вступительные замечания	184
3.1. Морфологическая типология двухпадежных систем	185
3.1.0. Предварительные замечания	185
3.1.1. Формальные средства выражения падежных противопоставлений в двухпадежных системах	185

3.1.2. Падеж и другие морфологические категории имени в двухпадежных системах	196
3.1.2.0. Вступительные замечания	196
3.1.2.1. Падеж, число и парадигматика двухпадежных систем	196
3.1.2.2. Падеж, определённость и «аналитические» падежные формы	203
3.1.3. Морфологические оппозиции и «аномалии» маркированности в двухпадежных системах	207
3.1.4. Заключение	213
3.2. Элементы диахронической типологии двухпадежных систем	213
3.2.0. Предварительные замечания	213
3.2.1. Пути возникновения двухпадежных систем	214
3.2.1.0. Вступительные замечания	214
3.2.1.1. Двухпадежные системы, возникшие в результате редукции многопадежных систем	216
3.2.1.2. «Новые» двухпадежные системы	220
3.2.1.3. Заключение	223
3.2.2. Пути развития двухпадежных систем	223
3.2.2.0. Вступительные замечания	223
3.2.2.1. Двухпадежные системы как основа для многопадежных систем	224
3.2.2.2. Редукция двухпадежных систем	232
3.2.3. Заключение	239
Заключение	241
4.0. Предварительные замечания	241
4.1. Основные результаты типологического изучения двухпадежных систем	241

4.2. Двухпадежные системы как типологически-релевантный класс	249
4.3. Заключительные замечания	251
Приложение. Данные о двухпадежных системах в языках мира	253
Библиография	263
Список сокращений	300

ВВЕДЕНИЕ

0.1. Постановка задачи

Настоящая диссертация посвящена типологическому анализу двухпадежных систем. В ней рассматриваются формальные и содержательные свойства двухпадежных систем в языках мира, выявляются их общие характеристики и параметры варьирования.

Актуальность данной темы определяется следующими причинами. Во-первых, такого рода минимальные падежные системы, в которых универсальное пространство значений, выражаемых падежами в языках мира, членится наиболее простым и далеко не произвольным образом, могут послужить своего рода образцом и прототипом для изучения более сложных, дробных и гетерогенных падежных систем, варьирование которых происходит по значительно большему числу параметров; их исследование может показать, как при наличии минимальных средств язык кодирует различные значения и как эти значения группируются. Во-вторых, двухпадежные системы нередко являются промежуточной стадией при диахроническом переходе от того этапа истории языка, когда в нём вообще отсутствуют падежные противопоставления, к существованию в нём развитой падежной системы, или, напротив, последним этапом редукции такой системы. Тем самым, синхронное изучение двухпадежных систем может пролить свет как на различные аспекты типологии, так и на тенденции исторического развития падежных систем.

Принимая во внимание только что приведённые соображения, тем более удивительно, что такого рода исследование двухпадежных систем в широком межъязыковом сопоставлении, насколько мне известно, предпринимается впервые (см. библиографию [Campe 1994], где по этой теме приводится лишь несколько работ частного характера), чем и определяется **научная новизна** диссертации. Такая ситуация может объясняться тем, что современная типология до самого последнего времени уделяла недостаточно внимания исследованию грамматических систем (понимаемых как совокупности синхронно существующих и взаимодействующих граммем и грамматических категорий), предпочитая исследовать семантику и функционирование индивидуальных грамматических показателей. Одними из немногих исключений за последние два десятилетия могут считаться: (i) известная работа [Nichols 1986], где вводится один из основополагающих типологических параметров

— вершинное/зависимостное маркирование синтаксических отношений, — на основании которого строится типология грамматических систем (см. развитие этой идеи в книге [Nichols 1992]); (ii) посвященная взаимодействию грамматических категорий и имплицативным отношениям между ними статья [Dixon, Aikhenvald 1998]; наконец, следует отметить проведенную осенью 2003 г. Санкт-Петербургским Институтом лингвистических исследований международную конференцию «Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие», см. сборник [Храковский (ред.) 2003].

При этом нельзя не указать на то, что если в изучении систем глагольных категорий такое положение постепенно преодолевается, см. хотя бы такие известные работы, как [Dahl 1985] и [Bybee et al. 1994], то в области изучения именных категорий ситуация является более сложной. Так, если системы родов и именных классов довольно детально исследованы как в конкретных языках, так и в типологическом освещении, см. [Craig (ed.) 1986], [Corbett 1991], и то же можно, по-видимому, сказать и о категории числа, см. [Corbett 2000], то с наиболее комплексной именной грамматической категорией, каковой является падеж, дело обстоит значительно хуже.

При том, что падежу посвящено огромное количество публикаций, дать обзор которых здесь не представляется ни возможным, ни необходимым (укажу лишь на важнейшие работы, такие как [Hjelmslev 1972/1935—1937], [Якобсон 1985/1936], [Зализняк 2002/1973], [Serbat 1981], [Brecht, Levine (eds.) 1986], [Blake 2001/1994], [Мельчук 1998: 324 — 345], [Mel'čuk 2006: Ch. 4¹]; библиографию по этой проблематике см. в книге [Campe 1994]), собственно падежные системы изучены явно недостаточно. Выделю лишь несколько известных мне исследований, посвящённых данной теме. Во-первых, это только что упомянутая книга Л. Ельмслева, где разнообразные падежные системы, в том числе и с двумя членами, анализируются с позиций классического структурализма (подробнее см. в Главе 1). Во-вторых, это статья Дж. Николс [Nichols 1983], где на обширном языковом материале показывается, что традиционное противопоставление так называемых «прямых» («грамматических», «управляемых») и «косвенных» («семантических») падежей не может считаться универсальным. В-третьих, это статья Ф. Планка [Plank 1986], где рассматри-

---

¹ Здесь и далее ссылки на эту монографию даются по электронной версии, любезно присланной мне автором.

вается вопрос о возможных ограничениях на количество элементов падежной системы и устанавливается зависимость числа падежей от морфологического типа языка (точнее, от того, выражаются ли падежные граммемы отдельными показателями или кумулятивно с другими категориями имени, такими как число; об этой проблематике см. также [Plank 1999], [Plungian 2001]). В-четвёртых, это пятая глава уже упомянутого учебника [Blake 2001/1994], где, в частности, постулируется Падежная Иерархия (*Inflectional Case Hierarchy*, [ibid.: 157 — 162]) следующего вида:

(0.1) Nom Acc/Erg Gen Dat Loc Abl/Inst прочие

Иерархия (0.1) накладывает ограничение на набор элементов падежной системы: если в языке есть граммема падежа из правой части иерархии, то в нём с большой долей вероятности имеются и все граммемы из левой её части; там же рассматриваются и содержательные исключения из этого типологического обобщения и их возможные объяснения (см. обсуждение этой проблематики применительно к двухпадежным системам в п. 2.3.4). Наконец, краткий обзор падежных систем в языках мира, в том числе и двухпадежных, даётся в учебнике [Плунгян 2000: 161 — 184]².

Как можно заметить, почти все указанные работы (по крайней мере, те из них, что написаны в рамках типологического подхода) посвящены частным вопросам, связанным с падежными системами, таким как набор и число элементов или самые общие отношения между ними. Между тем, насущно необходимо типологическое изучение падежных систем с точки зрения их внутреннего устройства и, что представляется наиболее важным, того, как они членят универсальное пространство падежных значений и как происходит их грамматикализация и диахроническое развитие (о грамматикализации падежных показателей см., например, [Lehmann 1995/1982: 66 — 107]). Отдельные аспекты этих проблем уже довольно хорошо изучены (в частности, очень большое внимание уделялось кодированию ядерных актантов и связи падежа и синтаксических отношений; более подробно этот вопрос будет рассмотрен в Главах 1 и 2, где приводится и основная библиография), другие

---

² Небезынтересны также работа [Jackendoff et al. 1989], где рассматривается оригинальный способ формального представления правил падежного маркирования в ряде языков, и диссертация [Nakamura 1997], посвящённая анализу основных стратегий кодирования аргументов (аккузативной, эргативной и т. п., см. Главу 2) в рамках функционалистской версии Теории Оптимальности. Следует также упомянуть обзорную статью [Anderson 1994], где даётся исторический очерк воззрений на падеж и разбираются некоторые проблемные вопросы.

только начинают изучаться (например, кодирование пространственных значений, грамматикализация и полисемия средств их выражения, см., например, [Talmy 1983, 2000: Ch. 1, 3], [Svobou 1994], [Ганенков 2002], [Плунгян (ред.) 2002]).

Цель данного исследования — дать по возможности исчерпывающую типологическую характеристику одному из важнейших и, как уже указывалось, мало изученных типов падежных систем — двухпадежных систем. Предмет исследования — функциональное наполнение падежной оппозиции в разных языках с двухпадежными системами, морфологические типы выражения падежей, их взаимодействие с другими грамматическими категориями имени, наконец, происхождение и развитие такого рода падежных систем.

Среди поставленных в диссертации **задач** основными я полагаю следующие. Во-первых, получение как можно более полного и представительного свода данных о двухпадежных системах в языках мира, который послужил бы основой их типологического изучения (о материале, используемом в работе, см. ниже). Во-вторых, систематизация и классификация зафиксированных систем по ряду параметров, имеющих как морфосинтаксический, так и, что я полагаю существенно более важным, функционально-семантический характер. В-третьих, выявление универсальных свойств двухпадежных систем, как в области инвариантных значений некоторых параметров, так и в том, что касается пределов их типологического варьирования. В-четвёртых, попытка объяснения выявленных типологических тенденций на основании функциональных факторов, как синхронных (семантических и коммуникативных в широком смысле этих терминов, см. [Heath 1978], [Givón 1979, 1984, 1990, 1995], [Foley, Van Valin 1984], [Haiman 1985, 1998], [Croft 1991, 2001], [Hawkins 2004], [Кибрик 1992: гл. 2; 2003: гл. 1,2], [Кибрик, Плунгян 2000/1997]), так и диахронических, см. [Bybee 1988], [Harris, Campbell 1995], [Haspelmath 1999], в особенности опирающихся на теорию грамматикализации, см., в частности, [Lehmann 1995/1982], [Heine et al. 1991], [Hopper, Traugott 1993].

Теоретическую значимость диссертации определяет то, что в ней вводятся в сферу внимания типологии факты, многие из которых были до сих пор объектом изучения лишь специалистов по конкретным, нередко «экзотическим» языкам или группам языков. Этот материал не только позволяет типологу получить более адекватную и точную картину межъязыкового разнообразия в области грамматической категории падежа, но и заставляет по-новому оценить и пересмотреть теоретические положения и постулаты, сформулированные без учёта такого рода фактов. Данные

двухпадежных систем, впервые представленные в полном объёме и в допускающем межъязыковое сопоставление виде, оказываются тем самым исключительно ценными для типологии и теории падежа в самых разных аспектах данной категории. Кроме того, данное исследование убедительно демонстрирует необходимость учёта всех гетерогенных факторов — от функционально-семантических до поверхностно-морфологических — при анализе грамматических категорий и грамматических систем, поскольку ни один из указанных факторов не существует и не «работает» отдельно от других. Наконец, настоящая работа демонстрирует первостепенную значимость диахронического измерения в типологическом изучении грамматических категорий: без учёта исторического развития грамматической системы трудно или невозможно объяснить её характеристики, наблюдаемые на синхронном срезе.

Практическое значение диссертации также во многом связано с её эмпирической направленностью. Факты и обобщения, полученные в данном исследовании, могут быть использованы при более детальном изучении конкретных языков, составлении описательных грамматик, полевых исследованиях. Материал диссертации может быть использован при подготовке общих и специальных учебных курсов по теории и типологии грамматических систем, в первую очередь, категории падежа. Методики, разработанные в диссертации, могут быть применены при типологическом изучении грамматических систем и реконструкции грамматической семантики.

0.2. Материал исследования

Для выполнения указанных задач совершенно необходимым является извлечение из описаний языков с двухпадежными системами соответствующего фактического материала и единообразное его представление. Поскольку даже сам набор языков с двухпадежными системами не является в достаточной степени известным, для их выявления мною был обработан значительный массив данных по большому числу языковых семей и ареалов. В результате двухпадежные системы были обнаружены в языках практически всех континентов, однако их распределение ни в коей мере нельзя считать равномерным. Скорее двухпадежные системы являются чертой некоторых компактных языковых ареалов и сравнительно небольших генетических групп языков³.

---

³ С очевидной поправкой на то, что в ходе исторического развития двухпадежная система может либо пополняться за счёт вновь грамматикализованных падежей, либо исчезать, см. Главу 3;

Так, в рамках индоевропейской семьи наиболее богата двухпадежными системами индоиранская группа; также двухпадежные системы рудиментарно представлены в Европе (в современных языках: английском, румынском и литературном болгарском, в ряде диалектов континентальной Скандинавии; в средневековых романских языках — старофранцузском и старопровансальском). Двухпадежные системы распространены и в Африке к северу от экватора, где они встречаются в берберских, кушитских, эфиосемитских (входящих в афразийскую макросемью) и нилотских языках, причём во всех этих группах (кроме эфиосемитской) двухпадежные системы обнаруживают весьма нетривиальные черты сходства, никоим образом не объяснимые каким бы то ни было генетическим родством (см. [Bennett 1974], [Andrzejewski 1984] о типологическом сходстве кушитских и нилотских падежных систем). В Новом Свете двухпадежные системы имеются в салишских, юто-ацтекских, мускогейских языках, в алеутском языке, а также, по-видимому, в мисумальпских языках (Никарагуа) и в единичных языках Амазонии (к сожалению, данных о падежных системах в языках последних двух ареалов явно недостаточно). Что же касается Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона, то там двухпадежные системы встречаются лишь спорадически (правда, в моём распоряжении оказались данные очень небольшого числа языков): это австронезийский язык ниас (на одноимённом острове у побережья Суматры), язык йимас на Новой Гвинее⁴ и язык маунг в северной Австралии⁵. Всего в диссертации используются данные более семидесяти языков.

Итак, материал для типологического исследования двухпадежных систем весьма богат и разнороден, а сами двухпадежные системы весьма неравномерно распределены по языковым семьям и ареалам. Для того, чтобы получить более объективное представление о типологических тенденциях в их внутренней структуре, из имеющего множества языков необходима выборка (о методике составления вы-

---

тем самым, практически ни про одну из языковых семей или групп нельзя сказать, что *все* входящие в неё языки имеют двухпадежные системы.

⁴ Могу отметить, что в своём подробном, хотя и кратком описании падежных систем папуасских языков У. Фоли [Foley 1986: 92 — 110] отмечает в качестве языка с двухпадежной системой только йимас.

⁵ Б. Блейк в своём подробнейшем очерке падежных систем австралийских языков [Blake 1977] вообще не пишет о языках с двумя падежами.

борок, см., например, [Bell 1978], [Perkins 1989]), которая составлялась на основании трёх не всегда легко совместимых принципов:

- (i) *репрезентативность*: выборка должна представлять по возможности все имеющиеся языковые типы;
- (ii) *стратифицированность*: разные генетические группы и ареалы должны быть представлены в выборке равномерно;
- (iii) *надёжность*: в выборку должны включаться только те языки, материал которых может считаться достоверно и полно описанным.

Кроме того, в данном случае выборка, помимо всего прочего, ограничена и общей чертой всех входящих в неё языков — наличием двухпадежной системы.

Для того, чтобы в максимальной степени следовать изложенным только что требованиям, в выборку были включены языки из всех ареалов, где были обнаружены двухпадежные системы, независимо от количества таких языков в ареале. Кроме того, языковые семьи и группы были разделены так, чтобы свести к минимуму вероятность попадания в выборку языков, двухпадежные системы которые развивались не независимо друг от друга. Тем самым, все индоиранские языки, несмотря на своё значительное число, образуют одну группу, а все европейские — другую. Также к разным группам были отнесены находящиеся в разных географических областях и связанные очень дальним родством берберские и эфиосемитские, в то время как кушитские были объединены с не родственными, но, как уже было указано, ареально и типологически близкими нилотскими языками. Из каждой ареально-генетической группы был выбран один представитель, данные которого можно считать наиболее полными и описанными на наиболее высоком уровне.

Таким образом, в выборку входят следующие тринадцать языков:

1. Индоевропейская семья
  - 1.1. Европейские языки: старофранцузский (романская группа)
  - 1.2. Индоиранские языки: кати (нуристанская подгруппа)
2. Языки Африки
  - 2.1. Берберские языки: кабийский (северная группа)
  - 2.2. Семитские языки: амхарский (южная группа)
  - 2.3. Суданские языки: нанди (нилотская семья)
3. Языки Америки
  - 3.1. Салишские языки: скомиш
  - 3.2. Мускогейские языки: чоктау

- 3.3. Юто-ацтекские языки: яки
- 3.4. алеутский язык (эскимосско-алеутская семья)
- 3.5. язык мовима (изолят, Боливия)
- 4. Языки Юго-Восточной Азии и Океании
  - 4.1. ниас (австронезийская макросемья, малайско-полинезийская семья)
  - 4.2. йимас (семья сепик-раму, Новая Гвинея)
  - 4.3. маунг (семья йивайдя, Австралия).

В дальнейшем все статистические данные о распределении тех или иных характеристик двухпадежных систем даются по приведённой выборке; однако для более точного учёта данных я использую два формата обращения к выборке: значение какого-либо параметра регистрируется в данном языке, либо в данном ареале/генетической группе в целом⁶. Такой подход позволяет получить более достоверную картину о распределении тех или иных типов хотя бы потому, что, например, в индоиранских языках, представленных в выборке лишь одним языком, разнообразие двухпадежных систем сравнимо с общемировым, см. [Аркадьев, в печати, а].

Что касается собственно данных, то из грамматических описаний и других источников извлекались сведения о следующих параметрах:

1. Формальные свойства падежной системы: средства морфологического выражения, в частности, то, какой из падежей формально (не)маркирован, наличие синкретизма падежей.
2. Класс именной лексики, обладающий двухпадежной системой;
3. Содержательные свойства падежной системы: основные и по возможности периферийные функции каждого из падежей (т.е., тип морфологического кодирования ядерных актантов, кодирование «косвенных» аргументов и обстоятельств), сочетаемость падежей с предлогами/послелогам.

0.3. Структура диссертации

Диссертация состоит из настоящего Введения, трёх глав, Заключения, Приложения и библиографии.

---

⁶ Это относится лишь к тем случаям, когда в данном ареале/группе представлено несколько или много языков с двухпадежными системами. Изолированные в этом отношении языки (алеутский, йимас, ниас, маунг, чоктау) рассматриваются в обоих случаях одинаково.

В первой главе («Теоретические предпосылки типологического изучения падежных систем») рассматриваются вопросы теории и методологии описания падежных систем и их типологического исследования, в частности, определение грамматической категории «падеж», критерии её выделения, подходы к семантике и функциям падежей. Особое внимание уделяется двум важнейшим понятиям, теоретическое осмысление которых вызывало и вызывает активные споры: семантическим ролям и синтаксическим отношениям.

Во второй и третьей главах рассматривается собственно проблематика, связанная с двухпадежными системами. Во второй главе («Функционально-семантические аспекты типологии двухпадежных систем») исследуется устройство двухпадежных систем с точки зрения функций каждого из падежей, типы кодирования ядерных и периферийных ролей, в частности разнообразные проявления так называемого «расщеплённого падежного маркирования» (*split case-marking*, [Dixon 1979], [DeLancey 1981], [Tsunoda 1981], [Lazard 1994: 223 — 228 et passim]), а также строится общая функционально-семантическая типология двухпадежных систем. В третьей главе («Морфологические и диахронические аспекты типологии двухпадежных систем») разбираются основные типы формального выражения падежных противопоставлений в двухпадежных системах. Также в ней рассматриваются корреляции между формальными и функциональными свойствами двухпадежных систем, такие проблемы, как нередко встречающиеся «аномалии маркированности», ср. [Croft 1990: 134 — 147], а также диахронические пути эволюции двухпадежных систем, в особенности в связи с проблемой грамматикализации «вторичных» падежей, см. [Мельчук 1998: 328 — 330], и возможной реконструкции двухпадежного источника ряда многопадежных систем, а также относительно подробно характеризуется процесс распада двухпадежной системы на примере старофранцузского языка.

Приложение содержит сводную таблицу данных о двухпадежных системах в исследованных языках. В библиографии приведён полный список цитированной литературы; деление её на разделы «Источники» и «Литература» не проводится сознательно: оно предполагало бы необходимость введения разных систем отсылок к этим двум не подлежащим чёткому разграничению типам литературы, что создало бы лишь дополнительные неудобства. Всего библиография включает более 500 позиций.

0.4. Замечание о названиях падежей

Основные вопросы, касающиеся теории падежа и падежных систем, будут рассмотрены в Главе 1; здесь я остановлюсь лишь на одном сугубо терминологическом, хотя и принципиальном аспекте.

При анализе многопадежных систем вопрос о названии того или иного падежа, как правило, решается без особых проблем; определения основных терминов в этой области см. в работах [Мельчук 1998: 334 — 338], [Blake 2001/1994: Ch. 5], [Плунгян 2000: 167 — 172]. Двухпадежные системы в этом отношении, напротив, представляют некоторую трудность, т. к. в них каждая из падежных граммем выражает, как правило, функции сразу нескольких падежей многопадежной системы, а выделить какое-либо значение в качестве «центрального» чаще всего не представляется возможным. Кроме того, в разных языках членение множества потенциальных падежных значений на две части, покрываемые каждым из двух падежей, осуществляется существенно различными способами. Во избежание терминологического разнобоя и навязывания исследуемым языкам каких-либо априорных ярлыков, в диссертации элементы двухпадежных систем будут называться «прямым» (Dir) и «косвенным» (Obl) падежами. При этом мне хочется особенно подчеркнуть, что я не вкладываю в эти термины никакого синтаксического или морфологического содержания, ср. выводы уже упоминавшейся статьи [Nichols 1983]. Единственным критерием для наименования одного из падежей «прямым», а другого «косвенным», служит следующий: «прямым» я называю падеж, используемый при изолированном употреблении имени, т. е. в назывной (номинативной) функции, ср. [Sasse 1984: 112]. Как правило, такой падеж является также и немаркированной (как в формальном, так и в функциональном плане, см. [Greenberg 1966]) формой имени, но конкретные проявления этой немаркированности могут быть самыми различными, о чём пойдёт речь в главах 2 и 3.

0.5. Замечание о представлении материала

В диссертации я следую сложившейся в типологии традиции представления языковых примеров в так называемой «поморфемной нотации», см. [Плунгян 2000: 330 — 333]. Примеры в пределах каждой главы последовательно нумеруются и глоссируются. Укажу сразу, что глоссы унифицированы и иногда упрощены по сравнению с моими источниками; сделано это в первую очередь потому, что в большинстве из них примеры даются в «нерасчленённом» виде, т. е. глоссы в таких

случаях принадлежат мне (но это ни в каких конкретных ситуациях специально не оговаривается), глоссирование же в более современных и типологически ориентированных источниках часто содержит немало информации, нерелевантной для данного исследования. Как правило, я стремился сохранять графику источников (в том числе кириллическую запись, но в этом пункте последовательность не полная), поэтому в отдельных случаях примеры из одного и того же языка могут выглядеть несколько по-разному⁷. Членение на морфемы (в частности, отделение падежных показателей) даётся лишь в очевидных случаях, в прочих случаях строка глоссирования просто содержит указание на то, что данная словоформа выражает данное грамматическое значение (через точку; например: *рука* рука.NOM.SG). Знак «дефис» (-) означает границу морфемы внутри слова (*рук-а* рука-NOM.SG), знак «равно» (=) — границу между клитикой и её хозяином или другой клитикой (*дом=ли* дом=Q). Также укажу, что *перевод* примеров на русский язык в большинстве случаев совпадает с данным в русскоязычных источниках; перевод примеров, заимствованных из источников на иностранных языках, основывается на переводах на язык этих источников и, тем самым, заведомо менее точен.

Примеры из каждого языка предваряются краткой справкой о его генетической принадлежности и географической локализации. Основным источником данной информации послужил авторитетный электронный ресурс www.ethnologue.com; генетическая классификация индоиранских языков приводится по учебнику [Бурлак, Старостин 2005] и сборнику [Schmitt (ed.) 1989]; все идиомы, относительно которых существуют разногласия, являются они диалектами или отдельными языками, по соображениям простоты считаются языками.

---

⁷ Так, примеры из алеутского языка, почерпнутые из источников на русском и английском языках, сохраняют авторскую транскрипцию, кириллическую и латинскую, соответственно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем [Кибрик 1992: 21]

1.0. Вступительные замечания

Перед тем, как приступить к собственно анализу материала языков с двухпадежными системами, нужно прояснить несколько важных аспектов теоретического свойства. Эта необходимость связана с тем, что от того или иного решения затрагиваемых ниже проблем зависит характер рассмотрения конкретных данных, а кроме того, с невозможностью обойти вниманием вопросы, которые лежат в самой основе типологического изучения падежных систем и без хотя бы предварительного решения которых подобное изучение может быть существенно затруднено. Эти вопросы распадаются на несколько групп:

- определение понятия «падеж» и критерии выделения этой грамматической категории в конкретных языках, результаты применения которых были бы пригодны для межъязыковых сопоставлений;
- методы исследования содержательной стороны категории падежа, опять-таки ориентированные на типологические исследования;
- характер самой этой содержательной стороны, т. е. проблема семантических ролей и синтаксических отношений.

Каждая из этих групп вопросов будет по возможности кратко затронута в данной главе, которая, тем самым, распадается на следующие разделы:

1.1. Определение и выделение грамматической категории «падеж», где рассматриваются основные подходы к этой проблеме и обосновываются критерии, принятые в данной работе, и обсуждается, как они повлияли на отбор материала исследования.

1.2. Подходы к изучению семантики падежей, где даётся обзор основных направлений изучения содержательной стороны этой грамматической категории и опять-таки выбирается подход, который будет использоваться в диссертации.

1.3. Семантические роли и синтаксические отношения: в этом разделе кратко рассматриваются основные концепции, где данные понятия играют важную роль, и обосновывается предпочтение первым перед вторыми при типологическом исследовании.

1.1. Определение и выделение грамматической категории «падеж»

1.1.0. Предварительные замечания

Приступая к типологическому изучению грамматической категории, тем более, такой сложной и гетерогенной, как падеж, необходимо сформулировать определение и, что особенно важно, эмпирические критерии выделения этой категории, причём такие, которые бы позволяли сравнивать падежные системы разных языков. Наиболее известная в нашей стране процедура выделения падежей была предложена математиками А.Н. Колмогоровым и В.А. Успенским и подробно изложена в работах А.А. Зализняка, см. [Зализняк 2002/1967: 38 — 42], [Зализняк 2002/1973: 618 — 628], и здесь я не буду излагать её. Необходимо отметить, однако, что как и все формальные процедуры, она даёт результаты, не всегда интуитивно приемлемые и не всегда подходящие для типологического исследования (часть сложных случаев была отмечена ещё самим А.А. Зализняком, см. [Зализняк 2002/1973]). Кроме того, вопрос о том, что вообще представляет собою категория падежа с содержательной точки зрения (грубо говоря, что *значит* тот или иной падеж), в этих работах не находился в фокусе внимания.

В этом разделе я коротко остановлюсь на определении падежа, которое представляется мне соответствующим интуиции и пригодным для практического применения при типологическом исследовании, а также рассмотрю важный вопрос о противопоставлении понятий «падеж» и «падежное маркирование» (*case marking*). Кроме того, особое внимание будет уделено тому, как те или иные теоретические решения повлияли на отбор и представление материала для настоящего исследования.

1.1.1. Определение понятия «падеж»

Приведу для начала два различных по стилю, но во многом похожих по содержанию определения понятия «падеж». Первое принадлежит одному из крупнейших типологов-специалистов по падежным системам Б. Блейку: «падеж — это система маркирования у зависимых существительных типа их зависимости от вершины»¹ ([Blake 2001/1994: 1]; здесь и далее перевод цитат мой). Второе содержится в фундаментальном «Курсе общей морфологии» И.А. Мельчука: падеж — это грамматическая категория существительного, «граммемы которой обязательно выражают пассивные поверхностно-синтаксические роли данного существительного» и которая «содержит по крайней мере две граммемы, которые принадлежат к ядру синтаксической или морфологической системы языка» ([Мельчук 1998: 325], приводится с сокращениями). Данные определения позволяют выделить несколько прототипических признаков грамматической категории «падеж», ср. также обсуждение этих вопросов в статье [Anderson 1994]:

- (i) Падеж — категория существительного или, по крайней мере, именных частей речи.
- (ii) Падеж — категория, в типологии Дж. Николс [Nichols 1986] относящаяся к зависимостному маркированию.
- (iii) Граммемы падежа сигнализируют не сам факт синтаксической зависимости, а её тип, иными словами, выбор граммемы падежа обусловлен семантической либо синтаксической ролью имени в предложении.

Принимая каждый из пунктов (i) — (iii), необходимо, тем не менее, в связи с каждым из них сделать ряд существенных оговорок:

- (i') Для адекватного отражения типологического разнообразия и корректного описания фактов целого ряда языков, в частности, таких широко распространённых явлений, как падежное согласование прилагательных и «групповая флексия», разумно противопоставлять *синтаксический* падеж, определённый на целой именной группе (далее ИГ), *морфологическому* падежу, который как правило (но далеко не всегда!) выражается на вершине ИГ (о доводах в пользу такого противопоставления см., например, [Тестелец 2001: 373 —

---

¹ “Case is a system of marking dependent nouns for the type of relationship they bear to their heads”.

383], [Spencer 2003], [Spencer, Otugoro to appear])². Факты, адекватно описываемые лишь в рамках такого подхода, имеются и в языках с двухпадежными системами, ср. анализ данных языка сомали в п. 3.1.1. Требование, чтобы падеж был определён именно на ИГ, исключает из множества возможных носителей данной категории широко распространённые клитические местоимения³;

- (ii') Нисколько не отрицая того, что падеж — категория зависимостного типа, следует иметь в виду, что, с одной стороны, обязательный её характер требует, чтобы по крайней мере один падеж в данном языке мог употребляться независимо, в функции цитации [Blake 2001/1994: 9]. С другой стороны, вокатив («звательный падеж»), не подпадающий под это определение из-за того, что он *никогда* не маркирует синтаксической зависимости, есть все основания вообще не считать падежом, ср. [Hjelmslev 1972/1935 — 1937: I, 97], [Blake 2001/1994: 9], [Даниэль 2005].
- (iii') С типологической точки зрения кажется существенным уточнить круг семантико-синтаксических функций граммема, необходимый для того, чтобы признать её представителем грамматической категории «падеж». Так, кажется разумным требование, чтобы по меньшей мере две падежные граммема (а в гипотетической двухпадежной системе — обе) были способны оформлять *разные* зависимые *финитного* глагола. Тем самым, в языках, где одна из граммем может оформлять лишь «посессивное» отношение (т. е., зависимость одной ИГ от другой, как в английском, ирландском⁴, литературных скандинавских, в ряде берберских языков [Destaing 1907]), либо, что чуть более «экзотично», исключительно зависимость ИГ от предлога/послелога, как в ряде индоарийских языков, например, в языке парья [Оранский 1977], а

---

² Естественно, о синтаксическом падеже имеет смысл говорить лишь применительно к языкам, где представлен и морфологический падеж.

³ Несмотря на то, что многие системы местоименных клитик образуют бинарные противопоставления, указывающие на их происхождение из двухпадежных систем, в данной работе этот вопрос специально не рассматривается, хотя он и относится к сфере возможного дальнейшего исследования.

⁴ В ирландском языке посессивная форма имени может маркировать ядерные синтаксические роли, но лишь при сказуемом, выраженном отглагольным именем [Christian Brothers 2002: 29, 128 — 130].

другая маркирует все остальные типы зависимых, представляется разумным не выделять категории падежа. Напротив, в таких языках, как йимас или салишские, где косвенный падеж не оформляет никаких «ядерных» синтаксических функций, тем не менее, выделение авторами соответствующих описаний категории падежа представляется оправданным.

Вышесказанное относилось по большей части к содержательной стороне категории, признаваемой или не признаваемой падежом. Необходимо также сказать несколько слов и о формальных признаках этой категории. Прототипически падеж выражается при помощи показателей, тесно связанных с основой (аффиксов), однако в том случае, когда таких аффиксов в языке нет, ничто не мешает считать показателями падежей, например, предлоги или послелого, как, например, в японском языке, см. [Blake 2001/1994: 10]. Тем самым, я вслед за авторами соответствующих описаний выделяю двухпадежную систему в ряде салишских языков, где представлена редкая ситуация, когда в языке имеется лишь один предлог, недифференцированно оформляющий все периферийные семантические роли (Инструмент, Место и др.).

Более сложная ситуация представлена в языках, где служебные слова⁵ могут оформлять «ядерные» синтаксические отношения. К таким языкам относятся, например, современные индоарийские (примеры см. в гл. 2), где выделяется многоярусная система показателей, которые в принципе можно было бы рассматривать как падежные (ср. обсуждение этого вопроса в работах [Зограф 1976: 81 — 117], [Masica 1991: 230 — 248], а также п. 3.2.2.1). Здесь важна, с одной стороны, степень грамматикализованности послелогов, которые после определённого момента разумнее рассматривать уже как аффиксы (см. там же), а с другой стороны, набор функций наиболее грамматикализованного внутреннего яруса «падежных» показателей: если они удовлетворяют критерию (iii'), то их можно считать падежами, если же нет — то нельзя. Так, в языке хинди (данные по работе [Mohanap 1994]) флективный косвенный падеж может употребляться самостоятельно в ряде обстоятельственных функций, а в языке непали [Королёв 1965] он всегда должен сопровождаться послелогом. На этом основании я считаю, что в хинди грамматическая категория падежа

---

⁵ Этот термин в дальнейшем будет употребляться в качестве эквивалента английского *adposition*, т.е. гиперонима для понятий «предлог» и «послелог».

есть и состоит из двух членов, а, напротив, в непали падежей либо нет вовсе, либо их существенно больше, чем два, ср. описание [Turnbull 1982].

Ещё более сложная ситуация представлена в эфиосемитском языке гураге [Gutt 1997: 513 — 514], где показатели, претендующие на статус падежных, могут располагаться как перед основой, так и после неё: показатели генитива, дати-ва/локатива, инструменталиса и комитатива являются в этом языке префиксами, а показатель аккузатива — суффиксом. Мне представляется возможным считать, что в гураге представлена двухпадежная система, на том основании, что префиксы явно менее грамматикализованы, нежели суффикс аккузатива: первые, как правило, присоединяются лишь к первому слову ИГ и, что более важно, не вызывают никаких непредсказуемых фонетических преобразований основы; напротив, показатель аккузатива в гураге сам подвержен морфонологическим изменениям в зависимости от исхода основы, и вызывает чередования в последней.

Суммируя, можно сказать, что в языке выделяется двухпадежная система, если в нём есть грамматическая категория Г, удовлетворяющая нижеследующим условиям:

- (i) Г определена на ИГ и выражается в пределах ИГ;
- (ii) Г содержит две граммы;
- (iii) каждая из этих грамм может маркировать определённый тип синтаксической зависимости ИГ от финитного сказуемого;
- (iv) если в данном языке есть ещё одна грамматическая категория Г', удовлетворяющая условиям (i) и (iii), то либо для Г' не выполняется условие (ii), либо Г более грамматикализована, чем Г' (например, показатели Г — аффиксы, а Г' — послелог).

1.1.2. Проблема выделения падежей

Как и граммы любой другой грамматической категории, падежи выделяются в языке на основании соображений как содержательного, так и формального характера. Важнейшая проблема в данном случае — как примирить эти две стороны грамматической категории в тех далеко не редких случаях, когда они вступают в противоречие? Какое формальное различие следует считать минимальным для того, чтобы признать, что два разных употребления форм одной лексемы реализует противопоставление двух разных падежных грамм? Каково максимальное формаль-

ное различие, допускаемое между реализациями одного и того падежного противопоставления у двух разных лексем⁶? Как известно, классическая процедура выделения падежей Колмогорова — Успенского в общем случае отвечает на оба эти вопроса единообразно, разрешая постулировать различие падежей даже в том случае, когда у данной лексемы оно никак формально не выражается; достаточно лишь, чтобы оно реализовывалось хотя бы у одной лексемы языка, несмотря на то, что в результате может возникнуть массовая омонимия падежей (так называемый «дистрибутивный» подход, [Blake 2001/1994: 20 — 25])⁷.

Вопрос о допустимости постулирования грамматического различия при отсутствии формального может решаться автором описания на основании таких факторов, как соображения экономии или «разграничения полномочий» между морфологией и синтаксисом. Однако в рамках типологического исследования необходимо выработать некоторые общие критерии, которые бы позволяли приводить падежные системы разных языков к сопоставимому виду. Кроме того, при строгом применении «дистрибутивного» подхода к выделению падежей, случаи, когда некоторые лексемы выступают в разных функциях в одной и той же форме, а другие — в разных, рассматриваются как более или менее случайная омонимия, не влияющая на общие характеристики падежной системы, ср., например, [Trnka 1992/1958]. Такой подход явно неудовлетворителен для концепции, исходящей из постулата об иконическом соотношении формы и значения; поэтому в типологии понятие «падежа» в «дистрибутивном» смысле играет меньшую роль, нежели понятие «падежного маркирования» (*case marking*) или «падежной формы», которое основано лишь на том, как соответствующие значения выражены у данной лексемы и не обращается к возможным результатам подстановки форм других слов в те же контексты, см. [Blake 2001/1994: 25 — 30]. Проиллюстрирую это различие на примере из русского языка:

- (1.1) а. *Девочка видит мальчика.*
 б. *Мальчик видит стол.*

---

⁶ Ср. [Зализняк 2002/1973: 615 и след.].

⁷ Ср. обсуждение этой процедуры и возникающих в результате её применения проблем в уже упомянутой статье А.А. Зализняка; сходные идеи были выражены и доведены в некоторых случаях до явного образом противоречащих интуиции заключений в более поздних работах Б. Комри [Comrie 1986, 1991], ср. критику этого подхода в статье [Bílý, Pettersson 1988] и обсуждение в монографии [Булдыгина 1977: 181 — 204].

с. *Стол стоит в комнате.*

Во фразах (1.1a) и (1.1b) лексема МАЛЬЧИК выступает в двух разных падежах (Nom и Acc) и в двух разных падежных формах; напротив, в примерах (1.1b) и (1.1c) лексема СТОЛ в тех же самых синтаксических позициях выступает в одной и той же падежной форме (хотя, согласно «дистрибутивному» подходу, в разных падежах). Различие в падежном маркировании этих двух лексем русского языка не случайно и предсказывается так называемой Иерархией лиц (см. подробнее п. 2.1.2.2); тем самым, оно относится к тем противопоставлениям, которые должно учитывать типологическое исследование падежей⁸.

Таким образом, проблема выделения падежей в типологически-ориентированном исследовании сводится, по сути, к решению следующих вопросов:

- (i) В каких случаях следует допускать выделение неодинаковых наборов падежей у разных групп именных лексем?
- (ii) В каких случаях следует допускать, чтобы «одни и те же» падежи у разных групп слов имели разные наборы функций?

Я полагаю, что на оба эти вопроса можно дать один и тот же ответ: содержательно различные наборы падежных граммем (а к «содержательным» различиям одинаково естественно относить различия как в множествах граммем, так и в множествах функций граммем) можно выделять у *естественных* классов лексем, объединяемых по семантическим и синтаксическим, но не по морфологическим признакам, т. е. у разных частей речи (например, существительных и прилагательных или существительных и местоимений) или у разных крупных семантических классов внутри одной части речи (например, у одушевлённых и неодушевлённых существительных). Напротив, в тех нередких случаях, когда разное число падежных форм имеется в разных фрагментах парадигмы одной и той же лексемы, т. е., по терминологии А.А. Зализняка, в разных *номинатемах*, см. [Зализняк 2002/1973: 618 — 620], я не вижу смысла в постулировании для них разного набора падежей; тем самым, например, двухпадежная система не выделяется здесь в арабском языке, где из трёх падежей два (Acc и Gen) никогда не различаются в двойственном и множественном числах [Шарбатов 1991: 296 — 297].

---

⁸ Следует отметить, однако, что такого рода обобщения могут быть инкорпорированы и в «дистрибутивный» подход, где достаточно лишь постулировать систематичность и мотивированность тех или иных моделей падежного синкретизма, ср. [Goddard 1982]; см. также [Аркадьев 20056].

Проиллюстрирую случаи (i) и (ii) примерами из языков, в которых я выделяю двухпадежную систему. Разные наборы падежных граммем у существительных и указательных местоимений имеются в языке яки: существительные имеют лишь два падежа (Dir vs. Obl), а местоимения — три (Nom, Acc и Gen), ср. следующие примеры [Lindenfeld 1973: 56 — 57]:

яки (юто-ацтекская семья, южная группа, Мексика)

(1.2) a. *itepo hunu-ka kari-ta attea-k.*
мы.DIR этот-ACC дом-OBL иметь-PERF

‘Этот дом принадлежит нам.’

b. *ini-e oʔoo-ta kari bwe ʔu.*
этот-GEN человек-OBL дом.DIR большой

‘Дом этого человека большой.’

c. *inero ini-e hamut-ta=u nooka-k.*
я.DIR этот-GEN женщина-OBL=с говорить-PERF

‘Я говорил с этой женщиной.’

Как видно, в языке яки выбор формы указательных местоимений, определяющих имя в косвенном падеже, обусловлен лексическим классом вершины, которая управляет данной ИГ: если ИГ зависит от глагола (1.2a), то местоимение имеет суффикс *-ka*, если же от имени (1.2b) или послелога (1.2c), то суффикс *-e*. Несмотря на то, что, например, И.А. Мельчук [Мельчук 1998: 352 — 353] заявляет, что «абсолютно невозможна такая ситуация», при которой у согласуемой части речи было бы больше падежных граммем, нежели у существительных, я полагаю, что в данном случае как раз имеет смысл допустить, чтобы в яки у существительных была двухпадежная система, а у указательных местоимений — трёхпадежная⁹.

В ряде норвежских диалектов, где сохраняется двухпадежная система, набор функций падежей различен у существительных и личных местоимений первого и второго лица, ср. данные из работы [Sandøy 1996: 73], приведённые в таблице 1.1.

---

⁹ Естественно, такое решение возможно лишь в рамках подхода, эксплицитно различающего синтаксический и морфологический падежи и не рассматривающий падежное согласование слов-атрибутов как простое «копирование» морфологических граммем вершины.

Таблица 1.1. Функции падежей у местоимений 1 — 3 лица в норвежских диалектах

функции ¹⁰	‘я’	‘ты’	‘он’
«подлежащее»	<i>e:</i>	<i>dɨ</i>	<i>han</i>
«прямое дополнение»	<i>me:</i>	<i>de:</i>	
«косвенное дополнение»			<i>hɔ</i>

При «дистрибутивном» подходе здесь можно было бы выделить единую для всех имён трёхпадежную систему (Nom, Acc, Dat), в которой, однако, Acc всегда совпадал бы с Dat у личных местоимений и с Nom у всех остальных имён, т. е. был бы, в терминологии А.А. Зализняка [Зализняк 2002/1973: 629 — 634], морфологически несамостоятельным. Однако более разумным представляется выделение для обеих групп слов двухпадежной системы (Dir vs. Obl), с той необходимой оговоркой, что набор функций падежей у местоимений и других имён различен, причём это различие далеко не случайно и объясняется теми же факторами, что и противопоставление склонения одушевлённых и неодушевлённых имён в русском языке.

Приведу, наконец, пример языка, в котором я, напротив, не хочу выделять двухпадежную систему, несмотря на то, что большая часть лексем различает лишь две падежные формы. В генетически изолированном языке бурушаски, территориально и типологически очень близком иранским и дардским языкам, есть три именных класса: мужчин, женщин и всех прочих объектов¹¹ [Климов, Эдельман 1970: 37 — 38]. Эти классы различаются не только по характеру глагольного согласования, но и морфологически, а именно, женский класс, в отличие от остальных, различает три падежные формы, см. таблицу 1.2 [Logimer 1935: 54].

Таблица 1.2. Падежи и именные классы в бурушаски.

контекст	‘мальчик’	‘женщина’
«__ идёт»	<i>hilēs</i>	<i>gus</i>
«__ увидел слона»	<i>hilēs-e</i>	<i>gus-e</i>
«книга __»		<i>gus-mo</i>

Несмотря на то, что значительная часть существительных (а также все местоимения, кроме тех, референты которых — женщины) противопоставляют лишь две падежные формы, я полагаю разумным постулировать для языка бурушаски трёхпадеж-

¹⁰ Используемые здесь ярлыки следует понимать как не более чем сокращения для дистрибутивных контекстов, таких как «__ стою», «__ вижу __», «__ даю __».

¹¹ На самом деле, этот класс также распадается на два подкласса, но это в данном случае не имеет значения.

ную систему на основании следующих аргументов. Во-первых, хотя именные классы в бурушаски выделяются на основании семантики, противопоставление «женщины ~ не женщины» представляется мне менее фундаментальным и «естественным», нежели дихотомии «одушевлённые ~ неодушевлённые» или «участник речевого акта ~ не участник речевого акта». Во-вторых, совершенно не ясно, какое универсальное типологическое обобщение стоит за тем фактом, что в бурушаски существительные, обозначающие «не женщин» не различают формально значения Агенса при прошедшем времени сказуемого и посессора, в то время как существительные, обозначающие женщин, эти значения различают. Тем самым, я смею полагать, что принятие такого описательного решения не может сколько-нибудь существенно повлиять как на типологические выводы о существующих в языках мира падежных системах, так и на место языка бурушаски в типологии падежных систем.

Приведу обратный пример, когда я считаю возможным постулировать в языке двухпадежную систему, несмотря на то, что целый ряд имён в нём различают три формы. В языке пашто традиционно выделяются три падежа: прямой и два косвенных [Грюнберг, Эдельман 1987: 44 — 57]. Косвенные падежи (Obl_1 и Obl_2) различаются лишь в единственном числе некоторых существительных мужского рода; при этом у одних типов склонения есть три падежные формы, а у других Obl_1 совпадает с Dir или с Obl_2 . Характерные парадигмы приведены в таблице 1.3.

Таблица 1.3. Именные парадигмы в пашто

	‘дом’		‘человек’		‘пуштун’	
	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl
Dir	<i>kor</i>	<i>koruna</i>	<i>saṛay</i>	<i>sari</i>	<i>paštun</i>	<i>paštānə</i>
Obl₁		<i>koruno</i>	<i>sari</i>	<i>saṛo</i>	<i>paštānə</i>	<i>paštano</i>
Obl₂	<i>kora</i>				<i>paštuna</i>	

Аргументом в пользу того, чтобы не признавать Obl_2 отдельным падежом в пашто может, с моей точки зрения, служить чрезвычайно узкий и специфический набор функций данного падежа [ibid.: 60 — 61]. Действительно, он употребляется лишь при числительных и при некоторых послелогох и предлогах. Как мне кажется, в пашто можно выделить двухпадежную систему, с той оговоркой, что во вполне определённых контекстах косвенный падеж имеет особую морфологическую форму (схожее решение принято, например, в работе [Skjærvø 1989: 390]). Такое решение оправдывается, кроме того, своего рода экстрапарадигматическим статусом Obl_2 ,

который явно находится вне весьма специфической структуры склонения в пашто (характеризующегося, в частности, синкретизмом OblSg и DirPl).

1.1.3. Заключение

Завершая данный раздел, ещё раз укажу на то, что для типологического исследования, с одной стороны, необходимы точные операциональные критерии выделения исследуемых категорий в конкретных языках, с другой стороны, нужно, чтобы результаты применения этих критериев давали интуитивно приемлемые и содержательные результаты. Как мне представляется, сформулированные выше принципы выделения падежа как грамматической категории и падежей как грамем данной категории в достаточной степени удовлетворяют этим требованиям, а определение двухпадежной системы позволяет, с одной стороны, постулировать такие системы не на случайных основаниях, и, с другой, выделить класс более проблематичных промежуточных систем, не вполне вписывающихся в жёсткие рамки определения.

1.2. Подходы к изучению семантики падежей

1.2.0. Вступительные замечания

Современная лингвистическая типология¹² исходит из иногда остающегося имплицитным, а нередко и высказываемого в явной форме постулата о том, что единственным *tertium comparationis*, необходимым для сопоставления между собой языковых структур, настолько разнообразных, что на первый взгляд они кажутся не имеющими между собою ничего общего, является та семантика, которую выражают конкретные конструкции конкретных языков¹³. Более того, структура грамматических конструкций, синтагматические и парадигматические отношения между ними, по убеждению значительной части типологов-функционалистов, в существенной степени определяются их семантикой¹⁴. При этом необходимо сразу оговориться,

---

¹² В том смысле этого термина, который принят, например, в работах [Comrie 1989/1981], [Givón 1984, 1990], [Croft 1990, 1991] и др.

¹³ Наиболее чётко на русском языке это представление, пожалуй, выражено в учебнике [Плунгян 2000: 234 — 235]; ср. также [Seiler 1985: 5], [Croft 1990: 11 ff.; 2001: 61], [Wierzbicka 1999], [Talmy 2000: 21].

¹⁴ Ср. работы, упомянутые во Введении.

что «семантику» в типологии принято трактовать существенно шире, чем, например, в лексикографии; в частности, к семантике (в широком смысле) относится также и прагматическая информация. Наиболее эксплицитно «широкое» понимание семантики сформулировано, по-видимому, в работе [Кибрик 1992: 184 — 186]; оно включает, среди прочего, ситуационный (пропозициональный), дейктический, коммуникативный, референциальный, модальный компоненты, каждый из которых тесно связан со всеми остальными и взаимодействует с ними в процессе порождения и интерпретации высказывания. С «широким» пониманием семантики связано также и нежелание некоторых исследователей говорить о *значении* тех или иных грамматических конструкций в конкретных языках; вместо этого «обязывающего к слишком многому» слова всё чаще используют термины *употребление* или *функция* (см., в частности, обсуждение этого вопроса в [Bybee et al. 1994: 43 — 45], [Haspelmath 2003]).

Изучение семантики грамем — одно из важнейших направлений типологического исследования грамматических систем, на котором достигнуты значительные результаты, в особенности в сфере грамматических категорий глагола (см. литературу, упомянутую во Введении). Падеж с этой точки зрения — чрезвычайно сложный объект анализа, что связано как с гетерогенностью, так и с абстрактностью значений, выражаемых граммами этой категории; недаром многие исследователи называют падеж «синтаксической», «десемантизированной» категорией, ср., например, [Мельчук 1998: 325]. Тем не менее, типологическое исследование падежных систем с необходимостью предполагает обращение к семантике, более того, к такому анализу последней, при котором значения падежей в разных языках можно было бы сравнивать между собой.

В данном разделе будут рассмотрены два основных подхода к описанию семантики падежей (см. о них [Wierzbicka 1980: Introduction], [Blake 2001/1994: 30 — 47], [Плунгян 1998; 2000: 225 — 238], [Haspelmath 2003], [Luraghi 2003: 11 — 12]): «инвариантный», постулирующий у каждого падежа одно абстрактное значение, и «полисемический», допускающий, что падежи в языке могут иметь несколько различных и, возможно, никак не связанных значений. Оба эти подхода имеют как достоинства, так и недостатки, но, как будет показано ниже, второй из них (при определённых оговорках) явно более пригоден для межъязыкового сопоставления.

1.2.1. «Инвариантный» vs. «полисемический» подходы к семантике падежей

То, что граммемы, и в частности, падежные граммемы, многозначны, известно очень давно и нашло отражение хотя бы в практике традиционных грамматик, приводящих длинные списки употреблений для каждого падежа. Такой способ представления информации является, фактически, единственно возможным при описательном, а тем более дидактическом характере грамматики. С другой стороны, самый факт, что все эти разнородные употребления — употребления *одной и той же* грамматической единицы, в особенности в том случае, когда гетерогенность семантики чётко противопоставляется единообразию формального выражения, издавна наводил лингвистов (как теоретиков, так и практиков) на мысль о том, что всё это причудливое разнообразие — не более чем поверхностные манифестации некоей единой абстрактной сущности.

Наиболее отчётливое воплощение такой взгляд на многозначность грамматических единиц нашёл в структуралистских концепциях первой половины XX в., в частности, в работах Р.О. Якобсона (в особенности [Якобсон 1985/1936]) и Л. Ельмслева [Hjelmslev 1972/1935—1937], посвящённых непосредственно падежу. Оба этих крупнейших лингвиста на существенно различном материале (в отличие от Р.О. Якобсона, исследовавшего лишь русский и отчасти некоторые другие славянские языки, Л. Ельмслев опирается на богатые типологические данные) приходят, фактически, к одному и тому же выводу: падежные системы суть реализации абстрактных (как правило, бинарных) оппозиций, а многозначность падежных граммем — лишь совокупность контекстных вариантов «общих значений» (*Gesamtbedeutung* по Якобсону), образуемых сочетанием этих «глубинных» признаков. Эта идея, фактически, является прямым заимствованием в грамматику концепции различительных признаков, оппозиций и нейтрализации, уже существовавшей в структуралистской фонологии. В упомянутой статье Р.О. Якобсон предлагает в качестве конституирующих для русской падежной системы следующие признаки: «отношение», «периферийность», «оформленность» и «объёмность»; восемь падежей, которые Р.О. Якобсон выделяет в русском языке (включая партитив — «второй родительный» и локатив — «второй предложный»), выстраиваются в матрицу, приведённую в таблице 1.4.

Таблица 1.4. Интерпретация русской падежной системы Р. О. Якобсоном.

	Nom	Acc	Dat	Ins	Gen	Part	Prep	Loc
отношение	—	+	+	—	(—)	(—)	(—)	(—)
объёмность	—	—	—	—	+	+	+	+
периферийность	—	—	+	+	—	—	+	+
оформленность	—	—	—	—	—	+	—	+

Каждый падеж является маркированным или не маркированным по тем или иным признакам; так, номинатив не маркирован ни по одному признаку, а локатив маркирован по трём. Такая матрица позволяет, в частности, описать наблюдаемые в русском языке случаи падежного синкретизма в терминах нейтрализации различительных признаков (с. 169 — 174): так, синкретизм NomAcc — нейтрализация противопоставления по признаку «отношение», GenPart — по признаку «оформленности», AccGen — по признаку «объёмности» и т. д.

Квинтэссенцией «инвариантного» подхода к граммемам можно считать более позднюю работу Р.О. Якобсона [Якобсон 1985/1958]: в ней постулируется исчерпывающее описание восьми падежей в терминах уже трёх, а не четырёх, как ранее, признаков, из всех возможных комбинаций положительных и отрицательных значений которых выводятся, по предположению автора, как формальные, так и содержательные аспекты русской падежной системы. Там же Якобсон изображает и свой знаменитый «куб падежей» (с. 194).

Модель Якобсона оказала большое влияние на исследование падежных систем в разных языках (ср., например, анализ латинской падежной системы в работе [de Groot 1956], статью [Bierwisch 1967], где в терминах бинарных признаков и их нейтрализации описывается немецкое склонение, а также «кубическую» трактовку праиндоевропейской падежной системы и её развития И. М. Тронским [Тронский 2001/1967: 465 — 473], равно как и «перевод» якобсоновских признаков на язык современной порождающей морфологии в работе [Müller 2004]).

При всей новизне (для своего времени) и несомненной эстетической привлекательности, подход Р.О. Якобсона имеет ряд очень серьёзных недостатков. Во-первых, описание падежной системы в терминах чрезвычайно абстрактных бинарных признаков не может адекватно объяснить ни набора конкретных падежных значений в русском или любом другом языке, ни то, как семантика падежей варьируется в языках мира. Во-вторых, применение модели Якобсона к материалу произвольного языка фактически заключается в том, чтобы найти такой инвентарь признаков и такую конфигурацию их значений, которая могла бы описать, например, имею-

щиеся в этом языке случаи синкретизма¹⁵. В таком случае модель оказывается фактически нефальсифицируемой и, тем самым, лишается объяснительной силы. Более обстоятельную критику инвариантного и признакового подхода в грамматическом значению и, в частности, Якобсоновского «куба» см., например, в работах [Филлмор 1981/1968: 377 — 387], [Wierzbicka 1980: xiv — xix], [Плунгян 1998: 326 — 329; 2000: 228 — 230], [Chvany 1996a], [Haspelmath 2003].

Исходя из всего вышесказанного, нельзя не признать, что инвариантный подход к семантике падежей явно неадекватен, а результаты его применения непригодны для типологического сопоставления падежных систем. С другой стороны, «списочное» представление употреблений падежей, принятое в традиционных описаниях, будучи существенно более удобным для этой цели, также страдает рядом существенных недостатков, основной из которых — неясность критериев отделения разных употреблений падежа друг от друга, связанное в первую очередь с нечёткостью используемых понятий (таких, например, как «подлежащее», «дополнение» и т. п.). Отсутствие точных критериев разграничения отдельных значений падежей затрудняет межъязыковое сопоставление почти в такой же степени, как и рассмотрение каждой системы как «вещи в себе», определяемой лишь набором оппозиций. Как выделить такое множество возможных употреблений падежей, чтобы его можно было использовать в качестве эффективного средства сопоставления падежных систем в самых разных языках? Кроме того, как, отвергая абстрактный инвариант, отразить интуитивное представление о неслучайности совместного выражения различных значений при помощи одной и той же граммемы?

Ответы на оба сформулированных вопроса даёт современная концепция грамматического значения. «Примирить» эмпирический факт многозначности падежей с представлением о единстве разных значений можно, лишь признав, что они тем или иным способом связаны друг с другом, ср. постулат А. Вежбицкой [Wierzbicka 1980: xix]: «каждый падеж имеет большое число чётко различимых значений; все различные значения каждого падежа взаимосвязаны»¹⁶. Связь разных

---

¹⁵ Здесь следует отметить, что модель Якобсона в версии 1958 г. не даёт полностью удовлетворительных результатов и применительно к русскому языку, разрешая несуществующие случаи синкретизма (о её непригодности для описания семантики говорить не приходится).

¹⁶ “[E]ach case has a large number of meanings ... All the different meanings of each case are inter-related.”

значений одной грамматической единицы можно интерпретировать как в синхронном плане (между ними имеются семантические или «концептуальные» переходы, ср. [Lakoff 1987], [Luraghi 2003: 11 — 17]), так и в диахроническом (одни значения возникают из других, при этом старые значения сохраняются наряду с новыми, ср. [Heine et al. 1991], [Haspelmath 2003], [Luraghi 2003]). К этой проблеме я вернусь ниже.

Первый вопрос — о выявлении универсального инвентаря функций — даёт меньше, нежели второй, возможностей для теоретических рассуждений, но зато является существенно более насущным, поскольку от его хотя бы предварительного решения зависит как практика межъязыкового сопоставления, так и теория грамматической семантики. Типологически ориентированный подход к этой проблеме таков: разными употреблениями грамматического показателя в данном языке следует считать любые два таких, эквиваленты которых хотя бы в одном другом языке являются употреблениями разных грамматических показателей, ср. [Ганенков 2002: 9 — 10]. Тем самым, например, употребления именительного падежа в русских предложениях *Мальчик видит девочку*, *Мальчик рубит дрова*, *Мальчик спит* и *Мальчик бежит* являются разными употреблениями, потому что существуют языки, в которых ИГ *мальчик* в каждой паре предложений будет оформлена по-разному. Необходимо сразу же оговориться, что такой анализ несколько не отменяет того факта, что появление во всех четырёх случаях одного и того же падежа в русском языке ни в коем случае не является случайностью; более того, по-настоящему адекватное объяснение последнего обстоятельства становится возможным лишь в рамках указанной концепции.

Разумеется, в данной работе, где используется материал лишь нескольких десятков языков, тем более, обладающих довольно специфическими падежными системами, а основным источником данных служат описательные грамматики, в своей массе написанные в рамках традиционного подхода (точнее, различных подходов в рамках того чрезвычайно гетерогенного явления, которое можно с большой долей условности назвать «традицией описательной лингвистики»), выявление абсолютно полного инвентаря значений, по-разному оформляемых хотя бы в одной паре рассматриваемых языков, является задачей практически невыполнимой — несомненно, что целый ряд тонких деталей остался неотмеченным. С другой стороны, основной набор если не «грамматических атомов» [Плунгян 2000: 234], то по крайней мере их типологически релевантных комплексов (единиц, которые Э. Даль называет *cross-*

linguistic categories, [Dahl 1985:34]), был выявлен (он полностью приводится в п. 2.3.0). Такими универсально значимыми семантическими единицами являются семантические роли и макророли (о важности именно этих значений для описания падежных граммем см. [Blake 2001/1994: Ch. 3], [Плунгян 2000: 163 — 167], [Ганенков 2002: 7 — 9], [Luraghi 2003: Ch. 1]), о которых пойдёт речь в следующем разделе.

Возвращаясь к вопросу о связях между разными функциями одной и той же грамматической единицы, остановлюсь на принятом в современных типологических исследованиях способе формального представления информации о полисемии, а именно на так называемых *семантических картах*, см. [Татевосов 2002: 28 — 48], [Croft 2001: 92 — 98], [Haspelmath 2003], [Luraghi 2003: 16 — 17]. Понятие семантической карты предполагает, что в распоряжении исследователя имеется заранее известный (например, выявленный указанным выше методом) дискретный набор функций, которые он помещает на плоскость и отмечает, какие из них в данном языке оформляются единообразно. Семантическую карту можно использовать в двух целях: в качестве удобного средства описания и сопоставления функций граммем в разных языках и как инструмент, обладающий некоторой объяснительной силой, т. е. накладывающий ограничения на допустимые типы языков. В последнем случае к семантической карте предъявляется требование *связности* [Татевосов 2002: 33]: «любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же грамматическим средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные [на карте — П. А.] между ними». Иными словами, если семантическую карту можно интерпретировать как наглядное изображение некоторой области универсального «концептуального пространства», элементы которого связаны друг с другом семантическими переходами, то принцип связности гласит, что любой грамматический показатель любого языка может покрывать только такое подмножество этого пространства, любой элемент которого связан семантическим переходом хотя бы с одним другим. Тем самым, модели полисемии грамматических показателей в языках мира оказываются весьма сильно ограниченными.

Не вдаваясь в дальнейшие детали, связанные с метаязыком семантических карт и его возможной объяснительной силой, укажу, что я буду использовать «слабую» версию этого метаязыка, не требуя обязательного выполнения принципа связности. Таким образом, семантические карты двухпадежных систем, приводимые в диссертации, следует рассматривать лишь как наглядный способ представления материала, позволяющий ясно видеть сходства и различия между языками. Построе-

ние общей объяснительной модели полисемии падежных показателей — дело будущего, причём, как мне представляется, не очень близкого, хотя бы ввиду того, что систематическое изучение падежных систем в языках мира и той семантики, которую выражают их элементы, лишь начинается.

1.3. Функции падежей: синтаксические отношения vs. семантические роли

1.3.0. Предварительные замечания

В связи с проблемами, обозначенными в предыдущем разделе, представляется необходимым затронуть ряд вопросов, напрямую касающихся тех функций, которые обычно выражаются падежами (в тех языках, где имеется такая грамматическая категория). Можно выделить два типа этих значений (в широком смысле данного понятия): семантические роли и синтаксические отношения, ср. [Andrews 1985]. При всей фундаментальности различия между этими двумя классами функций, оно не всегда чётко проводится; более того, среди учёных нет согласия относительно их природы, их набора и, наконец, их универсальности. Связь обоих понятий с категорией падежа очевидна: падежи, с одной стороны, выражают семантические роли¹⁷ (например, говорят: «Ins во фразе *резать хлеб ножом*_{Ins} выражает семантическую роль ‘инструмента’»), с другой стороны, служат для кодирования синтаксических отношений¹⁸ (например, говорят: «Nom во фразе *Петя*_{Nom} *режет хлеб* выражает синтаксическую роль ‘подлежащего’»).

Оба эти понятия, центральные для изучения падежных систем, уже несколько десятилетий являются предметом активных дискуссий, и потому я считаю уместным кратко обсудить как сами явления, скрывающиеся за терминами «семантиче-

---

¹⁷ Более того, само понятие «семантическая роль» одно время фигурировало под ярлыком «глубинный падеж» (*deep case, case role*), см. [Филлмор 1981/1968, 1981/1977], [J.Anderson 1976, 1977], ряд статей из сборника [Abraham (ed.) 1978], книгу [Starosta 1988: Ch. 4].

¹⁸ Под «синтаксическими отношениями» здесь и далее понимаются не отношения синтаксического подчинения (например, глубинные или поверхностные синтаксические отношения в модели «Смысл ⇔ Текст», [Мельчук 1999/1974]), а предикатно-аргументные отношения, такие как «подлежащее», «прямое дополнение», «косвенное дополнение» и т. п., иными словами, те единицы, которые в традиционной грамматике принято называть «членами предложения». Подобное словупотребление принято в европейской и американской лингвистической традициях, см. сборник [Кибрик (ред.) 1982].

ские роли» и «синтаксические отношения», так и те теоретические концепции, в рамках которых эти понятия используются¹⁹.

1.3.1. Синтаксические отношения: проблема универсальности

«Под синтаксическими отношениями понимаются структурно-оформленные типовые отношения между составляющими предложения, прежде всего между предикатом и именными группами» [Кибрик 2003: 110]; «грамматическое [= синтаксическое — *П. А.*] отношение существует, когда имеется ограниченная нейтрализация семантических ролей [аргументов — *П. А.*] для синтаксических нужд» [Van Valin 1994: 1333]²⁰. Оба эти определения, несмотря на все их различия, отражают два важнейших свойства синтаксических отношений: их, по крайней мере, частичную автономность от семантики и их важную роль в грамматической структуре, проявляющуюся в том, что, с одной стороны, грамматические правила апеллируют к синтаксическим отношениям, и, с другой стороны, сами эти отношения выявляются по формальным критериям.

Если традиционная лингвистика, унаследовавшая свои основные понятия (в том числе и представление о членах предложения, в частности, о «подлежащем» и «дополнении») от античной и средневековой грамматики, зачастую механически переносила эти понятия на материал языков, по своему строю очень сильно отличающихся от того, что принято называть «среднеевропейским стандартом», теоретическая лингвистика второй половины XX в. в полной мере осознаёт значимость типологических различий между языками и необходимость их описывать и объяснять. Однако, довольно быстро отказавшись от очевидно неправомерного выделения во всех языках таких «поверхностных» грамматических категорий, как падеж, число и род имени, лицо и даже время глагола, которые, как выяснилось, во многих языках отсутствуют, теоретическая лингвистика оказалась гораздо более стойкой в

---

¹⁹ Естественно, я не могу дать сколько-нибудь полный обзор всех существующих теорий, более того, это кажется мне излишним. Ниже я буду обращаться лишь к тем из них, которые (а) мне знакомы; (б) кажутся мне заслуживающими внимания; о различных синтаксических теориях, в первую очередь, Порождающей грамматике Н. Хомского см., в частности, [Тестелец 2001: гл. XI — XIV], [Кибрик и др. (ред.) 2002: гл. 1 — 8, Приложение 2]; подробный, хотя и краткий очерк основных современных теорий грамматики приводится в книге [Van Valin 2001: Ch. 6].

²⁰ “A grammatical relation exists when there is a restricted neutralization of semantic roles for syntactic purposes.”

том, чтобы считать универсально значимыми более «глубинные» категории, среди которых оказались в первую очередь части речи и члены предложения²¹.

Тем не менее, развитие теоретической лингвистики и в первую очередь синтаксиса во второй половине XX в. и вовлечение в научный оборот данных огромного числа языков самого разного строя привело к закономерному появлению на повестке дня вопроса о строгом определении таких понятий традиционной грамматики, как синтаксические отношения «подлежащее» и «дополнение». Этой проблематике начиная с середины 1970-х гг. было посвящено очень большое число работ, см. сборники [Жирмунский (ред.) 1972], [Li (ed.) 1976], [Cole, Sadock (eds.) 1977], [Abraham (ed.) 1978], [Plank (ed.) 1979, 1984, 1985], [Кибрик (ред.) 1982], [Seiler, Premper (Hrsg.) 1991], [Givón (ed.) 1997], [Comrie et al. (eds.) 2004], монографии [Mallinson, Blake 1981], [Givón 1984: Ch. 4, 5], [Foley, Van Valin 1984], [Croft 1991], [Palmer 1994], [Müller-Gotama 1994], [Primus 1999], обзорные статьи [Primus 1993, 1996], [Van Valin 1994], [Givón 1997], [Кибрик 2003: Гл. 7 — 9] и др.. В советской и российской лингвистике этим вопросам по разным причинам уделялось меньше внимания; следует отметить ранние работы И.И. Мещанинова по синтаксической типологии [Мещанинов 1945: гл. 1, 2; 1967: гл. I, II, IX], где, пожалуй, впервые в лингвистике делается попытка выйти за пределы традиционных представлений о синтаксических отношениях и определить их на независимых основаниях. Вопрос о синтаксических отношениях в отечественном языкознании наиболее глубоко разработан, видимо, в работах А.Е. Кибрика (см. [Кибрик 1992: гл. 14 — 16; 2003: гл. 7 — 10, 16 и др.]; там же см. библиографию более ранних работ), где эксплицитно выдвигается тезис об их неуниверсальности. Ср. также работы [Козинский 1983], [Мельчук рукопись; Мельчук и др. 1995/1975;], [Тестелец 2001: гл. VI; 2003: ч. 2].

Принятые в современных теориях подходы к синтаксическим отношениям можно с некоторой долей условности разделить на четыре основные категории:

- (i) «Универсалистский», постулирующий понятия «подлежащее», «прямое дополнение», «косвенное дополнение» и т. п. в качестве исходных, неопределяемых концептов, имеющих и проявляющихся во всех без исключения языках мира. Такой точки зрения придерживаются «формалистские» теории,

---

²¹ О проблемах, связанных с выделением этих единиц как в конкретных языках, так и в качестве универсальных концептов, и о семантическом подходе к их решению см. монографию [Croft 1991].

такие как Реляционная грамматика (*Relational Grammar*)²² и (отчасти) Лексико-функциональная грамматика (*Lexical Functional Grammar*)²³.

- (ii) «Редукционистский», сводящий все эффекты, связанные с различным синтаксическим статусом аргументов, к их позиции в синтаксической структуре; этот подход был практически с самого начала принят в Порождающей грамматике Н. Хомского, см. [Тестелец 2001: 547 и др.]. Как было убедительно показано в ряде работ, ср. [Croft 1991: Ch. 1], данный подход, вместо универсальных синтаксических отношений постулирующий единую для всех языков синтаксическую структуру, на самом деле, мало отличается от «универсалистского» и сталкивается с теми же сложностями при описании и объяснении фактов «экзотических» языков (см. ниже).
- (iii) «Прототипический», исходящий из того, что имеется некоторый универсальный набор признаков, с помощью которых можно отождествлять члены предложения в разных языках; при этом в одних языках синтаксические отношения играют большую роль, чем в других. Таким образом, понятия «подлежащее» и «дополнение» оказываются своего рода универсальными «прототипами», в разной степени проявляющимися в разных языках. Такое понимание идёт, по-видимому, ещё от работы [Филлмор 1981/1968: 372], а с наибольшей ясностью выражено в известной статье [Кинэн 1982/1976]. Его в той или иной степени разделяют такие учёные, как Б. Комри [Comrie 1989/1981: Ch. 5], Т. Гивон [Givón 1997], Ж. Лазар [Lazard 1994] и многие другие представители «функционалистского» направления;

---

²² Основные публикации в рамках Реляционной грамматики представлены сборниками [Cole, Sadock (eds.) 1977], [Perlmutter (ed.) 1983], [Perlmutter, Rosen (ed.) 1984], [Postal, Joseph (eds.) 1990], монографией [Blake 1990], такими известными статьями, как [Perlmutter, Postal 1977], [Perlmutter 1978], [Perlmutter 1982] и др. Краткий очерк Реляционной грамматики содержится в учебнике [Van Valin 2001: 173 — 182]. Ряд статей, написанных в рамках данной концепции, был переведён на русский язык и издан в сборнике [Кибрик (ред.) 1982]; там же содержится также краткий обзор основных идей Реляционной грамматики и проблем, с нею связанных, см. [Кибрик 1982: 23 — 28].

²³ См. [Bresnan (ed.) 1982], [Bresnan 2001]. Эта представляющая немалый интерес концепция пользуется популярностью за рубежом, но, в отличие от Реляционной грамматики, практически не известна в нашей стране; краткий очерк основных идей Лексико-функциональной грамматики содержится в работах [Казенин 2002: 414 — 431], [Van Valin 2001: 182 — 193]. В рамках ЛФГ немало было сделано, в частности, для теоретического осмысления различных явлений, связанных с категорией падежа, ср., в частности, [Butt, King 2002, 2003].

- (iv) «Антиуниверсалистский», отвергающий представление о том, что «подлежащее», «дополнение» и т. д. имеют какую бы то ни было реальность, кроме своей роли в грамматиках конкретных языков, и, тем самым, утверждающий, что они являются лишь описательными ярлыками без какого-либо теоретического статуса. Такой концепции придерживается Референциально-ролевая грамматика²⁴, а также такие учёные, как А.Е. Кибрик (см. уже упоминавшиеся работы), У. Крофт [Croft 2001], М. Драйер [Dryer 1997], Б. Примус [Primus 1993, 1999].

Не имея возможности охарактеризовать данные концепции подробнее, я укажу лишь на аргументы в пользу «антиуниверсалистского» подхода, который, как я полагаю, наиболее адекватен всему многообразию фактов естественных языков и который я принимаю в данном исследовании.

После выхода в свет уже упомянутой статьи Э. Кинэна, где рассматривается универсальный набор так называемых *идентифицирующих признаков*, присущих «подлежащим» во многих языках мира, таких как падежное оформление, линейная позиция в предложении, контроль глагольного согласования, участие в разнообразных синтаксических процессах и т. п., и утверждается, что подмножества признаков из этого универсального набора, которыми могут обладать «подлежащие» в разных языках, не совпадают, появились исследования, в которых было показано, что в целом ряде языков (в особенности в языках так называемого эргативного строя²⁵) разные идентифицирующие признаки выделяют в качестве потенциальных «подлежащих» разные ИГ, см., например, [Шахтер 1982/1977], [Van Valin 1977, 1981], [Foley, Van Valin 1977, 1984], [Primus 1993, 1996, 1999]. Для того, чтобы решить эту про-

---

²⁴ Референциально-ролевая грамматика — единственная «институционализованная» теория грамматики в рамках функционализма — возникла в конце 1970-х гг. и с тех пор интенсивно развивается и имеет немало сторонников; наиболее известные публикации в рамках Референциально-ролевой грамматики — [Ван Валин, Фоли 1982/1980], [Foley, Van Valin 1984], [Van Valin (ed.) 1993], [Van Valin, La Polla 1997]; см. также обзор [Кибрик, Плунгян 2002/1997: 282 — 293] и очерк в учебнике [Van Valin 2001: 205 — 218].

²⁵ Проблеме синтаксических отношений в «эргативных» языках посвящена огромная литература, см. [Мещанинов 1945: 158 — 175 и др.], [Дьяконов 1967], [Климов 1973], [S. Anderson 1976], упоминающиеся ниже работы У. Фоли и Р. Ван Валина, [Plank (ed.) 1979, 1985], [Dixon 1979, 1994], [Mallinson, Blake 1981], [Givón 1984: Ch. 5], [Тестелец 1986, 2003: ч. 2], [Кибрик 1992, 2003], [Foley 1993], [Lazard 1994], [Manning 1996] и многие другие работы.

блему, лингвисты, работавшие в рамках Реляционной грамматики (см. подробно аргументирующую это решение статью [Perlmutter 1982]), предложили рассматривать синтаксические отношения на разных уровнях представления («глубинном», «поверхностном», «промежуточном» и т. п.) и считать, что одни процессы реагируют, например, на «глубинное подлежащее», а другие — на «поверхностное». Важным недостатком этого теоретического решения является, во-первых, то, что представители Реляционной грамматики не предлагали никаких эксплицитных критериев выделения в данном языке синтаксических отношений на том или ином уровне представления (кроме тех самых синтаксических явлений, которые и описывались в терминах этих отношений, что не могло не привести в порочному кругу), а во-вторых, то, что при таком подходе понятия «подлежащее», «прямое дополнение» и т. д. превращаются в своего рода «универсальную отмычку», позволяющую описать, при должном техническом мастерстве, любое явление, и тем самым, лишённую какой бы то ни было реальной объяснительной силы, ср. критику Реляционной грамматики в работах [Heath 1978], [Shannon 1987].

Напротив, лингвисты функционального направления, столкнувшись с тем, что в одном и том же языке такие явления, как, к примеру, падежное маркирование аргументов и способность их подвергаться тем или иным синтаксическим трансформациям, могут не коррелировать между собой, пришли к выводу о необходимости исследовать содержательные факторы, влияющие на то или иное поведение ИГ в предложении. Основными из этих факторов оказались семантические (причём нередко не только семантическая роль аргумента, но и семантика предиката, его подчиняющего, или целой конструкции) и прагматические (референтный статус аргумента, его топикальность и т. п., см. [Чейф 1982/1976]), сложное взаимодействие и различные иерархизация и степень грамматикализованности²⁶ которых и определяют разные типы предикатно-аргументных отношений в языках мира, см. [Foley, Van Valin 1984], [Кибрик 2003: Гл. 10]. Тем самым, «подлежащее» и другие синтаксические отношения суть не некие универсальные «позиции», имеющиеся в синтаксической структуре любого языка, а такие же конкретно-языковые явления, как, к при-

---

²⁶ Тот факт, что «подлежащее» может возникать в результате процесса диахронической грамматикализации точно так же, как морфологические показатели, отмечается во многих работах, см. [Givón 1979: Ch. 5], [Hagège 1978], [Cole et al. 1980], [Comrie 1988], [Shibatani 1991], [Mithun 1991b], и является одним из важнейших свидетельств против универсальности этого понятия.

меру, падежная или видо-временная система. Подобный взгляд, однако, нисколько не противоречит тому, что свойства синтаксических отношений в тех языках, где имеет смысл их выделять, отличаются друг от друга вовсе не безгранично, а варьируются во вполне определённых пределах. В этой связи имеет смысл привести цитату из специально посвящённой проблеме универсальности синтаксических отношений статьи [Dryer 1997: 116]: «есть четыре типа явлений, которые можно было бы выделять в области синтаксических отношений:

- (i) синтаксические отношения в конкретных языках;
- (ii) сходства между этими конкретно-языковыми синтаксическими отношениями;
- (iii) функциональные, когнитивные и семантические объяснения этих сходств;
- (iv) синтаксические отношения как универсальные понятия.

... при функционалистском взгляде на язык первые три явления существуют, а четвертое не нужно»²⁷. Иными словами, если лингвистическая теория имеет аппарат для описания синтаксических явлений в конкретных языках и сходств между ними, а также обладает набором объяснительных (в функциональном, а не в формальном понимании термина «объяснение», см. [Dryer 2006]) гипотез относительно этих явлений, то она не нуждается в универсальных понятиях «подлежащее», «дополнение» и т. д. хотя бы потому, что они бы не имели в ней никакого самостоятельного смысла.

Полностью разделяя «антиуниверсалистский» подход к синтаксическим отношениям, в данном исследовании я буду пользоваться терминами «подлежащее», «прямое дополнение» и т. п. лишь по отношению к синтаксическим отношениям, имеющимся в конкретных языках, но никак не в качестве понятий, пригодных для сравнения функций падежей в разных языках. Для этой цели существенно более удобны семантические роли, анализу которых посвящён следующий раздел.

---

²⁷ “There are four kinds of things that might exist in the domain of grammatical relations ... a. Grammatical relations in particular languages; b. Similarities among these language-particular grammatical relations; c. Functional, cognitive, and semantic explanations for these similarities; d. Grammatical relations in a crosslinguistic sense. ... [U]nder a functionalist view of language the first three things exist ... but ... the fourth one is unnecessary.”

1.3.2. Семантические роли как универсальные прототипы

Вместо *синтаксических* отношений, проявляющихся в грамматической структуре многих языков, но представленных не во всех языках и не способных поэтому служить основанием типологического сравнения, в качестве универсальных концептов, играющих более или менее одинаковую роль во всех языках, признаются *семантические* отношения между предикатом и его аргументами. Семантические (тематические) роли представляют собою результат языковой концептуализации и категоризации тех ролей, которые реальные участники играют в ситуациях, обозначаемых предикатами данного языка. Естественно, носители каждого отдельного языка воспринимают действительность по-разному, что отражается в той «наивной картине мира», которая воплощается в языке; тем не менее, есть основания полагать, что межъязыковые различия в наиболее общих и базовых семантических структурах пренебрежимо малы и могут не учитываться при типологическом исследовании грамматической семантики. Ниже речь пойдёт об основных подходах к выделению семантических ролей и их связи с синтаксическими явлениями.

Несмотря на то, что сам по себе термин «семантическая роль» появился лишь во второй половине XX в., тогда же, когда это понятие заняло своё место в лингвистической теории, в неявном виде представление о том, что существуют какие-то достаточно общие функции, которые участники (языковой) ситуации могут играть в ней и которые тем или иным образом выражаются языком, вне всякого сомнения, бытовало в языкознании и задолго до того, см. исторический обзор в статье [Филлмор 1981/1968: 372 — 394]. Авторы грамматик, начиная ещё с легендарного древнеиндийского грамматиста Панини, описывали употребления падежей в таких терминах, как «место совершения действия», «лицо, совершающее действие» и т. п. Недоставало лишь теоретического осмысления этих неявных представлений и систематического изучения тех грамматических (в самом широком смысле) эффектов, которые вызываются семантическими ролями.

Работа, которая была если не первой, то, во всяком случае, оказавшей наибольшее влияние на судьбу семантических ролей в современной лингвистике, — знаменитая статья [Филлмор 1981/1968], где даётся определение основных ролей (которые Ч. Филлмор называет *глубинными падежами*) и обсуждаются различные следствия, которые может иметь их включение в теорию грамматики того времени. Важной особенностью подхода к семантическим ролям, принятого в этой работе Ч. Филлмора, является то, что «глубинные падежи» рассматриваются как базовые

понятия, неформально определяемые при помощи словесных дефиниций вроде «Агентив (А) — падеж обычно одушевлённого инициатора действия; Инструменталис (I) — падеж неодушевлённой силы или предмета, который включён в действие или состояние, называемое глаголом, в качестве его причины» (с. 405 — 406).

Концепция Ч. Филлмора была сразу подхвачена разными лингвистами; в частности, возникла и была какое-то время популярна так называемая «(локалистская) падежная грамматика» (*Case Grammar*; автором соответствующего термина был сам Ч. Филлмор, [Филлмор 1981/1968: 400], но понимал он его, по-видимому, в несколько ином смысле), см. [J. Anderson 1976, 1977], ср. также родственную концепцию «Лексического падежа» (*Lexicase*, [Starosta 1988]). Подробнее об этом см. [Blake 2001/1994: Ch. 3]. Постепенно понятие семантической роли было инкорпорировано и в различные версии Порождающей грамматики, где оно однако, играет зачастую скорее техническую, нежели содержательную роль (см., среди прочего, критический обзор в работах [Dowty 1991: 547 — 359] и [Ackerman, Moore 2001: Ch. 2], а также [Van Valin 1994: 1331], [Тестелец 2001: 590 — 594]; ср. [Jackendoff 1976, 1987], [Hale, Keyser 1993, 2002], [Baker 1997] и сборник [Wilkins (ed.) 1988]).

В отечественной лингвистике проблематике семантических ролей не уделялось такого внимания, как в западной; это связано, в частности, с тем что в получившей в некотором роде господствующее положение в советском языкознании модели «Смысл $\Leftrightarrow$ текст» семантика была практически полностью поглощена лексикографией, и семантические роли, приписываемые актантам глаголов, были не «обобщёнными» (Агенс, Пациенс и т. п.), а специфичными для каждого предиката в отдельности (для *давать* — «тот, кто даёт», «тот, кому дают», «то, что дают»; для *нравиться* — «тот, кому нравится», «то/тот, что/кто нравится» и т. д.; см, например, [Мельчук 1999/1974: 112 и след., 134 — 140; рукопись: п. 3]). «Обобщённые» семантические роли в смысле Ч. Филлмора, согласно И.А. Мельчуку, излишни, т. к. не добавляют никакой информации и, более того, вообще не могут быть встроены в систему определений теории, см. [Mel'čuk 1986: 78 — 80]. В семантической теории Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995/1974] существование семантических ролей признаётся и даже приводится их перечень (с. 125 — 126), существенно превышающий список Ч. Филлмора и явно допускающий пополнение, однако, насколько я могу судить, никакой независимой фундаментальной роли в теории они не играют. Значительно более важное значение семантические роли получают в работах Е.В. Падучевой (см. [Падучева 1996: гл. 7; 2004: гл. 3 и др.], ср. также краткий исторический

обзор [Падучева 2004: 56 — 57]), где они трактуются в качестве единиц, к которым могут апеллировать лексические и синтаксические правила, и фигурируют в рамках толкований таксономических категорий глаголов.

Как уже было отмечено выше, в ранней концепции Ч. Филлмора семантические роли выступали в качестве своего рода примитивов теории, определявшихся независимо от значения глагола. Такой подход имел тот явный недостаток, что не предоставлял никаких строгих критериев выделения ролей и не содержал никаких ограничений на их число. Начиная с 1970-х гг. (возможно, с монографии [Чейф 1975/1971: гл. 9, 12]) учёные стали выводить роли аргументов из семантики предиката, используя различные приёмы семантического анализа, выделяя в значении глагола в первую очередь каузативные и аспектуальные компоненты, см. [Dowty 1979], [Talmy 1976, 1988, 2000: Ch. 7, 8], [Levin, Rappaport Hovav 1998]. Разные версии такого подхода приняты во многих теориях: в уже указанных работах Р. Джэкендофа, в Референциально-ролевой грамматике, см. [Van Valin 1993: 35 — 42], в концепциях С. ДеЛэнси [DeLancey 1984, 1985, 1991] и У. Крофта [Croft 1991, 1998], равно как и в выполненных в рамках Порождающей грамматики работах К. Хейла и С. Кейсера [Hale, Keyser 1993, 2002].

Попытки строго определить семантические роли, в особенности самые важные из них — Агенс и Пациенс — привели многих исследователей к пониманию их гетерогенной природы, не позволяющей свести их к какому-либо одному фактору (ср., например, статью [Cruse 1973], посвящённую многочисленным аспектам понятия «агенс»). В связи с этим некоторые учёные стали рассматривать семантические роли не как дискретные категории, чётко отграниченные друг от друга, а как прототипы, имеющие ярко выраженное ядро и более или менее размытую периферию. Такой подход к Агенсу и Пациенсу наиболее эксплицитно выражен в работах [Лаккофф 1981/1977], [Dowty 1991], [Ackerman, Moore 2001], ср. также [Филлмор 1981/1977], [Testelec 1998], [Primus 1999].

Как указывалось выше, семантические роли могут быть выделены с разной степенью детализированности. При самом подробном анализе каждому предикату приписывается уникальный для него набор ролей; так, глагол *бежать* имеет роль «тот, кто бежит», глагол *резать* роли «тот, кто режет», «то, что режут» и «то, чем режут» и т. д. Семантические роли такого рода, по понятным причинам, не представляют никакого собственно теоретического интереса и могут быть использованы лишь как вспомогательные понятия. Обычно выделяются, как при описании кон-

кретных языков, так и в работах теоретического характера, роли более высокого уровня абстракции, такие как Агенс, Инструмент и др.. Возможен и ещё менее детализирующий подход к семантическим ролям, как правило, «надстраиваемый» над предыдущим: выделение очень небольшого числа (как правило, двух-трёх) так называемых *макроролей*, являющихся обобщениями целого ряда ролей «низшего уровня». К необходимости такого выделения во многом независимо друг от друга пришли в конце 1970-х гг. А.Е. Кибрик [Кибрик 1992: гл. 14, 15²⁸] и основатели Референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валин и У. Фоли [Ван Валин, Фоли 1981/1980], [Foley, Van Valin 1984: 28 — 32], ср. [Van Valin 1993: 43 — 49; 1994: 1330]. Понятия, подобные макроролям фигурируют и в таких работах, как [Comrie 1978, 1989/1981], [Dixon 1979, 1994]; чрезвычайно характерно, что все указанные работы связаны с проблематикой неноминативной (эргативной, активной и т. п.) организации предложения, для адекватного описания которой, как уже отмечалось, не годятся традиционные понятия «подлежащее» и «дополнение». Позже интересную и влиятельную концепцию макроролей предложил Д. Даути [Dowty 1991], ср. оригинальное развитие этой концепции в монографиях [Primus 1999: Ch. 3], [Ackema, Moore 2001]. Смысл выделения макроролей, как правило, заключается в том, что они представляют собою своего рода промежуточное звено между собственно семантическими и собственно синтаксическими явлениями.

В данной работе в качестве понятий, используемых при сопоставлении функций падежей в разных языках, выступают семантические роли (такие, как Инструмент, Место и т. п.) и макророли. Последние заслуживают краткого комментария. В качестве универсально применимых ярлыков для обозначения ядерных аргументов предикатов в естественных языках, начиная с уже упомянутых работ Р. Диксона и Б. Комри используются понятия S(ole), A(ctor) и O(bject)²⁹ — Единственный аргумент одноместного предиката, Актор (более активный и контролирующий участник) и Объект (менее активный и неконтролирующий участник) двухместного (переходного) предиката. Хотя эти понятия зарекомендовали себя в качестве удобных описательных средств, пригодных для типологического исследования самых различных явлений — от падежного маркирования (см. уже упомянутые работы) до

---

²⁸ Эти работы были впервые опубликованы в 1979 — 1980 гг.; более развитая версия концепции А. Е. Кибрика представлена в работах [Kibrik 1997], [Кибрик 2003: гл. 10].

²⁹ Ниже данная роль будет обозначаться U(ndergoer) — Претерпевающий.

диатетических преобразований, ср. [Dixon, Aikhenvald 1997], — их теоретический статус, в первую очередь S, на самом деле, оставался неясным. Если A и U соответствуют некоторым более или менее чётко определяемым семантическим сущностям (ср. макророли Актор и Претерпевающий в Референциально-ролевой грамматике или Прото-Агенс и Прото-Пациенс в концепции Д. Даути), то роль Единственного имеет скорее синтаксический, нежели собственно семантический статус, что подтверждается тем, что в целом ряде языков S вообще не выступает в качестве единой категории, у одних предикатов отождествляясь с A, а у других — с U (ср. аргументы против универсальности S в статье [Durie 1988], а также исследования этого феномена в работах [Merlan 1985], [Van Valin 1990], [Mithun 1991a]). Таким образом, S, в отличие от A и U, не имеет универсального статуса и выделяется лишь в качестве удобного технического средства.

Ещё одна оговорка касается чрезвычайно важного для дальнейшего обсуждения противопоставления «ядерных» и «периферийных» семантических ролей. Эта дихотомия, связанная с противопоставлением актантов и сирконстантов (данной проблеме особое внимание уделяли российские лингвисты, см. ряд последних публикаций, таких как [Плунгян, Рахилина 1990, 1998], [Падучева 1998, 2004: 72 — 79], [Храковский 1998], [Тестелец 2001: гл. 3], [Филипенко 2003: 115 — 126] и подробное обсуждение этого вопроса в статье [Мельчук рукопись]; из зарубежных работ см. обзорную статью [Andrews 1985], а также [Lazard 1994], [Fillmore 1994]) и заслуживающая отдельного обсуждения, которому, однако, нет места в рамках данной работы, здесь понимается следующим образом: к ядерным аргументам относятся те, которые, с одной стороны, являются семантически обязательными, а с другой, обладают в данном языке какими-либо важными синтаксическими свойствами, ср. критерии выделения ядерных аргументов в монографии [Foley, Van Valin 1984: 77 — 80]. К ядерным ролям я отношу лишь макророли — Актора (в прототипическом случае отождествляемого с Агенсом) и Претерпевающего (прототипически — Пациенса), и, с необходимыми оговорками, Единственного (S), хотя бы одна из которых должна присутствовать в любом предложении любого языка, а к периферийным — все остальные роли, такие как Инструмент, Место, Реципиент, но также и Агенса в том случае, если он выведен на коммуникативную периферию при помощи какого-либо преобразования диатезы (например, пассива; ср. понятие *перспективы* у Ч. Филлмора, [Филлмор 1981/1977]).

1.4. Заключение

Разумеется, данная глава ни в коей мере не претендовала на то, чтобы сколько-нибудь полно осветить все основные вопросы, связанные с типологическим изучением падежных систем. Тем не менее, я полагаю, что вышеизложенное, во-первых, даёт представление о тех теоретических и методологических рамках, в которых будет находиться собственно содержательная часть настоящего исследования, а во-вторых, указывает на те проблемы, дальнейшая разработка которых необходима для более эффективного изучения грамматической категории падежа. Напомню, что в соответствующих разделах данной главы были сформулированы используемые в настоящей работе определение грамматической категории падежа и критерии выделения двухпадежных систем, принципы выявления, описания и сопоставления функций падежных граммем. Результаты применения этих по необходимости неформальных определений и принципов к материалу исследуемых в работе языков представлены в следующей главе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Прямая форма употребляется в прямых позициях, а косвенная — в косвенных.

[Пахалина 1969: 23]

2.0. Вступительные замечания

Как уже было указано в Главе 1, современная лингвистическая типология, по крайней мере, функционалистское её крыло, по своей сути является ориентированной на семантику, понимаемую в самом широком смысле этого термина. Для того, чтобы иметь возможность сопоставлять между собой разнообразные языковые структуры, необходимо выделить то общее, что у них есть, — их значение и функции. Анализ семантики и функционирования этих структур — плодотворный, а возможно, и единственный способ понять их природу и причину ограничений на их варьирование¹. Поэтому основная составляющая анализа двухпадежных систем, представленных в языках мира, будет посвящена именно тем функционально-семантическим противопоставлениям, которые проявляются в этих системах. Коротко говоря, цель данной главы — придать содержательный смысл понятиям «прямые позиции» и «косвенные позиции», выявить их семантическое наполнение в различных двухпадежных системах и попытаться обнаружить существующие ограничения на распределение этих «позиций».

---

¹ Я, разумеется, не имею в виду, что типология (в указанном понимании) исходит из постулата о том, что все языковые структуры на 100% мотивированы функционально; однако, в противоположность «формалистским» подходам, типология исходит из постулата о примате функциональной мотивации и функциональных ограничений над формальными (см. хотя бы [Givón 1995: Ch. 1]). Необходимо, однако, указать на то, что по крайней мере некоторые исследователи, работающие в рамках Порождающей грамматики, полагают, что семантические структуры в значительной степени предопределяют синтаксические (хотя последние обладают большой степенью автономности); см. [Jackendoff 1983], [Levin, Rappaport Hovav 1998].

Ниже будут последовательно рассмотрены основные функции падежей, представленные в исследуемых языках; в соответствии с естественной группировкой этих функций (ср. [Luraghi 2003: Ch. 1], см. п. 1.3.2) выделяются следующие разделы:

2.1. Кодирование ядерных ролей.

2.2. Кодирование периферийных ролей.

Помимо этого, основной целью данной главы является построение функциональной типологии двухпадежных систем, т. е. определение основных способов, которыми языки членят на две части универсальную область падежных значений. Этой задаче посвящён третий раздел:

2.3. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем.

Помимо двух центральных эмпирических задач — характеристики способов кодирования семантических ролей в языках с двухпадежными системами и выявления более общих типов функциональной организации таких систем, немалый интерес представляет и теоретический вопрос о последствиях, которые рассмотрение данных двухпадежных систем может иметь для существующих концепций падежного маркирования. Этой задаче специально посвящён Экскурс, в котором в рамках Теории оптимальности предлагается модификация концепции падежного кодирования, инкорпорирующая также и данные, рассматриваемые в настоящей главе.

2.1. Кодирование ядерных ролей

2.1.0. Предварительные замечания

Как уже говорилось в п. 1.3, в данной работе я не пользуюсь показавшими свою неполную пригодность в типологическом анализе терминами «подлежащее», «прямое дополнение» и т. п.. Вместо них я буду употреблять понятия S (единственный ядерный аргумент непереходного предиката), A (Актор переходного предиката) и U (претерпевающий переходного предиката).

Логически возможны пять способов (*стратегий*) кодирования ядерных ролей (ср. [Comrie 1978: 330 — 334; Кибрик 1992: 187])²:

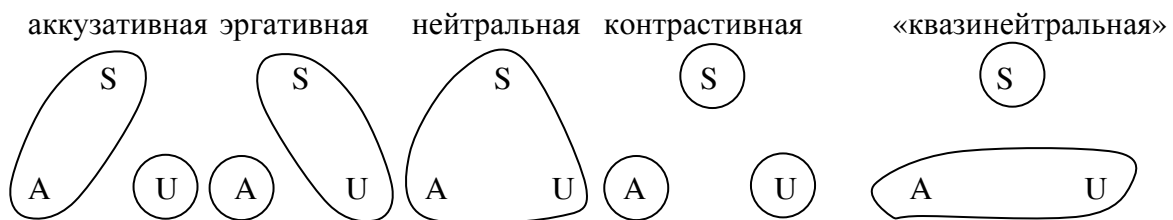
---

² Выделяемая А.Е. Кибриком [там же] *активная* стратегия, разделяющая унифицированную при прочих способах роль S на A-подобный S_A и U-подобный S_U , будет, в соответствии с западной традицией, рассмотрена в разделе 2.1.2, посвящённом «расщеплённому» кодированию семантических ролей.

1. аккузативная, объединяющая S и A и противопоставляющий их U;
2. эргативная, напротив, объединяющая S и U и противопоставляющий их A;
3. нейтральная, объединяющий все три роли;
4. контрастивная, различающий все три роли;
5. «квазинейтральная», объединяющая участников двухместной ситуации (A и U) и противопоставляющий их участнику одноместной ситуации (S).

Схематически указанные пять стратегий оформления ядерных ролей изображены на рис. 2.1.

Рисунок 2.1. Стратегии кодирования ядерных ролей S, A и U

Указанные пять потенциальных типов кодирования ядерных семантико-синтаксических ролей распределены в языках мира весьма неравномерно (ср., например, [Nichols 1992: 90]): наиболее частотны аккузативная и эргативная стратегии, нейтральная и контрастивная встречаются существенно реже, а квазинейтральная, как полагали основоположники теории падежного маркирования, вообще не встречается (см., например, [Comrie 1978: 379 ff.; Кибрик 1992: 188 — 191]). Тем не менее, в языках с двухпадежными системами представлены все эти стратегии, включая квазинейтральную. В связи с этим сразу следует сделать два замечания:

- (i) Стратегии кодирования ядерных ролей рассматриваются здесь лишь с точки зрения их выражения посредством падежного маркирования. Вопрос о наличии в данном языке альтернативных средств выражения той или иной стратегии, например, глагольным согласованием или порядком слов, несомненно важный, здесь оставлен без внимания, равно как и вопрос о наличии в том или ином языке синтаксических коррелятов этих стратегий;
- (ii) В значительной части рассматриваемых языков представлено несколько стратегий падежного маркирования ядерных аргументов, причём выбор той или иной стратегии зависит от различных и подчас независимых факторов. Таким образом, в центре внимания в данном разделе оказываются разнообразные явления так называемого «расщеплённого падежного маркирования».

В п. 2.1.1 я относительно кратко остановлюсь на основных стратегиях кодирования ядерных ролей, наблюдаемых в двухпадежных системах, а в п. 2.1.2 более подробно будут рассмотрены представленные в них случаи сочетания и противопоставления различных стратегий и их функциональные мотивации.

2.1.1. Стратегии кодирования ядерных ролей в двухпадежных системах

2.1.1.1. Аккузативная стратегия

Аккузативная стратегия представлена практически во всех языках с двухпадежными системами. Её можно проиллюстрировать следующими примерами из языка яки [Lindenfeld 1973: 11, 54]:

яки (юто-ацтекская семья, южная группа, Мексика)

- (2.1) a. *itom čuu ŋu bet kari=po yeewe.*
 наша собака.DIR.SG их дом.DIR.SG=LOC играет
 ‘Наша собака (S) играет в их доме.’

- b. *inero em misi-ta biča-k.*
 я.DIR ваша кошка-OBL.SG видеть-PERF
 ‘Я (A) видел вашу кошку (U).’

Как легко заметить, в языке яки U выражается косвенным падежом, в противоположность S и A; эта ситуация типична для аккузативных языков, но вовсе не обязательна. Ср. следующие примеры из кабийского языка [Chaker 1983: 276, 279]:

кабийский (афроазиатская макросемья, берберская семья, северная группа, кабийская подгруппа, Алжир)

- (2.2) a. *fɣ-n y-rgaz-n.*
 выйти-3PL OBL.PL-мужчина-PL
 ‘Мужчины (S) вышли.’

- b. *y-wt aqšiš-ni w-rgaz-im.*
 3SG-ударить DIR.мальчик-тот OBL-муж-2SG
 ‘Твой муж (A) ударил того мальчика (U).’

В кабийском, равно как и в ряде других берберских (и, шире, африканских) языков, функции S и A выражаются косвенным падежом, а функция U — прямым³. Подроб-

³ В берберологии (см. цитируемые источники, а также [Айхенвальд 1987], [Айхенвальд, Милитарёв 1991: 210 — 211 и след.], [Chaker 1988]) формы имени, которые я глоссирую как Dig и Obl, называются, соответственно, «свободным» и «аннексионным» «статусами». Я не вижу оснований для

нее о функциональных обоснованиях подобной сравнительно редкой ситуации пойдёт речь в п. 3.1.3.

Возможна ещё одна ситуация, а именно когда функции S/A выражаются прямым падежом, а U маркируется прямым или косвенным падежом с предлогом или послелогом. Такой случай можно проиллюстрировать примерами из мунджанского языка [Грюнберг 1972: 407, 408]:

мунджанский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Афганистан)

(2.3) a. *da=xonobod kosk jon ārzon.*
 в=Ханабад.DIR ячмень.DIR.SG много дешёвый
 ‘В Ханабаде ячмень (S) очень дешёвый.’

b. *va=kop komisor škor na=tot-ān.*
 OBJ=рыба.DIR.SG комиссар.DIR.SG послал к=отец-OBL.SG
 ‘Комиссар (A) послал рыбу (U) отцу.’

Наконец, возможно и следующее распределение: функции S/A выражаются косвенным падежом, а функция U — косвенным падежом с послелогом; единственный известный мне подобный пример также представлен в ваханском языке [Пахалина 1975: 54]:

ваханский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Таджикистан)

(2.4) a. *maž yān zəqlay tu.*
 я.OBL тогда маленький был
 ‘Я (S) тогда был маленьким.’

b. *maž fəlanʒ-əv=ī dīyat̪k.*
 я.OBL вяхирь-OBL.PL=OBJ настрелял
 ‘Я (A) настрелял вяхирей (U).’

Ещё один тип реализации аккумулятивной стратегии кодирования ядерных актантов представлен в языке маунг [Capell, Hinch 1970]. В этом языке противопоставление прямого и косвенного падежей имеется только у местоимений; тем самым, у существительных представлена нейтральная стратегия. У местоимений прямой

подобной терминологии, т. к., в отличие от категории статуса в семитских языках, являющейся средством *вершинного* маркирования посессивного отношения, берберский «статус» — категория, имеющая типичные свойства падежа, о чём см. [Sasse 1984], [Aikhenvald 1990], [Плунгян 2000: 163].

падеж кодирует роли S и A, а косвенный — различные периферийные роли; что же касается U, то данная роль всегда маркируется лично-числовым показателем в глаголе (что объясняется высокой топикальностью местоименных аргументов глагола, см. [Givón 1976], [Lambrecht 1994: Ch. 4]). Таким образом, аккузативная стратегия в маунг реализуется в «урезанном» виде: противопоставлением S/A-аргументов, кодируемых прямым падежом независимого местоимения, и U-аргумента, никогда не кодируемого независимым местоимением. Ср. следующие примеры [Capell, Hinch 1970: 108 — 109, 111]:

маунг (семья йивайдя, Северная Австралия)

(2.5) a. *nuji ganiba anbalayali.*

ты.DIR здесь ты.останешься

‘Ты (S) останешься здесь.’

b. *gigi anbanamin nuji la ŋabi.*

что мы.будем.делать ты.DIR и я.DIR

‘Что (U) мы будем делать, ты и я (A).’

c. *ŋandi (*ŋabi/ŋadu) ŋan-i-lagadj-bun?*

кто.DIR (я.DIR/я.OBL) 1SG.U-3SG.A-звать-PST

‘Кто звал меня?’

2.1.1.2. Эргативная стратегия

Среди языков с двухпадежными системами эргативная стратегия более всего распространена в индоиранских языках, где она, как правило, является лишь одной из нескольких возможностей. Ср. следующие примеры из языка кати [Грюнберг 1980: 180, 181]:

кати (индоевропейская семья, индоиранская группа, нуристанская ветвь, Афганистан)

(2.6) a. *ʃuol gvo.*

волк.DIR ушёл

‘Волк (S) ушёл.’

b. *kšulī pirdīk'-a e gūni pto.*

мудрая старуха-OBL.SG INDEF мяч.DIR дала

‘Мудрая старуха (A) дала ему мяч (U).’

Эргативная стратегия представлена также в алеутском языке, ср. следующие примеры из [Меновщиков 1968а: 403]:

алеутский (эскимосско-алеутская семья, алеутская группа, Алеутские острова)

(2.7) а. *ла-х'*   *саг'а-ку-х'*.
мальчик-DIR.SG   спать-PRS-SG

‘Мальчик (S) спит.’

б. *ла-м*   *ухаси-м*   *сих'та*   *накасак'а̄*.
мальчик-OBL.SG   весло-OBL.SG   сломанное.DIR.SG   несёт.3SG.U

‘Мальчик (A) несёт сломанное весло (U).’

Нормой для алеутского языка, однако, является случай, когда U-аргумент в эргативной конструкции не выражен полной ИГ. Это объясняется тем, что последняя в алеутском языке допустима лишь при определённом и топикальном Претерпевающем, который в таких случаях кодируется местоименным показателем в глаголе или же ИГ, вынесенной в начало предложения, см. подробнее [Bergsland 1997: Ch. 3.1, 3.2]. Ср. следующие, видимо, типичные примеры [ibid.: 138]:

(2.8) а. *hla-ĥ*   *asxinu-ĥ*   *kida-ku-ĥ*.
мальчик-DIR.SG   девочка-DIR.SG   помочь-PRS-SG

‘Мальчик (A) помогает девочке (U).’

б. *hla-m*   (*asxinu-ĥ*)   *kidu-ku-u*.
мальчик-OBL.SG   девочка-DIR.SG   помочь-PRS-3SG.U

‘Мальчик (A) помогает ей (U).’

в. *asxinu-ĥ*,   *hla-m*   *kidu-ku-u*.
девочка-DIR.SG   мальчик-OBL.SG   помочь-PRS-3SG.U

‘(Эта) девочка, мальчик ей помогает.’

Как и в случае с аккузативной стратегией, для эргативного кодирования актантов нормальной является ситуация, когда функции S и U оформляются прямым падежом, а А — косвенным; более того, ряд исследователей считают такую ситуацию единственно возможной, см., например, [Dixon 1994: 58]. Тем не менее, параллельно с маркированным S/A и немаркированным U в аккузативных языках (как в берберском), в эргативных языках встречается и маркированный S/U при немаркированном А. Ср. следующие примеры из языка ниас [Brown 2003: 1; 2005: 20⁴]:

⁴ Данная работа цитируется по электронной версии, любезно присланной мне автором.

ниас (австронезийская макросемья, малайско-полинезийская семья, суматранская группа, северная подгруппа, остров Ниас)

(2.9) a. *mofanö n-ama-gu.*
ушёл OBL-отец-1SG

‘Мой отец (S) ушёл.’

b. *i-rino vakhe ina-gu.*
3SG-приготовить OBL.рис мать-1SG

‘Моя мать (A) приготовила рис (U).’

Насколько я могу судить, ниас является единственным известным эргативным языком с таким распределением ядерных ролей между маркированным и немаркированным падежами.

Как и в случае с аккузативной стратегией, возможно выражение роли А предлогом или послелогом с одним из падежей. Ср. следующие примеры из языка шина [Edelman 1983: 283; 295 — 296], где агентивный послелог сочетается с прямым падежом:

шина (индоевропейская семья, индоиранская группа, дардская ветвь, Пакистан)

(2.10) a. *du zāmīndār-i āko mājā gāš bēnēs.*
два крестьянин-DIR.PL REFL.OBL между поссорились

‘Два крестьянина (S) поссорились.’

b. *mā=s ānīsē=i āšp-i fāṭak-ē=ṭ hāremūs.*
я.DIR=AGT он.OBL=POSS лошадь-DIR.PL загон-OBL.SG=в забрал

‘Я (A) его лошадей (U) забрал в загон.’

из языка хинди, где агентивный послелог сочетается с косвенным падежом [Klaiman 1987: 68]:

хинди (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная подгруппа, Индия)

(2.11) a. *laṛk-ā gayā.*
мальчик-DIR.SG ушёл

‘Мальчик (S) ушёл.’

b. *laṛk-e=ne roṭī khā.*
мальчик-OBL.SG=AGT хлеб.DIR.SG съел

‘Мальчик (A) съел хлеб (U).’

2.1.1.3. Нейтральная стратегия

Нейтральная стратегия кодирования ядерных актантов представлена в языках с двухпадежными системами довольно широко. В качестве основной она встречается, например, в салишской группе, ср. следующие примеры из языка скомиш [Kuipers 1967: 169]:

скомиш (салишская семья, центральная группа, Юго-Западная Канада)

(2.12) а. *ck^wa^waʔ*   *ta=k^wat'an*.
бежит   ART.DIR.SG=мышь
'Мышь (S) бежит.'

б. *na=q^wuḡnəx^was*   *ta=suiʔqa*   *ta=miχaλ*.
ASP=убил   ART.DIR.SG=человек   ART.DIR.SG=медведь
'Человек (A) убил медведя (U).'

При нейтральной стратегии все ядерные роли обычно кодируются прямым падежом. Однако крайне редко встречается в данной функции и косвенный падеж, ср. следующие примеры из ваханского языка, где такая ситуация имеет место лишь в прошедшем времени и только с личными местоимениями [Bashir 1986: 16]:

ваханский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Таджикистан, Пакистан, Афганистан)

(2.13) а. *maž*   *rəɣləy*.
я.OBL   ушёл
'Я (S) ушёл.'

б. *taw*   *maž*   *ɣafč*   *fand*   *δət*.
ты.OBL   я.OBL   здорово   обман   дала
'Ты (A) меня (U) здорово обманула.'

и следующие примеры из языка ниас, где, напротив, нейтральная стратегия возможна лишь в настоящем времени [Brown 2001: 197, 211]:

ниас (австронезийская макросемья, малайско-полинезийская семья, суматранская группа, северная подгруппа, остров Ниас)

(2.14) а. *mörö*   *ya*.   б. *manuri*   *zawi*   *Vasui*.
спит   он.OBL   держит   OBL.скот   OBL.Фасуи
'Он (S) спит.'   'Фасуи (A) разводит скот (U).'

Представленные в этих примерах случаи, при всём поверхностном сходстве, на самом деле, существенно различны. В языке ниас роли S и U всегда оформляются косвенным падежом, и примеры типа (2.14b) возникают в результате изменения ко-

дирования А в предложениях с имперфективной видовременной формой глагола; тем самым, указанная конфигурация для ниас является практически неизбежной. Что же касается ваханского языка, то нейтральная стратегия в прошедшем времени в нём неожиданна, т. к. возникает в результате изменения маркирования всех трёх ролей, а не только А, как в большинстве индоиранских языков. Ниже (см. п. 2.1.2.7) я предложу возможное диахроническое объяснение данной нетипичной ситуации.

2.1.1.4. Контрастивная стратегия

В двухпадежной системе контрастивная стратегия, кодирующая три ядерные роли различными средствами, возможна лишь при предложном/послеложном оформлении одной или нескольких ролей. Такая ситуация наблюдается в ряде индоиранских языков, ср. следующие примеры из хинди [Junghare 1983: 43]:

хинди (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная подгруппа, Индия)

(2.15) a. *ek gāṁ=mē ek kisān thā.*
 один деревня.DIR.SG=в один крестьянин.DIR.SG был

‘В одной деревне был крестьянин (S).’

b. *ek din kisān=ne laṛkī=ko*
 один день.DIR.SG крестьянин.OBL.SG⁵=AGT дочь.OBL.SG=OBJ
khet=mē bhejā.
 поле.OBL.SG=в послал

‘Однажды крестьянин (A) послал дочь (U) в поле.’

Как видно, S кодируется прямым падежом, а А и U — сочетаниями косвенного падежа с послелогам. Такой тип кодирования ядерных аргументов сосуществует в индоиранских языках с эргативным, когда роль U остаётся в прямом падеже; выбор показателя для U зависит от одушевлённости и референтности имени и будет более подробно рассмотрен в разделе 2.1.2.4.

2.1.1.5. Квазинейтральная стратегия

Рассмотренные выше типы падежного маркирования ядерных ролей, как уже указывалось ранее, являются функционально обоснованными: все они в той или

---

⁵ У данной лексемы формы прямого и косвенного падежей в единственном числе омонимичны.

иной степени удовлетворяют требованиям экономичности, различительности и мотивированности, предложенным А.Е. Кибриком ([Кибрик 1992: 187 — 191], ср. также [Comrie 1978: 379 ff.]). Напротив, все прочие потенциальные стратегии кодирования не являются в этом смысле оптимальными и потому предполагается, что они не встречаются в языках мира (во всех указанных работах говорится, что их авторам неизвестны реальные примеры таких типов кодирования). Однако по крайней мере одна из таких неоптимальных стратегий кодирования, а именно «квазинейтральная» (ср. термин *double-oblique*, введённый в работе [Payne 1979: 443], где впервые эксплицитно рассматривается материал языков, где представлена такая стратегия), встречается в языках с двухпадежными системами. Недостатки этой стратегии, противопоставляющей аргументы переходных и непереходных глаголов, но не различающей A и U, очевидны: она проводит различие там, где оно несущественно, при этом не различая то, что различать, по крайней мере в некоторых случаях, казалось бы, необходимо. Квазинейтральная стратегия встречается в целом ряде индоиранских языков, например, в диалектах группы азари [Yar-Shater 1969: 75 — 76], примеры из диалекта чали:

чали (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Центральный Иран)

(2.16) a. *bar*   *beškiaš*.
дверь.DIR.SG сломалась

‘Дверь (S) сломалась.’

b. *varziar-ō*   *barr-ōn=ešō*   *bāšind*.
крестьянин-OBL.PL лопата-OBL.PL=3PL бросили

‘Крестьяне (A) бросили свои лопаты (U).’

в рушанском языке⁶ [Payne 1980: 154–155]:

рушанский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Таджикистан)

(2.17) a. *dāδ*   *xawrič-ēn=an*   *tar*   *Xaray*   *sat*.
этот.DIR.PL   мальчик-PL=они   в   Хорог   идти.PST

‘Эти мальчики (S) пошли в Хорог.’

---

⁶ В рушанском языке падежная система имеется лишь у местоимений, в том числе и у указательных, но не у существительных.

b. *duf*   *xawrič-ēn*   *um*   *kitōb*   *xēyt*.
 этот.OBL.PL   мальчик-PL   этот.OBL.SG   книга   читать.PST

‘Эти мальчики (A) прочли эту книгу (U).’

Квазинейтральная стратегия имеется и в ряде других иранских языков, см. [Bossong 1985: 116 — 121], [Rayne 1979, 1980]. Важно отметить, что её, по-видимому, нельзя считать периферийной: в тех языках, где она вообще представлена, квазинейтральная стратегия обычно имеет место, когда в предложении косвенным падежом выражен, с одной стороны, A (т.е. в прошедших временах, см. п. 2.1.2.3), а с другой стороны, высокоиндивидуализированный (определённые и/или одушевлённый) U, что, видимо, встречается нередко. Тем самым, квазинейтральная стратегия является в каком-то смысле функциональным аналогом контрастивной, с тем важным отличием, что собственно *различению* ролей A и U здесь служит не падежное маркирование, а другие средства, например, как в (2.16b), согласование глагола, или, как в следующем примере из одного из говоров курманджи, порядок слов [Haig 1998: 169]:

курманджи (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Турция)

(2.18) *min*   *wan*   *dît*.
 я.OBL   вы.OBL   увидел.3SG

‘Я (A) вас (U) увидел.’ (*‘Вы (A) меня (U) увидели.’)

Проблема квазинейтральной стратегии и её соотношения с эргативной, контрастивной и собственно нейтральной будет подробнее рассмотрена в разделе 2.1.2, посвящённом «расщеплённому кодированию» актантов, а также в Экскурсе. Сейчас отмечу только то, что обнаружение этого чрезвычайно редкого явления именно в двухпадежных системах представляется мне далеко не случайным.

2.1.1.6. Частотность основных стратегий кодирования

Итак, в языках с двухпадежными системами представлены все основные стратегии кодирования ядерных актантов. Наиболее распространёнными являются аккумулятивная, нейтральная и эргативная стратегии, контрастивная и квазинейтраль-

ная встречаются гораздо реже. Ниже в таблице 2.1 приводятся данные о распределении указанных стратегий в языках выборки⁷.

Таблица 2.1. Частотность основных стратегий кодирования в языках выборки

Язык/группа/ареал	Аккуз.	Эргат.	Нейтр.	Контр.	Кваз.
Европа	О		О		
Индоиранские	О	О	О	Д	Д
Берберские	О				
Амхарский	О		Д		
Нилотские	О	Д			
Салишские			О		
Чоктау	О				
Юто-ацтекские	О		Д		
Алеутский		О	О		
Мовима			О		
Ниас		О	Д		
Йимас			О		
Маунг	О				
Всего	8	4	9	1	1
Всего основная	8	3	6	0	0

Эти данные можно сравнить с распределением основных стратегий падежного кодирования в языках мира, выявленным Дж. Николс [Nichols 1992: 101]⁸, см. таблицу 2.2.

Таблица 2.2. Частотность основных стратегий кодирования по [Nichols 1992]

Доминантная стратегия	Число языков	%
Аккузативная	33	57 %
Эргативная	16	28 %
Нейтральная	6	10 %
Контрастивная	0	0 %
Активная	3	5 %

⁷ Употребляющиеся здесь и далее обозначения О(основная), Д(дополнительная) и П(периферийная) следует понимать так: стратегия является основной для группы/ареала, если она представлена в качестве таковой по крайней мере в половине языков; дополнительной, если она представлена как основная в меньшей части языков и/или в качестве дополнительной в большинстве языков; периферийной, если она встречается лишь в явном меньшинстве языков и ни в каком из них не является основной.

⁸ Правда, при сравнении данных Николс с моими следует иметь в виду, что я допускаю, чтобы в одном и том же языке (и тем более ареале) были представлены в качестве доминантных несколько стратегий кодирования, как, например, в индоиранских языках. Кроме того, Николс вообще не рассматривает квазинейтральную стратегию.

Можно отметить, что данные языков с двухпадежными системами в некоторых отношениях существенно отличаются от общемировых. В частности, обращает на себя внимание высокая частота нейтральной стратегии, которая в качестве основной встречается почти так же часто, как аккузативная. Такое различие в частотности, скорее всего, не является случайным. Что же касается частотности остальных стратегий кодирования, то она, в общем, соответствует данным Дж. Николс.

2.1.1.7. Выражение именного предиката

Предикативная функция имени не может быть включена в число семантических ролей *sensu stricto*. Тем не менее, кажется разумным рассмотреть её именно в связи со стратегиями выражения функций S, A и U. Дело в том, что, как показывают данные исследованных языков, эта функция всегда выражается прямым падежом (напомню, что прямым падежом я называю падеж, в котором имя употребляется в назывной функции). Тем самым, в сложных случаях она может служить одним из факторов выделения Dir (ср. [Sasse 1984: 112], где этот фактор приводится в качестве аргумента за пересмотр традиционных ярлыков для падежей в кушитских языках). Приведу пример ситуации, когда падеж именного предиката совпадает не с падежом S, а с падежом U, ср. язык масаи [Tucker, Mraauei 1955: 175 — 176]:

масаи (нило-сахарская макросемья, восточно-суданская ветвь, нилотская семья, восточная группа, подгруппа лотухо-тесо, Кения и Танзания)

(2.19) а. *á-d'á*   *Sirónkà.*
1SG-видеть   Сиронка.DIR

‘Я вижу Сиронку (U).’

б. *á-rá*   *Sirónkà.*
1SG-есть   Сиронка.DIR

‘Я — Сиронка (Pred).’

с. *áá-d'á*   *Sírònkà.*
1SG.U/3SG.A-видеть   Сиронка.OBL

‘Сиронка (A) видит меня.’

Как видно, в примерах (2.19а) и (2.19б) одним и тем же падежом (Dir) оформляется ИГ в функциях U и Pred; а роль A в примере (2.19с) выражаются Obl. Интересно сравнить эту ситуацию со старофранцузским, где прямой падеж, выражающий

функции S и A, как правило, формально маркирован по сравнению с косвенным, выражающим, среди прочего, роль U, ср. следующие примеры [Foulet 1970: 4, 8]:

старофранцузский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа)

(2.20) a. *li chevalier-s s=en part.*
 DEF.DIR рыцарь-DIR.SG REFL=оттуда уходит

‘Рыцарь (S) оттуда уходит.’

b. *ne tueriés pas un poulet.*
 NEG убивайте NEG INDEF.OBL.SG цыплёнок.OBL.SG

‘Не убивайте цыплёнка (U).’

Можно было бы предположить, по аналогии с уже рассмотренными примерами из берберских и нилотских языков, что именной предикат в старофранцузском также кодируется формально немаркированным падежом. Однако следующий пример опровергает такую гипотезу, т. к. из него видно, что функцию предиката выражает тот же падеж, что выражает и функции S/A [ibid.: 8]:

(2.21) *il est me-s pere.*
 он.DIR есть мой-DIR.SG отец.DIR.SG

‘Он мой отец.’

Интересно, что на более поздней стадии развития старофранцузского языка (в XIV в.), когда падежная система стала постепенно распадаться, участилось употребление Obl вместо Dir в функции именного предиката, ср. [ibid.: 36]:

(2.22) *Je ne sui ne duc ne conte.*
 я.DIR NEG есмь NEG герцог.OBL.SG NEG граф.OBL.SG

‘Я не герцог и не граф.’ (Вместо форм Dir: *dus, cuens*).

Таким образом, несколько огрубляя и забегаая вперёд (соответствующая проблематика будет более подробно рассмотрена в п. 3.1.3 и 3.2.2.2), можно сказать, что одним из этапов вытеснения прямого падежа косвенным может стать частичная передача от первого к последнему функции именного предиката.

2.1.1.8. Маркирование топика

Как и именной предикат, топик не относится к числу собственно семантических ролей; в этой функции, как известно, может выступать фактически любая именная составляющая, независимо от её семантической роли; более того, топик даже не обязан быть аргументом предиката того предложения, к которому он отно-

сится, см., например, [Ли, Томпсон 1982/1976]. Тем не менее, как выясняется, функция топики, подобно функции именного предиката, является диагностическим контекстом для прямого падежа; поэтому мне представляется необходимым рассмотреть эти две функции последовательно.

Имеющиеся в моём распоряжении источники дают весьма скудные данные о маркировании топики в языках с двухпадежными системами. Рассмотрим сначала относительно простую ситуацию, представленную в амхарском языке, где топиком может быть ИГ с различными семантическими ролями, в том числе посессора и места; топик в амхарском маркируется так же, как и роль S/A — прямым падежом [Титов 1991: 251 — 252]:

амхарский (афроазиатская макросемья, семитская семья, южная ветвь, эфиопская группа, Эфиопия)

(2.23) а. *u=araya   ənnat   tənkarra   bahrəy   nəbberaččəw.*
POSS=Арай.DIR   мать.DIR   сильный   характер.DIR   был.у.неё

‘Что касается матери Арая, то у неё был сильный характер.’

б. *marsey   yətəməsəgənu   talallaq   səwoč   təwəldəwəbbatal.*
Марсель.DIR   почтенный   выдающийся   люди.DIR   родились.там

‘Что касается Марселя, то там родились почтенные и выдающиеся люди.’

В языке нанди роль S/A оформляется косвенным падежом, а функции U, именного предиката и топики — прямым (топик ставится в начало предложения и маркируется также частицей *kó*; [Creider, Creider 1989: 121 — 125]):

нанди (нило-сахарская макросемья, восточно-суданская ветвь, нилотская семья, южная группа, подгруппа календжин, Кения)

(2.24) а. *kè:rəy   kipe:t   kipro:no.*
видит   Кибет.DIR   Кипроно.OBL

‘Кипроно (A) видит Кибета (U).’

б. *kipe:t   kó   kê:rəy   la:kwé:t.*
Кибет.DIR   TOP   смотрит   ребёнок.DIR.SG

‘Что касается Кибета, то он смотрит на ребёнка.’

с. *kíp:et   ná:nti:ntèt.*
Кибет.OBL   Нанди.DIR

‘Кибет — человек народа нанди.’

Более интересная ситуация представлена в берберских языках, где роль S/A также может выражаться по-разному в зависимости от того, является ли соответ-

вующая ИГ топиализованной (см., помимо цитируемых ниже работ, также [Айхенвальд 1987, 7 — 8, 10 — 12]). Ср. следующие примеры [Galand 1964: 34, 40]:

ташельхит (афроазиатская макросемья, берберская семья, северная группа, атласская подгруппа, Марокко)

(2.25) a. *ikrz*   *u-rgaz*   *igr.*
 обрабатывал OBL-человек DIR.поле

‘Человек (А) обрабатывал поле.’

b. *a-rgaz*   *ikrz*   *igr.*
 DIR.человек обрабатывал DIR.поле

‘Что касается человека, то он обрабатывал поле.’

То, что ИГ в прямом падеже, помещаемая перед глаголом, является топиком, подтверждается следующими фактами, см. [Basset 1959], [Galand 1964: 39 — 43]: после данной ИГ может следовать пауза, невозможная в примере (2.25а); такая ИГ может иметь любую семантическую роль, ср. следующие примеры [Galand 1964: 40], [Guersel 1992: 189]:

ташельхит (афроазиатская макросемья, берберская семья, северная группа, атласская подгруппа, Марокко)

(2.26) a. *a-rgaz*   *ẓrig=t.*
 DIR-человек я.вижу=3SG.U

‘Что касается человека, то я его вижу.’

b. *a-rgaz*   *fkiḡ=as*   *a-grum.*
 DIR-человек я.дал=3SG.IO DIR-хлеб

‘Что касается человека, то я дал ему хлеба.’

c. *a-rgaz*   *tfulki*   *tgm̄mi=nn-s.*
 DIR-человек красив OBL.дом=POSS-3SG

‘Что касается человека, то его дом красивый.’

тамазигхт (афроазиатская макросемья, берберская семья, северная группа, атласская подгруппа, Марокко)

(2.27) *a-rgaz-din*   *iwd-x*   *al=gher-s.*
 DIR-человек-тот пришёл-1SG к=около-3SG

‘Тот человек, я подошёл к нему.’

В некоторых берберских диалектах имеется ещё одна конструкция, в которой ИГ выносится за пределы ядра клаузы, в то время как на глаголе появляется местоименный показатель. Судя по тем примерам и объяснениям, которые дают Л. Галан

[Galand 1979], С. Шакер [Chaker 1983: 276 — 278] и А.Ю. Айхенвальд [Айхенвальд 1987: 8], вынесенную ИГ в этой конструкции можно охарактеризовать как «антитопик», см. [Lambrecht 1983: 75 — 98; 1994: 202 — 205], т. е. такую, референт которой, с одной стороны, включается Говорящим в пресуппозицию, а с другой, реализуется в виде своего рода напоминания Слушающему. В данный момент, однако, важно не то, какую конкретную прагматическую функцию несут соответствующие берберские примеры (а об этой функции я могу судить лишь на основании того факта, что они переводятся французскими предложениями с антитопиком), а то, что, в отличие от топика, антитопик в берберских языках маркируется косвенным падежом, ср. [Galand 1979: 134, 136]:

кабийский (афроазиатская макросемья, берберская семья, северная группа, кабийская подгруппа, Алжир)

(2.28) а. *walay a-mšiš.*

я.видел DIR-кошка

‘Я видел кошку.’

б. *walay=t w-əmšiš.*

я.видел=3Sg OBL-кошка

‘Я её видел, кошку-то.’

Рассмотренные данные показывают, что, как и во французском языке, в котором конструкции с топиком и антитопиком были изучены К. Ламбрехтом [Lambrecht 1983], в берберских языках антитопик является более маркированным по сравнению с топиком; однако если во французском это проявляется в первую очередь в разного рода синтаксических ограничениях, в берберских языках антитопик, в отличие от топика, маркируется косвенным падежом.

Из этих примеров, равно как из тех, что были приведены в предшествующем разделе, видно, что функции топика и именного предиката в рассматриваемых языках выражаются единообразно, но не обязаны маркироваться так же, как и функция S/A. Это является дополнительным аргументом в пользу трактовки в качестве немаркированного в языках типа берберских и нилотских именно того падежа, который оформляет роли Top и Pred, а не того, единственной функцией которого является маркирование ролей S/A.

2.1.1.9. Заключение

Итак, в этом разделе были перечислены и проиллюстрированы примерами основные стратегии кодирования ядерных ролей, представленные в языках с двухпадежными системами. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что в этих языках обнаруживаются все существующие типы падежного маркирования актантов. Более того, наиболее частые стратегии — аккузативная и эргативная — выступают в двухпадежных системах в разнообразных формах, в том числе и в тех, которые считаются типологически редкими (ср. маркированные «номинативы» в берберских и нилотских языках и маркированный «абсолютив» в ниас). Наряду с указанными «общепризнанными» стратегиями кодирования ядерных аргументов в некоторых языках с двумя падежами можно обнаружить ещё один тип — «квазинейтральную» стратегию, объединяющую роли переходных глаголов и противопоставляющую их единственному актанту непереходных предикатов.

Практически во всех рассмотренных языках наблюдается более одной стратегии кодирования ядерных аргументов. Различным комбинациям этих стратегий и мотивациям их распределения посвящён следующий раздел.

2.1.2. «Расщеплённое» кодирование актантов в двухпадежных системах

2.1.2.0. Предварительные замечания

Как уже было отмечено выше, практически во всех рассматриваемых языках представлено более одной стратегии кодирования ядерных ролей. Такая ситуация не является исключительной; тезис о том, что никакой язык не является на 100 % аккузативным или на 100 % эргативным высказывается и аргументируется уже довольно давно, см. [Comrie 1978], [Moravcsik 1978a], [Dixon 1979], [Козинский 1983], [Shibatani 1983] и др.. Более того, в тех же работах выдвигаются претендующие на универсальность обобщения, касающиеся распределения стратегий кодирования; ср. также [DeLancey 1981], [Tsunoda 1981], [Givón 1984: Ch. 5], [Lazard 1994: Ch. 5]; подробный обзор см. в работе [Тестелец 1986: Гл. 1, Прил. 1].

Здесь представляется важным отметить, что сосуществование в языке разных стратегий кодирования актантов нередко происходит не из неких характеристических свойств типов кодирования как таковых, а из взаимодействия разных способов маркирования конкретных ролей. Так, противопоставление в ряде языков аккузативной стратегии нейтральной связано в первую очередь с характером маркирова-

ния роли U, зависящим от референциальных свойств соответствующей ИГ, а не от каких-либо «глобальных» характеристик всех трёх аргументов. Таким образом, та или иная стратегия кодирования часто возникает в результате взаимодействия и наложения друг на друга разных способов маркирования каждой из ролей, анализ которых необходим для понимания того, как и почему сочетаются различные типы кодирования ядерных актантов, ср. [Тестелец 1986: 21 и след., 130 — 131, 144]. Подробнее см. Эскурс.

В работах по проблеме эргативности, см. [Dixon 1979: 79 — 98; 1994: Ch. 4], [Lazard 1985a, 1994: Ch. 5], выделяются следующие типы «расщеплённого» кодирования, релевантные для языков с двухпадежными системами:

- «расщеплённое» кодирование, обусловленное семантикой глагола;
- «расщеплённое» кодирование, обусловленное семантикой или референциальным статусом аргументов;
- «расщеплённое» кодирование, обусловленное коммуникативным статусом аргументов;
- «расщеплённое» кодирование, обусловленное временем/видом глагола;
- «расщеплённое» кодирование, обусловленное независимым или подчинённым статусом предикации.

Необходимо сразу сделать несколько замечаний. Во-первых, обусловленность кодирования аргументов семантикой глагола — явление чрезвычайно гетерогенное; в его рамках можно выделить два основных типа, связанных с членением предикатов на одноместные и двухместные: «расщеплённое» кодирование функции S и «расщеплённое» кодирование функций A и U; каждому из них будет посвящён свой раздел. Во-вторых, во втором типе (кодирование, обусловленное свойствами аргументов), следует выделять по меньшей мере два существенно различных, хотя и связанных между собою подтипа: кодирование, зависящее от постоянных свойств ИГ (одушевлённость, личность и т. п.) и кодирование, зависящее от переменных свойств ИГ (референтность, определённость и т. п.). «Расщеплённое» кодирование, следующее второму подтипу, релевантно почти исключительно для роли U и называется «дифференцированным маркированием объекта» (*differential object marking, differentiale Objektmarkierung*, см. [Bossong 1985]). Из этих двух типов в рассматриваемых здесь языках представлен систематически только второй, но я остановлюсь на обоих, отведя каждому отдельный раздел.

2.1.2.1. «Расщеплённое» кодирование роли S

Дифференцированное оформление функции S, иначе называемое «активной» стратегией кодирования ядерных аргументов, широко представлено в ряде языков Северной Америки, на материале которых оно изучена в наилучшей степени, см. [Климов 1977], [Merlan 1985], [Mithun 1991a]; ср. также [Lazard 1986], [Van Valin 1990], и отмечается также в картвельских, тибето-бирманских и некоторых других языках. Данное явление представляет довольно большие трудности для типологического анализа, в первую очередь потому, что факторы, управляющие выбором единственного аргумента непереходного глагола в качестве A или U, могут довольно сильно различаться, как и сами классы A-глаголов и U-глаголов (см. уже указанные работы, а также [Arkadiev to appear b]).

В двухпадежных системах расщеплённое кодирование S встречается нечасто. Это явление отмечено лишь в некоторых индоиранских языках, например, в мунджанском [Грюнберг 1972: 408, 458 — 459], где оно наблюдается в системе прошедшего времени:

мунджанский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Афганистан)

(2.29) *yān odam-ān dāh jondor-i ghəṛəvd.*
 этот.OBL.SG человек-OBL.SG десять баран-DIR.PL взял
 ‘Этот человек (A) взял десять баранов (U).’

(2.30) a. *yāy žink-in xšəya.*
 та.OBL.SG женщина-OBL.SG заплакала
 ‘Та женщина (A) заплакала.’

b. *kālbəziḡa porəga šəy.*
 куртка.DIR.SG порванная стала
 ‘Куртка (U) порвалась.’

c. *potšo ləghda badāra šəy.*
 царская дочь.DIR.SG ушедшая стала
 ‘Царская дочь (U) ушла.’

Как видно из этих примеров, маркирование единственного аргумента непереходного глагола как A или как U не коррелирует в точности с агентивностью S: в примере (2.30с) S не менее, если не более агентивен, чем в (2.30а), тем не менее, именно в последнем аргумент глагола ‘плакать’ кодируется так же, как A переходного глагола. Аналогичная ситуация представлена и в языке пашто [Lazard 1985b: 115]:

пашто (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Афганистан)

- (2.31)   *sari*   *ǰadza*   *wǰid-ǰa*.
           мужчина.OBL.SG   женщина.DIR.SG   увидел-3SG.F

‘Мужчина (A) увидел женщину (U).’

- (2.32) a. *saray*   *wǰǰarzed-ǰ*.
           мужчина.DIR.SG   ходил-3SG.M

‘Мужчина (A) ходил.’

- b. *sari*   *wǰxand-ǰl*
       мужчина.OBL.SG   смеяться-IMPERS

‘Мужчина (U) смеялся.’

Ввиду того, что имеющиеся в моём распоряжении источники не дают практически никакой информации о закономерностях выбора падежа аргумента в зависимости от семантики глагола, в дальнейшем изложении я буду целиком следовать материалу и выводам Ж. Лазара ([Lazard 1985b]; ср. также [Тестелец 1986: 135 — 136], где приводятся довольно большие списки А-глаголов в нескольких индоиранских языках). Согласно этим работам, активная стратегия имеется в центрально-курдских диалектах, в пашто, в мунджанском языке, в хинди и урду, в парья. Во всех этих языках класс непереходных глаголов с А-аргументом является закрытым и относительно малочисленным по сравнению с классом «нормальных» непереходных глаголов, маркирующих свой единственный аргумент как U переходных глаголов. В таблице 2.3 приводится примерный состав классов А-глаголов в трёх языках [Lazard 1985b: 116 — 118].

Таблица 2.3. Классы А-глаголов в индоиранских языках

Курдский	Пашто	Хинди
‘мяукать’, ‘ржать’, ‘мычать’, ‘каркать’	‘лаять’, ‘кричать’, ‘рычать’, ‘ржать’	‘кашлять’, ‘плевать’, ‘чихать’
‘свистеть’, ‘покашливать’	‘кашлять’, ‘плевать’, ‘чихать’, ‘плакать’, ‘смеяться’, ‘улыбаться’	‘смотреть (на что-либо)’
‘идти крадучись’		‘купаться’
‘ударять (по чему-либо)’	‘прыгать’, ‘танцевать’	
	‘купаться’	

Таким образом, А-глаголы группируются в следующие семантические классы:

- (i) звуки, производимые животными;
- (ii) физиологические проявления, в частности, контролируемые;
- (iii) активное восприятие;

- (iv) некоторые, по-видимому, ненаправленные движения;
- (v) действия, направленные на собственное тело Агенса.

Ж. Лазар выделяет такие общие свойства А-глаголов (с. 119):

- (i) они обозначают процессы, имеющие чувственно воспринимаемый эффект (например, звук), а не заключённые исключительно в «субъекте»;
- (ii) они состоят из отдельных «микро-событий», т. е. неопредельны;

Тем самым, А-глаголы индоиранских языков образуют класс, промежуточный между прототипическими переходными и прототипическими непереходными глаголами, ср. [Testelec 1998].

Следует, однако, отметить, что семантика ряда А-глаголов в некоторых языках явно неагентивна, ср. мунджанский язык [Тестелец 1986: 135], где наряду с «типичными» А-глаголами типа ‘разговаривать’, ‘плевать’, ‘кашлять’, косвенного падежа S в прошедшем времени требует также глагол ‘падать’, в то время как бесспорно агентивные глаголы ‘бежать’, ‘садиться’, ‘сплетничать’, ‘лаять’ являются U-глаголами. Причина такого странного распределения неясна.

Здесь остаётся только добавить, что более глубокое исследование активной стратегии в индоиранских языках (как синхронно-семантическое, так и диахроническое) представляется совершенно необходимым, однако оно выходит за рамки данной работы⁹.

2.1.2.2. «Расщеплённое» кодирование, обусловленное семантикой аргументов

К данному типу относятся такие широко известные явления, как зависимость кодирования ролей А или U от положения имени на так называемой Иерархии одушевлённости, выдвинутой независимо в работах [Silverstein 1976], [Moravcsik 1978a: 55 — 56], [Козинский 1980], ср. рис. 2.2.

Рисунок 2.2. Иерархия одушевлённости

локуторы > указательные местоимения > люди > животные > неодушевлённые предметы

Закономерность, связанная с иерархией одушевлённости, заключается в том, что если какая-то ИГ маркирует роль А отлично от ролей U и S, то так же будут маркиро-

⁹ Более или менее удовлетворительно описано данное явление, видимо, лишь в языках хинди и урду, ср. [Tuite et al. 1985], [Mohanani 1994: 70 — 78 et passim].

вать эти роли и все ИГ, референты которых расположены правее по иерархии; напротив, если некоторая ИГ маркирует роль U отлично от ролей A и S, то такая же стратегия будет представлена и у всех ИГ, референты которых расположены левее по иерархии. Тем самым, с помощью иерархии одушевлённости можно предсказывать, какие ИГ в языке будут следовать аккузативной, а какие — эргативной стратегии. Кроме того, так как эргативное и аккузативное кодирование в данном случае независимы друг от друга, в средних или крайних частях иерархии возможны как контрастивная, так и нейтральная стратегии; подробнее см. [Dixon 1994: 86 — 94].

Данным фактам в уже упоминавшихся работах было предложено объяснение, базирующееся на представлении о том, что падежное маркирование ядерных аргументов несёт в первую очередь не сигнификативную, а различительную функцию — основное назначение падежного показателя заключается в том, чтобы слушающий мог понять, какая из ИГ несёт функцию A, а какая — U, ср. [Shibatani 1983: 48], [Comrie 1989/1981: 124 — 129], [Givón 1984: 184], [Dixon 1994: 84]. Исходя из этого постулата, указанные исследователи утверждают также, что маркирование ролей A и U необходимо только тем ИГ, для которых эти функции являются нетипичными, что следует из функционального принципа экономичности, ср. также [Comrie 1978: 380], [Кибрик 1992: 188]. Прототипическими A являются ИГ, референты которых расположены слева в Иерархии одушевлённости, а прототипическими U — те, референты которых расположены справа в Иерархии одушевлённости. Следуя данной логике, можно предположить, что эргатив является падежом нетипичного A, а аккузатив — падежом нетипичного U.

Нисколько не отвергая ценности Иерархии одушевлённости и базирующегося на ней обобщения, нельзя не признать только что приведённого объяснения сомнительным сразу с нескольких точек зрения.

Во-первых, постулат о различительной, а не сигнификативной роли падежного маркирования требуется доказать, что, насколько мне известно, никогда сделано не было, зато против такой трактовки было приведено немало аргументов (см. [Malinson, Blake 1981: Ch. 2], [Wierzbicka 1980, 1981, 1983, 1988: Ch. 8], [Du Bois 1987], [Тестелец 2003: 64 — 68]). Более того, необходимость в поверхностном различении ИГ, выполняющих роли A и U, как было показано в ряде работ, ср., например, [Moravcsik 1978b], [Plank 1980], является далеко не столь насущной, как обычно предполагается, и целый ряд языков попросту не имеют грамматикализованных средств их различить, либо вообще, либо в ряде контекстов, ср. примеры из разнообразных

языков в работе [Plank 1980]. Принцип различительности, несомненно, важный для функционирования систем падежного маркирования, вовсе не всегда играет решающую роль и должен рассматриваться лишь как один из факторов, причём далеко не всегда сильнейший.

Во-вторых, большие сомнения связаны с самой интерпретацией иерархии одушевлённости: тот факт, что ИГ с неодушевлёнными референтами реже выступают в функции А, нежели ИГ с одушевлёнными референтами, и наоборот, тривиален, т. к. вытекает из определения ролей А и U. Утверждение же, что среди ИГ с одушевлёнными референтами роль А «ингерентно» более всего свойственна местоимениям первого и второго лица, не вытекает ни из каких очевидных предпосылок и, более того, не подтверждается фактами (см. [Wierzbicka 1980: 132 — 142; 1981], [Mallinson, Blake 1981: 83 — 86], [Goddard 1982], [Blake 2001/1994: 139 — 144], [Тестелец 1986: Прил. 1; 2003: 64 — 68]).

В этом смысле значительно более убедительным представляется объяснение, предложенное С. ДеЛэнси [DeLancey 1981]. Он интерпретирует Иерархию одушевлённости в терминах эмпатии, см. также [Kuno 1987: Ch. 5], [Бергельсон, Кибрик 1987]: чем левее в иерархии находится референт ИГ, тем больше вероятность, что Говорящий будет ассоциировать себя с ним и вести изложение событий с его точки зрения. Для фокуса эмпатии роль А, видимо, более типична, нежели роль U. Тем самым, различие в падежном маркировании возникает в результате соответствия или несоответствия двух шкал: Иерархии эмпатии (содержательно тождественной Иерархии одушевлённости) и Иерархии семантических ролей (Агенс > Экспериенцер > ... > Пациенс). В том случае, когда референт ИГ занимает примерно одинаковое место на обеих иерархиях (например, является типичным фокусом эмпатии и Агенсом или маловероятным фокусом эмпатии и Пациенсом), ИГ кодируется немаркированным падежом. Напротив, когда две иерархии вступают в противоречие, например, в случае, когда типичный фокус эмпатии является Пациенсом, соответствующая ИГ маркируется особым показателем¹⁰.

Переходя к собственно данным языков с двухпадежными системами, нельзя не отметить, что в них явления, подобные тем, для объяснения которых была предложена иерархия одушевлённости, встречаются относительно редко. В качестве та-

---

¹⁰ Ср. также объяснение этих явлений в терминах кодирования дискурсивных функций «данного» и «нового» в работе [Du Bois 1987].

ковых можно рассматривать две группы фактов: (i) совпадение или, наоборот, различие Dir и Obl только у местоимений¹¹; (ii) нетождественное распределение между падежами функций A, U и S у местоимений и у существительных.

Синкретизм Dir и Obl у местоимений представлен, например, в алеутском языке [Меновщиков 1968а: 394] и в ягнобском языке [Хромов 1987: 662 — 663], см. таблицу 2.4.

Таблица 2.4. Падежи у существительных и местоимений в ягнобском языке

	‘дом’	‘мужчина’	‘я’	‘ты’
Dir	<i>kat</i>	<i>morti</i>	<i>man</i>	<i>ta</i>
Obl	<i>kati</i>	<i>mortiy</i>		<i>taw</i>

Напротив, в ряде памирских языков противопоставление Dir и Obl отсутствует у всех имён, кроме местоимений единственного числа; ср. данные рушанского языка [Пахалина 1969: 26], представленные в таблице 2.5.

Таблица 2.5. Падежи у существительных и местоимений в рушанском языке

	‘брат’	‘я’	‘ты’	‘мы’
Dir	<i>virō</i>	<i>az</i>	<i>tu</i>	<i>māš</i>
Obl		<i>mi</i>	<i>tā</i>	

Интерпретация этих данных в терминах Иерархии одушевлённости не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в обоих указанных восточноиранских языках имеется как номинативная, так и эргативная стратегии кодирования ядерных ролей (об их распределении см. ниже). Иерархия одушевлённости предсказывает, что в аккузативной конструкции личное местоимение скорее будет маркировано в функции U, а в эргативной — в функции A. Однако в ягнобском языке местоимения не маркированы ни в одной из этих функций, при том, что существительные в обоих случаях маркированы. В рушанском языке, напротив, местоимения маркированы в обеих функциях, в то время как существительные не маркированы. И то, и другое нарушает требование иерархии одушевлённости.

Совершенно явное нарушение предсказания об отсутствии отдельного маркера роли A у личных местоимений имеется в дардском языке тирахи, где согласно Д.И. Эдельман [Эдельман 1965: 114 — 115], [Edelman 1983: 194 — 197], личные ме-

¹¹ Разного рода случаи синкретизма Dir и Obl, наблюдаемые в двухпадежных системах, в особенности, индоевропейских, в большинстве своём не могут быть проинтерпретированы в терминах Иерархии одушевлённости и будут рассмотрены в Главе 3.

стоимения употребляются в функции А в косвенном падеже (при сказуемом в прошедшем времени), в то время как существительные никогда не различают формально роли А и U¹².

Предсказания Иерархии одушевлённости не нарушаются в языке пашто, где, согласно грамматике [Penzl 1955: 87], употребление косвенных форм в функции U характерно исключительно для личных местоимений в настоящем времени (ср. также «прямое дополнение всегда выражено прямым падежом существительного», [Грюнберг, Эдельман 1987: 59]); ср. следующие примеры [Penzl 1955: 64 — 65, 87]:

пашто (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Афганистан)

(2.33) a. *ssedze*   *sarray*   *wini*.
женщина.DIR.SG   мужчина.DIR.SG   видит

‘Женщина (А) видит мужчину (U).’

b. *te*   *mā*   *winē?*
ты.DIR   я.OBL   видишь

‘Ты (А) видишь меня (U)?’

Тем самым, в пашто имеется нейтральная стратегия кодирования у существительных и аккузативная — у местоимений. Ср. также следующие примеры из талышского языка [Пирейко 1966: 305, 308]:

талышский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Азербайджан, Иран)

(2.34) a. *hъrdan-*(i)*   *kitob*   *dъrya=še*
ребёнок-OBL.SG/*DIR.SG   книга.DIR.SG   порвал=3SG

‘Ребёнок (А) порвал книгу (U).’

b. *āz/*tъni*   *gatъ=me*.
я.DIR/*OBL   взял=1SG

‘Я (А) взял <это (U)>.’

c. *tъni/*āz*   *ba dās dano=še*.
я.OBL/*DIR   обманул=3SG

‘Он (А) обманул меня (U).’

---

¹² К сожалению, Д.И. Эдельман не приводит ни одного примера, который мог бы убедительно доказать это утверждение.

Как видно из этих примеров, в прошедшем времени существительные следуют эргативной стратегии оформления ролей, а местоимения — аккузативной, в полном соответствии с предсказаниями Иерархии одушевлённости.

Аналогичная ситуация имеет место и в ряде европейских языков, ср. хотя бы английский, где противопоставление прямого и косвенного падежей вообще имеется лишь у личных местоимений:

английский (индоевропейская семья, германская группа, западная подгруппа)

- (2.35) a. *I see John.*   b. *John sees me.*
 Я.DIR вижу Джон   Джон видит я.OBL
 ‘Я (А) вижу Джона (U).’   ‘Джон (А) видит меня (U).’

Завершая данный раздел нельзя не отметить, что разного рода нарушения предсказаний о распределении эргативного и аккузативного типов кодирования ядерных актантов, по всей видимости, не очень редки и, несомненно, требуют отдельного изучения и объяснения, см. [Тестелец 2003: 57].

2.1.2.3. «Расщеплённое» кодирование, обусловленное видо-временными категориями глагола

Ещё одно важное эмпирическое обобщение, касающееся распределения эргативной и аккузативной стратегий кодирования ядерных актантов, заключается в связи выбора стратегии и видо-временной формы предиката. А именно, эргативная стратегия сочетается преимущественно с формами перфекта/перфектива либо прошедшего времени, а аккузативная — с формами имперфектива либо настоящего времени. Этот факт может быть объяснён с двух разных точек зрения — синхронно-семантической и диахронической.

Семантическое объяснение, выдвинутое в работах [Dixon 1979: 93 — 95], [DeLancey 1981: 646 — 649], [Tsunoda 1981, 1985], [Lazard 1994: 223 — 227] и др., несмотря на ряд различий между ними, базируется на представлении о связи типа кодирования актантов с переходностью. Так Р. Диксон и С. ДеЛэнси, хотя и в разных терминах, пишут о том, что в эргативной конструкции ситуация рассматривается с точки зрения её результата, т. е. U-аргумента, в то время как в аккузативной конструкции точка зрения перемещается на само действие и, следовательно, на деятеля, т.е. на А-аргумент. Закономерно, что результат ситуации может иметь место только когда ситуация уже совершилась, т. е. в прошедшем времени/в перфектив-

ном аспекте, а действие имеет место в настоящем времени/имперфективном аспекте. Т. Цунода, во многом следуя работе [Hopper, Thompson 1980], оперирует термином «эффективность» действия: чем выше эффективность действия, тем более вероятна эргативная стратегия кодирования актантов, а эффективность, естественно, выше, когда действие уже совершено, нежели когда его результат заранее неизвестен.

Диахроническое объяснение расщеплённого кодирования данного типа не противоречит синхронно-семантическому, а скорее подкрепляет его. Оно заключается в том, что, как было отмечено как раз на материале рассматриваемых здесь индоиранских языков, эргативная конструкция нередко возникает в результате переосмысления пассивной или аналогичной конструкции (см. [Бенвенист 1974/1952], [Regamey 1954], [Пирейко 1968], [S. Anderson 1977], [Payne 1979], [Dixon 1979: 99 — 101], [Vynon 1984], [Klaiman 1978, 1987], [Estival, Myhill 1988], [Bubenik 1989], [Butt 2001], [Haig 2004]); в этих работах представлены в довольно большой степени различающиеся мнения, разбирать которые здесь не место; укажу лишь на то, что окончательно решённым данный вопрос считать, видимо, нельзя; ср. также общее обсуждение проблемы изменения базовой стратегии кодирования в монографии [Harris, Campbell 1995: Ch. 9]). В древних индоиранских языках было продуктивное результативное причастие на *-ta*, которое, употребляясь предикативно, могло относиться лишь к S/U-аргументам¹³; А-аргумент кодировался как агентивное дополнение одним из косвенных падежей (как правило, в индийских языках инструменталисом, а иранских — генитивом). Когда в результате различных морфологических и фонологических процессов глагольные парадигмы в среднеиранских и среднеиндийских языках сильно редуцировались, весьма частотная результативная конструкция заняла место перфекта, на базе которого стали строиться новые аналитические формы. В дальнейшем имели место постепенная грамматикализация перфекта в перфектив и далее в формы прошедшего времени и параллельное переосмысление агентивного дополнения в качестве А-актанта переходного глагола, сопровождавшееся приобретением им различных синтаксических свойств подлежащего (напри-

---

¹³ Необходимо, однако, отметить, что это причастие образовывалось от всех непереходных глаголов, а не только от тех, единственный аргумент которых является Претерпевающим и тем самым допускает естественную результативную интерпретацию; тем самым, права Л.И. Пирейко, говорящая об «активно-непереходном» значении *-ta*-причастия таких глаголов [Пирейко 1968: 24].

мер, хотя в значительной части индоиранских языков глагол в прошедшем времени согласуется не с А, а с U, именно А является контролёром различных синтаксических трансформаций, см. [S. Anderson 1977], [Mohanani 1994: Ch. 6], [Haig 1998], [Bickel 1999], [Bickel, Yadava 2000] и несёт функцию темы [Kachru 1987]; ср. также [Пирейко 1968: 39 — 40]). В дальнейшем в ряде языков произошёл процесс постепенной утраты эргативной конструкции, в частности, в связи с исчезновением падежного маркирования (см., например, курдские данные в работах [Bunon 1979, 1984], [Haig 1998, 2004], индийские в работе [Stump 1983]; довольно подробный обзор процессов устранения эргативной конструкции в индоиранских языках см. в работах [Пирейко 1968], [Skalmowski 1974], [Payne 1979, 1980])¹⁴.

Для иллюстрации противопоставления аккузативной и эргативной конструкций в зависимости от видо-временных категорий глагола, приведу следующие примеры из языка вафси, где в системе настоящего времени представлены нейтральная и аккузативная стратегии, а в прошедшем времени — эргативная и квазинейтральная [Stilo 2004: 243 — 244]:

вафси (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Центральный Иран)

(2.36) a. *tæ in xær-i næ-ruš-i?*
ты.DIR этот осёл-OBL.SG NEG-продать-2SG

‘Ты (А) не продашь этого осла (U)?’

b. *in luti-an yeu xær=esan æ-ruttæ.*
эти умный.человек-OBL.PL один осёл.DIR.SG=они DUR-продать.PST

‘Эти умные люди (А) продавали осла (U).’

c. *luas-i kærg-e=s bæ-værdæ.*
лиса-OBL.SG курица-OBL.SG=она PFV-взять.PST

‘Лиса (А) схватила [эту] курицу (U).’

В вафси, как и в значительной части иранских языков, роль А в прошедшем времени выражается с помощью косвенного падежа. В индийских языках А, как

---

¹⁴ Следует отметить, что такого рода диахроническое развитие находится в полном соответствии с выявленными на обширном языковом материале универсальными путями грамматикализации видо-временных значений из области перфекта, перфектива и прошедшего времени, см. [Bybee et al. 1994: Ch. 3], типичным источником для которых является результатив.

правило, маркируется послелогом, ср. уже приводившиеся примеры из языка хинди и следующие примеры из языка непали [Королёв 1965: 140]:

(2.37) a. *choro āya.*
сын.DIR.SG пришёл

‘Сын (S) пришёл.’

b. *choro ciṭṭhi tekhcha.*
сын.DIR.SG письмо.DIR.SG пишет

‘Сын (A) пишет письмо (U).’

c. *choro-le ciṭṭhi lekhyo.*
сын.DIR.SG-ERG письмо.DIR.SG написал

‘Сын (A) написал письмо (U).’

(2.38) *un-le chorā-lāi liin.*
она-ERG сын.OBL-OBJ взяла

‘Она (A) взяла с собой сына (U).’

Как можно заметить из приведённых примеров, от видо-временной формы глагола в индоиранских языках зависит выбор не между двумя стратегиями кодирования актантов (аккузативной и эргативной), а между четырьмя: в непрошедшем времени представлены аккузативная и нейтральная стратегии, а в прошедшем времени — эргативная и контрастивная или квазинейтральная. Распределение типов кодирования в каждой из пар зависит от семантических и референциальных свойств ИГ, выражающей роль U. Эти закономерности будут рассмотрены в следующем разделе.

2.1.2.4. «Дифференцированное маркирование объекта»

Ситуация, когда аргумент с ролью U маркируется по-разному в зависимости от его референциальных и/или семантических свойств, является скорее не исключением, а правилом в языках мира, см. [Moravcsik 1978c]. Ср. хотя бы такие русские примеры как *Он вытил воду* (‘всю, какая была’) vs. *Он вытил воды* (‘какую-то часть’). При этом, согласно наблюдениям Э. Моравчик [ор. cit.: 282 — 283, в языках мира имеются следующие возможности дифференцированного маркирования роли U: (i) аккузатив vs. косвенный падеж; (ii) аккузатив vs. партитив; (iii) аккузатив vs. номинатив. В той же работе выдвигается следующее обобщение, касающееся содержательной стороны указанных формальных противопоставлений [ibid.: 283]:

«если есть семантическое различие между аккузативным маркированием и косвенным, партитивным или номинативным, то это различие будет заключаться в определённости, одушевлённости, личности или степени вовлечённости U, причём аккузатив будет маркировать более определённый, более одушевлённый или личный и более вовлечённый U»^{15,16}. В языках с двухпадежными системами данное обобщение в общем случае не нарушается; наиболее частой является ситуация, при которой неопределённый или неодушевлённый U маркируется прямым падежом, а определённый или одушевлённый U — косвенным либо предлогом/послелогом. В дальнейшем, следуя введённым в монографии [Bossong 1985] обозначениям, одушевлённый/определённый U будет обозначаться U'.

«Дифференцированное маркирование объекта» представлено практически во всех индоиранских языках и в амхарском языке. На материале иранских языков это явление было со всей детальностью проанализировано в монографии [Bossong 1985]¹⁷, поэтому я остановлюсь лишь на тех примерах, которые реализуют нестандартные стратегии кодирования ядерных актанта. Здесь необходимо отметить, что, по-видимому, основное различие между явлениями дифференцированного маркирования U в иранских и индийских языках лежит в том, какой из признаков U — одушевлённость или определённость — является более важным. Согласно Г. Боссонгу [Bossong 1985: 130], в иранских языках эти факторы иерархизированы следующим образом: определённость (точнее, по-видимому, референтность) > одушевлённость, а в индийских [Junghare 1983] скорее наоборот. Ср. следующие примеры из диалектов группы азари [Yar-Shater 1969: 99, 66]:

чали (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Центральный Иран)

---

¹⁵ “If there is any semantic difference between an accusative marking and either an adverbial, or a partitive, or a nominative marking ... this semantic difference will be related either to definiteness, or to animacy, or humanness or to degree of affectedness of the Object, with the accusative, by definition, marking the more definite (rather than the less definite), the animate or human (rather than the inanimate or non-human), and the totally affected (rather than the unaffected) noun phrase.

¹⁶ Ср. также недавнюю попытку формализации этого обобщения в рамках Теории оптимальности в работах [Aissen 2003] и [de Swart 2003] и семантический анализ в книге [Ackerman, Moore 2001: Ch. 5].

¹⁷ Ср. также работы Ж. Лазара, специально посвящённые этому явлению в персидском языке — [Lazard 1957: 175 — 186; 2001/1982].

(2.39) *čemen östör-e berxin.*
 мой верблюд-OBL.SG купи

‘Купи моего верблюда (U)’!

хиареджи (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Центральный Иран)

(2.40) *difār-e harāb āka.*
 стена-OBL.SG разрушение сделай

‘Разрушь (эту) стену (U)’!

такестани (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Центральный Иран)

(2.41) *qoč ager beza mager.*
 баран.DIR.SG бери коза.DIR.SG не.бери

‘Купи баранов (U), а не коз (U)’!

с примерами из хинди [Comrie 1979: 17], [Junghare 1983: 45]:

хинди (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная подгруппа, Индия)

(2.42) a. *Aurat bacce=[?](ko) bulā rahi hai.*
 женщина.DIR.SG ребёнок.OBL.SG=OBJ звать PROG AUX

‘Женщина зовёт (этого/какого-то) ребёнка (U/U)’.

b. *Un patr-ō=(ko) parhie!*
 эти письмо-OBL.PL=(OBJ) прочитайте

‘Прочитайте эти письма (U)’!

c. *Darzī bulāo!*
 плотник.DIR.SG позови

‘Позови (неважно, какого) плотника (U)’!

d. *Maĩ=ne āj kitāb=([?]ko) parhā.*
 я.OBL=AGT сегодня книга.OBL.SG=OBJ читал

‘Я сегодня читал (эту/какую-то) книгу (U/U)’.

Исходя из этих примеров, можно предположить, что в хинди одушевлённость или по крайней мере личность U является не менее важным фактором, нежели определённости, хотя проявляется эта иерархизация весьма интересным образом: не в виде требования маркирования одушевлённого U вне зависимости от определённости, а скорее в виде (нежёсткого) запрета на маркирование неодушевлённого U, даже ко-

гда он определённый. В любом случае, здесь имеет место весьма сложное и не до конца ясное взаимодействие двух параметров¹⁸.

В качестве объяснения того факта, что одушевлённые и определённые U как правило маркированы по сравнению с неодушевлёнными или неопределёнными, Б. Комри [Comrie 1979] была выдвинута следующая гипотеза: определённые и одушевлённые U по своим признакам более похожи на типичные A, нежели неопределённые и неодушевлённые, и потому им необходимо маркирование, которые бы отличало их от A [Comrie 1979: 19 — 20]. Данное объяснение, однако, нельзя признать полностью удовлетворительным по следующим причинам. Во-первых, оно основано на уже критиковавшемся представлении о том, что основная функция падежного маркирования — различительная, а не сигнификативная. Во-вторых, такому объяснению явно противоречит тот факт, что в большом числе языков с «дифференцированным маркированием объекта» даже неопределённый или неодушевлённый U маркируется не так, как функция A, и тем самым, отсутствует необходимость отличать A от определённого или одушевлённого U. В частности, в следующем примере из хинди [Junghare 1983: 45] послелог =*ko*, маркирующий определённый и одушевлённый U, согласно гипотезе Б. Комри, явно избыточен, т. к. роль A здесь кодируется другим послелогом:

(2.43) *maī=ne āj kutte=ko xarīdā.*
я.OBL=AGT сегодня собака.OBL.SG=OBJ купил

‘Я сегодня купил (эту) собаку (U).’

В-третьих, утверждение о том, что «прототипический» U является неодушевлённым и/или неопределённым, явным образом противоречит авторитетной и доказавшей свою эффективность концепции переходности, выдвинутой в работе [Norreg, Thompson 1980], где в качестве одного из критериев «канонической» переходности постулируется именно высокая степени индивидуализации U. Иными словами, U прототипического переходного предложения как раз должен быть одушевлённым и/или определённым, в противном случае он может быть опущен, подвергнут ин-

---

¹⁸ Ср. подробное рассмотрение этого феномена в хинди в книге [Mohanap 1994: 79 — 87], где делается следующий вывод: способ оформления роли U зависит, в частности, от того, допускает ли глагол только одушевлённый U (который всегда маркируется послелогом, независимо от определённости), только неодушевлённый U (который всегда маркируется прямым падежом, независимо от определённости) или же U может быть как одушевлённым, так и неодушевлённым; в последнем случае важную роль играет референтный статус U.

корпорации в предикат, или понижен в синтаксическом ранге, что приводит к тому, что предложение перестаёт быть переходным (более подробное обсуждение этой проблемы см. в статье [Næss 2004]).

Наконец, гипотеза Б. Комри предсказывает невозможность возникновения квазинейтральной стратегии, когда роли А и U маркированы одинаково; данная стратегия имеет место в ряде рассматриваемых языков именно тогда, когда косвенный падеж А обусловлен прошедшим временем глагола, а косвенный падеж U — его определённой, ср. пример из рушанского языка [Payne 1979: 443], где оба центральных участника находятся на крайне левом конце Иерархии одушевлённости:

рушанский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Таджикистан)

(2.44) *mi tā wunt.*
 я.OBL ты.OBL видел
 ‘Я тебя видел’¹⁹.

Тем самым, как квазинейтральная (рушанский язык), так и контрастивная (хинди) стратегии кодирования ядерных аргументов возникают в результате взаимодействия одних и тех же факторов: времени/вида глагола, определяющего характер маркирования роли А, и референциальных свойств U, влияющих на оформление этой роли. Ни одно из этих явлений не может быть объяснено с помощью гипотезы о различительной роли «дифференцированного маркирования объекта».

Более удовлетворительным представляется объяснение функции «дифференцированного маркирования объекта», предложенное Ж. Лазаром [Lazard 1984; 1994: 228 — 232] и Г. Боссонгом [Bossong 1985: 136 — 143 ff.]: противопоставление определённого/одушевлённого/личного U неопределённому/неодушевлённому/ неличному связано с параметром индивидуализации референта ИГ с этой семантической ролью. Чем выше степень индивидуализации U, тем более он коммуникативно выделен по сравнению с менее индивидуализированным и тем менее тесна его семантическая и в особенности прагматическая связь с глаголом, что иконически отражает степень внимания говорящего по отношению к этому референту. Эта гипотеза не только позволяет единообразно объяснить уже приведённые факты, но и предсказывает, что менее индивидуализированный U, с большей вероятностью входя в одну

¹⁹ Неясно, однако, может ли этот пример интерпретироваться как ‘ты меня видел’.

коммуникативную составляющую с глаголом, скорее подвергнется инкорпорации (ср. там же, а также [Mithun 1984]).

Остановлюсь коротко на явлениях «дифференцированного маркирования объекта» в языках за пределами индоиранской группы. Рассмотрим примеры из амхарского языка, где косвенный падеж маркирует роль U, когда она выражена: личным местоимением; именем собственным; именем, оформленным показателем принадлежности; определённой ИГ, — а прямой падеж употребляется при неопределённом U [Титов 1991: 27 — 28, 265 — 266]:

амхарский (афроазиатская макросемья, семитская семья, южная ветвь, эфиопская группа, Эфиопия)

(2.45) a. *anči-n*   *agēññehu.*
ты-OBL   я.встретил

‘Я встретил тебя.’

b. *prezident*   *awropa-n*   *yəgobēññalu.*
президент.DIR.SG   Европа-OBL   посетит

‘Президент посетит Европу.’

c. *bet-wa-n*   *asayyeč.*
дом-её-OBL   она.показала

‘Она показала свой дом.’

d. *səw*   *bet-ən*   *ayye.*
человек.DIR.SG   дом-OBL   увидел

‘Человек увидел (этот) дом.’

(2.46) *səw*   *anbesa*   *geddele.*
человек.DIR.SG   лев.DIR.SG   убил

‘Человек убил (какого-то) льва.’

Основное отличие амхарского косвенного падежа от косвенных падежей индоиранских языков заключается в том, что в амхарском маркирование высоко индивидуализированного U является основной (хотя всё же и не единственной) функцией косвенного падежа, в то время как не только косвенный падеж, но и предложно/последложные показатели роли U в индоиранских языках, как правило, полифункциональны (так, послелог =*ko* в хинди служит также для маркирования ролей Адресата, [Junghare 1983: 43 — 44]) и не допускают выделения какой-либо функции в качестве центральной, см. подробное обсуждение этого вопроса в работе [Bossong 1985: 113 — 116], а также п. 2.3.1.

2.1.2.5. «Расщеплённое» кодирование, обусловленное коммуникативным статусом аргументов

В данном разделе я остановлюсь на явлениях, связанных в первую очередь с дифференцированным оформлением роли А (или S/A) в зависимости от её коммуникативного статуса. Это явление представлено лишь в отдельных языках с двухпадежными системами и наиболее характерно для языков Африки, примеры из которых уже были приведены в разделе о маркировании топика.

В алеутском языке, согласно работе [Bergsland 1997], топикализированный Актор переходного предложения оформляется прямым падежом, т. е. реализуется нейтральная стратегия кодирования, ср. следующий пример [ibid.: 54]:

алеутский (эскимосско-алеутская семья, алеутская группа, Алеутские острова)

(2.47) *tayaġu-x̂*   *ula-x̂*   *agu-na-x̂*.
 человек-DIR.SG   дом-DIR.SG   строить-PST-SG

‘[Речь идёт о человеке] Человек (A) построил дом (U).’

Похожая ситуация представлена в кушитском языке гидоле, где единственной функцией косвенного падежа является маркирование нефокализованного «подлежащего» [Nauward 1981: 135]. Ср. следующие примеры [ibid.: 136 — 137]:

гидоле (афроазиатская макросемья, кушитская семья, восточная группа, Эфиопия)

(2.48) a. *herrá*   *ǰáppa*   *қанin*
 собака.DIR.SG   человек.DIR.SG   укусила.SBF

‘Именно собака (A) укусила человека (U).’

b. *herró-t*   *ǰáppa*   *he-қанini*.
 собака-OBL.SG   человек.DIR.SG   3SG-укусить

‘Собака (A) укусила человека (U).’

К сожалению, имеющихся в моём распоряжении данных недостаточно для того, чтобы точнее установить условия употребления указанных конструкций. Следует, однако, отметить, что коммуникативная категория фокуса играет первостепенную роль в синтаксисе многих африканских языков, в частности, кушитских, см. [Плунгян 2003: 35 — 36], поэтому её связь с категорией падежа в этих языках не удивительна, ср. также [Tosco 1994: 229].

Наиболее интересный случай, пожалуй, представлен в уже не раз упоминавшемся ваханском языке. В этом языке выраженный личным местоимением аргумент с ролью S или A в системе прошедшего времени может быть оформлен как прямым, так и косвенным падежом. В отличие от других иранских языков, где A переходного глагола при прошедшем времени последнего всегда выражен косвенным падежом (кроме талышского языка, где это не касается местоимений), а оформление S может зависеть от лексических свойств предиката (см. выше), в ваханском языке наблюдается редкий случай, когда выбор падежа S/A-актанта не зависит от переходности сказуемого. Как показано в статье [Bashir 1986], падежное маркирование «подлежащего» в ваханском языке обусловлено семантико-прагматическими и дискурсивными факторами (р. 18 — 19): «подлежащее в OBL скорее появляется в тех случаях, когда выполняется одно или все из следующих условий: (1) ситуация рассматривается как активная и волитивная, нежели как «пассивная» и стативная; (2) референциальное тождество подлежащего должно быть подчеркнуто; (3) внутри дискурса подлежащее или «топик» является новым или отличным от субъекта предшествующей ситуации; этот новый или изменённый дискурсивный топик нередко инициирует событие, важное для продвижения сюжетной линии нарратива»²⁰. Рассмотрим некоторые примеры [Bashir 1986: 19]:

ваханский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Таджикистан, Пакистан, Афганистан)

(2.49) *uz=əm yaw ʃəʃ tqi dōžd=əy yaw ska maž nə yutt=əy.*
я.DIR=1SG его хлеб много взяла=CL он²¹ потом я.OBL не взял=CL

‘Я (A) взяла слишком много его хлеба, и <поэтому> он не женился на мне.’

(2.50) *maž sav=ər nān wōzōmd=ey.*
я.OBL вы.OBL=DAT мать привёз=CL

‘Я (A) привёз вам мать.’

---

²⁰ “[A]n OBL subject will be more likely to appear when one or all of the following conditions obtains. (1) The action is perceived as volitional and active rather than as “passive” or stative; (2) the referential identity of the subject is to be stressed; (3) within the discourse, the subject or topic is “new” or different from the subject of the preceding action; this new or changed discourse topic is often initiating an action important in advancing the story line of the narrative”.

²¹ Местоимения третьего лица единственного числа, как и существительные, в ваханском языке не склоняются.

Пример (2.49) взят из рассказа, где женщина по неосторожности съела больше хлеба, чем ей было положено, и из-за этого пострадала. А-актант ('я') в данном случае характеризуется пониженной степенью контроля за ситуацией, и потому оформлен Dir. Напротив, в примере (2.50) действие мужчины, привезшего в дом новую жену — мать для своих дочерей — является абсолютно контролируемым и совершается по его собственной воле, и это позволяет оформить соответствующую ИГ косвенным падежом. Таким образом, данные примеры иллюстрировали важность параметра волитивности и контроля для оформления А.

Рассмотрим теперь, как на выбор падежа «подлежащего» в ваханском языке влияют дискурсивные факторы. Ср. следующий пример [ibid.: 21]:

- (2.51) *naxčir maž rəɣd=əy šəpk=əm wozomd niw tuʔ*
 лиса я.OBL ходил=CL палочки=1SG принёс теперь ты.DIR
ča ma=r par gox.
 иди я.OBL=DAT крылья сделай

‘Лиса, я (А) сходил и принёс палочки; теперь ты (А) иди и сделай мне крылья.’

В первом предложении (2.51) говорящий (медведь) подчёркивает, что он и именно он выполнил ту часть работы, которую он должен был сделать; это контрастивное выделение выражается при помощи косвенного падежа. Во втором предложении для выражения противопоставления между двумя ситуациями и их двумя исполнителями, по-видимому, уже не требуется оформлять субъекта посредством Obl (учитывая, в частности, что этот субъект — лиса — уже назван в обращении). Ср. также следующий пример, где говорящему уже нет нужды подчёркивать свою идентичность [ibid.: 22]:

- (2.52) *ə nəɣərdum wuz=əm a=yəm paləw ki dəʒd=əy.*
 эй медведь я.DIR=1SG EMPH=этот бок EMPH схватил=CL

‘Эй, медведь, я схватила (тебя) за этот бок.’

Таким образом, в ваханском языке «расщеплённое» кодирование, во-первых, затрагивает роли S и А независимо от переходности предиката, и, во-вторых, обусловлено прагматическими факторами — желанием говорящего представить ситуацию как в большей или меньшей степени находящуюся под контролем субъекта (которым зачастую является сам говорящий) и противопоставить субъекта другим участникам дискурса.

2.1.2.6. «Расщеплённое» кодирование, обусловленное независимым или подчинённым статусом предикации

Как уже отмечалось выше, в юто-ацтекских языках кодирование ядерных актантов в основном следует аккузативной стратегии. Важным исключением из этого правила является наличие нейтральной стратегии в различных типах придаточных предложений, в которых роль S/A выражается с помощью косвенного падежа, т. е. так же, как роль U. Ср. следующие примеры из языка яки [Lindenfeld 1973: 65, 81, 103], где представлены определительные и адвербиальные клаузы, а также синтаксические дополнения:

яки (юто-ацтекская семья, южная группа, Мексика)

(2.53) a. *hu kari [in aʃai-ta hinuk-aʔu] weʃek.*
DEF.DIR.SG дом.DIR.SG мой отец-OBL.SG купил-REL упал

‘Дом, который купил мой отец (A), разрушился.’

b. [*hu-ka oʔoo-ta yepsak-o*] *itepo sahak.*
DEF-OBL.SG человек-OBL.SG пришёл-TEMP мы.DIR ушли

‘Когда этот человек (S) пришёл, мы ушли.’

c. *na=a biʃa ke [hu-ka usi-ta ʃuʔu-ta
ya.DIR=это вижу что этот-OBL.SG ребёнок-OBL.SG собака-OBL.SG
kipwe-ʔu].*
имеет-REL

‘Я вижу, что у этого ребёнка (A) есть собака (U).’

Аналогичное явление имеет место и в диалекте чемевеви языка юте, относящемся к другой подгруппе юто-ацтекских языков ср. следующие примеры [Press 1979: 108, 111, 115]:

чемевеви (юто-ацтекская семья, северная группа, южно-нумийская подгруппа, Калифорния)

(2.54) a. [*puŋkuc-i havitu-g*] *airac ay tʃka-vi*
собака-OBL.SG петь-SIM мальчик.DIR.SG этот.DIR.SG есть-PST

‘Пока собака (A) пела, мальчик ел.’

b. *waampakwic [nʃni pa-ka-tpa-n] airac-i kwipa-vi*
скорпион.DIR.SG я.OBL убить-FUT-NML мальчик-OBL.SG жалить-PST

‘Скорпион, которого я (A) собирался убить, ужалил мальчика.’

с. *John* [Ann-i kar#iá-j k'áw tayakai-n] putucuga-j
 Джон.DIR Энн-OBL стул-OBL.SG вчера ударила-NML знать-PRS
 ‘Джон знает, что Энн (А) вчера сломала (?) стул (U)’

Объясняется такого рода кодирование роли S/A в придаточных предложениях довольно просто: нефинитные глагольные формы в зависимых клаузах юто-ацтекских языков являются, по крайней мере, исторически, отглагольными именами, требующими постановки S/A-аргумента в атрибутивную форму, т.е. в косвенный падеж. Подтверждением этого является тот факт, что в таких конструкциях роль S/A может выражаться также и особой формой личного местоимения, употребляющейся в посессивных конструкциях, ср. следующий пример из языка яки [Lindenfeld 1973: 72]:

яки (юто-ацтекская семья, южная группа, Мексика)

(2.55) *ini-ka* *bači-ta* [em hinuk-aʔu] *nee* *maKa*.
 DEF-OBL.SG зерно-OBL.SG твой купил-REL я.OBL дать.IMP
 ‘Дай мне зерно, которое ты (А) купил.’

Такого рода маркирование роли S/A в придаточных предложениях с именной формой глагола довольно часто встречается в языках мира, ср. [Keenan 1985: 160 — 161], [Lehmann 1988: 195 — 200], [Сердобольская 2005]; ситуация в юто-ацтекских языках интересна в первую очередь потому, что здесь в результате постановки S/A-аргумента в косвенный падеж возникает нейтральная стратегия кодирования актантов. Объяснение этому явлению, равно как и подобным ему в индоиранских и других языках — наличие в них лишь двух падежей, существенно ограничивающее возможности выражения семантико-синтаксических отношений.

Не менее интересное явление данного типа имеет место в языке ниас, где оформление ядерных актантов в определительных придаточных предложениях «зеркально» по сравнению с их кодированием в независимой клаузе. Ср. следующие примеры из работы [Brown 2001: 211], где роль А оформляется косвенным падежом, а роли S и U — прямым:

ниас (австронезийская макросемья, малайско-полинезийская семья, суматранская группа, северная подгруппа, остров Ниас)

(2.56) а. *nukka* [ni-sasai n-akhi-gu]
 одежда PASS-стирать OBL-младшая.сестра-1SG

‘Одежда, которую должна была постирать моя младшая сестра (А).’

b. *andehe'e n-ono matua [si-lau oh].*
 вот OBL-ребёнок мужской REL-взобрался.на DIR.дерево

‘Вот мальчик (S), который взобрался на дерево (U).’

2.1.2.7. «Неканоническое» маркирование ядерных аргументов

В данном разделе будут рассмотрены явления «неканонического», т.е. отклоняющегося от базовой стратегии, маркирования ядерных ролей в отдельных конструкциях, приводящие к возникновению специфических типов кодирования. Такого рода изменение маркирования, как правило, является периферийным для языка и в большей степени подвержено межъязыковому варьированию, хотя и здесь отчётливо проявляются важные типологические тенденции (см. сборники [Aikhenvald et al. (eds.) 2001] и [Bashakararao, Subbarao (eds.) 2004]).

«Неканоническое» маркирование ролей S/A довольно часто встречается в контексте разного рода ирреальных модальностей, таких как возможность, долженствование и т. п., ср. [Klaiman 1981], [Onishi 2001: 24 — 25, 31 — 33]. Так, в языке кати имеется конструкция со значением необходимости/долженствования, состоящая из нефинитной формы глагола и связки; при этом роль S/A маркируется косвенным падежом, а роль U — прямым²² [Грюнберг 1980: 184, 257]:

кати (индоевропейская семья, индоиранская группа, нуристанская ветвь)

(2.57) a. *dalk'eř ye Ktīvī es-tuk=asi.*
 завтра я.OBL Ктиви.DIR уйти-GER=AUX.3SG

‘Завтра я (S) должен уйти в Ктиви.’

b. *ye davo yus-tuk=asi.*
 я.OBL лекарство.DIR.SG съесть-GER=AUX.3SG

‘Я (A) должен съесть лекарство (U).’

В ряде норвежских диалектов, сохраняющих противопоставление прямого и косвенного падежей у существительных, U некоторых двухместных глаголов маркируется косвенным падежом, в то время как обычно данная роль оформляется прямым падежом. К таким глаголам относятся, в частности, следующие [Vigeland 1981: 67]: *mate* ‘кормить’, *stelle* ‘ухаживать’, *hjelp* ‘помогать’, *takke* ‘благодарить’ и др.. Все эти глаголы обозначают действия, отклоняющиеся от прототипа переходности,

²² По-видимому, лишь при неопределённом U; к сожалению, для того, чтобы установить это точно, имеющегося в моём распоряжении материала недостаточно.

и входят в класс предикатов, для которых неканоническое маркирование является типологически естественным, ср. [Tsunoda 1981, 1985], [Onishi 2001: 28 — 31], [Testelec 1998].

Глаголы, обозначающие внутренние эмоциональные состояния, каузированные извне, также часто характеризуются неканоническим оформлением ролей Экспериенцера (Exp) и Стимула (Stim), см. [Tsunoda 1981, 1985], ср. также [Blansitt 1978], [Shibatani 1983]. Так, в языке ниас, где, как уже демонстрировалось, функция S/U обычно оформляются косвенным падежом, а роль А — прямым, при глаголах ‘любить’, ‘бояться’, ‘забыть’ и т. д. оба ядерных аргумента маркируются косвенным падежом, ср. следующие примеры [Brown 2001: 198 — 199]:

ниас (австронезийская макросемья, малайско-полинезийская семья, суматранская группа, северная подгруппа, остров Ниас)

(2.58) a. *Ata’u mba’e n-ono matua.*
 боится OBL.обезьяна OBL-ребёнок мужской
 ‘Обезьяна (Exp) боится мальчика (Stim).’

b. *Omasi ya ndraugö.*
 нравится он.OBL ты.OBL
 ‘Ты (Stim) ему (Exp) нравишься.’

Ввиду того, что при таких глаголах стратегия оформления ядерных ролей оказывается нейтральной, они различаются порядком слов, который в данном случае строго фиксирован: Глагол — Экспериенцер — Стимул.

В том же языке ниас наблюдается интересное различие в оформлении роли S в экзистенциальных предложениях: если в конструкциях с утвердительной формой бытийного глагола S-аргумент оформляется канонически, т. е. косвенным падежом, то при отрицательном бытийном глаголе он маркируется прямым падежом, ср. [Brown 2001: 198, 206]:

(2.59) a. *ga so gösoa.*
 здесь.есть OBL.таракан
 ‘Здесь таракан.’

b. *löna baßi ba mbanua ha’a.*
 нет DIR.свинья LOC OBL.деревня эта
 ‘В этой деревне нет свиней.’

«Неканоническое» маркирование роли U наблюдается в ряде языков Америки. Так, в салишских языках имеется трансформация антипассива, понижающая пе-

реходность глагола и изменяющая характер маркирования U, ср. следующие примеры из языка шусвап [Kuipers 1974: 78]:

шусвап (салишская семья, внутренняя группа, северная подгруппа, Британская Колумбия)

(2.60) a. *m=ck^w neməs*   *ɣ=cit.*
ASP=взял.TR   ART.DIR.SG=дѐготь

‘Он взял дѐготь.’

b. *m=ck^w ensəs*   *t=cit.*
ASP=взял.ITR   ART.OBL.SG=дѐготь

‘Он взял дѐготь.’

К сожалению, А. Койперс ничего не сообщает о семантическом противопоставлении двух конструкций, хотя можно предположить, что в данном случае имеет место аналог «дифференцированного маркирования объекта», а именно, что пример (2.60b) имеет партитивную интерпретацию (ср., например, обсуждение функций антипассива в книге [Lazard 1994: 238 — 240]).

Сходное явление наблюдается в языке мовима [Haude 2006: 283 — 286], где при нереферентном или не значимом в дискурсе U выступает конструкция с инкорпорацией в глагол связанного корня с обобщённым значением, по отношению к которому ИГ-Претерпевающий является гипонимом, а сам глагол при этом делается непереходным. Ср. следующие примеры [Haude 2006: 283]:

мовима (изолят, Боливия)

(2.61) a. *loy iʃ chu'-na*   *as*   *manka.*
FUT я сбить.наземь-TR ART.SG.DIR манго

‘Я сниму с дерева (этот) плод манго.’

b. *loy in chuk-a:-ba*   *n-is*   *manka.*
FUT я сбить.наземь-TR-круглый OBL-ART.PL манго

‘Я соберу манго.’

Антипассивизация в мовима сопровождается и другой грамматический процесс, а именно коммуникативное выделение (по-видимому, фокусирование) Актора, ср. следующие примеры [ibid.: 287]

(2.62) a. *bay-a-cho=us*   *as*   *wa:so.*
ударить-TR-внутри=3SG.M ART.SG.DIR стекло

‘Он разбил стекло.’

b. *usko kwey bay-a:-cho n-as wa:so.*
 он FOC ударить-TR-внутри OBL-ART.SG стекло

‘Это он разбил стекло.’

В чемевеви, как и в других юто-ацтекских языках, базовой является аккумулятивная стратегия кодирования актантов, см. [Langacker (ed.) 1977: 77 — 85]. Однако в императиве роль U маркируется прямым падежом, так же как и роль S/A (этот аргумент, по-видимому, не обязан опускаться), ср. следующие примеры [Press 1979: 78, 92]:

чемевеви (юто-ацтекская семья, северная группа, южно-нумийская подгруппа, Калифорния)

(2.63) *maŋ puŋkuc-i kiŋi-vi*
 он.DIR собака-OBL.SG кусать-PST

‘Он (A) укусил собаку (U).’

(2.64) a. *aipac wampakwic panikai-tu ŋi-y.*
 мальчик.DIR.SG скорпион.DIR.SG видеть-CAUS-IMP

‘Покажи мальчику скорпиона²³.’

b. *ŋin nukwi-y!*
 ты.DIR бежать-IMP

‘Беги!’

Таким образом, в императивной конструкции в чемевеви представлена нейтральная стратегия кодирования ядерных аргументов, выражающаяся в единообразном маркировании их всех прямым падежом.

Интересный случай неканонического маркирования актантов представлен в языке чоктау. В подавляющем большинстве случаев ИГ в чоктау маркируются согласно аккумулятивной стратегии, ср. следующие примеры [Heath 1977: 206, 207]:

чоктау (мускогейская семья, западная группа, Оклахома, США)

(2.65) a. *hattak-at iya-h.*
 мужчина-OBL.SG идти-PRS

‘Мужчина (S) идёт.’

---

²³ Здесь необходимо отметить следующую черту юто-ацтекских языков: единообразную грамматическую трактовку ролей U и Адресата/Бенефактива, ср. [Langacker (ed.) 1977: 84]; см. также п. 2.2.1.

b. *hattak-at*   *oho:yoh(q:)*   *pisa-h.*
 мужчина-OBL.SG   женщина.DIR.SG   видеть-PRS

‘Мужчина (A) видит женщину (U).’

Как видно, в чоктау, как и в берберских и нилотских языках, роль S/A оформляется косвенным падежом, а роль U — прямым. Единственное исключение из данного правила — посессивные конструкции с глаголом ‘иметь’ (который в чоктау буквально переводится как ‘стоять у кого-то’), где как посессор (=A), так и обладаемое (=U) могут быть оформлены косвенным падежом [Heath 1977: 208 — 210]:

(2.66) *hattak-at*   *ka:h-at*   *ì-hikì:ya-h.*
 мужчина-OBL.SG   машина-OBL.SG   3SG.IO-стоять-PRS

‘У мужчины (A) есть машина (U).’

Возможно, такая модель падежного оформления аргументов посессивной конструкции связана с тем, что ни Посессор, ни Обладаемое не являются прототипическими Агенсом и Пациентом.

Наконец, в языке пери, в котором базовой стратегией оформления актантов является эргативная (чем он выделяется на фоне большинства африканских языков; см. [Andersen 1988]), в некоторых типах вопросительных предложений (восходящих, согласно указанной работе, к полипредикативным конструкциям) имеет место аккузативное кодирование аргументов. Интересно, что при этом меняется оформление функции S (с прямого падежа на косвенный). Ср. следующие примеры [Andersen 1988: 292 — 293, 318 — 319]:

пери (нило-сахарская макросемья, нилотская семья, западная ветвь, группа луо, северная подгруппа, южный Судан)

(2.67) a. *ùbúr*   *á-túuk`.*
 Убур.DIR   PFV-играть

‘Убур (S) поиграл.’

b. *dháag`*   *á-yáar*   *ùburr-ì.*
 женщина.DIR.SG   PFV-оскорбить   Убур-OBL

‘Убур (A) оскорбил женщину (U).’

(2.68) a. *pìr η`*                    *ì*                    *pλr*                    *ścæ`-ê?*
 почему COP   прыгать   человек-OBL.SG

‘Почему человек (S) прыгнул?’

b. *pìr ñḁ dháagḁ ì cḁḁl yí ñpḁnd`-è*
 почему женщина.DIR.SG COP звать 3SG ребёнок-OBL.SG

‘Почему ребёнок (A) позвал женщину (U)?’

2.1.2.8. Заключение

В данном разделе были рассмотрены основные параметры варьирования в кодировании ядерных аргументов, наблюдаемые в языках с двухпадежными системами. Суммируя сказанное выше, можно отметить следующее. При том, что различия в поверхностном оформлении семантико-синтаксических отношений в этих языках регулируются универсальными факторами и в основном не нарушают сделанных на существенно более широком материале обобщений, в исследуемых в данной работе языках имеются явные отклонения от ожидаемых моделей маркирования. К последним относится, в частности, появление в целом ряде языков нейтральной и квазинейтральной стратегий кодирования, общее свойство которых — неразличение ролей A и U, по крайней мере, на уровне падежного маркирования. Причина возникновения подобных типов оформления ядерных ролей, в особенности редкой и «неестественной» квазинейтральной стратегии, заключается в характере рассматриваемых падежных систем, а именно, в наличии в них лишь двух членов.

Действительно, рассмотрим стандартный способ оформления ролей A и U в двухпадежных системах, представленный в таблице 2.6.

Таблица 2.6. Кодирование ролей A и U в двухпадежных системах

Стратегия	A	U
аккузативная	Dir	Obl
эргативная	Obl	Dir

В ситуации, когда при некоторых условиях, например, как в юто-ацтекских языках, в придаточном предложении, роль (S/)A оформляется косвенной формой имени, возникает нейтральная стратегия; то же имеет место и при маркировании косвенным падежом определённого/одушевлённого U в эргативной конструкции. Особенность проявления нейтральной стратегии в обоих случаях — оформление обеих ролей косвенным, а не прямым падежом.

Важно отметить, что функциональная мотивированность таких конструкций оказывается сильнее их «неразличительности»: вопреки типологическим ожиданиям

ям, что «неестественная» стратегия оформления актантов должна устраниться из языка, будучи заменена более «различительной», этого зачастую не происходит²⁴.

Ещё один интересный аспект, имеющий своей причиной редуцированный набор средств выражения в двухпадежных системах, — «зеркальное» оформление ядерных аргументов в случае расщеплённого кодирования. Связь этой ситуации с числом падежных форм в системе можно наглядно продемонстрировать материалом грузинского языка, где противопоставление только двух форм наблюдается лишь в системе указательных местоимений [Vogt 1973: 52, 54]:

грузинский (картвельская семья)

(2.69) a. *es*   *k'ac-i*   *mok'lavs*   *am*   *irem-s.*
этот.DIR.SG   человек-NOM   убьёт   этот.OBL.SG   олень-ACC

‘Этот человек (A) убьёт этого оленя (U).’

b. *am*   *k'ac-ma*   *mok'la*   *es*   *irem-i.*
этот.OBL.SG   человек-ERG   убил   этот.DIR.SG   олень-NOM

‘Этот человек (A) убил этого оленя (U).’

Существительные в грузинском языке различают несколько падежей, и тем самым, U в будущем времени оформлен иначе, чем A в прошедшем; однако в силу того, что падежная система атрибутивных указательных местоимений содержит всего два члена, у них соответствующие формы совпадают. Эти примеры остаётся лишь сравнить с аналогичными в языке, где двухпадежная система распространяется на все именные лексемы, ср. примеры из языка заза [Selcan 1998: 277–279]

заза (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Турция)

(2.70) a. *televe*   *malim-i*   *vinen-o.*
студент.DIR.SG   учитель-OBL.SG   видеть-PRS.3SG

‘Студент видит учителя.’

---

²⁴ При том, что, согласно работе [Рауне 1980], в целом ряде памирских языков квазинейтральная стратегия устраняется или уже была устранена, по всей видимости, движущей силой этого изменения была не потребность противопоставлять A и U аргументы (которые и без этого различались посредством глагольного согласования, см. там же), а аналогия с настоящим временем, где A всегда оформляется прямым падежом. С другой стороны, по свидетельству работы [Найг 1998: 169 — 170], в говорах курманджи квазинейтральная стратегия, напротив, вытесняет эргативную.

b. *televe-y malim di.*
 студент-OBL.SG учитель видеть.PST.3

‘Студент увидел учителя.’

Таким образом, можно утверждать, что базовые стратегии маркирования ядерных ролей в рассматриваемых языках и их варьирование, с одной стороны, обусловлены теми же факторами, что и аналогичные явления в языках, имеющих большее разнообразие средств для выражения семантико-синтаксических отношений (ср. хотя бы положение дел в ряде индийских языков, где такие роли, как А эргативной конструкции и определённый/одушевлённый U оформляются при помощи *разных* послелогов), но, с другой стороны, они подчас проявляются в нетипичных структурах, возникающих из-за необходимости кодировать то же разнообразие функций при помощи всего двух падежных форм.

Экскурс. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем²⁵

Как уже указывалось выше, основные типологические наблюдения, касающиеся стратегий оформления ядерных актантов в языках мира, были сделаны в рамках подхода, который я буду условно называть «дискриминаторным». Его последователи (см. уже упомянутые работы [Comrie 1978, 1979, 1989/1981], [Shibatani 1983], [Kibrik 1979], [Dixon 1979, 1994]) исходят из того, что важной, и возможно даже основной функцией падежного маркирования является *различение* аргументов переходного (двухместного) предиката, и что системы падежного кодирования ядерных актантов регулируются принципами *экономии* и *различительности*, ср. [Comrie 1978: 380]: «Употребление ненулевых показателей синтаксических функций [например, падежей — П.А.] в языках мира ожидается прежде всего в тех случаях, когда наиболее вероятно неоднозначное восстановление синтаксических функций в отсутствие таких показателей»²⁶. Из данной формулировки вытекает, что, с одной стороны, падежные показатели с наибольшей вероятностью употребляются тогда, когда они необходимы для того, чтобы избежать неоднозначности (различитель-

---

²⁵ Данный экскурс во многом совпадает с работами [Arkadiev to appear a], [Аркадьев в печати б].

ность), а, с другой стороны, они скорее *не* употребляются в тех случаях, где в них нет непосредственной необходимости (экономичность).

Частные следствия принципа экономичности таковы (ср. там же):

1. Для роли S вообще не требуется никакого специального кодирования, т.к. она синтагматически ничему не противопоставлена.
2. Разные подтипы роли S (в частности, агенс и пациенс) могут быть нейтрализованы, т.к. их значение может быть восстановлено из контекста.
3. Из двух участников переходной ситуации достаточно эксплицитно маркировать лишь одного, поскольку другой будет выделяться «по остаточному принципу».

Из этих трёх следствий вытекает, в частности, что наиболее экономичными (и не нарушающими при этом принципа различительности) являются такие стратегии падежного маркирования, в которых, во-первых, роль S объединяется с одной из «переходных» ролей, противопоставляясь другой, т.е. аккузативная и эргативная стратегии, и, во-вторых, формально маркированной при помощи падежного аффикса является лишь эта отдельно кодируемая переходная роль. И действительно, в значительном большинстве языков с падежным маркированием ядерных ролей формально маркированными падежами являются именно аккузатив (кодирующий роль U) и эргатив (кодирующий роль A). Тем самым, принцип экономии предсказывает не только структуру и статистическое преобладание аккузативной и эргативной стратегий кодирования, но и их морфологическое устройство.

Переходя к принципу различительности, отмечу, что он не требует того, чтобы наиболее противопоставленные семантические роли, т.е. синтагматически соположенные участники двухместной ситуации A и U, формально различались *во всех случаях*. Принцип различительности утверждает лишь, что тогда, когда соотношение между участниками ситуации и выражающими их именными группами не может быть однозначно восстановлено исходя из семантических или иных содержательных признаков данных именных групп, язык находит средства для устранения возможной омонимии. Последняя возникает в тех случаях, когда оба участника — A и U — расположены близко на уже упоминавшихся иерархиях одушевлённости и

---

²⁶ “[U]tilization of overt markers of syntactic relations would be most likely to occur, across the languages of the world, in those instances where confusion of syntactic relations would be most likely in the absence of such overt markers”.

референциальности. Так, в том случае, когда один из участников является одушевлённым или лицом, а другой — неодушевлённым или не-лицом (животным), высока вероятность, что роль А выполняет первый, роль U — второй. Напротив, когда оба участника являются одушевлёнными или неодушевлёнными, вероятность их смешения повышается.

В связи с этим следует различать два важных подтипа принципа различительности, которые я назову *парадигматическим* и *синтагматическим*, ср. [de Hoop, Malchukov 2006]. Эти под-принципы различаются как «сферой действия», так и вытекающими из них следствиями. Синтагматическая различительность оценивает предложения, в которых присутствуют оба участника — А и U, — и требует, чтобы в том случае, когда они близки по своим семантико-прагматическим характеристикам, предложение содержало эксплицитное указание на роль соответствующих именных групп. Рассмотрим пример из папуасского языка форе [Donohue, Donohue 1997]:

форе (языки Восточного нагорья Новой Гвинеи)

(2.71) a. *yaga: wá aegúye.*
свинья человек бьёт

‘Человек забивает свинью.’ / *‘Свинья нападает на человека.’

b. *aragá-ma mási áegúye.*
девочка-AGT мальчик бьёт

‘Девочка бьёт мальчика.’

c. *wa yága:-wata aegúye.*
человек свинья-AGT бьёт

‘Свинья нападает на человека.’

В предложении (2.71a) именные группы ‘человек’ и ‘свинья’ занимают неодинаковое положение на иерархии одушевлённости, и принцип синтагматической различительности (точнее, та его версия, которая грамматикализована в форе, поскольку, очевидно, каждый язык по-своему членит иерархии одушевлённости и референциальности) предсказывает, что в данном случае каждой из них можно однозначно приписать семантическую роль. Напротив, именные группы в предложении (2.71b) занимают одинаковую позицию на данной шкале, и потому для снятия омонимии используется морфологический показатель, оформляющий именную группу с ролью А. Наконец, в предложении (2.71c) соотношение именных групп на шкале одушев-

лѐнности инвертировано по сравнению с «типичным» соотношением семантических ролей и семантических классов имѐн: роль А выполняет референт, занимающий более низкое положение на шкале одушевлѐнности, нежели референт именной группы с функцией U; такая ситуация маркируется морфологическим падежным показателем на участнике с ролью А.

Парадигматическая различительность, напротив, оценивает не соотношение двух синтагматически соположенных именных групп, а соответствие семантико-прагматических свойств участника с данной ролью некоторому «прототипу», и требует, чтобы «непрототипический» участник получал особое кодирование. Согласно общепринятому в «дискриминаторной» теории мнению (см. п. 2.1.2.2), «прототипический» А является одушевлѐнным и определѐнным (а ещё лучше — *локутором* [Кибрик 2003: 150 — 151], т.е. участником речевого акта), а «прототипический» U, напротив, — неодушевлѐнным и неопредѐленным [Comrie 1979]. «Типичные» А и U, в соответствии с принципом экономии, не получают формального маркирования, а «непрототипические», т.е. одушевлѐнные/опредѐленные U и неодушевлѐнные / неопредѐленные А оформляются при помощи специальных показателей. Важно отметить, что употребление этих показателей не зависит от синтагматического контекста: если оба ядерных участника переходного предложения оказались непрототипическими, то они оба получают специальное оформление. В качестве примера рассмотрим широко известные данные австралийского языка дирбал [Dixon 1972: 59–60]:

дирбал (семья пама-ньюнга, группа дирбал, северо-восточная Австралия)

(2.72) а. *bayi yaʒa baŋun ɟuɟumbi-ɟu balgan.*
 ART.M.ABS мужчина.ABS ART.F.ERG женщина-ERG бѐёт

‘Женщина бѐёт мужчину.’

б. *ɲaɟa ɲinuna balgan.*
 я.NOM ты.ACC бью

‘Я бью тебя.’

(2.73) а. *ɲaɟa bayi yaʒa balgan.*
 я.NOM ART.M.ABS мужчина.ABS бью

‘Я бью мужчину.’

б. *ɲaɟuna baŋul yaʒa-ɲgu balgan.*
 я.ACC ART.M.ERG мужчина-ERG бѐёт

‘Мужчина бѐёт меня.’

Пример (2.72) иллюстрирует случаи, когда оба участника занимают одинаковое положение на иерархии одушевлённости (которая в дирбал и других австралийских языках основное противопоставление проводит между локуторами и не-локуторами). При участниках не-локуторах (2.72a) морфологическое оформление получает «непрототипический» A, U же остаётся немаркированным. Обратная ситуация наблюдается в (2.72b), где оба участника — локуторы; здесь маркируется уже «непрототипический» U, а A никак не оформляется. Более сложный случай представлен в примере (2.73), где один из участников — локутор, а другой — нет. Здесь ни одна именная группа может не маркироваться, когда оба участника — «прототипические», т.е. A является локутором, а U — не-локутором (2.73a). При обратном соотношении, т.е. когда оба участника отклоняются от «прототипа», морфологически оформляются обе именные группы (2.73b). Несмотря на некоторую неэкономичность такой системы, она чрезвычайно иконична: чем больше степень отклонения ситуации от «канонической», тем больше морфологического материала содержится в предложении, её описывающем.

Тем не менее, как уже было аргументировано в предыдущих разделах, принцип различительности сам по себе не может рассматриваться как единственный фактор, детерминирующий оформление аргументов в языках мира. Мы уже видели, что в языках с двухпадежными системами встречается немало случаев нарушения принципа различительности, в особенности его синтагматического варианта, большая часть которых не случайна, но мотивирована независимыми функционально-семантическими принципами. Более того, в рамках «дискриминаторного» подхода не может получить адекватного отражения тот факт, что, например, в индоиранских языках одни и те же семантические противопоставления (прошедшее время/перфектив vs. настоящее время/имперфектив и степень индивидуализации U) в одних случаях проявляются в квазинейтральном оформлении актантов, а в других — в контрастивном. Именно наличие таких фактов и приводит к необходимости пересмотреть и модифицировать «дискриминаторную» концепцию и предложить такой аппарат, который был бы способен инкорпорировать как эти «выбивающиеся» факты, так и те, что уже получили объяснение.

Рассмотренные в разделе 2.1.2 данные, в первую очередь индоиранских и юто-ацтекских языков, со всей убедительностью свидетельствуют о том, что, помимо принципов экономии и различительности в организации систем падежного маркирования первостепенную роль играет также принцип *семантической мотивиро-*

ванности или *иконичности* (формулировка по [Кибрик 1992: 188], см. также [Haiman 1985, 1998; Du Bois 1985; Givón 1995]): «семантически одинаковое кодировать тождественно, семантически различное — по-разному». Именно требование по-разному кодировать разные типы S, A и U лежит в основе столь частых случаев «расщеплённого» оформления этих ролей (ср. подробную аргументацию этого тезиса в [Lazard 1994], ср. также [Кибрик 2003: гл. 10]). Роль принципа различительности, в особенности его синтагматического варианта в этих процессах, напротив, далеко не столь высока, и может вообще подавляться в тех случаях, когда язык не располагает достаточным количеством грамматикализованных морфологических средств не только для иконичного, но и для различительного кодирования аргументов.

Адекватная теория падежного маркирования должна учитывать роль всех указанных факторов и допускать, чтобы в разных языках они могли иметь разный вес. Как представляется, такая теория может быть сформулирована в рамках формализма современной функционально-ориентированной Теории оптимальности, к краткой характеристике которого я перехожу.

Основная идея Теории оптимальности (далее ТО; см. основополагающую монографию [Prince, Smolensky 2004/1993], а также монографии [Kager 1999], [McCarthy 2002], сборники [Barbosa et al. (eds.) 1998], [Dekkers et al. (eds.) 2000], [Legendre et al. (eds.) 2001]; на русском языке краткое изложение идей ТО даётся в [Тестелец 2001: 651–654]; из работ, непосредственно касающихся падежного маркирования, следует указать [Legendre et al. 1993], [Nakamura 1997; 1999], [Aissen 1999; 2003], [Woolford 2001], [Wunderlich, Lekämper 2003], [Primus 2003], [de Hoop, Malchukov 2006], [Malchukov to appear a; to appear b]) заключается в том, что универсальные принципы, ограничивающие грамматики языков мира, допускают исключения и нарушения. При этом для каждого конкретного языка существует определённое *ранжирование* релевантных для него ограничений. Языковые структуры, нарушающие ограничения с более высоким рангом, оказываются менее приемлемыми или вовсе неграмматичными по сравнению с теми, что нарушают более слабые ограничения. Важное достоинство идеологии ТО заключается в том, что она позволяет формализовать основополагающие принципы функционального подхода к языку, в частности, принцип *противоречащих мотиваций* (*competing motivations*, [Haiman 1985: Ch. 6]; см. обсуждение связи между ТО и функционализмом в статье [Haspelmath 1999]).

Кратко охарактеризую архитектуру и основные понятия ТО. Грамматика, по ТО, состоит из трёх основных компонентов:

(1) **CON**: множество ограничений (*constraints*), которые удобно рассматривать как предикаты над множеством *любых* языковых выражений — слов, предложений, синтаксических групп, фонетических цепочек, структурных схем, семантических представлений и т.п. С **CON** соотносится множество *всех* возможных отношений порядка над ним; такие отношения порядка называются *ранжированиями ограничений* (*constraint ranking*). Совокупность ранжированных ограничений задаёт грамматику языка. Тот факт, что ограничение C_j ранжировано выше ограничения C_i при данном ранжировании, обозначается $C_j \gg C_i$; при этом говорят, что ограничение C_j *сильнее* ограничения C_i .

(2) **GEN**: функция, которая *входу* (*input*), т.е. произвольному языковому выражению, сопоставляет множество (в принципе, бесконечное, но мы будем для простоты считать, что такое множество всегда конечно) других языковых выражений — *кандидатов* (*candidates*). Функция **GEN**, фактически, соотносит некоторое «глубинное» (например, семантическое) представление с множеством его потенциальных «поверхностных» реализаций.

(3) **EVAL**: функция, которая для кортежа $\langle \text{Inp}, \text{Rank}, \text{Cand} : \{w_1, w_2, \dots, w_n\} \rangle$, где *Inp* — языковое выражение-вход, *Rank* — некоторое ранжирование ограничений, $\text{Cand} = \text{GEN}(\text{Inp})$, вычисляет единственный *оптимальный* (*optimal*) кандидат-*выход* (*output*) при помощи следующего рекурсивного алгоритма:

(a) для каждого ограничения $C_i \in \text{Rank}$ в порядке убывания их силы, **EVAL** рассматривает все кандидаты, не помеченные как неоптимальные, на предмет нарушения/удовлетворения ими C_i . Если среди этих кандидатов есть как удовлетворяющие C_i , так и нарушающие C_i , то все кандидаты, нарушающие C_i , помечаются как неоптимальные;

(b) при переходе к более слабому ограничению C_{i+1} рассматриваются только кандидаты, не помеченные ранее как неоптимальные, и повторяется шаг (a);

(c) кандидат, не помеченный к концу просмотра всех ограничений как неоптимальный, признаётся победителем — оптимальным кандидатом.

Для наглядности действие функции **EVAL** изображается в виде таблицы. Рассмотрим таблицу 2.7, где $\text{Inp} = K$, $\text{Cand} = \{A, B, C\}$, а $\text{Rank} = C_1 \gg C_2 \gg C_3$.

Таблица 2.7. Пример действия функции EVAL

<i>K</i>	<i>C</i> ₁	<i>C</i> ₂	<i>C</i> ₃
A	*!	*	
☞ B		*	
C		*	*!

Ранжирование ограничений обозначается их расположением в верхней строке таблицы слева направо. Нарушение данного ограничения данным кандидатом обозначается знаком * на пересечении строки данного кандидата и столбца данного ограничения. Знак ! рядом со знаком * обозначает «фатальное» нарушение и исключение кандидата из дальнейшего рассмотрения. Как видно, кандидат А является единственным, нарушающим сильнейшее ограничение C_1 , и тем самым, уже не важно, какие из более слабых ограничений он нарушает, а каким удовлетворяет (это изображается затемнением клеток строки справа от клетки со знаком *!). Переходя к ограничению C_2 , мы видим, что его нарушают вообще все (оставшиеся после «гибели» А) кандидаты, и оно, тем самым, нерелевантно. Поэтому судьбу кандидатов В и С решает наиболее слабое ограничение C_3 : В ему удовлетворяет и поэтому побеждает, что обозначается знаком ☞. Здесь следует подчеркнуть важнейший принцип ТО: для оценки кандидатов значение имеет лишь ранг ограничений, которые нарушает тот или иной кандидат, но не их число: кандидат, удовлетворяющий сильнейшему ограничению, но многократно нарушающий слабейшие, всё равно оказывается оптимальным.

Для дальнейшего рассмотрения нам понадобится несколько более сложных понятий, ср. [Aissen 1999; 2003]. Во-первых, это *конъюнкция* ограничений (*conjunction of constraints*): $A \& B \gg A, B$ (ограничение, являющееся конъюнкцией двух других, сильнее каждого из них по отдельности). Во-вторых, это центральное для анализа надежных систем понятие *иерархии* ограничений, которое необходимо вводить поэтапно. Рассмотрим два множества предикатов: $X = \{X_1, X_2, \dots, X_n\}$ и $Y = \{Y_1, Y_2\}$. Двухэлементность множества Y имеет в данном случае принципиальное значение. Введём на каждом из множеств отношение порядка $>$ (не путать с отношением порядка $\gg$ на множестве ограничений!):

$$(2.74) \text{ a. } X_1 > X_2 > \dots > X_n$$

$$\text{ b. } Y_1 > Y_2 \text{ и эквивалентное ему } Y_2 < Y_1$$

Нас будет интересовать отношения порядка, производные от приведённых в (2.74), а именно те, что получаются при рассмотрении произведения множеств X и Y (кото-

рое мы, отклоняясь от теоретико-множественных традиций, будем обозначать как X/Y):

$$(2.75) \text{ a. } X_1/Y_1 > X_2/Y_1 > \dots > X_n/Y_1$$

$$\text{b. } X_1/Y_2 < X_2/Y_2 < \dots < X_n/Y_2$$

Истинность соотношения между (2.74) и (2.75) может легко доказать читатель, я же перейду к их содержательной интерпретации. Пусть множество X с отношением порядка — какая-нибудь из известных в типологии иерархий признаков, например, уже упоминавшаяся иерархия одушевлённости:

$$(2.76) \quad \text{локуторы} > \text{указательные местоимения} > \text{лица} > \text{животные} > \text{предметы}$$

— а Y — двухэлементное множество ядерных ролей $\{A, U\}$. Тогда отношения порядка в (2.76) можно интерпретировать как иерархии маркированности комбинаций значений признаков одушевлённости/личности и семантико-синтаксической роли: как уже отмечалось, есть некоторые основания полагать, что для A «естественно» занимать левую позицию в иерархии (2.76), а для U — правую²⁷. Тем самым, (2.75) можно интерпретировать как (2.77), где отношение $>$ означает «более естественный, чем»:

$$(2.77) \text{ a. } \text{локуторы}/A > \text{указательные местоимения}/A > \text{лица}/A > \text{животные}/A > \\ > \text{предметы}/A$$

$$\text{b. } \text{локуторы}/P < \text{указательные местоимения}/P < \text{лица}/P < \text{животные}/P < \\ < \text{предметы}/P$$

Из (2.77) легко получить иерархию ограничений в стиле ТО: ограничения, запрещающие более «естественные» комбинации признаков, должны быть ранжированы ниже, чем ограничения, запрещающие менее «естественные» комбинации, ср. (2.78):

$$(2.78) \text{ a. } * \text{локуторы}/U \gg * \text{указательные местоимения}/U \gg * \text{лица}/U \gg \\ \gg \text{животные}/U \gg \text{предметы}/U$$

$$\text{b. } * \text{предметы}/A \gg * \text{животные}/A \gg * \text{лица}/A \gg \\ \gg * \text{указательные местоимения}/A \gg \text{локуторы}/A$$

---

²⁷ Несмотря на приведённую в п. 1 критику, я принимаю данные положения по соображениям простоты и наглядности. Реинтерпретация их в других терминах в данном случае привела бы к содержательно идентичным результатам, но существенно усложнила бы изложение. Ср. однако ниже.

Иерархии ограничений, подобные (2.78), по предположению, универсальны: их ранжирование не подлежит межъязыковому варьированию. Для того, чтобы, во-первых, предсказать типологическое разнообразие, связанное с действием таких иерархий, и, во-вторых, не допустить того, чтобы менее «естественные» языковые структуры вообще не порождались, такие иерархии ограничений дополняются ограничениями других типов.

Рассмотрим ограничение $*\emptyset$. Само по себе оно попросту запрещает тем или иным образом немаркированные языковые структуры, например, именные группы, не оформленные показателем падежа. Более глубокий смысл, однако, имеет конъюнкция данного ограничения с иерархиями (2.78), порождающая иерархии ограничений в (2.79):

(2.79) а. $*\text{локуторы}/U \ \& \ *\emptyset \ \gg \ *\text{указательные местоимения}/U \ \& \ *\emptyset \gg \gg \ *\text{лица}/U \ \& \ *\emptyset \ \gg \gg \ *\text{животные}/U \ \& \ *\emptyset \ \gg \ \text{предметы}/U \ \& \ *\emptyset$

б. $*\text{предметы}/A \ \& \ *\emptyset \ \gg \ *\text{животные}/A \ \& \ *\emptyset \ \gg \ *\text{лица}/A \ \& \ *\emptyset \ \gg \gg \ *\text{указательные местоимения}/A \ \& \ *\emptyset \ \gg \ *\text{локуторы}/A \ \& \ *\emptyset$

Иерархии ограничений в (2.79) гласят, что комбинации признаков, более «когнитивно маркированные», см. [Кибрик 2003: 45], не могут быть немаркированными формально; тем самым, данные иерархии являются формализацией принципа иконичности.

Наконец, для того, чтобы указанные иерархии окончательно «заработали», требуется ещё одно ограничение, «противоположное» ограничению $*\emptyset$, а именно $*\text{STRUC}$, запрещающее, напротив, формально маркированные языковые структуры. Помещая в ранжировании данное ограничение между теми или иными ограничениями в иерархиях (2.79), можно предсказать, в какой точке данный язык переходит от формально немаркированных структур к формально маркированным. Так, в языке дирбал, рассмотренном выше, ранжирование соответствующих ограничений выглядит так (в данном случае для простоты ранжирования для A и U приводятся по отдельности):

(2.80) а. $*\text{локуторы}/U \ \& \ *\emptyset \ \gg \ *\text{указательные местоимения}/U \ \& \ *\emptyset \gg \gg \ *\text{STRUC} \ \gg \ *\text{лица}/U \ \& \ *\emptyset \ \gg \ \text{животные}/U \ \& \ *\emptyset \ \gg \ \text{предметы}/U \ \& \ *\emptyset$

б. $*\text{предметы}/A \ \& \ *\emptyset \ \gg \ *\text{животные}/A \ \& \ *\emptyset \ \gg \ *\text{лица}/A \ \& \ *\emptyset \ \gg \gg \ *\text{STRUC} \ \gg \ *\text{указательные местоимения}/A \ \& \ *\emptyset \ \gg \ *\text{локуторы}/A \ \& \ *\emptyset$

Ранжирования в (2.80) соответствуют тому факту, что в дирбале косвенным падежом оформляются лишь U, выраженные личными местоимениями, а A, напротив, для того, чтобы получить косвенный падеж, должен не быть локутором.

Рассмотрим теперь, как описанный формализм можно применить к интересующим нас фактам. Для максимально простого описания приведённого выше материала нам понадобятся следующие ограничения и иерархии ограничений:

(2.81) a. DIST(inguishability): именные группы с ролями A и U должны быть различены; при этом, если они обладают похожими или тождественными семантико-прагматическими свойствами, они должны быть различены формально.

b. *STRUCCASE: языковые структуры, оформленные маркированными падежами, запрещены.

c. *INDIVU/∅ >> *NONINDIVU/∅: индивидуализированный U скорее получает формальное кодирование, чем неиндивидуализированный U; под степенью «индивидуализации» понимается положение участника на иерархиях одушевлённости/референциальности. Граница между индивидуализированным и неиндивидуализированным участником в разных языках может проходить по-разному. Подчеркну, что точка зрения на соотношение «прототипических» и «непрототипических» R, отстаиваемая здесь, прямо противоположна «дискриминаторной» концепции, и скорее лежит в русле уже упоминавшейся гипотезы транзитивности П.Хоппера и С.Томпсон: высокоиндивидуализированный U является одновременно более вовлечённым в переходную ситуацию, нежели низкоиндивидуализированный, и именно эта высокая степень вовлечённости получает формальное выражение, ср. [Næss 2004].

d. *PASTA/∅ >> *NONPASTA/∅: A при прошедшем времени/перфективном виде сказуемого скорее получает формальное маркирование, чем A при непрошедшем времени/имперфективном виде сказуемого, см. [Norreg, Thompson 1980], [Tsunoda 1981]. Такое ранжирование, как и предыдущее, касающееся U, обусловлено тем фактом, что «прототипический» A — такой, который не только совершает действие, но и в том или ином смысле обладает его результатами, что возможно лишь тогда, когда ситуация (или

по крайней мере её фрагмент) уже имела место. При этом формальное выражение получает не отклонение от «прототипа», а как раз «прототипическая» агентивность (ср. ситуацию в ваханском языке, где косвенным падежом оформляются именно прототипические, высоко агентивные и выделенные в дискурсе референты).

е. *EMBEDSB/Ø >> *INDEPSB/Ø: подлежащее (участник с ролями S или A) независимой предикации более «естественно», чем подлежащее зависимого предложения. Данное ограничение связано с тем, что лишь в независимом предложении подлежащее является «полноценным» с точки зрения прагматических свойств топиальности и «фокуса эмпатии», ср. [DeLancey 1981]. В данном случае формальная маркированность иконически отражает семантическую.

Как видно, иерархии ограничений (2.81c) и (2.81d) коренным образом отличаются от «иерархий маркированности», используемых как в «дискриминаторной» концепции, так и в её ТО-формализациях. Эти ограничения не запрещают эксплицитное кодирование некоторой комбинации семантических признаков, а напротив, требуют того, чтобы определённое значение — «прототипический» A и «прототипический» U — получало определённое формальное выражение. Напротив, иерархия (2.81e) интерпретируется в духе иерархий маркированности.

Отдельного комментария заслуживает принятая здесь формулировка ограничения различительности DIST. Для простоты я буду считать, что данное ограничение нарушается всякий раз, когда A и P выражены одинаково и при этом указанные участники обладают схожими семантико-прагматическими свойствами. Возможность различения данных аргументов при помощи других средств, в частности, порядка слов, во внимание приниматься не будет.

Входом для ТО-оценки при помощи указанных ограничений будут абстрактные аргументные структуры типа <A, U>, снабжённые релевантными признаками, такими как степень индивидуализации, вид/время, статус предикации. Кандидаты получают приписыванием этим аргументным структурам всех возможных комбинаций релевантных падежей (см. ниже). При этом кандидаты с заведомо «абсурдными» комбинациями семантической роли и падежа (например, U, оформленный эргативом) не рассматриваются; эти кандидаты отсеиваются более высоко ранжиро-

ванными ограничениями, связывающими конкретный падеж с теми семантическими ролями, которые он в принципе может кодировать.

Наконец, для того, чтобы эксплицитно отразить характер падежной системы рассматриваемых языков, я отказываюсь от принятой некоторыми исследователями, см. [Woolford 2001], [Aissen 2003], идеи о возможности вывести из системы ранжированных ограничений не только характер падежного маркирования, но и сам состав падежной системы языка (ср. аналогичное решение в работах [Wunderlich, Lekämper 2001], [de Hoop, Malchukov 2006]), и полагаю, что набор падежей в языке является характеристикой, в принципе не зависящей от рассматриваемых ограничений, и задаю его отдельно (если угодно, состав падежной системы можно считать рядом ненарушимых конкретно-языковых ограничений). Данное решение, как я полагаю, подтверждается рассмотренными фактами, демонстрирующими, что одни и те же функциональные принципы действуют в языках с существенно различными падежными системами.

Перейдём к описанию рассмотренных в п. 2.1 данных в рамках ТО. Начнём с менее сложного материала языка яки, где представлен лишь один тип «расщеплённого» падежного маркирования: зависимость оформления актанта S/A от статуса клаузы. Ввиду того, что тип U в этом языке никак не влияет на кодирование этой роли при помощи косвенного падежа, оба ограничения из соответствующей иерархии (2.81c) должны быть ранжированы выше ограничения *STRUCCASE. Напротив, т. к. независимо от вида и времени глагола A в яки (в независимых предикациях) единообразно оформляется немаркированным прямым падежом, оба ограничения иерархии (2.81d) в этом языке ранжированы ниже *STRUCCASE. Наконец, единственная иерархия, реально играющая роль в яки — иерархия (2.81e) — «разбивается» ограничением *STRUCCASE: её первый член ранжирован выше его, а второй — ниже. Что же касается ограничения DIST, то его ранг в этом языке весьма низок; для простоты можно считать, что оно ранжировано непосредственно после *STRUCCASE. В результате мы получаем для яки ранжирование ограничений, представленное в (2.82). ТО-оценку независимых и подчинённых переходных предикаций в яки см. в таблицах 2.8 и 2.9. Нерелевантные для яки ограничения из иерархии (2.81d) исключены из таблицы по соображениям экономии места.

(2.82) *EMBEDSB/∅ >> *INDIVU/∅ >> *NONINDIVU/∅ >> *STRUCCASE >> DIST >>
>> *INDEPSB/∅ >> *PASTA/∅ >> *NONPASTA/∅

**Таблица 2.8. ТО-оценка падежного кодирования
в независимых предложениях в яки**

<A,U;indep> {Dir,Obl}	*EMBEDSB/∅	*INDIVU/∅	*NONINDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*INDEPSB/∅
a. <A:Dir, U: Dir>		*!	*!		(*)	
☞ b. <A:Dir, U:Obl>				*		
c. <A:Obl, U:Obl>				**!	(*)	*
d. <A:Obl, U:Dir>		*!	*!	*		*

**Таблица 2.9. ТО-оценка падежного кодирования
в зависимых предложениях в яки**

<A,U;embed> {Dir,Obl}	*EMBEDSB/∅	*INDIVU/∅	*NONINDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*INDEPSB/∅
a. <A:Dir, U: Dir>	*!	*	*		(*)	
b. <A:Dir, U:Obl>	*!			*		
☞ c. <A:Obl, U:Obl>				**	(*)	
d. <A:Obl, U:Dir>		*!	*!	*		

Прокомментирую приведённые таблицы. Во-первых, знаки нарушения в колонках ограничений из (2.81с), связанных со степенью индивидуализации U, следует рассматривать как дизъюнктивные: в каждом случае нарушено лишь одно из них, но не оба. Во-вторых, скобки при знаке нарушения в колонке ограничения DIST, связаны, опять же, с неспецифицированностью прагматических свойств A и U во входе. Как видно, нижестоящие ограничения *STRUCCASE и *DIST во всех типах предикаций работают одинаково, однако «фатальность» их нарушения меняется в зависимости от действия вышестоящих ограничений иконичности. В обоих типах предложений запрещены немаркированные U, в том числе и тогда, когда изменение кодирования U «спасло» бы данную структуру с точки зрения различительности (см. кандидат d в таблице 2.9). Выбор между кандидатами b и c в независимых предложениях, т.е. между кодированием обоих ядерных аргументов косвенным падежом и аккумулятивной стратегией осуществляется при помощи ограничения *STRUCCASE: в немаркированном типе предикации такое «размножение» косвенного падежа оказывается слишком неэкономным. Напротив, в зависимых предикациях данное ограничение уже не играет роли — здесь выбор между кандидатами всецело зависит от ограничений иконичности. Что же касается ограничения различительности DIST, то оно в яки вообще нерелевантно.

Перейдём к существенно более сложному материалу индоиранских языков. Здесь нужно учитывать уже два независимых друг от друга типа «расщеплённого» кодирования — дифференцированное оформление A в зависимости от времени/вида и дифференцированное оформление U в зависимости от одушевлённости / опреде-

лённости соответствующего участника. Таким образом, для описания фактов, например, языка вафси необходимо, чтобы вышестоящие ограничения иерархий (2.81c) и (2.79d) были сильнее *STRUCCASE, а нижестоящие, напротив, слабее. Тот факт, что эти грамматические процессы никак не зависят друг от друга, отражается в отсутствии какого-либо ранжирования ограничений разных иерархий между собой. Ограничение DIST также должно быть ранжировано довольно низко. Ранжирование соответствующих ограничений для вафси представлено в (2.83).

(2.83) *PASTA/∅, *INDIVU/∅ >> *STRUCCASE >> DIST >> *NONPAST/∅, *NONINDIVU/∅

Рассмотрим сначала ТО-оценку типа предложения с настоящим временем сказуемого и неиндивидуализированным U (далее при анализе индоиранского материала будем считать, что A всегда высокоиндивидуализирован), см. таблицу 2.10.

Таблица 2.10. ТО-оценка предложения с настоящим временем и неиндивидуализированным U в вафси

<A, U: non-ind; non-past> {Dir,Obl}	*PASTA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/∅	*NONINDIVU/∅
☞ a. <A:Dir, U:Dir>					*	*
b. <A:Dir, U:Obl>			*!		*	
c. <A:Obl, U:Dir>			*!			*
d. <A:Obl, U:Obl>			*!*			

Как видно из таблицы 2.10, выбор между кандидатами в данном случае определяется исключительно ограничением маркированности *STRUCCASE: сильные ограничения иконичности в данном случае тривиальным образом выполняются.

Для наглядности рассмотрим также случаи, когда «непрототипическим» является лишь один из аргументов переходного предиката, т.е. предложения с индивидуализированным U при настоящем времени глагола (таблица 2.11) и с прошедшим временем глагола при неиндивидуализированном U (таблица 2.12).

Таблица 2.11. ТО-оценка предложения с настоящим временем и индивидуализированным U в вафси

<A, U: ind; non-past> {Dir,Obl}	*PASTA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Dir, U:Dir>		*!		*	*	
☞ b. <A:Dir, U:Obl>			*		*	
c. <A:Obl, U:Dir>		*!	*			
d. <A:Obl, U:Obl>			*!*!			

**Таблица 2.12. ТО-оценка предложения с прошедшим временем и
неиндивидуализированным U в вафси**

<A, U: non-ind;past>, {Dir,Obl}	*PASTA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Dir, U:Dir>	*!					*
b. <A:Dir, U:Obl>	*!		*			
☞ c. <A:Obl, U:Dir>			*			*
d. <A:Obl, U:Obl>			**!			

Как видно, принятый формализм верно предсказывает аккузативное и эргативное кодирование в этих двух случаях.

Перейдём наконец к случаю «канонического» переходного предложения (с прошедшим временем сказуемого и индивидуализированным U), см. таблицу 2.13.

**Таблица 2.13. ТО-оценка предложения с прошедшим временем и
индивидуализированным U в вафси**

<A, U: ind; past>, {Dir,Obl}	*PASTA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Dir, U:Dir>	*!	*		*		
b. <A:Dir, U:Obl>	*!		*			
c. <A:Obl, U:Dir>		*!	*			
☞ d. <A:Obl, U:Obl>			**	*		

Таблица 2.13 демонстрирует, что оптимальный кандидат d, т.е. квазинейтральная стратегия оформления актантов, — единственный, не нарушающий сильных ограничений иконичности; все остальные кандидаты, в том числе и те, что, в отличие от оптимального, не нарушают принципа различительности, отсекаются именно этими ограничениями.

Обратимся теперь к данным языков, в которых для кодирования ядерных ролей используется более двух показателей, а именно к индоарийским языкам, где для выражения S, A и U широко употребляются послелого. Как уже было показано, в хинди A при перфективном виде и высоко индивидуализированный P маркируются разными показателями. Интересно, что для хинди оказывается пригодным то же самое ранжирование ограничений (2.83), что описывало распределение падежных показателей в вафси. Это, впрочем, не удивительно: как мы видели, функциональные принципы, организующие релевантный фрагмент грамматик индоарийских и иранских языков, тождественны, а именно эти принципы и отражены в ограничениях и их ранжировании. ТО-оценка минимально и максимально «маркированных» типов предложений в хинди представлена в таблицах 2.14 и 2.15.

**Таблица 2.14. ТО-оценка предложения с имперфективным видом и
неиндивидуализированным U в хинди**

<A, U: non-ind; non-perf>, {Nom, Obj, Erg }	*PASTA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Nom, U:Nom>					*	*
b. <A:Nom, U:Obj>			*!		*	
c. <A:Erg, U:Nom>			*!			*
d. <A:Erg, U:Obj>			*!*			

**Таблица 2.15. ТО-оценка предложения с перфективным видом и
индивидуализированным U в хинди**

<A, U: ind; perf>, {Nom, Obj, Erg }	*PASTA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Nom, U:Nom>	*!	*		*		
b. <A:Nom, U:Obj>	*!		*			
c. <A:Erg, U:Nom>		*!	*			
d. <A:Erg, U:Obj>			**	✓		

Сравнение таблиц 2.10 (вафси) и 2.14 (хинди) показывает, что наименее «маркированные» типы предложений (т.е. с настоящим временем и неиндивидуализированным U) в этих языках тождественны с точки зрения кодирования актантов: в обоих языках как A, так и U остаются немаркированными (точнее, оформляются наименее маркированным падежом — прямым в вафси и номинативом²⁸ в хинди). Что касается наиболее «маркированного» типа клаузы, то разница между вафси и хинди касается лишь ограничения DIST: в вафси оно нарушается, а в хинди — нет, что помечено в таблице 2.15 знаком ✓. Важно отметить, однако, что это различие в соответствии оптимального кандидата ограничению различительности никак не влияет на оценку кандидатов: в обоих языках кандидаты, содержащие меньше падежно-маркированных именных групп, отсекаются вышестоящими ограничениями иконичности.

Случаи, подобные представленному в вафси, когда независимое действие двух разных правил «расщеплённого» кодирования актантов приводит к нарушению принципа различительности, по всей видимости, всё же не столь многочисленны. Даже в языках с двухпадежными системами встречаются ситуации, когда для того, чтобы избежать квазинейтрального оформления ядерных актантов переходного предложения, правила «расщеплённого» кодирования дополнительно распределяются. В языке заза, где имеются те же два распространённых в этом ареале типа «расщеплённого» кодирования, т.е. дифференцированное оформление A в зависи-

²⁸ Точнее, прямым падежом без послелога.

мости от времени сказуемого и дифференцированное оформление U в зависимости от степени его индивидуализации (здесь это одушевлённость), U при прошедшем времени глагола всегда выражается прямым падежом, независимо от одушевлённости, ср. следующие примеры [Selcan 1998: 277–279]:

заза (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Турция)

(2.84) a. *televe*   *kitav*   *cên-o*.
студент.DIR.SG   книга.DIR.SG   братъ-PRS.3SG

‘Студент (A) берёт книгу (U).’

b. *televe*   *malim-i*   *vinen-o*.
студент.DIR.SG   учитель-OBL.SG   видеть-PRS.3SG

‘Студент (A) видит учителя (U).’

(2.85) a. *televe-y*   *kitav*   *di*.
студент-OBL.SG   книга.DIR.SG   видеть.PST.3

‘Студент (A) увидел книгу (U).’

b. *televe-y*   *malim(*-i)*   *di*.
студент-OBL.SG   учитель (*OBL.SG)   видеть.PST.3

‘Студент (A) увидел учителя (U).’

Для описания данного феномена в рамках принятого здесь формализма ТО необходимо предположить, что в заза ограничение различительности DIST ранжировано выше, чем ограничение иконичности *INDIVU/∅, ср. ранжирование (2.86):

(2.86) *PASTA/∅ >> DIST >> *INDIVU/∅ >> *STRUCCASE >> *NONPAST/∅,
*NONINDIVU/∅

Как легко убедиться из таблиц 2.16 и 2.17, данное ранжирование даёт верные результаты как для наиболее, так и для наименее «маркированных» типов предикаций²⁹.

---

²⁹ Читатель может самостоятельно убедиться в том, что изменение ранжирования никак не влияет на дифференцированное маркирование P в предложениях с имперфективным видом.

**Таблица 2.16. ТО-оценка предложения с настоящим временем и
неиндивидуализированным U в заза**

<A,U: non-ind; non-past>, {Dir,Obl}	*PASTA/∅	DIST	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	*NONPASTA/∅	*NONINDIVU/∅
☞ a. <A:Dir, U:Dir>					*	*
b. <A:Dir, U:Obl>				*!	*	
c. <A:Obl, U:Dir>				*!		*
d. <A:Obl, U:Obl>				*!*		

**Таблица 2.17. ТО-оценка предложения с прошедшим временем и
неиндивидуализированным U в заза**

<A, U: non-ind; past>, {Dir,Obl}	*PASTA/∅	DIST	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	*NONPASTA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Dir, U:Dir>	*!	*	*			
b. <A:Dir, U:Obl>	*!			*		
☞ c. <A:Obl, U:Dir>			*	*		
d. <A:Obl, U:Obl>		*!		**		

Как видно из таблицы 2.16, повышение в ранге ограничения различительности не оказывает влияния на предложения с неиндивидуализированным U, поскольку данное ограничение в них выполняется по семантическим причинам. Напротив, при сочетании перфективного вида с одушевлённым U более высокий ранг DIST играет ключевую роль, запрещая кандидат d с квазинейтральной стратегией и делая оптимальным менее «иконичный», но зато «различительный» кандидат c.

Наконец, для того, чтобы показать, как данный формализм может «справиться» с материалом, служившим подтверждением «дискриминаторной» теории падежного маркирования, обратимся к данным языков дирбал и форе. В дирбале «расщеплённое» кодирование обеих переходных ролей обусловлено положением соответствующих участников на иерархии одушевлённости. Следовательно, помимо иерархии ограничений (2.81c), касающейся P, нам понадобится иерархия (2.87), соотносящая роль A со степенью индивидуализации.

$$(2.87) \quad *NONINDIVA/\emptyset \gg *INDIVA/\emptyset$$

Высоко индивидуализированным в дирбал считается участник-локутор или участник, выраженный указательным местоимением, участники, занимающие более низкие позиции на иерархии одушевлённости, в том числе и обозначающие людей, считаются в дирбал низко индивидуализированными. Для отражения этих фактов подходит следующее ранжирование ограничений, ср. (2.88):

$$(2.88) \quad *NONINDIVA/\emptyset, *INDIVP/\emptyset \gg *STRUCCASE \gg DIST \gg *INDIVA/\emptyset, \\ *NONINDIVP/\emptyset$$

Ранжирование ограничения экономии *STRUCCASE ниже обоих ограничений на морфологически не маркированные комбинации признаков индивидуализации и семантической роли позволяет формально кодировать оба типа «неестественных» актантов, см. таблицы 2.17 — 2.20.

Таблица 2.17. ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным U в дирбале

<A: indiv, U: non-indiv>, {Nom,Acc,Erg}	*NONINDIVA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/∅	*NONINDIVU/∅
☞ a. <A:Nom, U:Nom>					*	*
b. <A:Nom, U:Acc>			*!		*	
c. <A:Erg, U:Nom>			*!			*
d. <A:Erg, U:Acc>			*!*			

Таблица 2.18. ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и индивидуализированным U в дирбале

<A: indiv, U: indiv>, {Nom,Acc,Erg}	*NONINDIVA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Nom, U:Nom>		*!		*	*	*
☞ b. <A:Nom, U:Acc>			*		*	
c. <A:Erg, U:Nom>		*!	*			*
d. <A:Erg, U:Acc>			**!			

Таблица 2.19. ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и неиндивидуализированным U в дирбале

<A: non-indiv, U: non-indiv>, {Nom,Acc,Erg}	*NONINDIVA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Nom, U:Nom>	*!			*		*
b. <A:Nom, U:Acc>	*!		*			
☞ c. <A:Erg, U:Nom>			*			*
d. <A:Erg, U:Acc>			**!			

Таблица 2.20. ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным U в дирбале

<A: non-indiv, U: indiv>, {Nom,Acc,Erg}	*NONINDIVA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A:Nom, U:Nom>	*!	*		*		
b. <A:Nom, U:Acc>	*!		*			
c. <A:Erg, U:Nom>		*!	*			
☞ d. <A:Erg, U:Acc>			**			

Как видно из приведённых таблиц, собственно ограничение различительности DIST в дирбале не играет решающей роли — за различение актантов отвечают более частные ограничения иконичности и, что особенно важно, падежная система, содержащая различающиеся формально эргатив и аккумулятив. Таким образом, ситуация в дирбале, фактически, мало чем отличается от ситуации в хинди. Если бы дирбал был языком с двухпадежной системой, можно было бы ожидать появления в нём

квазинейтральной стратегии при кодировании наиболее «маркированного» типа предложений (с неиндивидуализированным А и индивидуализированным U), ср. таблицу 2.21 для «псевдо-дирбала» с двухпадежной системой.

Таблица 2.21. ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным U в «псевдо-дирбале»

<A: non-indiv, P: indiv>, {Dir,Obl}	*NONINDIVA/∅	*INDIVU/∅	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/∅	*NONINDIVU/∅
a. <A: Dir, U: Dir>	*!	*		*		
b. <A: Dir, U: Obl>	*!		*			
c. <A: Obl, U: Dir>		*!	*			
d. <A: Obl, U: Obl>			**	*		

Из языков с двухпадежными системами к «псевдо-дирбалу» ближе всего талышский язык, где, как было показано выше, при прошедшем времени сказуемого выбор падежа ядерных актантов зависит от их положения на иерархии одушевлённости: локуторы в функции А всегда выражаются прямым падежом, а в роли U — косвенным, а не локуторы — наоборот. Приводит ли это, однако, к квазинейтральному оформлению аргументов при А-не-локуторе и U-локуторе, мне неизвестно.

Перейдём к языку форе. Как мы видели выше, в этом языке показатель эргатива употребляется лишь в том случае, когда А и U занимают примерно одинаковое положение на шкале одушевлённости, точнее, когда U расположен на этой шкале не ниже А. Сам U при этом своего оформления не меняет. Для отражения эффектов «глобальной» различительности удобно рассмотреть конъюнкцию иерархии (2.87) с иерархией индивидуализации U (2.81с)³⁰, представленную в (2.89):

$$(2.89) \quad *NONINDIVA/\emptyset \ \& \ *INDIVP/\emptyset \ \gg \ *NONINDIVA/\emptyset \ \& \ *NONINDIVP/\emptyset, \\ *INDIVA/\emptyset \ \& \ *INDIVP/\emptyset \ \gg \ *INDIVA/\emptyset \ \& \ *NONINDIVP/\emptyset$$

Очевидно, что, коль скоро в форе, насколько можно судить, маркируются все отклонения от «канонического» переходного предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным U, первые два члена иерархии (2.89) должны быть ранжированы выше ограничения экономии *STRUCCASE. Что же касается ограничения различительности DIST, то его позиция в ранжировании оказывается нерелевантной: его роль снова выполняют более частные ограничения иконичности из (2.89). ТО-оценка разных типов переходных предложений в форе представлена в таблицах 2.22 — 2.25.

³⁰ Как легко доказать, конъюнкция двух иерархий $A \gg B$ и $C \gg D$ порождает иерархию $A\&C \gg B\&C$, $A\&D \gg B\&D$.

Таблица 2.22. ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным U в форе

<A: ind, U: non-ind>, {Nom,Erg}	*NONINDIVA/∅ & *INDIVU/∅	*NONINDIVA/∅ & *NONINDIVU/∅	*INDIVA/∅ & *INDIVU/∅	DIST	*STRUCCASE
☞ a. <A:Nom, U:Nom>					
b. <A:Erg, U:Nom>					*!

Таблица 2.23. ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и индивидуализированным U в форе

<A: ind, U: ind>, {Nom,Erg}	*NONINDIVA/∅ & *INDIVU/∅	*NONINDIVA/∅ & *NONINDIVU/∅	*INDIVA/∅ & *INDIVU/∅	DIST	*STRUCCASE
a. <A:Nom, U:Nom>			*!	*	
☞ b. <A:Erg, U:Nom>					*

Таблица 2.24. ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным U в форе

<A: non-ind, U: ind>, {Nom,Erg}	*NONINDIVA/∅ & *INDIVU/∅	*NONINDIVA/∅ & *NONINDIVU/∅	*INDIVA/∅ & *INDIVU/∅	DIST	*STRUCCASE
a. <A:Nom, U:Nom>	*!			(*)	
☞ b. <A:Erg, U:Nom>					*

Таблица 2.25. ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и неиндивидуализированным P в форе

<A: non-ind, U: non-ind>, {Nom,Erg}	*NONINDIVA/∅ & *INDIVU/∅	*NONINDIVA/∅ & *NONINDIVU/∅	*INDIVA/∅ & *INDIVU/∅	DIST	*STRUCCASE
a. <A:Nom, U:Nom>		*!		*	
☞ b. <A:Erg, U:Nom>					*

Как легко видеть из приведённых таблиц, «маркированные» комбинации признаков А и U соотносятся с падежно-оформленным А при помощи сильных ограничений иконичности, делающих собственно «глобальное» ограничение различительности излишним. Следует, однако, заметить, что того же результата возможно достигнуть и при помощи лишь двух ограничений: DIST и *STRUCCASE. Тем самым, для данного материала теория падежного маркирования, учитывающая принцип иконичности, и концепция, основанная лишь на принципах экономии и различительности, дают одинаковые результаты. Их предсказания, однако, существенно различны при столкновении с более сложным материалом индоиранских или юто-ацтекских языков, позволяющим продемонстрировать превосходство такой концепции падежного маркирования, которая не игнорирует принцип иконичности.

Итак, данные языков с двухпадежными системами показывают, что в основе различных стратегий падежного маркирования в языках мира лежит не принцип различительности, а принцип иконичности, требующий, в частности, чтобы участники ситуации с одинаковыми или похожими семантическими ролями кодирова-

лись по-разному, если они обладают различающимися семантико-прагматическими свойствами, такими как одушевлённость/личность, вовлечённость в ситуацию, местоименность, определённая, «фокус эмпатии» и т.п. Как было показано, во многих случаях эффекты принципа различительности оказываются вторичными по отношению к требованиям принципа иконичности, поскольку нормальной ситуацией является такая, при которой эти логически независимые тенденции не противоречат друг другу, а, напротив, друг друга усиливают (как в хинди и дирбале). Тем не менее, в случае конфликта указанных принципов, вовсе не всегда «побеждает» различительность. Как мы видели, в языках с двухпадежными системами встречаются ситуации, когда следование требованиям иконического оформления аргументов с теми или иными семантико-прагматическими свойствами приводит к «неразличительным» нейтральной и квазинейтральной стратегиям оформления актантов.

Рассмотренный материал, как представляется, со всей очевидностью свидетельствует о том, что функционально мотивированные правила парадигматической дифференциации разных типов участников ситуации существуют в языке независимо от того, какая именно падежная система в нём представлена. Содержательно близкие или даже тождественные грамматические процессы могут приводить к существенно разным стратегиям оформления актантов в языках с богатыми и бедными падежными системами. Напрашивается вывод, что сами «глобальные» стратегии падежного кодирования — аккумулятивная, эргативная и проч. — суть явления, не более чем производные по отношению к принципам, управляющим морфологическим кодированием отдельных аргументов.

Как, я надеюсь, мне удалось показать, подход, инкорпорирующий разные группы факторов, определяющих выбор стратегий падежного маркирования, в частности, грамматические правила, обусловленные принципом иконичности, оказывается более гибким и способным адекватно отразить языковое разнообразие, в том числе и факты двухпадежных систем, ранее считавшиеся не более чем странными отклонениями от универсальных моделей.

2.2. Кодирование периферийных ролей

2.2.0. Вступительные замечания

В данном разделе пойдёт речь о том, как в языках с двухпадежными системами выражаются периферийные семантические роли. Перед тем, как перейти к

собственно обзору способов выражения конкретных функций, необходимо сделать несколько замечаний.

Основная задача данного исследования заключается в том, чтобы выявить типы членения универсального семантического пространства значений, наблюдаемые в языках с двухпадежными системами, и показать их сходства и различия с распределением функций падежей в других языках. Поэтому я считаю необходимым уделить особое внимание тем функциям, которые в рассматриваемых языках выражаются при помощи прямого и косвенного падежей. Тем самым, описание выражения тех или иных функций при помощи сочетаний этих падежей с предлогами или послелогами представляется мне более периферийной задачей, важной лишь постольку, поскольку для некоторых языков с двухпадежными системами, фактически, следует выделять тройное членение семантической области: значения, выражаемые *Dir, vs.* значения, выражаемые *Obl, vs.* значения, выражаемые сочетаниями падежей со служебными словами. Поэтому в последующем изложении основной акцент будет делаться на оформлении периферийных ролей посредством собственно падежей, а сочетаниям их с предлогами или послелогами будет отведён лишь небольшой раздел.

Среди рассматриваемых ниже периферийных функций ИГ я выделяю следующие группы, ср. [Givón 1984: 126 — 133], [Luraghi 2003: Ch. 1]:

- роль Адресата (*Adr*), которая занимает промежуточное положение между ядерными и собственно периферийными аргументами;
- пространственные роли: Место (*Loc*), Цель/Конечная точка (*Goal*) и источник (*Source*), — а также их метафорические эквиваленты во временной сфере;
- прочие предикатные роли, такие как Инструмент (*Ins*), Агнс пассива (*PA*)³¹, Способ (*Manner*), Мера (*Mens*), Объект Сравнения (*Comp*) и др.; здесь необходимо отметить, что имеющиеся в моём распоряжении источники, как правило, не содержат сколько-нибудь полной информации о выражении этих функций;

---

³¹ Естественно, функция *PA* имеет статус, отличный от ролей *A* или *Adr*: она встречается лишь в тех языках, где есть пассив или аналогичные ему преобразования диатезы, выводящие Актора из перспективы.

- роль приименного Посессора (Poss)³².

Каждой из этих групп, а также употреблению падежей с предлогами или послелогами посвящён отдельный раздел, причём внимание будет уделяться не только собственно тому, как в рассматриваемых языках выражаются те или иные функции, но и возможным корреляциям между оформлением периферийных и ядерных ролей. В заключительном разделе будут приведены основные группы периферийных функций, единообразно выражаемые в двухпадежных системах.

2.2.1. Кодирование роли Адресата³³

Семантическая роль Адресата занимает положение, промежуточное между ядерными семантическими ролями, в частности, наиболее релевантной для данного рассмотрения ролью Претерпевающего, и собственно периферийными ролями, такими как Место или Цель. Пограничный характер этой роли имеет как семантические, так и формальные проявления. С точки зрения семантики Адресат является обязательным аргументом целого ряда предикатов, таких как глаголы давания и говорения (на этом основании Т. Гивон [Givón 1984: Ch. 4] относит Adr в разряд ядерных функций); кроме того, в обличье близкой по своим параметрам роли Бенефактива Адресат может выступать в качестве факультативного участника большого числа ситуаций, в особенности агентивных. Затем, Адресат разделяет ряд общих свойств, таких как одушевлённость, обладание чувствами, нередко волитивность, с Актором. Такого рода промежуточное положение роли Адресата проявляется и в том, как языки маркируют эту роль; известно, в частности, что показатели Адресата (или шире, датива³⁴) являются одним из звеньев на пути грамматикализации локативных маркеров в показатели роли U (см. [Lehmann 1995/1982: 97 — 100; Hopper, Traugott 1993: 157 — 160]).

---

³² Эту функцию следует понимать в синтаксическом, а не в семантическом смысле, т. к. она «вбирает в себя» всевозможные семантические роли, которые может выражать именное определение (см. об этом [Бенвенист 1974/1962], [Seiler 1983]).

³³ Материал данного раздела был доложен на конференции «Ломоносов-2006» (МГУ им. Ломоносова, 14 апреля 2006 г.) и частично опубликован в работе [Аркадьев 2006б].

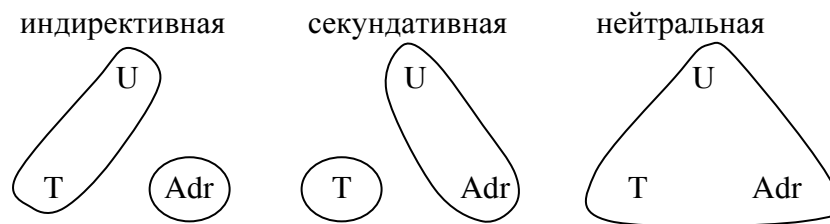
³⁴ Датив же всегда занимает высокое положение в различных иерархиях падежей, см. [Blake 2001/1994: 157 — 162], [Primus 1996: 1084].

В типологии, начиная с известной статьи М. Драйера [Dryer 1986], см. также [Croft 1990: 100 — 108] и в особенности [Haspelmath 2006], принято, по аналогии со стратегиями кодирования ядерных аргументов переходных и непереходных предикатов, рассматривать стратегии оформления неагентивных аргументов переходных и битранзитивных глаголов, иными словами, соотношение кодирования Претерпевающего (называемого также *темой*, англ. *theme* далее в этом разделе Т) и Адресата/Реципиента трёхместного глагола с маркированием Претерпевающего двухместного глагола. Выделяются следующие три основные стратегии [Haspelmath 2006: 2]:

1. *Индирективная*, при которой Т и U кодируются одинаково, а Аdr — отлично от них, при помощи, например, специализированного падежа — датива.
2. *Секундативная*, при которой одинаково оформляются U и Аdr, а Т кодируется отлично от них, чаще всего, при помощи какого-либо косвенного падежа.
3. *Нейтральная*, когда все три роли оформляются единообразно.

Для наглядности данные стратегии схематически изображены на рис. 2.3.

Рисунок 2.3. Стратегии кодирования ролей U, Т и Аdr

В языках с двухпадежными системами представлены все три типа оформления аргументов битранзитивных конструкций (см. ниже), по-разному сочетающиеся с теми или иными стратегиями кодирования ядерных ролей S, A и U.

Если рассматривать кодирование ролей Аdr и U вне их связи друг с другом, то в языках с двухпадежными системами, естественно, существует три логически возможных способа оформления Аdr: прямой падеж; косвенный падеж; сочетание падежной формы и служебного слова. Все эти типы представлены в рассматриваемых языках; данные о частотности того или иного типа маркирования представлены в таблице 2.26.

Таблица 2.26. Частотность типов кодирования роли Adr

Язык/группа/ареал	Dir	Obl	Adpos
Европа		+	+
Индоиранские		+	+
Берберские			+
Амхарский		(+)	+
Нилотские	+		
Салишские	+		
Чоктау	+		
Юто-ацтекские		+	
Алеутский			+
Мовима	+		
Ниас			+
Йимас	+		
Маунг		+	
Всего	5	4 (5)	6

Как можно видеть, сколько-нибудь существенного различия в частотности того или иного способа кодирования Adr в языках с двухпадежными системами не наблюдается. Существенно более важным является сопоставление типов оформления Adr и ядерной роли U, представленное в таблице 2.27 (клетки заполнены средствами выражения роли Adr).

Таблица 2.27. Частотность типов совместного/раздельного кодирования ролей Adr и U

Язык/группа/ареал	Adr = U	Adr ≠ U
Европа	Obl	Obl
Индоиранские	Obl (Dir), Adpos	Obl, Adpos
Берберские		Adpos
Амхарский	(Obl)	Adpos
Нилотские	Dir	
Салишские	Dir	Dir
Чоктау	Dir	
Юто-ацтекские	Obl	
Алеутский		Adpos
Мовима		Dir
Ниас		Adpos
Йимас	Dir	
Маунг		Obl
Всего	7 (8)	9
Всего Dir	4 (5)	2
Всего Obl	3 (4)	3
Всего Adpos	1	5

Данная таблица показывает, во-первых, отсутствие ярко выраженной тенденции маркировать Adr отлично от U, во-вторых, явное предпочтение использовать более

маркированные грамматические средства (косвенный падеж, служебные слова) при раздельном кодировании этих ролей и менее маркированные при их совместном кодировании.

Наконец, распределение по языкам выборки стратегий оформления ролей U, Th и Adr представлено в таблице 2.28.

Таблица 2.28. Частотность стратегий кодирования ролей битранзитивных глаголов в языках с двухпадежными системами

Язык/группа/ареал	Индирективная	Секундативная	Нейтральная
Европа	О		О
Индоиранские	О	Д	Д
Берберские	О		
Амхарский	О		Д
Нилотские			О
Салишские		О	Д
Чоктау			О
Юто-ацтекские			О
Алеутский	О		
Мовима		О	
Ниас	О		
Йимас			О
Маунг	О		
Всего	7	3	8
Всего основная	7	2	5

Как видно, в языках с двухпадежными системами резко преобладают индирективная и нейтральная стратегии оформления ролей трёхместных предикатов; при этом в качестве основной индирективная встречается даже несколько чаще. Секундативная же стратегия в качестве основной засвидетельствована лишь в салишских языках и в мовима, а как дополнительная — в индоиранских. Такое распределение весьма точно отражает общемировые тенденции, ср. таблицу 2.29 [Haspelmath 2006: 5]:

Таблица 2.29. Распределение стратегий кодирования ролей битранзитивных глаголов в языках мира по [Haspelmath 2006]

Стратегия	Число языков
индирективная	58 (53%)
секундативная	6 (5,5%)
нейтральная	45 (41,5%)

Возможные гипотезы, касающиеся объяснения этого распределения см. в уже указанной работе М. Хаспельмата.

В рамках данного изложения представляется разумным рассматривать стратегии оформления роли Adr в сочетании с различными типами кодирования собст-

венно ядерных ролей S, A и U. Здесь выделяются следующие релевантные типы маркирования Adr, представленные в разных языках с двухпадежными системами:

- (i) нейтральное оформление как ядерных ролей, так и битранзитивных аргументов (йимас);
- (ii) нейтральное оформление ядерных ролей при индирективном (румынский) или секундативном (салишские, мовима) кодировании битранзитивных аргументов;
- (iii) отождествление Adr и U и противопоставление их по крайней мере одной из оставшихся ядерных ролей, т.е. нейтральное кодирование битранзитивных ролей при аккумулятивном оформлении ядерных (старофранцузский, нилотские);
- (iv) противопоставление Adr и U при противопоставлении U другим ядерным ролям, т.е. индирективное кодирование битранзитивных аргументов в сочетании с аккумулятивным (амхарский) или эргативным (иранские языки) оформлении ядерных ролей.

Рассмотрим примеры каждого из типов.

Первый тип, при котором роль Adr фактически включается в ядро клаузы, представлен в языке йимас; при этом необходимо отметить, что функцию кодирования всех ядерных аргументов выполняют местоименные показатели глагола. Ср. следующий пример ([Foley 1991: 229]; все существительные в форме прямого падежа; индексами помечены кореферентные связи между ИГ и глагольными показателями):

йимас (семья сепик-раму, группа нор-пондо, подгруппа пондо, Восточное нагорье Новой Гвинеи)

(2.90) *ɲaukit*   *takaw*   *paum*
женщины.DIR_i   рыба.DIR_j   мужчины.DIR_k

wa-tɬi-ɲa-r-tɬip.

3SG.U_j-3PL.A_{i/k}-дать-PERF-3PL.ADR_{k/i}

‘Женщины дали рыбу мужчинам’ или ‘Мужчины дали рыбу женщинам’

Второй тип, при котором роль Adr формально противопоставлена нейтрально кодируемым ядерным аргументам, встречается, например, в румынском языке [Beyrer et al. 1987: 87]:

румынский (индоевропейская семья, итало-романская группа, восточная под-группа)

(2.91) a. *corb la corb nu scoate ochi=i.*
ворон.DIR.SG у ворон.DIR.SG не выклёвывает глаз.DIR.PL=DEF.DIR.PL

‘Ворона (A) у вороны не выклёвывает глаза (U).’

b. *spune=i mam-e=i adevăr=ul.*
скажи=ей мать-OBL.SG=DEF.OBL правда.DIR=DEF.DIR

‘Скажи матери (Adr) правду (U).’

Такая стратегия оформления ролей U и Adr встречается в качестве одной из возможных в ряде индоиранских языков, ср. следующий пример из языка кати [Грюнберг 1980: 151]:

кати (индоевропейская семья, индоиранская группа, нуристанская ветвь, Афганистан)

(2.92) *uze kuřu-e ano šenum.*
я.DIR собака-OBL.SG мясо.DIR бросаю

‘Я (A) бросаю собаке (Adr) мясо (U).’

Секундативное оформление битранзитивных ролей сочетается с нейтральным кодированием ядерных аргументов в салишских языках, ср. следующие примеры из языка халкомелем [Kroeber 1999: 43, 30]:

халкомелем (салишская семья, центральная группа, Британская Колумбия)

(2.93) a. *ni ʔaməst-əs kʷθə=sqʷmeyʹ ʔə=kʷθə=stʹ^θamʔ.*
AUX дал-3SG ART.DIR.SG=собака OBL=ART.SG=мясо

‘Он (A) дал собаке (Adr) мясо (U).’

b. *ni=cən θəyətθ-amə ʔə=kʷθ-ənʔ=snəxʷət.*
AUX=1SG починил-2SG OBL=ART.SG-2SG=каное

‘Я (A) починил тебе (U) каное (U).’

Как видно из этих примеров, функция Adr здесь маркируется как ядерный аргумент и требует появления кореферентного местоименного показателя в глаголе, в то время как U (то, что покупается или передаётся) оформляется, как периферийная роль. Судя по данным работы [Kroeber 1999: 30 — 31, 42 ff.], такой способ оформления ролей Adr и U при битранзитивных глаголах является в этих языках единственно возможным.

Аналогичная ситуация наблюдается в языке мовима, где U двухвалентного глагола кодируется прямым падежом, а U трёхвалентного — косвенным, ср. следующие примеры [Haude 2006: 281, 282]

мовима (изолят, Боливия)

(2.94) a. *usko bay-a-cho=us as wa:so.*
он.DIR ударить-TR-внутри=3SG.M ART.SG.DIR стекло

‘Он (A) разбил окно (U).’

b. *kayaʔe=us os pa:ko n-os charke.*
дать.TR=3SG.M ART.SG.DIR собака OBL-ART.SG мясо

‘Он дал мясо (U) собаке (Adr).’

В индоиранских языках секундативное оформление аргументов трёхместных предикатов возникает в качестве «побочного продукта» дифференцированного кодирования роли U. Действительно, в этих языках высокоиндивидуализированный U часто кодируется тем же показателем (например, косвенным падежом), что и Адресат, ср. следующие примеры из языка заза [Selcan 1998: 278 — 279]:

(индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Турция)

(2.95) a. *Televe malim-i vinen-o.*
ученик.DIR.SG учитель-OBL.SG видеть.PRS-3SG

‘Ученик (A) видит учителя (U).’

b. *U kitav dan-o malim-i.*
он.DIR книга.DIR.SG дать.PRS-3SG учитель-OBL.SG

‘Он (A) даёт книгу (U) учителю (Adr).’

Данная ситуация, однако, отличается от наблюдаемой в салишских языках, в том немаловажном отношении, что в иранских языках индивидуализированный U и Adr, в тех случаях, когда их оформление совпадает, кодируются косвенным падежом, в то время как Th — Претерпевающий битранзитивного глагола — выражается прямым падежом. Напротив, в салишских языках в функциях U и Adr используется немаркированный прямой падеж, служащий для кодирования ядерных синтаксических аргументов, к числу которых Th в этих языках как раз не относится.

Третий тип кодирования ролей U и Adr, при котором они формально не различаются, будучи противопоставлены другим ядерным аргументам, наблюдается во многих языках с двухпадежными системами. Наиболее ярко он представлен в юто-ацтекских языках, где роли U и Adr отождествляются не только на морфологиче-

ском, но и на синтаксическом уровне. Ср. следующий пример из диалекта чемевеви языка юте [Press 1979: 118]:

чемевеви (юто-ацтекская семья, северная группа, южно-нумийская подгруппа, Калифорния)

(2.96) *níi maka-j káaw John-i maga-ví*
я.DIR это-OBL.SG вчера Джон-OBL дать-PST

‘Я (A) вчера дал это (U) Джону (Adr).’

Как отмечалось выше (п. 2.1.2.7), при переводе подобных предложений в императив оформление ролей U и Adr меняется с Obl на Dir, причём этой трансформации должны быть подвергнуты оба аргумента, см. пример (2.62). Ср. также примеры из языка яки [Guerrero, Van Valin 2004: 291, 306], где даже может возникнуть неоднозначность:

яки (юто-ацтекская семья, южная группа, Мексика)

(2.97) a. *Aurelia Karmen-ta toto'i-ta miika-k.*
Аурелия.DIR Кармен-OBL.SG курица-OBL.SG дать-PERF

‘Аурелия (A) дала Кармен (Adr) курицу (U).’

b. *Aurelia Karmen-ta u-ka ili usi-ta*
Аурелия.DIR Кармен-OBL.SG ART-OBL.SG маленький ребёнок-OBL.SG
bit-tua-k.
видеть-CAUS-PERF

‘Аурелия показала Кармен (Adr) ребёнка (U).’ / ‘Аурелия показала ребёнку (Adr) Кармен (U).’

Нейтральное кодирование битранзитивных ролей характерно для многих африканских языков, ср. [Gary, Keenan 1977], [Creissels 2003a], в частности, для ряда рассматриваемых. В языке нанди эти аргументы оформляются прямым падежом, в противоположность «подлежащему» (S/A), кодируемому косвенным падежом, ср. следующий пример [Creider, Creider 1989: 124]:

нанди (нило-сахарская макросемья, восточно-суданская ветвь, нилотская семья, южная группа, подгруппа календжин, Кения)

(2.98) *kí:ka:cì kípe:t la:kwé:t ce:kà.*
дал Кибет.OBL ребёнок.DIR.SG молоко.DIR.SG

‘Кибет дал ребёнку (Adr) молока (U).’

Аналогичная ситуация имеет место и в ряде других языков, ср., например, старофранцузский [Moignet 1976: 90 — 91]:

старофранцузский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа)

(2.99) a. *il vit un home crucefié.*
он.DIR увидел INDEF.OBL.SG человек.OBL.SG распятый.OBL.SG

‘Он увидел распятого человека (U).’

b. *dites le roi que...*
скажите DEF.OBL.SG король.OBL.SG что

‘Скажите королю (Adr), что...’

и язык кати [Грюнберг 1980: 148]:

кати (индоевропейская семья, индоиранская группа, нуристанская ветвь, Афганистан)

(2.100) *banū yete k̄t̄uw-a p̄reni.*
Баньи.DIR я.OBL чаша-OBL.SG даёт

‘Баньи (A) даёт мне (Adr) чашу (U).’

Наконец, по-видимому, наиболее распространённым является четвёртый тип, при котором роль Adr маркируется отлично от роли U, а последняя, в свою очередь, отлично от других ядерных ролей. Такая ситуация в может теоретически реализовываться в двух вариантах:

(i) все три аргумента: A, U и Adr — кодируются по-разному, что в двухпадежных системах возможно лишь когда по крайней мере одна из них оформлена сочетанием падежной формы с предлогом или послелогом;

(ii) аргументы Adr и A маркируются одинаково, а U — отлично от них обоих. Первая ситуация является довольно распространённой, ср. следующие примеры из мунджанского языка [Пахалина 1969: 142]:

мунджанский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Афганистан)

(2.101) *mən na=žink-in ruṣaya liəm.*
я.OBL DAT=женщина-OBL.SG рупия.DIR.SG дал.я

‘Я (A) дал женщине (Adr) рупию (U).’

или из хинди, где послелогом маркируется не только Adr, но и A [Mohanani 1994: 85]:

(2.102) *ilā=ne mā=ko yah haar diyā.*
Ила.OBL.SG=AGT мать.OBL.SG=OBJ этот.DIR.SG ожерелье.DIR.SG дал

‘Ила (A) дал матери (Adr) это ожерелье (U).’

Вторая ситуация наблюдается в целом ряде индоиранских языков, где она возникает при одновременном кодировании косвенным падежом ролей A (в прошедшем времени) и *Adr*. Ср. следующие примеры из языков кати [Грюнберг 1980: 153]:

кати (индоевропейская семья, индоиранская группа, нуристанская ветвь, Афганистан)

(2.103) *amki pa'i*   *u'to tu niŕ-e*   *pt'e*.
это яблоко.DIR   мы.OBL твоя мать-OBL.SG дали

‘Эти яблоки (U) мы (A) дали твоей матери (Adr).’

и курманджи [Бакаев 1966: 264]:

курманджи (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Турция)

(2.104)а. *myñ gošt*   *da n'ŕišk-e*.
я.OBL   мясо.DIR.SG   дал   кошка-OBL.SG

‘Я (A) дал мясо (U) кошке (Adr).’

б. *æ gošt*   *dŕdŕmæ n'ŕišk-e*.
я.DIR   мясо.DIR.SG   даю   кошка-OBL.SG

‘Я (A) даю мясо (U) кошке (Adr).’

Как видно из приведённых здесь и выше примеров, важнейшее отличие роли *Adr* от ролей A и U заключается в том, что её кодирование не зависит от таких факторов, как вид/время глагола, и, тем самым, различные типы совпадения выражения ролей A, U и *Adr*, представленные в одном и том же языке, обусловлены варьированием оформления ядерных актанта, ср. таблицу 2.30.

Таблица 2.30. Соотношение кодирования ролей A, U и *Adr*

A	U	Adr	обуславливающий фактор
Dir	Dir	Obl	наст. время, неиндивид. U
Dir	Obl	Obl	наст. время, индивид. U
Obl	Dir	Obl	прошедшее время ³⁵

Приведённые примеры и статистические данные показывают, что роль *Adr* тяготеет к более периферийному типу оформления: за исключением салишских языков и мовима ни в одном из исследованных языков не наблюдается ситуации, когда роль U маркировалась бы косвенным падежом/сочетанием со служебным сло-

³⁵ Гипотетически возможен и четвёртый случай, когда все три роли оформлены косвенным падежом (т. е. при индивидуализированном U). Такие примеры, однако, мне не встретились.

вом, а роль *Adḡ* — прямым или косвенным, соответственно. Однако тот факт, что в различных языках *Adḡ* фактически включается в число ядерных аргументов, маркируясь так же, как *U*, свидетельствуют в пользу гипотезы о промежуточном статусе данной роли.

2.2.2. Кодирование пространственных ролей

Типы пространственных семантических ролей и способов их выражения в языках мира довольно хорошо изучены, см. такие работы, как [Talmy 1985, 2000: Ch. 1, 3], [Svorou 1994], [Ганенков 2002], [Плунгян (ред.) 2002]; ср. обзор в [Luraghi 2003: Ch. 1]. При том, что в некоторых языках (например, в дагестанских) различается до нескольких десятков пространственных значений, для типологического сопоставления, подобного тому, что проводится в данной работе, релевантны, фактически, лишь четыре основных локативных значения: место (*Loc*), цель/конечная точка (*Goal*), исходная точка (*Source*) и путь (*Path*)³⁶. Сразу необходимо отметить, что при всём разнообразии типов поверхностного выражения этих ролей, имеет место тенденция никогда не кодировать роли *Goal* и *Source* одинаково, хотя формальное совпадение *Loc* и *Goal* встречается сплошь и рядом, см. [Luraghi 2003: 20 — 21]. Это объясняется тем, что в прототипическом случае *Loc* сочетается со стативными предикатами, а *Goal* и *Source* с динамическими, т. е. при единообразном кодировании *Loc* и *Goal* вероятность двусмысленности гораздо ниже, чем когда формально не различаются *Goal* и *Source*, ср. [Филлмор 1981/1968: 407 — 408].

У меня есть только очень скудные данные относительно того, как в рассматриваемых языках выражается роль *Path*. Единственные имеющиеся в моём распоряжении примеры оформления *Path* при помощи одного из двух падежей представлены в старофранцузском языке [Moignet 1976: 95]:

старофранцузский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа)

(2.105) *si s=en vet un autre sentier*
и REFL=CL пойдёт INDEF.OBL.SG другой.OBL.SG путь.OBL.SG
que celui qu=il avoit autr foiz alé.
чем тот.OBL.SG что=ОН.DIR AUX другой раз ходил

³⁶ Эти значения относятся к зоне так называемой «ориентации», см. [Мельчук 1998: 55 — 60].

‘И он пойдёт другим путём (Path), нежели тот, которым он ходил до того.’

и в амхарском языке [Leslau 1995: 185]:

амхарский (афроазиатская макросемья, семитская семья, южная ветвь, эфиопская группа, Эфиопия)

(2.106) *ne mängäd-e-n hed-ku əssumm mängäd-u-n hed-ä.*
я путь-1SG-OBL пошёл-1SG он путь-3SG-OBL пошёл-3SG

‘Я пошёл своим путём (Path), а он — своим.’

Следует обратить внимание, что в обоих случаях примеры содержат лексему со значением ‘путь, дорога’; выражаются ли в двухпадежных системах ситуации типа русского *идти лесом*, мне неизвестно.

В таблице 2.31 приведены данные о выражении ролей Loc, Goal и Source в рассмотренных языках (учитываются только случаи кодирования их именно падежной формой, а не сочетанием с предлогом/послелогом).

Таблица 2.31. Кодирование локативных ролей в двухпадежных системах

Язык/группа/ареал	Loc	Goal	Source	Loc=Goal	Loc≠Goal
Европа	Obl	Obl		+	
Индоиранские	Dir,Obl	Dir,Obl		+	+
Берберские					
Амхарский		Obl			(+)
Нилотские	Dir	Dir		+	
Салишские	Obl	Obl		+	
Чоктау					
Юто-ацтекские					
Алеутский					
Мовима	Obl	Obl	Obl	+	
Ниас	Dir				(+)
Йимас	Obl	Obl		+	
Маунг					
Всего Dir	3	2	0		
Всего Obl	5	6	1		
Всего	7	7	1	6	1 (3)

Данная таблица ясно показывает следующие факты: во-первых, примерно в половине семей/ареалов, где представлены двухпадежные системы, локативные роли Loc и Goal кодируются при помощи одного из падежей, причём лишь редко — разными. Во-вторых, роль Source нигде, кроме языка мовима, не кодируется одним из падежей (ниже, однако, будет приведён редкий пример, когда все три локативные роли маркируются единообразно). В-третьих, наблюдается определённое предпочтение Obl для кодирования этих ролей. В-четвёртых, наблюдается ярко выраженная тен-

денция оформлять роли Loc и Goal единообразно в тех языках, где обе они выражаются при помощи падежей, а не служебных слов.

Перед тем, как перейти к собственно обзору типов кодирования ролей Loc и Goal, приведу некоторые примеры, когда все локативные роли оформляются одинаково. Такая довольно редкая ситуация имеет место в языке оромо [Bender et al. 1976: 130 — 148]:

оромо (афроазиатская макросемья, кушитская семья, восточная группа, Эфиопия)

(2.107) a.	<i>mána:</i>	<i>jíra.</i>	b.	<i>mána:</i>	<i>dewe.</i>
	дом.DIR.SG	он.находится		дом.DIR.SG	он.пошёл
	‘Он в доме (Loc).’			‘Он пошёл домой (Goal).’	

c.	<i>mána:</i>	<i>báe:</i>
	дом.DIR.SG	он.вышел
	‘Он вышел из дому (Source).’	

Как видно, ИГ *mána:* ‘дом’ фактически является «прямым дополнением», т.е. ядерным аргументом при глаголах движения, содержащих в своей семантике соответствующий локативный компонент. Ср. пример переходного предложения на этом языке [ibid.]:

(2.108)	<i>motícci</i>	<i>nenc’a:</i>	<i>ajjese.</i>
	царь.OBL.SG	лев.DIR.SG	убил
	‘Царь (A) убил льва (U).’		

В языке оромо, как и в ряде других языков Восточной Африки, роль U выражается прямым падежом; можно предположить, что во всех вышеприведённых примерах ИГ в прямом падеже обладают одними и теми же синтаксическими свойствами. Подобная ситуация, когда различие между ролями Loc, Goal и Source не грамматикализовано при помощи падежных показателей или служебных слов, но лексикализовано в глаголе, является редкой только для Евразии, и, напротив, очень распространена в языках Африки, см. [Creissels 2003b]. Ср., в частности, примеры из амхарского языка, расположенного в том же ареале [Leslau 1995: 185]:

амхарский (афроазиатская макросемья, семитская семья, южная ветвь, эфиопская группа, Эфиопия)

(2.109) a.	<i>bet-u-n</i>	<i>gäbb-a.</i>
	дом-3SG-OBL	вошёл-3SG
	‘Он вошёл в свой дом (Goal).’	

b. *märet*   *şahay-ən*   *təzoralläčč.*
 земля.DIR.SG   солнце-OBL   обходить.вокруг

‘Земля вертится вокруг Солнца.’

Несколько иная ситуация представлена в языке мовима, где интерпретация ИГ, указывающей на ориентир, относительно которого осуществляется движение, во много обусловлена прагматическим контекстом, ср. следующие примеры [Haude 2006: 281]:

мовима (изолят, Боливия)

(2.110)a. *che*   *isne*   *chi:chi*   *n-os*   *chora:da.*
 и   она.DIR   выйти   OBL-ART.SG   улица

‘И она вышла на улицу (Goal).’

b. *to:mi*   *os*   *chi:chi*   *n-inʎa.*
 вода   ART.SG.DIR   выйти   OBL-я

‘Из меня (Source) вышла (именно) вода.’

Обратимся теперь непосредственно к тому, как выражаются роли Loc и Goal в языках с двухпадежными системами, ограничившись лишь теми языками, где обе роли оформляются при помощи падежей, а не предлогов/послелогов. Логически возможные здесь типы кодирования представлены в таблице 2.32.

Таблица 2.32. Типы кодирования ролей Loc и Goal в двухпадежных системах

Loc	Goal	Язык
Dir	Dir	нанди, кати, ягнобский
Obl	Obl	брадж, скомиш, йимас
Obl	Dir	прасун, пхалура
Dir	Obl	—

Как видно, из четырёх типов реально зафиксированы только три; почему среди рассмотренных мною языков не нашлось такого, где роль Loc кодировалась бы прямым падежом, а роль Goal — косвенным, мне не ясно. По крайней мере, данный факт представляется мне скорее случайным, нежели существенным, особенно в свете того, что функция Loc может быть маркирована прямым падежом, а Goal — сочетанием со служебным словом (такая ситуация имеет место, например, в пашто и ниас).

Приведу примеры каждого из типов. Обе локативные роли оформляются прямым падежом в ряде индоиранских языков, например, в ягнобском [Хромов 1972: 79]³⁷:

ягнобский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-восточная подгруппа, Таджикистан)

(2.111)а. *man Anzor šawomišt.*
я.DIR Анзоб.DIR иду

‘Я иду в Анзоб (Goal).’

б. *Dahana itk vastagi=x=o.*
Дахан.DIR мост.DIR установлен=AUX=PRT

‘В Дахане (Loc) установлен мост, а?’

и в персидском [Lazard 1957: 187 — 190]³⁸:

(2.112)а. *Tehrān zendegi mi-kon-im.*
Тегеран.DIR жизнь.DIR.SG DUR-делать-1PL

‘Мы живём в Тегеране (Loc).’

б. *umad Tehrān.*
он.поехал Тегеран.DIR

‘Он поехал в Тегеран (Goal).’

а также в нилотских языках, ср. примеры из языка нанди [Creider, Creider 1989: 123]:

нанди (нило-сахарская макросемья, восточно-суданская ветвь, нилотская семья, южная группа, подгруппа календжин, Кения)

(2.113)а. *mì:téy kípro:no kitâ:li.*
находится Кипроно.OBL Китале.DIR

‘Кипроно находится в Китале (Loc).’

---

³⁷ По-видимому, такое употребление свойственно лишь именам с локативной семантикой, в особенности топонимам [ibid.].

³⁸ В персидском языке, как пишет Ж. Лазар, примеры, подобные нижеприведённым, возникают в результате опущения предлога (там же, с. 187): «как правило, каждый раз, когда функция имени в предложении достаточно ясно следует из смысла самого имени и всего высказывания, предлог можно опустить» (“En règle générale, chaque fois que la fonction, dans la proposition, du substantif (ou pronom) complément ressort assez clairement de sa signification et de celle de l’ensemble de l’énoncé, la préposition est omise.”).

b. *wê:ntí: cé:pyó:sé:t oltôret*
идёт женщина.OBL.SG Элдорет.DIR

‘Женщина идёт в Элдорет (Goal).’

Здесь необходимо отметить, что в нанди локативные роли кодируются так же, как ядерный аргумент U, что наводит на мысль об аналогии с рассмотренными выше примерами из языка оромо, относящегося к тому же ареалу. У меня, однако, нет необходимых данных, чтобы утверждать, что ИГ в прямом падеже в только что приведённых примерах являются ядерными аргументами соответствующих предикатов, в то время как кодирование этих пространственных ролей с помощью того же формального средства, что и U, представлено во многих языках.

Рассмотрим теперь следующий тип, где и Loc, и Goal оформляются косвенным падежом. Ср. примеры из языка брадж [Липеровский 1988: 39]³⁹:

брадж (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная подгруппа, Индия)

(2.114) a. *ek talāb ke kināre*   b. *apane ghar*
один пруд POSS берег.OBL.SG   свой.OBL.SG дом.OBL.SG

‘на берегу (Loc) одного пруда’

‘в свой дом (Goal)’

и из языка йимас [Foley 1991: 166, 326]:

йимас (семья сепик-раму, группа нор-пондо, подгруппа пондо, Восточное нагорье Новой Гвинеи)

(2.115) a. *ŋaŋk-ŋan atanairmn.*   b. *arm-n kay ikaakmpiwul.*
травя-OBL я.стою   вода-OBL каноэ я.спустил

‘Я стою в траве (Loc).’

‘Я спустил каноэ на воду (Goal).’

и снова из ягнобского языка [Хромов 1972: 78]:

ягнобский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-восточная подгруппа, Таджикистан)

(2.116) a. *šahr-i or.*   b. *šahr-i aves-im.*
город-OBL суть   город-OBL спуститься-1SG

‘Они в городе (Loc).’

‘Я спустился в город (Goal).’

³⁹ В.П. Липеровский приводит эти примеры без контекста, так что о семантической роли соответствующих ИГ можно судить лишь по переводу.

Наконец, третий тип оформления пространственных ролей, когда роль *Loc* кодируется косвенным падежом, а *Goal* — прямым, представлен в ряде дардских и нуристанских языков, ср. примеры из языка прасун [Эдельман 1965: 65]:

прасун (индоевропейская семья, индоиранская группа, нуристанская ветвь, Афганистан)

- (2.117) а. *āw*   *āpčāgləm.*   б. *ī*   *mīrma.*
           вода.DIR.SG   я.её.отнёс   ты   царство.OBL.SG
           ‘Я отнёс её в воду (Goal).’   ‘в твоём царстве (Loc)’

и из языка пхалура [Buddruss 1967: 33]:

пхалура (индоевропейская семья, индоиранская группа, дардская ветвь, Пакистан)

- (2.118) а. *bāzār*   *bā.*   б. *ma*   *dhār-e*   *hinn.*
           базар.DIR.SG   иди   я.DIR   гора-OBL.SG   есмь
           ‘Иди на базар (Goal).’   ‘Я нахожусь на горе (Loc).’

Нужно отметить, что в обоих языках и прямой, и косвенный падежи могут употребляться в функции *U* в зависимости от степени индивидуализации соответствующего референта, ср. примеры из пхалура [Buddruss 1967: 33]:

- (2.119) а. *bāb-e*   *monuṣ*   *dēšālo.*
           отец-OBL.SG   человек.DIR.SG   послал
           ‘Отец послал (какого-то) человека (U).’
           б. *mī*   *la*   *monuṣ-e*   *dəṣṣōno.*
           я.OBL   этот   человек-OBL.SG   видел
           ‘Я видел этого человека (U’).’

Тем самым, по-видимому, нельзя говорить о том, что оформление в этих языках ИГ, обозначающих конечную точку движения, связано с тем, что они отождествляются с *U* переходных глаголов, в противоположность ИГ с ролью *Loc*, имеющих статус периферийных аргументов. Можно, однако, предположить, что подобное кодирование ролей *Loc* и *Goal* отражает более древнее состояние языка, когда значение цели движения выражалось тем же падежом, что *U* (т. е., аккузативом, см. подробнее п. 2.3.1, 3.2.1.1; напомним, что «дифференцированное маркирование объекта» в индоиранских языках — сравнительно новое явление), а *Loc* — одним из периферийных падежей.

К этому же типу можно, в принципе, отнести и явление, представленное в ряде норвежских диалектов, где роли *Loc* и *Goal* кодируются, соответственно, кос-

венным и прямым падежами в сочетании с некоторыми предлогами, безразличными к противопоставлению локализации и движения, ср. следующие примеры [Sandøy 1996: 74], фонологическая запись:

областной норвежский (индоевропейская семья, германская группа, северная подгруппа)

- (2.120) a. *ini stɥ:gɯn*   b. *ini stɥ:gɯ*
           в   город.DEF.DIR.SG   в   город.DEF.OBL.SG
           ‘в город (Goal)’   ‘в городе (Loc)’

Помимо собственно пространственной интерпретации, роли Loc и Goal могут иметь и метафорические понимания. Для Loc основной такой интерпретацией является временная, представленная, по-видимому, в подавляющем большинстве языков мира, ср. [Haspelmath 1997]. Имеющиеся в моём распоряжении данные показывают, что значения временного промежутка, момента времени, продолжительности ситуации и т. п. (далее всю эту группу значений я буду обозначать ярлыком Temp) представлены если не во всех, то по крайней мере, в очень многих языках с двухпадежными системами. Кроме того, временная интерпретация пространственного показателя является настолько обычной, что во многих случаях авторы описаний могли попросту не упомянуть её.

Рассмотрим примеры маркирования и интерпретации роли Temp. В старофранцузском языке косвенный падеж употреблялся для обозначения как точки во времени, так и временного промежутка, ср. [Moignet 1976: 95]:

старофранцузский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа)

- (2.121) a. *Erec dormi po cele nuit.*
           Эрик   спал   мало   эта.OBL.SG   ночь.OBL.SG
           ‘Эрик мало спал этой ночью (Temp).’

- b. *Carles... set anz ... ad estet en Espagne.*
           Карл.DIR   семь.OBL.PL   год.OBL.PL   AUX   быть в Испании
           ‘Карл ... семь лет (Temp) ... был в Испании.’

В языке прасун продолжительность события обозначается прямым падежом, а локализация во времени — косвенным [Эдельман 1965: 65]:

прасун (индоевропейская семья, индоиранская группа, нуристанская ветвь, Афганистан)

(2.122)а.	<i>ātek</i>	<i>məʂək</i>		б.	<i>wāce-š</i>
	один	месяц.DIR.SG			вечер-OBL.SG
	‘один месяц <делал что-то>’			‘вечером’	

Учитывая рассмотренное выше маркирование в данном языке пространственных ролей, можно объяснить подобное дифференцированное оформление темпоральных обстоятельств: локализация во времени оформляется так же, как локализация в пространстве, т. е. косвенным падежом, а продолжительность во времени, являющаяся семантически производной скорее от роли Path, нежели от Loc, обозначается по-другому. Неудивительно, что точно такое же явление имеет место и в языке пхалура [Buddruss 1967: 33 — 34]:

пхалура (индоевропейская семья, индоиранская группа, дардская ветвь, Пакистан)

(2.123)а.	<i>har</i>	<i>dēs</i>		б.	<i>hemānd-e</i>
	каждый	день.DIR.SG			зима-OBL.SG
	‘каждый день’			‘зимой’	

Продолжительность во времени маркируется прямым падежом и в языке шина [Эдельман 1965: 169]:

шина (индоевропейская семья, индоиранская группа, дардская ветвь, Пакистан)

(2.124)	<i>ək</i>	<i>māzək</i>	<i>bēṭēšēš.</i>
	один	месяц.DIR.SG	мы.жили

‘Мы жили <там> один месяц (Temp).’

и в урду [Дымшиц 1962: 34]:

урду (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная подгруппа, Пакистан)

(2.125)	<i>wahā</i>	<i>maī</i>	<i>do</i>	<i>din</i>	<i>rahā</i>
	там	я.DIR	два	день.DIR.SG	пробыл

‘Там я пробыл два дня (Temp).’

Напротив, в тех языках, где Temp оформляется косвенным падежом, как правило, соответствующие ИГ имеют интерпретацию ‘положение во времени’, ср. диалект мукри языка сорани [McKenzie 1961: 59]:

сорани, диалект мукри (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Ирак)

(2.126) *nīwašaw-e*
ночь-OBL.SG

‘ночью’

В ягнобском языке, как было указано выше, обе локативные роли могут маркироваться как прямым, так и косвенным падежом, и тем самым неудивительно, что и роль Temp может быть оформлена обоими падежами, ср. [Хромов 1972: 79]:

ягнобский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-восточная подгруппа, Таджикистан)

(2.127) а. *tobistūn-i iškay serodam=x.*
лето-OBL здесь многолюдный=COP

‘Летом (Temp) здесь многолюдно.’

б. *zimistūn tim isturuž vomišt.*
зима.DIR тоже сторож.DIR я.буду

‘Зимой (Temp) тоже я буду сторожем.’

Параллелизм в выражении локативных и темпоральных ролей представлен и в других ареалах, ср. примеры из языка оромо [Bender et al. 1976: 144]:

оромо (афроазиатская макросемья, кушитская семья, восточная группа, Эфиопия)

(2.128) *torban lómma: ta?e:.*
две недели.DIR.SG он.оставался

‘Он оставался <здесь> две недели (Temp).’

и языка йимас [Foley 1991: 169]:

йимас (семья сепик-раму, группа нор-пондо, подгруппа пондо, Восточное нагорье Новой Гвинеи)

(2.129) *tmat-ɣan nma-kay-wark-wat.*
день-OBL дом-1PL-строить-НАВ

‘Мы всегда строим дом днём (Temp).’

Тем самым, можно констатировать, что в рассмотренных языках значения ‘положение в пространстве’ и ‘положение во времени’ выражаются одинаково.

Типичной метафорической интерпретацией пространственной роли Goal является значение не конечной точки, а более абстрактной цели движения или действия, ср. [Гусев 2004]. У меня нет достаточных данных о том, насколько часто и как

данное значение выражается в двухпадежных системах; приведу примеры из языка кховар [Edelman 1983: 212]:

кховар (индоевропейская семья, индоиранская группа, дардская ветвь)

- (2.130) *iškār*   *baɣai*.
охота.OBL.SG   он.пошёл

‘Он пошёл на охоту (Goal).’

и из языка мовима [Haude 2006: 281]

мовима (изолят, Боливия)

- (2.131) *jaɣna*   *rey*   *chi:chi*   *n-as*   *telo-wa=n*.
тогда   опять   выйти   OBL-ART.SG   танцевать-NML-2SG

‘Тогда ты (снова) пойдёшь танцевать (Goal).’

Возможно, сюда имеет отношение и значение результата в контексте глаголов превращения, отмеченное в языке шусвап [Kuipers 1974: 78]:

шусвап (салишская семья, внутренняя группа, северная подгруппа, Британская Колумбия)

- (2.132)а. *nenskn*   *t=Williams Lake*.
я.пошёл   ART.SG.OBL=Уильямс Лейк

‘Я отправился в Уильямс Лейк (Goal).’

- (2.133) *m=k^wultəs*   *t=stiq'səλ*.
ASP=они.превратились   ART.SG.OBL=форель

‘Они превратились в форелей (Goal).’

и в языке гезз [Weniger 1999: 39]:

гезз (афроазиатская макросемья, семитская семья, южная ветвь, эфиопская группа)

- (2.134) *wa=kon-a*   *nadāfe*.
и=стал-3SG   лучник.OBL.SG

‘И он стал лучником (Goal).’

Резюмируя, можно сказать, что в языках с двухпадежными системами представлено довольно большое разнообразие типов кодирования локативных и производных от них значений. Эти типы в полной мере соответствуют универсальным тенденциям, таким как оформление роли Source более сложным средством, нежели то, которым обозначаются роли Loc и Goal (действительно, Source всегда выражается в двухпадежных системах при помощи служебных слов), возможность неразличения ролей Loc и Goal, продуктивная метафора ‘положение в пространстве’ → ‘по-

ложение во времени' и т. д. Следует, однако, особо подчеркнуть значимость того факта, что в языках с двухпадежными системами такие значения вообще выражаются именно при помощи одного из двух падежей, несмотря на то, что в большинстве рассматриваемых языков имеется богатая система служебных слов. Это означает, что язык не «боится» полифункциональности падежного показателя и не стремится сузить употребление того или иного формального средства. Напротив, полифункциональность падежа нередко сопровождается распределением различных функций по разным лексическим классам имён (так, как указано в работах [Aristar 1996, 1997] и [Luraghi 2003: 63 — 72], один и тот же падеж при лексемах со значением пространственных объектов может иметь локативное значение, при обозначениях материальных предметов — инструментальное, а при обозначениях живых существ — адресатное), что позволяет даже минимальной падежной системе выразить большое число значений экономичным и, как правило, различительным способом.

2.2.3. Кодирование прочих предикатных ролей

В данном разделе будет кратко рассмотрено кодирование в двухпадежных системах периферийных семантических ролей, не попавших в уже описанные выше классы (естественно, здесь, как и в предыдущем разделе, имеет силу оговорка о том, что во внимание принимается лишь оформление соответствующих ИГ собственно падежными показателями, а не служебными словами, которые как правило и берут на себя различные периферийные функции). Необходимо сразу отметить, что информация о таких значениях в имеющихся описаниях даётся далеко не всегда, поэтому приводимая ниже картина не претендует на исчерпывающий обзор имеющегося положения дел.

К рассматриваемым здесь периферийным ролям относятся следующие:

- способ действия (Manner);
- инструмент (Ins) и комитатив (Comit)
- мера (Mens);
- объект сравнения (Comp);
- Агенс пассива (PA).

Большая часть этих значений представлена в языках, относящихся к разным генетическим группам и ареалам, ср. таблицу 2.33, в которой приводятся данные о спосо-

бах выражения каждого из указанных значений во всех языках, где они обнаруживаются.

Таблица 2.33. Выражение непространственных периферийных ролей

Язык	Manner	Ins	Comit	Mens	Comp	PA
старофранцузский [Moignet 1976]	Obl			Obl		
старопровансальский [Schultz-Gora 1915]	Obl			Obl		
румынский [Beyrer et al. 1987]				Dir		
персидский [Lazard 1957]				Dir		
рошорвский [Курбанов 1976]					Obl	
урду [Дымшиц 1962]				Dir		
авадхи [Липеровский 1997]		Obl				
брадж [Липеровский 1988]	Obl					
геэз [Weniger 1999]	Obl					
оромо [Bender et al. 1976]				Dir		
масаи [Tucker, Mraaye 1955]						Obl
ниас [Brown 2001]		Dir			Dir	
йимас [Foley 1991]		Obl				
скомиш [Kuipers 1967]		Obl				Obl
шусвап [Kuipers 1974]	Obl					Obl
мовима [Haude 2006]	Obl	Obl	Obl			
Всего Dir⁴⁰: 5	0	1	0	4	0	0
Всего Obl: 14	5	4	1	1	1	2
Всего: 19	5	5	1	5	1	2

Следует обратить внимание на следующие факты. Во-первых, как и следовало ожидать, данные роли явно предпочитают оформление косвенным падежом, нежели прямым. Во-вторых, в свете этого нельзя не отметить асимметрию в выражении наиболее частых ролей: Manner, Ins и Mens; как видно, единственная роль, которая чаще оформляется прямым падежом, нежели косвенным, это Mens. Суть этой асимметрии становится ясной при сравнении способов выражения ролей Ins, Manner и Mens с доминантной стратегией кодирования в тех же языках ядерных аргументов, см. таблицу 2.34.

⁴⁰ При подсчёте все пары близкородственных языков (старофранцузский и старопровансальский, скомиш и шусвап и т. п.) считаются за один язык.

Таблица 2.34. Кодирование ролей Manner, Ins, Mens в сопоставлении с оформлением ядерных актантов

Язык	Manner	Ins	Mens	A	U
старофранцузский	Obl		Obl	Dir	Obl
старопровансальский	Obl		Obl	Dir	Obl
румынский			Dir	Dir	Dir
персидский			Dir	Dir	Dir
урду			Dir	Dir	Dir
авадхи		Obl		Dir	Dir
брадж	Obl			Dir?	Dir
геэз	Obl			Dir	Obl
оромо			Dir	Obl	Dir
ниас		Dir		Dir	Obl
йимас		Obl		Dir	Dir
скомиш		Obl		Dir	Dir
шусвап	Obl			Dir	Dir
мовима	Obl	Obl		Dir	Dir
Всего Dir: 5	0	1	4	—	—
Всего Obl: 10	5	4	1	—	—
Всего: 15	5	5	5	—	—

Из этой таблицы видно, что существует строгая корреляция между способом выражения в данном языке ролей U и Mens: эти роли всегда оформляются одинаково. По всей видимости, это связано с семантическими ограничениями на роль Mens, употребляющуюся с глаголами типа ‘мерить’ или ‘стоять’, требующими соответствующих ИГ в качестве аргумента. Следует также отметить, что маркирование прочих рассматриваемых ролей следует обратной закономерности: их оформление, как правило, не совпадает с таковым ядерных ролей, что особенно отчётливо видно на материале языков, в которых основной стратегией кодирования является нейтральная (салишские, йимас, новоиндийские).

Перейдём к рассмотрению примеров. Роль Manner последовательно оформляется косвенным падежом во всех языках, где она отмечена, ср. брадж [Липеровский 1988: 35]:

брадж (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная подгруппа, Индия)

(2.135) *nange pāyaṅ*
голый ноги.OBL.PL

‘босиком (букв. «голыми ногами»)’

и геэз [Weniger 1999: 39]:

геэз (афроазиатская макросемья, семитская семья, южная ветвь, эфиопская группа)

- (2.136) *wa=bakay-a marir-a.*
и=плакал-3SG горький-OBL.SG

‘И он <апостол Пётр> горько (Manner) заплакал.’

Роль Ins во всех языках выражается иначе, чем по крайней мере некоторые ядерные аргументы, в частности, отлично от роли U, ср. ниас, где, как уже отмечалось выше, роль A оформляется прямым падежом, а роль S/U — косвенным [Brown 2001: 207]:

ниас (австронезийская макросемья, малайско-полинезийская семья, суматранская группа, северная подгруппа, остров Ниас)

- (2.137) *göna ya toho.*
ударил он.OBL копьё.DIR.SG

‘Его ударили копьём (Ins)’

Ср. «стандартный» способ оформления инструмента косвенным падежом, представленный в языке скомиш [Kuipers 1967: 169]:

скомиш (салишская семья, центральная группа, Юго-Западная Канада)

- (2.138) *na=lič'itas ta=smic t=ta=lač'tn.*
ASP=он.его.разрезал ART.SG.DIR=мясо OBL=ART.SG=нож

‘Он разрезал мясо ножом (Ins).’

Функция комитатива, близкая в роли инструмента (эти значения, фактически, распределены в зависимости от одушевлённости существительного), отмечена лишь в языке мовима, ср. пример (2.139) [Haude 2006: 282]:

мовима (изолят, Боливия)

- (2.139) *kide: da' kaykay jayna n-us alwaja='ne.*
они.DIR DUR есть вот OBL-ART.SG муж=3SG.F

‘Они сейчас едят с её мужем (Comit).’

Роль Mens, чаще всего интерпретирующаяся как обозначение цены или стоимости, как уже было сказано, во всех языках, где она отмечена, оформляется так же, как и роль U. Ср. следующий старопровансальский пример, где выражены обе ИГ [Schulz-Gora 1915: 118]:

старопровансальский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа)

- (2.140) *Josep trenta deniers venderon.*
Иосиф.OBL тридцать.OBL денье.OBL.PL они.продали

‘Они продали Иосифа (U) за тридцать серебрянников (Mens).’

В румынском языке, где все ядерные роли кодируются прямым падежом, Mens также выступает в этой форме, ср. [Beurger et al. 1987: 88]:

румынский (индоевропейская семья, итало-романская группа, восточная подгруппа)

- (2.141) *a costa zece lei.*
PRT стоять десять.DIR лей.DIR.PL

‘стоять десять лей (Mens).’

Остальные периферийные роли зафиксированы лишь в единичных языках. Ср. пример оформления Агенса в пассивном залоге в языке скомиш [Kuipers 1967: 169]:

скомиш (салишская семья, центральная группа, Юго-Западная Канада)

- (2.142) *na=q^wn̄jnm λ'a=Tom ta=miχaλ.*
ASP=был.убит ART.OBL=Том ART.SG.DIR=медведь

‘Медведь был убит Томом (PA).’

Более интересная ситуация представлена в языке масаи, где конструкция, традиционно рассматриваемая в качестве пассивной, см. [Tucker, Bryan 1966: 468], [Tucker, Mraayeı 1955: 79 — 81], как было убедительно показано рядом авторов ([Greenberg 1959], [Heine, Claudi 1986: Ch. 6], [Mel'čuk 1994]), является безлично-активной; действительно, в отличие от «нормального» пассива, предполагающего продвижение «прямого дополнения» (U) в позицию «подлежащего» (S), в масаи U переходного глагола в «пассивной» конструкции сохраняет все свои свойства, в том числе и падежное оформление, ср. следующий пример [Tucker, Bryan 1966: 468]:

масаи (нило-сахарская макросемья, восточно-суданская ветвь, нилотская семья, восточная группа, подгруппа лотухо-тесо, Кения и Танзания)

- (2.143) *é-ísís-í ðayyónì.*
3PL-хвалить-PASS мальчик.DIR.SG

‘Мальчика (U) хвалят.’

Как видно, глагол в форме «пассива» содержит согласовательный префикс 3P1, аналогично русскому переводу⁴¹. Интересно, однако, что Агенс, допустимый в ряде случаев в данной конструкции и не проявляющий синтаксических свойств, характерных в масаи для «подлежащего» (ср. хотя бы отсутствие согласования с ним глагола), оформляется так же, как роль А — косвенным падежом, ср. следующий пример [Tucker, Mraauei 1955: 176]:

(2.144) *é-ís-ís-í*   *ḁayyónì*   *sírònkà*.
3PL-хвалить-PASS   мальчик.DIR.SG   Сиронка.OBL

‘Мальчик (S) восхваляется Сиронкой (PA).’

Объект сравнения обозначается прямым падежом в языке ниас, т. е. тождественно роли А [Brown 2001: 207]:

ниас (австронезийская макросемья, малайско-полинезийская семья, суматранская группа, северная подгруппа, остров Ниас)

(2.145) *mae*   *batu*   *dödö-nia*.
подобно   камень.DIR   сердце.OBL-3SG

‘Его сердце подобно камню (Comp).’

Обилие разнообразных периферийных функций, которые могут выражаться падежами в двухпадежных системах, явно свидетельствует против мнения об «ущербном», редуцированном характере таких систем, ср. [Плунгян 2000: 162 — 163].

2.2.4. Кодирование приименного определения

В этом разделе будут рассмотрены представленные в языках с двухпадежными системами основные конструкции вида [ИГ Имя [ИГ]], т. е. такие, где одна ИГ является зависимой другой (выше уже шла речь о том, что эта функция является в большей степени синтаксической, нежели семантической). Существует две основные и логически независимые стратегии оформления роли приименного определения, ср. [Nichols 1986]:

- (i) выражение синтаксической связи двух имён на зависимом имени (зависимостное маркирование или падежная стратегия);

---

⁴¹ Согласно работе [Greenberg 1959: 173 — 175], суффикс «пассива» в масаи восходит к показателю множественного числа S/A, т.е. изначально эта форма была формой 3P1 активного залога; см. уточнения в [Heine, Claudi 1986: 81 — 82].

- (ii) выражение синтаксической связи двух имён на вершине (вершинное маркирование или изафетная стратегия).

Возможна также ситуация, когда синтаксическое отношение двух имён никак материально не выражено и обозначается лишь их взаимным порядком (нейтральное маркирование), а также конструкции, где синтаксическая связь выражается и на вершине, и на зависимом (двойное маркирование). Все эти типы зафиксированы в языках с двухпадежными системами, ср. таблицу 2.35.

Таблица 2.35. Выражение посессивного отношения в двухпадежных системах

Язык/группа/ареал	Завис.	Верш.	Нейтр.	Двойн.
Европа	О	Д		
Индоиранские	О	О	Д	Д
Берберские				О
Амхарский	О		Д	
Нилотские	О			
Салишские	Д	О		Д?
Чоктау		О		
Юто-ацтекские	О			Д
Алеутский				О
Мовима		Д		О
Ниас	О			
Йимас		О		
Маунг	О			
Всего	8	6	2	5 (6)
Всего основная	7	4	0	3

Данные цифры довольно хорошо соотносятся с частотностью соответствующих типов в мировом масштабе, ср. [Nichols 1992: 69 ff.]. Рассмотрим теперь доминантные способы кодирования Poss в тех языках, где отмечена падежная стратегия оформления приименных зависимых, в сравнении с характером оформления ядерных ролей А и U, см. таблицу 2.36; жирным шрифтом выделены случаи совпадения маркирования одного из ядерных актантов с Poss, которые подсчитаны в соответствующих клетках:

Таблица 2.36. Сопоставление кодирования ролей Poss, A и U в двухпадежных системах

Язык/группа/ареал	Poss	A	U
Европа	Obl	Dir	Dir, Obl
Индоиранские	Obl, Adpos	Dir, Obl	Dir, Obl
Берберские	Obl	Obl	Dir
Амхарский	Adpos	Dir	Obl
Нилотские	Adpos	Obl	Dir
Салишские	Obl	Dir	Dir
Чоктау	Dir	Obl	Dir
Юто-ацтекские	Obl	Dir	Obl
Алеутский	Obl	Obl	Dir
Мовима	Obl, Dir	Dir	Dir
Ниас	Obl	Dir	Obl
Маунг	Obl, Dir	Dir	—
Всего Dir	3		
Всего Obl	9		
Всего Adpos	3		
Всего Core=Poss		5	6
Всего Core≠Poss	5		

Данная таблица ясно показывает, во-первых, что существует явное предпочтение оформлять Poss косвенным падежом, а во-вторых, что нет никакой значимой корреляции между маркированием Poss и ядерных ролей U и A. Последнее представляется существенным потому, что в литературе отмечалось, что неразличение ИГ, выражающих роли Poss и A ведёт к трудноразрешимой неоднозначности, ср. [Plank 1980]. Тот факт, что в двухпадежных системах Poss и A оформляются одинаково почти столь же часто, как Poss и U, свидетельствует о том, что в этих языках неоднозначность такого рода разрешается иными средствами (например, порядком слов).

Рассмотрим теперь примеры различного оформления приименных зависимых в двухпадежных системах. Наименее интересный для данного исследования случай представлен в ряде индийских языков, где существуют посессивные послелоги, ср. язык панджаби [Cummings, Bailey 1925: 274]:

панджаби (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная подгруппа, Индия)

(2.146) *jaṇē dā ghōṛā.*
 человек.OBL.SG POSS лошадь.DIR.SG

‘лошадь (этого) человека (Poss).’

Аналогично, в языке масаи имеется посессивный предлог [Tucker, Bryan 1966: 489]:

масаи (нило-сахарская макросемья, восточно-суданская ветвь, нилотская семья, восточная группа, подгруппа лотухо-тесо, Кения и Танзания)

(2.147) *ɔcɔré lɔ́ lpaɣuáɲ*
друг POSS старейшина.DIR.SG

‘друг старейшины (Poss)’

В языке мовима наиболее предпочтительный способ выразить посессора полной ИГ — оформить её при помощи относительного оборота, ср. следующий пример [Haude 2006: 228]:

мовима (изолят, Боливия)

(2.148) *oso' os kawayo=y'fi di' n-iy'fi.*
вот ART.SG лошадь=1PL REL OBL-мы

‘У нас была лошадь (букв. ‘была лошадь, которая была наша.’)’

Косвенным падежом Poss маркируется в старофранцузском языке, где в таком случае зависимое строго следует за вершиной [Foulet 1970: 14]:

старофранцузский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа)

(2.149) *la niece le duc*
DEF племянница DEF.OBL.SG герцог.OBL.SG

‘племянница герцога (Poss)’

В языке заза наблюдается двойная стратегия оформления именных словосочетаний, ср. следующий пример [Пирейко 1997: 122]:

заза (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Турция)

(2.150) *ber-ār-e kēīnäk-är*
брат-OBL.SG-IZF девушка-OBL.SG

‘брата девушки (Poss)’

То же самое можно наблюдать и в берберских языках, ср. кабийский пример [Chaker 1983: 377]:

кабийский (афроазиатская макросемья, берберская семья, северная группа, кабийская подгруппа, Алжир)

(2.151) *mi-s u-mak^war*
сын-3SG OBL-вор

‘сын вора (Poss)’

и в алеутском языке [Bergsland 1997: 54]:

алеутский (эскимосско-алеутская семья, алеутская группа, Алеутские острова)

(2.152) *tayaġu-m ula-a*
 человек-OBL.SG дом-3SG.DIR

‘дом человека (Poss)’

Двойное маркирование атрибутивной связи представлено и в курманджи, где оно нетривиально взаимодействует с категорией падежа. Вершинное имя (обладаемое) оформляется в курманджи, как и в рассмотренном только что заза, изафетом, однако последний вытесняет падежный показатель, тем самым оставляя ИГ без формального выражения синтаксической роли. Ср. следующие примеры [Haig 1998: 156]:

курманджи (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, северо-западная подгруппа, Турция)

(2.153) а. *ap kur-î di-bîn-e.*
 дядя.DIR.SG мальчик-OBL.SG DUR-видеть.PRS-3SG

‘Дядя (A) видит мальчика (U).’

а. *ap-ê min kur-ê mezin di-bîn-e.*
 дядя-IZF я.OBL мальчик-IZF высокий DUR-видеть.PRS-3SG

‘Мой дядя (A) видит высокого мальчика (U).’

с. *kur-ê mezin ap-ê min di-bîn-e.*
 мальчик-IZF высокий дядя-IZF я.OBL DUR-видеть.PRS-3SG

‘Высокий мальчик (A) видит моего дядю (U).’

Прямым падежом роль Poss оформляется в языке шина, где зависимое строго предшествует вершине [Эдельман 1965: 169]:

шина (индоевропейская семья, индоиранская группа, дардская ветвь, Пакистан)

(2.154) *bār jūk*
 дрова.DIR вязанка.DIR.SG

‘вязанка дров (Poss)’

В среднеперсидском языке наблюдается вариативное оформление Poss, ср. следующие примеры [Расторгуева 1966: 47 — 48]:

среднеперсидский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-западная подгруппа)

(2.155)а. *Ohrmazd dām ham nē Ahriman dām.*
 Ормузд.DIR творение.DIR.SG есмь NEG Ахриман.DIR творение.DIR.SG

‘Я творение Ормузда (Poss), а не Ахримана (Poss).’

б. *ō kār-ē dātāatān*
 для дело-OBL.SG справедливость

‘чтобы дело было справедливым (букв. «для справедливости дела (Poss)»)’

В связи с рассмотренным материалом необходимо отметить, что в двухпадежной системе, где, по определению, функция Poss не может ни у какого падежа быть единственной, всегда существует вероятность возникновения ситуации, когда и вершинное, и зависимое имена оформлены одинаково, ср. среднеперсидский пример (2.155), а также следующий пример из мунджанского языка [Пахалина 1969: 143]:

мунджанский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Афганистан)

(2.156) *ta škür-in vâ=mæn muškâ^oγ xurəy.*
 ты.OBL верблюды-OBL.SG OBJ=я.OBL телёнок.DIR.SG съел

‘Твой (Poss) верблюд (A) съел моего (Poss) телёнка (U).’

Как видно, в данном примере из четырёх именных групп две оформлены косвенным падежом, однако неоднозначности не возникает из-за порядка слов и прагматических соображений.

Наконец, в некоторых языках наблюдается «расщеплённое» оформление роли Poss. Так, в языке мовима, наряду с уже упомянутой релятивной стратегией оформления посессивных словосочетаний, Poss может быть выражен при помощи непосредственного подчинения ИГ вершинному имени. В одних случаях зависимая ИГ оформляется косвенным падежом, а в других остаётся неоформленной, ср. следующие примеры [Haude 2006: 228 — 229]:

(2.157)а. *as roya=n n-ulkwani* б. *is e:ta=n ulkwani*
 ART.SG дом=2SG OBL-ты ART.PL имя=2SG ты

‘твой дом’

‘твои имена’

Насколько распределение способов кодирования Poss в мовима является семантически мотивированным, остаётся неясным [ibid.].

2.2.5. Сочетание падежей с предлогами и послелогами

В этом разделе я кратко остановлюсь на зафиксированных в языках с двухпадежными системами типах сочетаний падежных форм с предлогами и послелогами. Сначала приведу статистические данные о сочетаниях того или иного падежа со служебными словами, см. таблицу 2.37 (столбцы таблицы соответствуют следующим возможностям: служебные слова сочетаются только с Dir, только с Obl или с обоими падежами).

**Таблица 2.37. Сочетания падежей со служебными словами
в двухпадежных системах**

Язык/группа/ареал	Dir	Obl	Dir/Obl
Европа		+	+
Индоиранские		+	+
Берберские			+
Амхарский	+		
Нилотские			+
Салишские	+		
Чоктау	+		
Юто-ацтекские			+
Алеутский		+	
Мовима			
Ниас			+
Йимас			
Маунг			
Всего	3	3	6

Таблица показывает, что наиболее обычным является случай, когда в языке возможно сочетание предлогов/послелогов с обоими падежами, в то время как языков, где такие сочетания возможны лишь с одним из падежей, не так много, а кроме того, никакому из двух падежей не отдаётся существенного предпочтения⁴². Кроме того, существуют языки, где вообще нет служебных слов; характерно, что к ним относятся ареально и типологически довольно близкие йимас и маунг, отличающиеся высокой степенью полисинтетизма.

Я не буду здесь рассматривать те разнообразные значения, которые в языках с двухпадежными системами выражаются при помощи сочетаний падежных форм

⁴² Нужно, правда, заметить, что для индоевропейских языков верно следующее имплицативное утверждение: если в языке служебные слова сочетаются с прямым падежом, то в нём (те же самые или другие) служебные слова сочетаются и с косвенным падежом, в то время как обратное не-

со служебными словами, ограничившись указанием на то, что таким способом кодируются не только периферийные роли, но и такие ядерные отношения, как А или высоко индивидуализированный U (например, в индоарийских языках). Также я в данный момент не буду приводить примеров, множество которых фигурирует в различных разделах данной главы.

В языках, где предлоги/послелогои могут управлять обоими падежами, наблюдаются несколько разных случаев. Чаще всего разные служебные слова сочетаются с разными падежами, и можно считать, что способность управлять тем или иным падежом является лексически закреплённой. Возможно также, чтобы одно и то же служебное слово управляло обоими падежами, но в разных значениях, ср. приводившиеся выше пример (2.120) из норвежских диалектов, а также следующий пример из кабилльского языка [Chaker 1988: 689]:

кабилльский (афроазиатская макросемья, берберская семья, северная группа, кабилльская подгруппа, Алжир)

- (2.158) a. *s aman*   b. *s w-aman*
           PREP DIR.вода   PREP OBL-вода
           ‘к воде’   ‘водой, посредством воды’

Более редкая ситуация наблюдается в мунджанском языке, где многие предлоги, в том числе и объектный предлог *vā*, как правило, управляют Dir в единственном числе и Obl во множественном, ср. [Грюнберг 1972: 408]:

мунджанский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-восточная подгруппа, Афганистан)

- (2.159) a. *yāu fča worfa wuzoyāt.*
           они.DIR под снег.DIR.SG   остались.3PL
           ‘Они остались под снегом.’
           b. *wustoyāt fča tūy-āf.*
           положили.3PL   под тутовое.дерево-OBL.PL
           ‘Они положили <это> под тутовые деревья.’

Происхождение такого «расщеплённого» управления требует отдельного изучения.

верно. Для *всех* языков с двухпадежными системами такая закономерность, разумеется, не выполняется.

Не менее интересна ситуация, представленная в некоторых берберских языках, где основная масса предлогов требует Obl, но есть небольшой класс, члены которого сочетаются с Dir, ср. [Guersel 1992: 178]:

тамазигхт (афроазиатская макросемья, берберская семья, северная группа, атласская подгруппа, Марокко)

(2.160) a. *swi-x asfar bla taghenjajt / *tghenjajt.*
выпил-1SG DIR.лекарство без DIR.ложка *OBL.ложка

‘Я выпил лекарство без ложки.’

b. *swi-x asfar s tghenjajt / *taghenjajt.*
выпил-1SG DIR.лекарство с OBL.ложка *DIR.ложка

‘Я выпил лекарство с помощью ложки.’

Особенность берберских предлогов, управляющих Dir, заключается в том, что они отличаются по своим синтаксическим свойствам от основной массы предлогов, которые управляют Obl. Так, в отличие от последних, предлоги, сочетающиеся с Dir могут зависеть не только от глагола, но и от имени, ср. следующий пример [ibid.: 179]:

(2.161) a. *cci-x ibawn dy w-urta.*
ел-1SG DIR.бобы в OBL-сад

‘Я ел бобы в саду.’ vs. * ‘Я ел бобы, которые находятся в саду.’

b. *sghi-x asenduqq bla idrimn.*
купил-1SG DIR.чемодан без DIR.деньги

‘Я купил чемодан, в котором нет денег.’; ‘Я купил чемодан, не заплатив денег.’

Более того, предлоги, сочетающиеся с Dir, могут сочетаться также и с предложными группами, а предлоги, управляющие Obl, не могут, ср. следующий пример ([ibid.: 181]; предлог *al* ‘до’ управляет Dir, а предлог *zu* ‘из’ — Obl):

(2.162) a. *rwel-x al gher w-jdir.*
бежал-1SG до около OBL-скала

‘Я добежал до скалы.’

b. **ssufegh-x ajdid zu dy w-bhu.*
вынул-1SG DIR.птица из в OBL-дыра

‘Я вытащил птицу из дыры.’

Данные факты свидетельствуют о разном лексико-синтаксическом статусе двух типов предлогов в берберских языках и, скорее всего, об их разных лексических источниках.

2.2.6. Заключение

Итак, в данном разделе были исследованы типы кодирования периферийных семантических ролей в двухпадежных системах. Перед тем, как перейти к построению на основе материала, рассмотренного в п. 2.1 и 2.2, общей функционально-семантической типологии двухпадежных систем, кратко суммирую полученные результаты.

В таблице 2.38 приводятся данные о выражении в языках выборки основных значений из периферийной зоны (пустая клетка обозначает либо что в данном языке данная роль выражается сочетанием со служебным словом, либо что средство выражения её неизвестно).

Таблица 2.38. Выражение основных периферийных ролей в языках выборки

Язык/группа/ареал	Adr	Goal	Loc	Poss	Ins	Adpos
Старофранцузский	Obl	Obl	Obl	Obl		Obl
Кати	Obl	Dir	Dir	Obl		Dir/Obl
Берберский				Obl		Dir/Obl
Амхарский	Obl	Obl				Dir
Нанди	Dir	Dir	Dir			
Скомиш		Obl	Obl	Obl	Obl	Dir
Чоктау	Dir					Dir
Яки	Obl			Obl		Dir/Obl
Алеутский	Obl			Obl		Obl
Мовима	Dir	Obl	Obl	Dir/Obl	Obl	
Ниас			Dir	Obl	Obl	Dir/Obl
Йимас	Dir	Obl	Obl		Obl	
Маунг	Obl			Dir/Obl		
Всего Dir	4	2	3	2	0	7
Всего Obl	6	5	4	9	4	6
Всего	10	7	7	9	4	9

Помимо уже отмеченных в соответствующих пунктах корреляций, можно ещё раз указать на то, что двухпадежные системы проявляют большое разнообразие как в наборе кодируемых в них периферийных ролей, так и в характере их оформления. Кроме того, в большинстве языков периферийные значения тем или иным образом распределяются между прямым и косвенным падежами; последовательно маркирует все неядерные значения косвенным падежом лишь старофранцузский, к нему в этом

почти приблизились скомиш и йимас. Довольно естественно, что ни в каком языке все отмеченные в нём периферийные роли не маркируются прямым падежом.

Анализ кодирования периферийных ролей в исследуемых языках позволяет выявить и некоторые общие закономерности, значение части которых, разумеется, выходит за рамки двухпадежных систем. К ним относятся:

- преобладание индирективной и нейтральной стратегий оформления роли *Adr* и независимость кодирования этой функции от таких параметров, как вид/время сказуемого или статус предикации;
- дифференцированное кодирование локативных ролей, при котором *Loc* и *Goal* выражаются «голыми» падежами довольно часто, а *Source* — никогда;
- продуктивная пространственно-временная метафора, как правило, реализующаяся одинаковым оформлением значений ‘положение в пространстве’ и ‘положение во времени’;
- отсутствие каких-либо статистически значимых корреляций между способами выражения периферийных ролей, относящихся к разным зонам, например, *Adr* и *Poss*, равно как и между характером выражения роли *Poss* и ядерных ролей *A* и *U*.

Данные и результаты двух предыдущих разделов позволяют построить функционально-семантическую типологию двухпадежных систем, основная задача которой — выявить и попытаться объяснить основные типы членения универсальной области падежных значений, представленные в исследуемых языках.

2.3. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем⁴³

2.3.0. Предварительные замечания

Заключительный раздел этой главы посвящён обобщению данных и результатов исследования двухпадежных систем, представленных в предшествующих двух разделах. Основная цель последующего изложения — построить классификацию важнейших типов двухпадежных систем на основании того, какие значения выражаются в них одинаково, а какие отдельно, и предложить возможные объяснения того, почему рассмотренные языки показывают именно такие тенденции в организации падежных систем.

---

⁴³ Данный раздел отражён в статье [Аркадьев 2005а].

Перед тем, как перейти к собственно рассмотрению типов двухпадежных систем, необходимо ещё раз обозначить то общее для всех исследуемых языков множество значений, учёт которых особенно важен при построении универсальной классификации. Основные из этих значений уже были рассмотрены в предшествующих разделах, поэтому здесь я только перечислю их и укажу на возможные связи между ними:

- S — единственный аргумент непереходного предиката;
- A — Актор;
- U — Претерпевающий;
- S/A — «Номинатив», объединение ролей S и A в аккумулятивной конструкции;
- S/U — «Абсолютив», объединение ролей S и U в эргативной конструкции;
- U' — высоко индивидуализированный U;
- Pred — именной предикат;
- Top — топик;
- Adr — адресат/бенефактив;
- Goal — конечная точка/цель движения;
- Loc — локализация в пространстве;
- Temp — локализация/протяжённость во времени;
- Ins — инструмент;
- Mens — мера;
- Poss — приименное определение.

Данный список, вернее, его верхняя часть, нуждается в некотором комментарии. Как видно, выделяя ядерные роли, я эксплицитно отсылаю к базовым стратегиям кодирования ядерных актантов: аккумулятивной и эргативной. Это делается потому, что в значительной части языков ни одна из них не является единственной, и тем самым, объединять роли, кодируемые по-разному в разных частях системы, нельзя. Например, не имеет смысла говорить о том, что в заза косвенный падеж выражает и роль U, и роль A, при том, что каждый из способов кодирования исключает другой, см. таблицу 2.39.

Таблица 2.39. Кодирование ядерных ролей в зависимости от времени глагола в заза

	S	A	U	стратегия
настоящее время	Dir	Dir	Obl	аккузативная: S/A vs. U
прошедшее время	Dir	Obl	Dir	эргативная: S/U vs. A

Причины выделения в качестве отдельной роли высоко индивидуализированного U (обозначение U', как уже было сказано выше, используется по аналогии с Acc' у Г. Боссонга [Bossong 1985]) очевидны: данное значение релевантно для многих языков и часто имеет отдельное средство выражения (как, например, в амхарском языке, где косвенный падеж служит в основном для кодирования как раз этой роли).

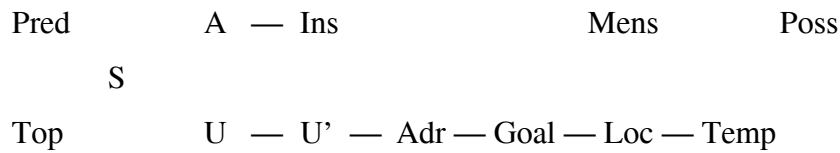
Необходимо указать также на синхронные и диахронические связи между указанными значениями. Так, различные конфигурации ядерных ролей уже рассматривались выше, и функциональные сходства и различия между ними уже обсуждались. Следует отметить бесспорную диахроническую связь между рядом значений, соединяющую ядерную и периферийную зоны, см. [Bossong 1985: 109 — 111], [Blansitt 1988], [Lehmann 1995/1982: 97 — 105]:

(2.163) Goal → Adr → U' → U

Реальность данной цепочки значений подтверждается хотя бы тем, что в целом ряде языков вся она или отдельные её части покрываются одним и тем же показателем⁴⁴. Ещё одна не раз отмечаемая семантическая связь проходит между значениями Ins и A, см. [Lehmann 1995/1985: там же], равно как и уже рассматривавшиеся связи Goal — Loc и Loc → Temp. Также хорошо исследована и диахроническая связь между ролями Top и S/A (см. уже упоминавшиеся работы [Givón 1976, 1979: Ch. 5], [Comrie 1988], [Shibatani 1991], [Mithun 1991b]). Семантические переходы между прочими ролями менее очевидны и требуют проверки.

Таким образом, можно изобразить предварительную версию семантической карты падежных значений, которая в дальнейшем будет проверяться на материале двухпадежных систем, см. рисунок 2.4.

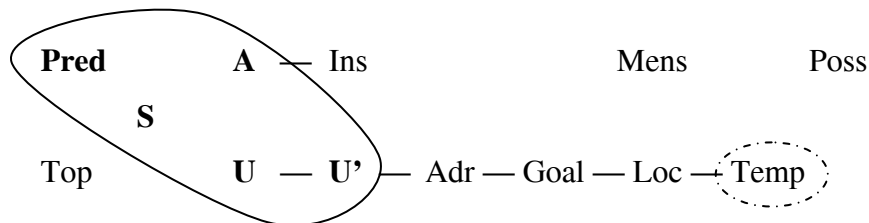
⁴⁴ О связи локативных значений и адресатным см. также [Aristar 1996].

Рисунок 2.4. Семантическая карта падежных значений**2.3.1. Основные функционально-семантические типы двухпадежных систем**

Приняв за основу семантическую карту на рис. 2.4, можно выделить несколько параметров, по которым могут отличаться друг от друга двухпадежные системы. Важнейшими из этих параметров являются следующие:

- «падежная область» — множество значений, которые покрывают собственно падежи (а не, например, предлоги или послелогои);
- характер членения падежной области между двумя падежами.

По обоим параметрам двухпадежные системы различаются довольно сильно. Падежная область может быть как весьма малой, включая лишь ядерные функции (ваханский), так и весьма обширной, покрывая практически всю карту (старофранцузский, кати, ниас, йимас). Минимальной падежной областью, по-видимому, является множество ядерных ролей: нет такого языка, в котором, во-первых, падежи не могли бы оформлять никакие периферийные роли, а во-вторых, какая-либо из ядерных ролей никогда бы не маркировалась при помощи падежей. Близок к минимальной «падежной области» панджаби [Cummings, Bailey 1925], где роли S, A, U и в ряде случаев U' оформляются прямым падежом, а косвенный падеж маркирует функцию Temp и употребляется в сочетаниях с послелогоми (см. рис. 2.5⁴⁵):

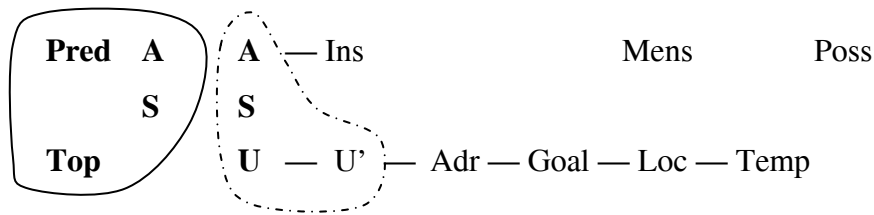
Рисунок 2.5. Семантическая карта двухпадежной системы языка панджаби

Минимальная область покрытия представлена в ваханском языке [Пахалина 1975], где она строго ограничена ядерными ролями, см. рис. 2.6.

⁴⁵ Здесь и далее области семантической карты выделяются следующим образом: функции прямого падежа обводятся сплошной линией, а функции косвенного падежа — пунктирной.

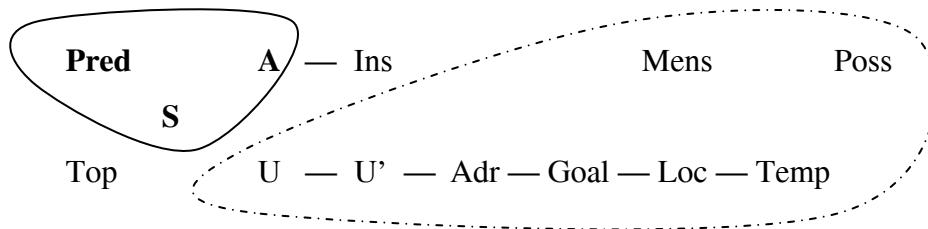

Рисунок 2.6. Семантическая карта двухпадежной системы ваханского языка

Языка, который выражал бы при помощи падежей все основные функции, также, по-видимому, нет. Ближе всего к этому старофранцузский [Moignet 1976], см. рис. 2.7 и ряд индоиранских языков.

Рисунок 2.7. Семантическая карта двухпадежной системы старофранцузского языка

В таблице 2.40 приводятся данные о покрытии рассматриваемых ролей в языках выборки (роли Pred и Top, всегда выражающиеся при помощи прямого падежа, опускаются по соображениям экономии места; не принимается в расчёт расщеплённое кодирование ядерных ролей, кроме А в зависимости от времени/вида сказуемого).

Таблица 2.40. Распределение функций между падежами в языках выборки

Язык	S	A	U	U'	Adr	Goal	Loc	Temp	Ins	Mens	Poss	Всего
СтФр	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl	Obl	Obl	Obl		Obl	Obl	10
Кати	Dir	D/O	Dir	Obl	Obl	Dir	Dir				Obl	8
Амх	Dir	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl		Obl				7
Берб	Obl	Obl	Dir	Dir							Obl	5
Нанди	Obl	Obl	Dir	Dir	Dir	Dir	Dir					7
Шусв	Dir	Dir	Dir	Dir	Obl?	Obl	Obl		Obl			7
Чокт	Obl	Obl	Dir	Dir	Dir							5
Яки	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl						Obl	6
Алеут	Dir	Obl	Dir	Dir				Dir			Obl	6
Мов	Dir	Dir	D/O	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl	Obl		D/O	10
Ниас	Obl	D/O	Obl	Obl			Dir	Dir	Dir		Obl	8
Йим	Dir	Dir	Dir	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl	Obl			9
Мау	Dir	Dir			Obl						D/O	4
Всего	13	13	12	12	10	7	7	6	4	1	8	

Таблица 2.40 показывает несколько интересных тенденций. Во-первых, нормой для двухпадежных систем является средний или довольно богатый набор функций: языков, падежи которых кодируют семь и более функций (исключая Top и Pred), существенно больше (восемь), чем языков, кодирующих шесть и менее функций (пять). Языков, кодирующих менее четырёх функций, нет вовсе, а тех, чья падежная область включает восемь и более функций — четыре. Во-вторых, как уже было сказано, во всех языках ядерные роли, включая U' ⁴⁶, входят в область, покрываемую падежами (исключение составляет маунг, объяснение этому см. выше, п. 2.1.1.1). В-третьих, нельзя не отметить того факта, что в значительном числе языков область покрытия охватывает непрерывный фрагмент карты, простирающийся от ядерных ролей до ролей Adr и Goal. Системы, где, как, например, в ниас, эти значения выражаются при помощи служебных слов, при том, что роли Loc, Ins и т. п. оформляются падежами, скорее редки. Здесь можно сделать, по крайней мере, следующее обобщение: если роль Ins входит в «падежную область», то в неё входит также и роль Loc. В-четвёртых, закономерна довольно высокая частотность роли Poss в «падежной области»; в тех языках выборки, где данная функция не входит в зону покрытия падежей, оформление именных словосочетаний следует изафетной схеме, кроме нанди и амхарского, где имеются особые посессивные предлоги (ср. находящийся вне выборки язык хинди с посессивным послелогом).

Перейдём теперь к наиболее важному второму параметру типологии двухпадежных систем: характеру распределения функций между падежами. Обратимся сначала к данным языков выборки, представленных в таблице 2.41.

---

⁴⁶ Это, правда, касается лишь языков выборки; как уже указывалось, в целом ряде индоиранских языков роль U' кодируется при помощи (нередко специализированных) предлогов или послелогов.

Таблица 2.41. Покрывание падежной области в языках выборки

Язык	S	A	U	U'	Adr	Goal	Loc	Temp	Ins	Mens	Poss
СтФр	Dir		Obl							Obl	
Кати	Dir	D/O	Dir	Obl		Dir					Obl
Амх	Dir		Obl					Obl			
Берб	Obl		Dir								Obl
Нанди	Obl		Dir								
Шусв	Dir			?	Obl			Obl			
Чокт	Obl		Dir								
Яки	Dir		Obl								Obl
Алеут	Dir	Obl	Dir					Dir			Obl
Мов	Dir		D/O	Dir		Obl					D/O
Ниас	Obl	D/O	Obl				Dir				Obl
Йим	Dir				Obl						
Мау	Dir				Obl						D/O
Вс. D	9	9	9	7	4	2	3	2	1	0	2
Вс. O	4	6	3	5	5	5	4	4	3	1	8

Хотя данная таблица не соответствует полностью семантической карте на рис. 2.4, на её основании можно сделать некоторые предварительные выводы. Имеет смысл выделять два основных типа двухпадежных систем:

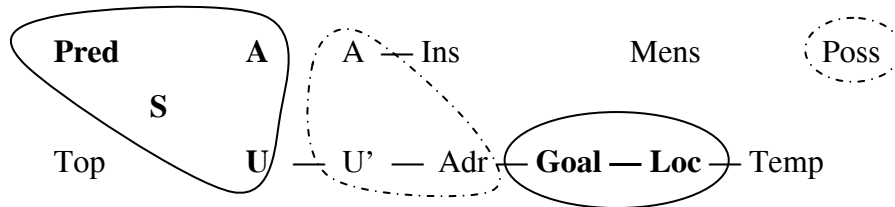
- (i) **Разграничивающие:** те, в которых оба падежа покрывают относительно непрерывную область значений, причём один из падежей берёт на себя все или часть ядерных ролей, а другой — остальные значения. Прототипические системы такого рода имеются в старофранцузском и в йимас.
- (ii) **Распределяющие:** те, в которых каждый падеж покрывает как часть ядерных, так и часть периферийных ролей. Ярким представителем этого типа является падежная система языка кати.

Указанные типы двухпадежных систем встречаются с различной частотой: значительная часть языков выборки стремится скорее к разграничивающему типу (старофранцузский, амхарский, берберский, нанди, шусвап, чоктау, яки, йимас), в то время как распределяющий тип в чистом виде представлен лишь в языке кати и лишь до некоторой степени в алеутском и ниас. Язык маунг представляет собою скорее промежуточный случай.

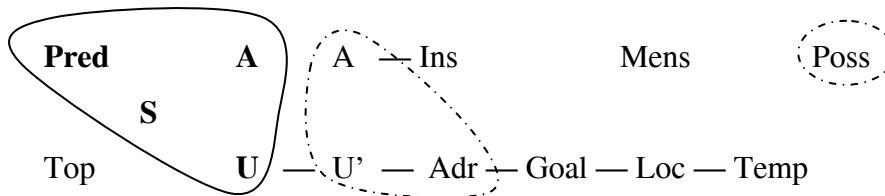
Здесь необходимо отметить, что распределяющий тип в основном представлен в языках, где имеется одновременно расщеплённое маркирование ролей A и U, оформляемых в одних случаях прямым падежом, а других — косвенным. Обратное, однако, неверно: вовсе не во всех языках с расщеплённой эргативностью и «дифференцированным маркированием объекта» наблюдается распределяющая падежная

система. Ср. семантические карты падежных систем в нескольких иранских и дардских языках, представленные на рис. 2.8 — 2.13.

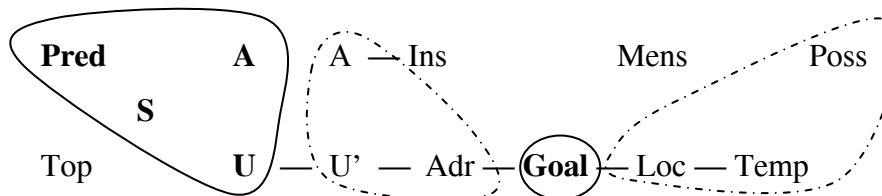
Рисунок 2.8. Семантическая карта распределяющей двухпадежной системы языка кати [Грюнберг 1980]

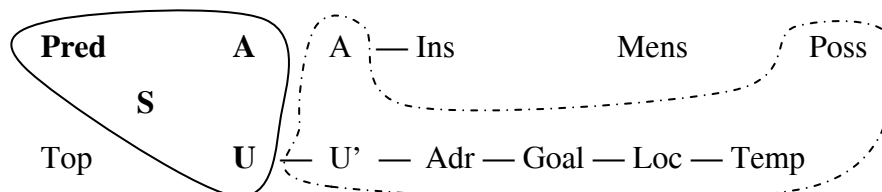
Рисунок 2.9. Семантическая карта разграничивающей двухпадежной системы языка вайгали [Эдельман 1965]

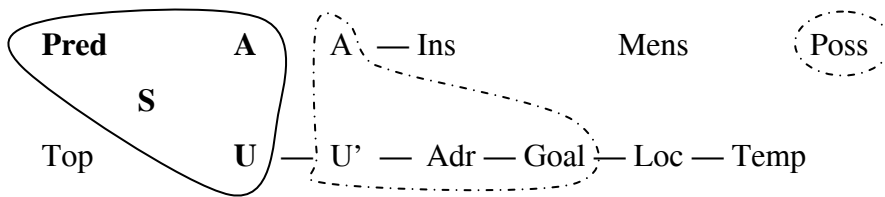
Рисунок 2.10. Семантическая карта распределяющей двухпадежной системы языка пхалура [Эдельман 1965]

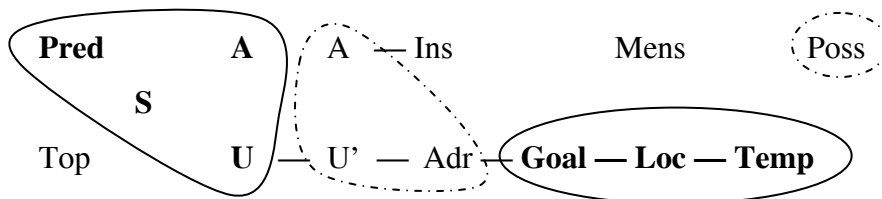
Рисунок 2.11. Семантическая карта разграничивающей двухпадежной системы диалекта мукри языка сорани [Эйюби, Смирнова 1968], [McKenzie 1961]

**Рисунок 2.12. Семантическая карта разграничивающей двухпадежной системы
диалекта чали (группа азари) [Yar-Shater 1969]**

**Рисунок 2.13. Семантическая карта распределяющей двухпадежной системы
ягнобского языка [Хромов 1972, 1987]**

Как легко заметить, во всех этих языках роль A маркируется по-разному в зависимости от времени/вида глагола, равно как и роли U и U'. Тем не менее, лишь в некоторых из данных языков (кати, пхалура, ягнобский) прямой падеж распространяется также и на периферийные роли.

Ещё одной важной особенностью указанных языков, видимо, впервые отмеченной в качестве типологически релевантного факта в работе [Bossong 1985: 116 — 121], является следующая закономерность: если в языке совпадает оформление ролей A и U', то этим же показателем оформляются также роли Adr и Poss (единственным исключением из этого правила, видимо, является язык пашто, не отмечаемый в качестве такового в упомянутой монографии Г. Боссонга). Объяснение этому феномену, видимо, кроется в уже указанном факте диахронического развития значения U' из значения Adr, которое весьма часто совмещается в иранских и дардских языках с ролью A (см. также ниже).

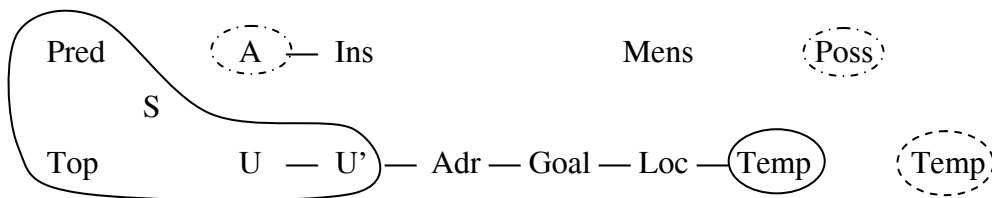
Можно также заметить, что во всех индоиранских языках распределяющего типа роль Goal выражается прямым падежом, в то время как в целом ряде разграничивающих языков это значение кодирует косвенный падеж. Это, по всей видимости, следует рассматривать как рефлекс направительного значения древнего аккумулятива.

Таким образом, можно выдвинуть (разумеется, нуждающуюся в проверке) гипотезу о том, что языки распределяющего типа отражают более архаичное со-

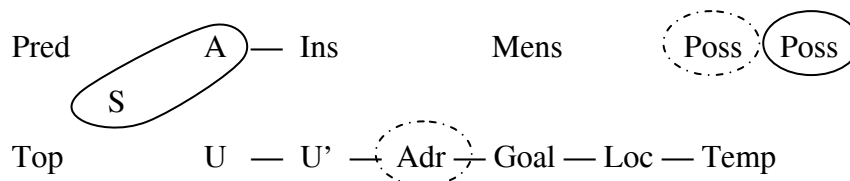
стояние, сохраняющее изначальное распределение функций между номинативом и аккумулятивом, с одной стороны, и периферийными падежами, с другой. В таком случае индоиранские языки разграничивающего типа должны были на определённом этапе своей истории перестроить падежную систему, изменив соотношение функций, выражаемых падежами, в сторону типологически более «естественного» типа.

Другие языки, приближающиеся к распределяющему типу, делятся на две группы. К первой относятся алеутский и маунг, падежные области которых включают лишь одну-две периферийные роли, которые кодируются разными падежами. Ср. их семантические карты на рис. 2.14 — 2.15.

**Рисунок 2.14. Семантическая карта двухпадежной системы
алеутского языка [Bergsland 1997]**

**Рисунок 2.15. Семантическая карта двухпадежной системы
языка маунг [Capell, Hinch 1970]**

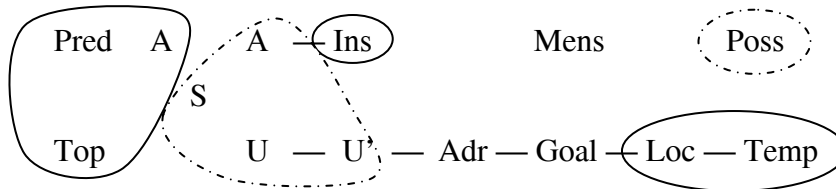

Основное отличие этих систем от распределяющих систем индоиранского типа заключается в их сравнительной бедности; занимая промежуточное положение на шкале «широкая — узкая падежная область», они попадают в срединную точку и второй шкалы.

Несколько иная ситуация представлена в языке ниас, обладающем, напротив, весьма широкой падежной областью. Он также занимает промежуточное положение между разграничивающими и распределяющими системами потому, что из всего обилия периферийных ролей, которые входят в его падежную область, лишь Poss оказывается маркированной не так, как все остальные, ср. рис. 2.16. Учитывая, что в только что рассмотренных языках функция приименного определения также нередко ведёт себя нестандартным образом (например, допуская вариативное оформле-

ние), можно считать, что статус этих систем как распределяющих не столь очевиден, как, например, кати или ягнобского⁴⁷.

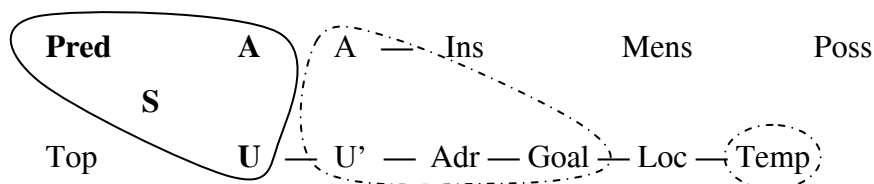
Рисунок 2.16. Семантическая карта двухпадежной системы языка ниас [Brown 2001]

Таким образом, можно с довольно большой долей уверенности утверждать, что распределяющие двухпадежные системы являются типологически редким классом, ограниченным лишь незначительной по географическому распространению группой близкородственных языков, сохранивших более архаичное состояние падежной системы.

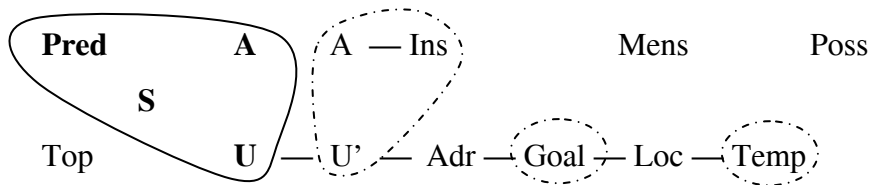
Обратимся теперь к более многочисленным разграничивающим двухпадежным системам. Во-первых, необходимо попытаться ответить на вопрос о причине того, почему языки этого типа значительно более распространены, нежели распределяющие языки. Объяснение этого, по-видимому, заключается в том, что в первых функции, кодируемые каждым из падежей, образуют естественные или близкие к таковым классы (например, все ядерные роли vs. периферийные роли, или роли S, A и Pred vs. остальные роли). Рассмотрим семантические карты некоторых языков разграничивающего типа, представленные на рис. 2.17 — 2.23.

Рисунок 2.17. Семантическая карта двухпадежной системы курдского диалекта аврамани [Юсупова 2000]

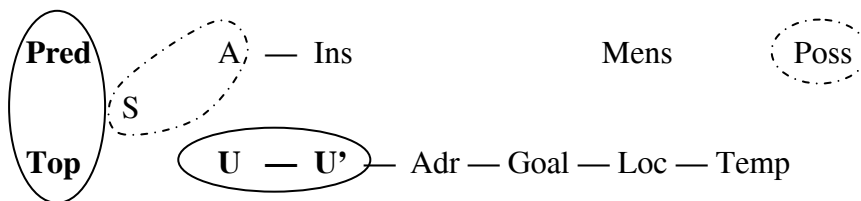

⁴⁷ Укажу, что по крайней мере в одном из языков, которые я без оговорок отношу к распределяющим, — пхалура — также лишь одна периферийная роль оформляется отличным от других способом; однако эта роль — Goal, что делает этот случай схожим с более «чистыми» индоиранскими распределяющими системами.

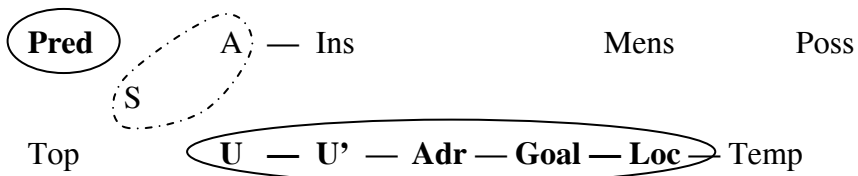
**Рисунок 2.18. Семантическая карта двухпадежной системы
языка авадхи [Липеровский 1997, Saksena 1937]**

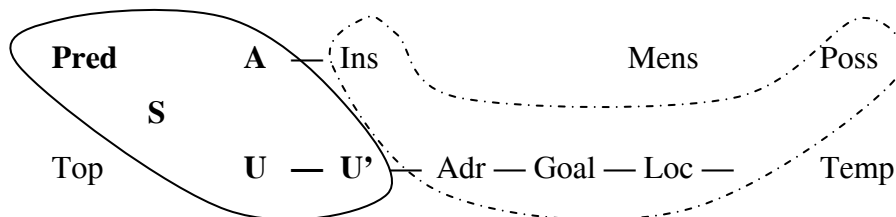
**Рисунок 2.19. Семантическая карта двухпадежной системы
кабийского языка [Shaker 1983]**

**Рисунок 2.20. Семантическая карта двухпадежной системы
языка нанди [Creider, Creider 1989]**

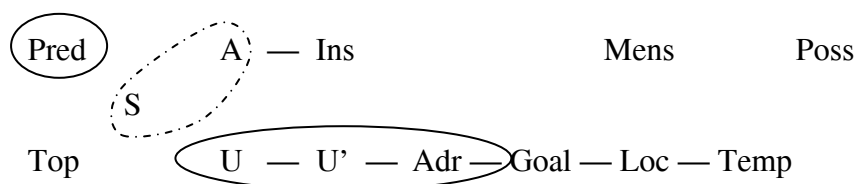

**Рисунок 2.21. Семантическая карта двухпадежной системы
языка скомиш [Kuipers 1967]**

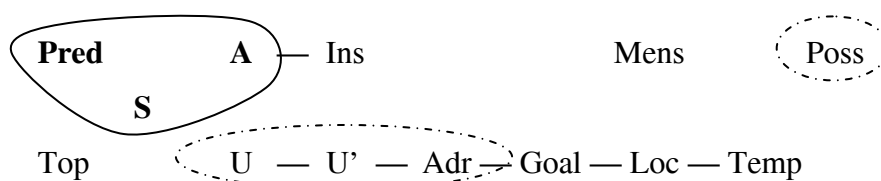

**Рисунок 2.22. Семантическая карта двухпадежной системы
языка чоктау [Heath 1977], [Gordon, Munro 1982]**

**Рисунок 2.23. Семантическая карта двухпадежной системы
языка яки [Lindenfeld 1973]**

Как можно заметить, во всех этих языках один из падежей оформляет почти исключительно ядерные роли, а другой — либо только периферийные, либо периферийные и часть ядерных. Как уже отмечалось, в языках, где базовой стратегией оформления ядерных ролей является нейтральная (т. е. все ядерные роли кодируются одним падежом), этот падеж — всегда Dir, причём, как правило, выраженный нулевым показателем.

Сложнее обстоит дело в языках, где доминирует аккузативная стратегия; они распадаются на три класса:

- (i) языки, где роль S/A оформляется прямым падежом, а остальные — косвенным (старофранцузский, амхарский, яки);
- (ii) языки, где роль S/A оформляется косвенным падежом, а остальные прямым (нилотские, чоктау);
- (iii) языки, где роли U, U', Pred и Top оформляются прямым падежом, а остальные роли, в том числе A, — косвенным (берберские).

Логически возможен, но не засвидетельствован (по крайней мере, в языках выборки) ещё один тип:

- (iv) роли U и U' оформляются косвенным падежом, а все остальные роли (включая периферийные) — прямым.

В дальнейшем я буду называть системы, где роль S/A оформляется прямым падежом, *нормальными*, а те, где она выражается косвенным падежом, — *аномальными*; системы, где периферийные роли кодируются так же, как роль U, я буду называть *гармоническими*, а системы, где периферийные роли маркируются, как роль S/A, — *дисгармоническими*. Данные типы и языки, где они отмечены, схематически изображены в таблице 2.42.

Таблица 2.42. Основные типы двухпадежных систем с доминантной аккузативной стратегией кодирования ядерных ролей

Тип	S/A	U, U'	периф.	языки
нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	старофранцузский, амхарский, яки
нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	—
аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	нанди, чоктау
аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	кабийский

Почему из четырёх теоретически возможных типов двухпадежных систем с доминантной аккузативной стратегией кодирования ядерных ролей реально зафиксированы лишь три⁴⁸, причём первый из них явно распространён гораздо шире, чем остальные (к нормальному гармоническому типу, если не принимать в расчёт расщеплённую эргативность, можно отнести и значительную часть индоиранских двухпадежных систем)?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим следующие выявляемые эмпирически тенденции в устройстве двухпадежных систем:

- (i) PERIF→OBL: если в языке есть периферийные роли, кодируемые при помощи прямого падежа, то в нём есть периферийные роли, кодируемые при помощи косвенного падежа;

⁴⁸ Данный тип не отмечен среди языков выборки, но на самом деле он представлен по крайней мере одним языком — современным персидским, где прямой падеж имеет немало периферийных функций, а косвенный (энклитический показатель =*ra*) закреплён лишь за U', см. [Lazard 1957]; при этом употребление Dir в локативных и других периферийных функциях в персидском языке, как уже упоминалось, связано с опущением предлога в тех случаях, когда его можно однозначно восстановить из контекста, [ibid.: 187]. Тем самым, статус персидского в качестве представителя нормального дисгармонического типа двухпадежной системы представляется несколько проблематичным. В любом случае, это пока единственный пример системы такого рода, что существенно на фоне большого числа языков с системами других типов.

- (ii) PERIF≠S: если в языке есть периферийные роли, кодируемые так же, как роль S, то в нём есть периферийные роли, кодируемые отлично от роли S.

В таблице 2.42 приведена статистика о выполнении данных статистических обобщений в языках выборки, ясно свидетельствующая об их значимости.

Таблица 2.42. Выполнение ограничений PERIF→OBL и PERIF≠S в языках выборки

Язык	PERIF→OBL	PERIF≠S
Старофранцузский	+	+
Кати	+	+
Берберский	+	—
Амхарский	+	+
Нанди	—	+
Скомиш	+	+
Чоктау	—	+
Яки	+	+
Алеутский	+	+
Мовима	+	+
Ниас	+	+
Йимас	+	+
Маунг	+	+
Всего выполняется	11	12
Всего нарушается	2	1

Выявленные тенденции — PERIF→OBL и PERIF≠S — можно рассматривать в качестве нестрогих ограничений на возможные двухпадежные (и, шире, вообще падежные системы, т. к. их формулировка не требует, чтобы в языке было строго два падежа) системы. Оба ограничения являются функционально мотивированными, будучи связанными с универсальными иерархиями маркированности, в частности, с уже рассматривавшимися иерархиями падежей. Большая в сравнении с ядерными ролями семантическая нагруженность периферийных ролей иконически отражается в большей морфологической сложности выражающих их показателей. С диахронической точки зрения, существуют пути грамматикализации, ведущие от периферийных ролей к ядерным, но не наоборот, см. [Lehmann 1995/1982: 66 — 107; Norreg, Traugott 1993], что также приводит к меньшей формальной и функциональной маркированности последних.

Что касается ранжирования выявленных ограничений, то, видимо, есть основания полагать, что оно таково: PERIF≠S >> PERIF→OBL; действительно, языки, нарушающие второе ограничение, распространены существенно шире, чем те, что нарушают второе; в частности, за пределами выборки «аномальные» системы пред-

ставлены, например, английским языком. Об именно такой иерархизации наших ограничений свидетельствуют и данные эргативных языков, см. ниже.

Четырёх логически возможных типа двухпадежных систем по-разному взаимодействуют с указанными типологическими тенденциями; в таблице 2.43 представлена оценка этих типов в духе Теории оптимальности⁴⁹.

Таблица 2.43. ТО-оценка типов двухпадежных систем с доминантной аккузативной стратегией кодирования ядерных актантов

тип	S/A	U, U'	периф.	PERIF≠S	PERIF→OBL
☞☞ нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	✓	✓
* нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	*	*
☞☞ аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	✓	*
?аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	*	✓

Как видно, наиболее частотный первый тип следует обеим закономерностям, остальные зафиксированные типы (оба аномальных типа) нарушают одну из них при выполнении другой, а неотмеченный тип (нормальный дисгармонический) нарушает обе.

Интересно сравнить действие ограничений PERIF→OBL и PERIF≠S в аккузативных языках и в языках, где одна из основных стратегий кодирования ядерных аргументов — эргативная (т. е., алеутский, ниас и индоиранские). В таблице 2.44 представлены предсказания о распределении типов.

Таблица 2.44. ТО-оценка типов двухпадежных систем с эргативной стратегией кодирования ядерных актантов

Тип	S/U	A	периф.	PERIF≠S	PERIF→OBL
☞☞ нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	✓	✓
* нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	*	*
☞☞ аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	✓	*
?аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	*	✓

Таблица 2.44 предсказывает, что наиболее частотным типом двухпадежной системы с эргативной стратегией оформления ядерных ролей будет нормальный гармонический тип, далее будут располагаться аномальные типы, а наименее оптимальный нормальный дисгармонический тип, как и в случае с аккузативными языками, либо вовсе не будет засвидетельствован, либо будет встречаться крайне редко.

⁴⁹ Строго говоря, ТО неприменима для оценки «глобальных» типов языковых структур; в данном случае я использую не столько формализм, сколько идеологию данной концепции.

Реальное распределение, однако, несколько отличается от ожидаемого. Большая часть языков, где хотя бы в прошедших временах стратегия кодирования ролей эргативна, как и предсказано, относятся к нормальному гармоническому типу; к аномальному гармоническому типу можно (с определёнными натяжками) отнести язык ниас; что же касается аномального дисгармонического типа, то он вообще не отмечен. Наконец, казалось бы, запрещённый нормальный дисгармонический тип представлен двумя языками: среднеперсидским и мунджанским. Объясняется такое несоответствие между предсказаниями и фактическим положением дел, как мне кажется, следующими двумя факторами. Во-первых, «аномальное» оформление ролей S/U (косвенным падежом) и A (прямым падежом) чрезвычайно нетипично (напомню, что ниас является пока *единственным* естественным языком, где такое явление отмечено; тем не менее, неслучайно, что ниас относится к аномальному гармоническому типу, а не к ещё менее оптимальному аномальному дисгармоническому, см. таблицу 2.45), и это дополнительное сильное ограничение (схематически обозначим его как *S/U→OBL: запрет на оформление роли «абсолютива» маркированным падежом), имеющее более высокий ранг, нежели уже введённые, объясняет отсутствие языков четвёртого типа⁵⁰. Ср. таблицу 2.45; ранжирование данных ограничений представлено в (2.164):

(2.164) S/U→OBL >> PERIF≠S >> PERIF→OBL

Таблица 2.45. ТО-оценка типов двухпадежных систем с эргативной стратегией кодирования ядерных актантов с учётом запрета на маркированный «абсолютив»

Тип	S/U	A	периф.	*S/U→OBL	PERIF≠S	PERIF→OBL
☞☞ нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	✓	✓	✓
☞ нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	✓	*	*
* аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	*	✓	*
* аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	*	*	✓

Во-вторых, в единственных представителях нормального дисгармонического типа — среднеперсидском и мунджанском, — как и во всех остальных индоиранских языках, оформление роли A косвенным падежом возможно лишь в прошедшем времени, а в настоящем времени этот аргумент маркируется прямым падежом. Однако

⁵⁰ Тот факт, что соответствующее ограничение для аккумулятивных языков: *S/A→OBL — оказывается далеко не столь сильным, требует, естественно, отдельного объяснения, которое мне пока неизвестно; см., однако, работы [Du Bois 1987], [Primus 1999] и некоторые замечания в п. 3.1.3.

при изменении видо-временной формы сказуемого меняется лишь выражение А, а прочие значения остаются нетронутыми. В настоящем времени «падежная область» среднеперсидского языка целиком покрывается прямым падежом (кроме отдельных случаев, где косвенный падеж оформляет роль Poss⁵¹); появляясь в прошедшем времени в роли А, косвенный падеж не может взять на себя какие бы то ни было другие значения; тем самым, ситуация, при которой среднеперсидский язык нарушает оба ограничения, делается фактически неизбежной. Здесь следует отметить, что в более поздний период персидский язык вообще утратил как эргативность, так и косвенный падеж, см. [Молчанова 1978: 61 — 62], [Расторгуева, Молчанова 1981: 58 — 59]; возможно, одной из причин этого был именно «аномальный» характер падежной системы среднеперсидского языка. Не исключено, что падение падежных различий в ряде других иранских языков также связано с этим фактором.

Суммируя всё вышесказанное, можно выделить следующую иерархию основных типов двухпадежных систем:

1. узкий — «падежная область» включает лишь ядерные роли (ваханский);
2. широкий — падежная область включает, помимо ядерных ролей, также и периферийные (большая часть языков);
  - 2.1. распределяющий — оба падежа могут маркировать как ядерные, так и периферийные роли (кати, ягнобский; возможно, ниас);
  - 2.2. разграничивающий — один падеж маркирует лишь ядерные или часть ядерных ролей, а другой — остальные роли (большая часть языков);
    - 2.2.1. нейтральный — Dig покрывает все ядерные роли, а Obl — периферийные (йимас, шусвап, мовима);
    - 2.2.2. аккузативный — один из падежей покрывает роль S/A, а другой — роль U (и, возможно, U'); периферийные роли могут при этом быть оформлены как тем же падежом, что S/A, так и одинаково с U:
      - 2.2.2.1. гармонический — роли U/U' и периферийные роли оформлены одним и тем же падежом, т. е. выполняется ограничение PERIF≠S:

---

⁵¹ Нужно, однако, отметить, что это верно лишь для единственного числа; во множественном числе косвенный падеж, напротив, постепенно вытеснял прямой, см. [Молчанова 1975: 227 — 228; 1978: 61]. Это связано, возможно, с тем, что противопоставление Dig и Obl в среднеперсидском вообще лучше сохранялось именно во множественном числе, см. [Skjærvø 1983].

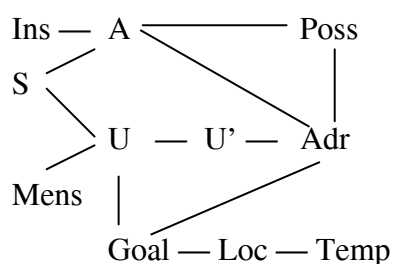
- 2.2.2.1.1. нормальный — роль S/A оформляется прямым падежом (старофранцузский, амхарский, яки);
- 2.2.2.1.2. аномальный — роль S/A оформляется косвенным падежом (нанди, чоктау);
- 2.2.2.2. дисгармонический — роли U/U' и периферийные роли оформляются разными падежами, т. е. ограничение PERIF≠S не выполняется:
- 2.2.2.2.1. нормальный — роль S/A оформляется прямым падежом, т. е. нарушается ограничение PERIF→OBL; не зафиксирован;
- 2.2.2.2.2. аномальный — роль S/A оформляется косвенным падежом, т. е. ограничение PERIF→OBL не нарушается (кабийский);
- 2.2.3. (расщепленно-)эргативный — (в прошедших временах) роль A оформляется одним падежом, а роль S/U — другим (алеутский, ряд индоиранских языков);
- 2.2.3.1. гармонический — роль A и периферийные роли оформляются одним падежом, т. е. ограничение PERIF≠S не нарушается:
- 2.2.3.1.1. нормальный — роль S/U оформляется прямым падежом, т. е. ограничение PERIF→OBL не нарушается (многие индоиранские);
- 2.2.3.1.2. аномальный — роль S/U оформляется косвенным падежом, т. е. ограничение Perif→Obl нарушается (ниас, если не относится к распределяющим);
- 2.2.3.2. дисгармонический — роль A и периферийные роли оформляются разными падежами, т. е. ограничение Perif≠S нарушается:
- 2.2.3.2.1. нормальный — роль S/U оформляется прямым падежом, т. е. нарушается ограничение PERIF→OBL (среднеперсидский, мунджанский);
- 2.2.3.2.2. аномальный — роль S/U оформляется косвенным падежом, т. е. ограничение PERIF→OBL не нарушается (не зафиксирован).

2.3.2. Уточнение семантической карты двухпадежных систем

В данном разделе я коротко остановлюсь на том, к каким изменениям и уточнениям в предложенной выше семантической карте (рис. 2.4) приводит анализ

материала двухпадежных систем. Основное требование, предъявляемое к семантической карте — непрерывность её покрытия одним формальным средством (принцип связности), — в двухпадежных системах многократно нарушается, что неизбежно ведёт к пересмотру некоторых отношений между значениями. Наиболее часто встречается отождествление ядерных ролей с ролями Goal, Temp, иногда также и Loc, ср. семантические карты двухпадежных систем курдского диалекта мукри и ягнобского языка, представленные на рис. 2.11 и 2.13. Такое распределение функций между падежами предполагает постулирование двух возможных связей ролей Goal, Loc и Temp с другими значениями, ср. на рис. 2.24 изменённую карту, на которой также изображены связи между ролями A, Adr и Poss, A и Ins, а также Mens и U.

Рисунок 2.24. Изменённая семантическая карта для двухпадежных систем

Семантическая карта на рис. 2.26, в отличие от исходной, верно предсказывает крайнюю нетипичность совпадения ролей A и U' без посредства Adr, а также возможность различных распределений прочих ролей. С другой стороны, изменённая карта обладает по сравнению с исходной двумя существенными недостатками: во-первых, она гораздо менее наглядна, а во-вторых, что существеннее, накладывает значительно меньше ограничений на допустимые падежные системы. Предварительный вывод, который можно сделать на основании проведённого анализа, таков: построение единой семантической карты падежных значений, которая, с одной стороны, была бы в достаточной степени рестриктивной, запрещая несуществующие системы, а с другой стороны, естественным образом позволяла бы отображать зафиксированные системы, видимо, пока либо невозможно, либо крайне затруднительно. Во всяком случае, можно с высокой долей уверенности утверждать, что какова бы ни была такая семантическая карта, материал двухпадежных систем, в силу своей специфики, не будет просто и эффективно описываться ею.

2.3.3. Материал двухпадежных систем в связи с некоторыми функционально-семантическими универсалиями

В данном разделе я кратко остановлюсь на том, как полученные мною типологические данные соотносятся с теми немногими гипотезами, касающимися устройства двухпадежных систем, которые выдвигались в лингвистической литературе.

Во Введении я уже упоминал предложенную Б. Блейком Иерархию падежей [Blake 2001/1994: 155 — 160], ср. также [Hawkins 2004: 64 — 71], связывающую число падежей в системе с возможными наборами их функций, ср. (2.165):

(2.165) Nom Acc/Erg Gen Dat Loc Abl/Ins прочие

Смысл данной иерархии заключается в предсказании о том, что если язык обладает в достаточной степени грамматикализованным падежом из правой части иерархии (2.165), то в нём должны быть представлены и все падежи, расположенные в иерархии левее. Например, Иерархия падежей запрещает падежные системы, в которых присутствовали бы локативные или другие обстоятельственные падежи, но не было бы аккумулятива или генитива.

В качестве исключения к этому обобщению Б.Блейк [ibid.: 158 — 159] приводит такие языки, где «пропуски» в иерархии заполняются при помощи вершинного маркирования, например, ряд языков Северной Австралии, где ядерные роли единообразно кодируются номинативом, различаясь лишь при помощи местоименных показателей в глаголе, в то время как правая часть иерархии содержит немалое число периферийных падежей.

Рассмотрим, как Иерархия падежей может быть применена в языкам с двухпадежными системами. Для этого обратимся к её видоизменённой версии, в которой ярлыки падежных граммем замещены типичными семантическими ролями, которые эти падежи выражают, ср. (2.166)

(2.166) S A/U Poss Adr/Goal Loc Ins прочие

Иерархия (2.166) позволяет, во-первых, сделать следующее предсказание:

(2.167) Если в данном языке в падежную область входит функция из правой части иерархии, то в падежную область должны входить также и все функции, расположенные левее в иерархии.

Рассмотрим сначала, выполняется ли предсказание (2.167) в языках выборки. Рассмотрим таблицу 2.46, являющуюся модификацией таблицы 2.40 — в 2.46 функции располагаются в соответствии с Иерархией (2.166).

Таблица 2.46. Двухпадежные системы языков выборки и Иерархия падежей

Язык	S	A	U	Poss	Adr/Goal	Loc	прочие
СтФр	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl	Obl	Obl
Кати	Dir	Dir/Obl	Dir/Obl	Obl	Obl/Dir	Obl	Obl
Амх	Dir	Dir	Dir/Obl		Obl		Obl
Берб	Obl	Obl	Dir	Obl			
Нанди	Obl	Obl	Dir	Dir	Dir	Dir	
Шусв	Dir	Dir	Dir		Obl	Obl	Obl
Чокт	Obl	Obl	Dir		Dir		
Яки	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl		
Алеут	Dir/Obl	Dir/Obl	Dir	Obl			
Мов	Dir	Dir	D/O	D/O	D/O	Obl	Obl
Ниас	Obl	Dir/Obl	Obl	Dir		Obl	Obl
Йим	Dir	Dir	Dir		Dir	Obl	Obl
Мау	Dir	Dir		Dir/Obl	Obl		

Как видно из данной таблицы, потенциальными контрпримерами к универсалии (2.167) являются: маунг, где в падежную область не входит функция U; амхарский, шусвап, чоктау и йимас, где из падежной области исключена функция Poss; ниас, где падежная область не включает роли Adr при наличии в ней ряда периферийных функций. Реальными контрпримерами, однако, являются лишь йимас и амхарский, поскольку во всех других указанных языках для выражения соответствующих функций используется вершинное маркирование (как в йимас и языках Америки). В амхарском и ниас же соответствующие функции выражаются при помощи служебных слов и, тем самым, падежная область «разрывается» менее грамматикализованным средством.

В языках, оказавшихся за пределами выборки, существуют случаи нарушения предсказаний иерархии, аналогичные представленным в амхарском и ниас. Так, в языке пашто функции Adr и Poss выражаются при помощи служебных слов, в то время как значения Loc и Temp, по крайней мере, при лексемах, обозначающих пространственные объекты и временные точки или отрезки, кодируются прямым падежом. Аналогичная ситуация представлена и в другом иранском языке — ормури [Morgenstierne 1929], равно как и в ряде индоарийских языков (например, в хинди, авадхи и панджаби), а также в языке геэз. Таким образом, можно сделать вывод, что требование непрерывности падежной области в терминах иерархии (2.166) не является столь уж строгим. Очевидна и функциональная мотивация такой ситуации: оформление ряда периферийных функций при помощи более древних и более грамматикализованных средств наблюдается, как правило, при именах с «соответствующими» значениями: функции Loc или Goal — при обозначениях мест и про-

странств, функция Temp — при названиях времён и т.п. При этом в языке вполне могут существовать более новые и менее грамматикализованные способы выразить сочетания тех же семантических функций с «менее подходящими» группами лексики, ср. обсуждение этой проблематики в работах [Aristar 1996, 1997] и [Luraghi 1987, 2003].

Ещё одно предсказание Иерархии падежей связано с возможными типами распределения функций между падежами. В принципе, иерархия Б. Блейка предсказывает, что наиболее частотным в двухпадежных системах должно быть противопоставление, аналогичное дихотомии «номинатив vs. аккузатив» («номинатив vs. эргатив», соответственно) в языках с многопадежными системами (естественно, с той оговоркой, что падеж, выражающий U в «аккузативном» языке или A в «эргативном» может иметь также и ряд периферийных функций). Как мы видели, однако, в рассматриваемых в данной работе языках с большой частотой встречается нейтральное кодирование ядерных функций, причём процент таких систем среди двухпадежных даже превышает их частотность среди языков с зависимым маркированием вообще. Напомню, что нейтральный тип кодирования ядерных аргументов встречается в качестве основного в салишских языках, в алеутском и в йимас, а в качестве дополнительного представлен в большом числе других языков. В ряде указанных языков, в частности, в салишских и в йимас, выполняется оговорка Б. Блейка о том, что нейтрализация ряда левых позиций в Иерархии падежей возможна при условии наличия в языке развитой системы вершинного маркирования. Для других языков это, однако, неверно. В частности, ряде диалектов континентальной Скандинавии наблюдается противопоставление Dir, служащего для неразличительного кодирования всех ядерных функций, и Obl, специализированного для выражения роли Adr, см. подробнее [Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2006]. Тем не менее, данные явления всё же весьма редки, и по всей видимости, не могут повлиять на типологическую значимость обобщения Б. Блейка.

Ещё одно типологическое обобщение, которое небезынтересно было бы проверить на материале двухпадежных систем, было сделано У. Крофтом в его монографии [Croft 1991], ср. также более позднюю статью [Croft 1998]. У. Крофт предлагает оригинальную реинтерпретацию системы семантических ролей в терминах каузальных связей между участниками ситуации. Каждую ситуацию, с полным набором её обязательных и факультативных участников, У. Крофт рассматривает как

цепь каузальных связей, идущую от Актора к Претерпевающему. На основании этой концепции У. Крофт выделяет два основных типа семантических ролей:

1. предшествующие (*antecedent*) Претерпевающему в каузальной цепочке (Агенс, Причина, Инструмент и т.п.); эти роли можно объединить ярлыком «зона Актора»;
2. следующие (*subsequent*) Претерпевающему в каузальной цепочке (Адресат/Реципиент, Цель и т.п.), т.е. «зона Претерпевающего».

На материале нескольких десятков языков У. Крофт проверяет гипотезу о том, что семантические функции «зоны Актора» и «зоны Претерпевающего» получают различное кодирование. Единственные контрпримеры к этому обобщению, которые приводит У. Крофт, касаются языков с двухпадежными системами: если язык в принципе обладает лишь одним грамматикализованным средством для выражения разных семантических ролей, то он может нейтрализовать функции разных «зон». Тем не менее, учитывая существенное разнообразие функционально-семантических типов двухпадежных систем, имеет смысл задаться вопросом о том, в каких из них обобщение Крофта выполняется, а в каких — нет.

Рассмотрим снова таблицу 2.40, воспроизведённую ниже в видоизменённом виде, отражающем деление семантических ролей на две выделенные У. Крофтом зоны. В последнем столбце отмечено, выполняется или нарушается в данном языке обобщение Крофта.

Таблица 2.47. Оформление ролей «зоны А» и «зоны U»

Язык	«Зона А»					«Зона U»				
	S	A	Loc	Temp	Ins	U	U'	Adr	Goal	
СтФр	Dir	Dir	Obl	Obl		Obl	Obl	Obl	Obl	*
Кати	Dir	D/O	Dir			Dir	Obl	Obl	Dir	*
Амх	Dir	Dir		Obl		Dir	Obl	Obl	Obl	*
Берб	Obl	Obl				Dir	Dir			(✓)
Нанди	Obl	Obl	Dir			Dir	Dir	Dir	Dir	*
Шусв	Dir	Dir	Obl		Obl	Dir	Dir	Obl?	Obl	*
Чокт	Obl	Obl				Dir	Dir	Dir		✓
Яки	Dir	Dir				Obl	Obl	Obl		✓
Алеут	Dir	Obl		Dir		Dir	Dir			(*)
Мов	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl	D/O	Dir	Dir	Obl	*
Ниас	Obl	D/O	Dir	Dir	Dir	Obl	Obl			(*)
Йим	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl	Dir	Dir	Dir	Obl	*
Мау	Dir	Dir						Obl		✓
Всего выполняется									3 (4)	
Всего нарушается									7 (9)	

Как видно из таблицы 2.47, обобщение У. Крофта в языках с двухпадежными системами нарушается более чем в два раза чаще, чем выполняется. Рассмотрим подробнее факторы, с которыми это связано. Среди языков, подтверждающих гипотезу Крофта о неединообразном кодировании ролей «зоны А» и «зоны U», оказываются в основном языки с узкой падежной областью, включающей, помимо ядерных ролей, лишь роль *Adr* (в данном случае я рассматриваю лишь припредикатные роли, отвлекаясь от функции приименного зависимого): яки, чоктау и маунг. То же касается и берберских языков, где падежи могут выражать лишь ядерные предикатные семантически роли. Напротив, большинство языков с широкими системами, действительно, нарушают обобщение Крофта, единообразно кодируя множество функций, относящихся к разным «зонам».

В связи с этим особый интерес вызывают языки более малочисленного распределяющего типа, в котором падежная область делится между *Dir* и *Obl* не по принципу «ядерные vs. периферийные», а более сложным образом. Как видно из таблицы 2.47, яркий представитель этого типа — язык кати — нарушает обобщение Крофта так же, как и языки с разграничивающими двухпадежными системами. Рассмотрим также другие языки с распределяющими двухпадежными системами, ср. таблицу 2.48.

Таблица 2.48. Оформление ролей «зоны А» и «зоны U» в языках распределяющего типа

Язык	«Зона А»					«Зона U»				
	S	A	Loc	Temp	Ins	U	U'	Adr	Goal	
Кати	Dir	D/O	Dir			Dir	Obl	Obl	Dir	*
Прасун	Dir	D/O	Obl	D/O		Dir	Obl	Obl	Dir	*
Кховар	Dir	D/O		D/O		Dir	Obl	Obl	D/O	(*)
Пхалура	Dir	D/O	Obl	Obl		Dir	Obl	Obl	Dir	*
Ягнобский	Dir	D/O	Dir	Dir		Dir	Obl	Obl	Dir	*

Как видно, языки данного типа при распределении функций между падежами не «руководствуются» обобщением Крофта. Более того, если верна выдвинутая выше гипотеза о том, что распределяющие двухпадежные системы отражают более древнее состояние индоиранских языков, сохраняя наборы функций падежей — предков современных *Dir* и *Obl*, то оказывается, что историческое развитие таких систем шло скорее в сторону обобщения модели, противоречащей гипотезе Крофта.

Таким образом, можно утверждать, что материал двухпадежных систем представляет ряд серьёзных контрпримеров по отношению к обобщению У. Крофта,

которые не всегда удаётся отклонить как связанные лишь с минимальным характером системы, где почти все семантические роли обслуживаются одним показателем.

2.4. Заключение

Завершая эту главу, центральную в диссертации, кратко суммирую её основные результаты. Анализ материала более полусотни языков, относящихся к различным географическим ареалам и генетическим группам, показывает, что двухпадежные системы, очень сильно отличаясь друг от друга, тем не менее варьируются во вполне определённых пределах, задаваемых универсальными тенденциями. При том, что в исследованных языках наблюдается чрезвычайно большое разнообразие стратегий кодирования ядерных аргументов, как сами эти стратегии, так и возможные типы их распределения внутри конкретного языка определяются общими принципами организации ядра предложения. Фиксируемые же в языках с двухпадежными системами «экзотические» модели, такие как квазинейтральная стратегия, различные варианты оформления роли *Adi* по отношению к ядерным ролям, несколько вариантов распределения периферийных ролей и т. п. — объясняются как раз тем фактом, что данные языки располагают минимальным набором средств для выражения грамматических противопоставлений, который они, тем не менее, используют подчас в максимальной степени.

В заключение укажу на то, что статистическое распределение выделенных в последнем разделе главы основных семантических типов двухпадежных систем находится, тем не менее, в соответствии с универсальными тенденциями, ср. таблицу 2.49.

Таблица 2.49. Распределение основных типов двухпадежных систем

немаркированный, частый	маркированный, редкий
«широкий»	«узкий»
«разграничивающий»	«распределяющий»
аккузативный	(расщеплённо-)эргативный
гармонический	дисгармонический
«нормальный» (S→Dir)	«аномальный» (S→Obl)

Действительно, среди языков мира, обладающих падежами, преобладают такие, где падежи служат для выражения большого числа функций; такие, где ядерные и периферийные роли выражаются скорее разными падежами, ср. [Nichols 1983]; следующие аккузативной стратегии; оформляющие роль S при помощи наименее маркированного падежа. Тот факт, что среди языков с двухпадежными системами на-

блюдается целый ряд «аномальных» явлений, например, повышенная частотность нейтральной стратегии и систем с маркированием роли единственного аргумента непереходного предиката, видимо, связано опять-таки с основной характеристикой этих систем — с наличием в них всего двух падежей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТИПОЛОГИИ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

<...> многие свойства морфологических систем могут быть объяснены, т.е. доля случайности в морфологическом выражении несколько меньше, чем обычно предполагается¹. [Bybee 1985: 4]

3.0. Вступительные замечания

Данная глава посвящена изучению различных аспектов формального выражения падежных противопоставлений, наблюдаемых в языках с двухпадежными системами, и их соотношению с выявленными в предыдущей главе функциональными и семантическими параметрами. Особое внимание будет уделено также вопросам диахронической эволюции двухпадежных систем, их происхождению и дальнейшему развитию. Глава содержит два раздела:

3.1. Морфологическая типология двухпадежных систем, где будут рассмотрены типы средств выражения падежных противопоставлений, нетривиальные случаи взаимодействия падежа с другими именными категориями, в первую очередь с числом, а также проблема соотношения морфологической и функциональной маркированности падежей.

3.2. Элементы диахронической типологии двухпадежных систем, где исследуются возможные пути происхождения и эволюции двухпадежных систем.

В каждом из указанных разделов особое внимание уделяется соотношению формальных и функциональных свойств двухпадежных систем, исследуются корреляции между ними и возможные функциональные причины изменений в формальном выражении падежных оппозиций в рассматриваемых языках.

---

¹ “[Many] of the properties of morphological systems can be explained, i.e. that the amount of arbitrariness involved in morphological expression is somewhat less than usually supposed.”

3.1. Морфологическая типология двухпадежных систем

3.1.0. Предварительные замечания

В данном разделе будут рассмотрены основные параметры морфологической типологии двухпадежных систем, а именно:

- (i) типы средств, с помощью которых в исследуемых языках выражаются падежные противопоставления;
- (ii) взаимодействие падежа с другими морфологическими категориями имени, в особенности с числом; будут рассмотрены такие вопросы, как кумулятивное/раздельное выражение этих категорий и возможные типы нейтрализации падежных или числовых противопоставлений;
- (iii) типы морфологических оппозиций, реализующихся в двухпадежных системах, т. е. морфологическая маркированность или немаркированность одного из падежей; особое внимание будет уделено уже упомянутым «аномалиям маркированности» и их объяснению в функциональных терминах.

3.1.1. Формальные средства выражения падежных противопоставлений в двухпадежных системах

Морфологические показатели граммем некоторой грамматической категории могут различаться по следующим двум важнейшим параметрам:

- степень связанности с основой (континуальный признак, включающий такие основные значения: клитика — аффикс — сегментное чередование — супraseгментное чередование — супплетивизм);
- линейная позиция относительно основы: препозиция, постпозиция или суперпозиция (в тех случаях, когда граммема выражается путём изменения основы).

В языках с двухпадежными системами представлены весьма разнообразные морфологические средства выражения падежных граммем (естественно, ввиду того, что прямой падеж чаще всего выражается нулевым показателем, речь ниже будет идти в основном о косвенном падеже), относящиеся практически ко всем возможным комбинациям значений указанных двух параметров. Рассмотрим для начала, как в языках выборки распределяются значения параметра «степень связанности показателя с основой», см. таблицу 3.1.

Таблица 3.1. Степень связанности падежных показателей с основой в языках выборки

Язык/группа/ареал	Клит	Афф	Черед	Супр	Суппл
Европа		О	Д		П
Индоиранские	П	О	О		П
Берберские		О	О		
Амхарский	О				
Нилотские		Д		О	
Салишские	О	О			О
Чоктау		О			
Юто-ацтекские		О	Д		
Алеутский		О			
Мовима		О			
Ниас		О	О		
Йимас		О			
Маунг		О			Д
Всего	3	12	5	1	4
Всего основная	2	11	3	1	1

Таблица 3.2. Позиция падежных показателей относительно основы в языках выборки

Язык/группа/ареал	Препозиция	Постпозиция	Суперпозиция
Европа		О	П
Индоиранские		О	Д
Берберские	О		
Амхарский		О	
Нилотские		Д	О
Салишские	О		Д
Чоктау		О	
Юто-ацтекские		О	
Алеутский		О	
Мовима	О		
Ниас	О		
Йимас		О	
Маунг		О	Д
Всего	4	9	4
Всего основная	4	8	1
Всего единственная	3	5	0

Сравним приведённые данные со статистикой о средствах выражения падежей в языках мира, приведённых в статье [Dryer 2005], ср. таблицы 3.3 и 3.4:

Таблица 3.3. Степень связанности падежных показателей с основой в языках мира по [Dryer 2005]

Клитика	Аффикс	Черед	Супр
116 (20%)	466 (79%)	2	4

**Таблица 3.4. Позиция падежных показателей относительно основы
в языках выборки**

Препозиция	Постпозиция	Суперпозиция
50 (8,5%)	526 (89,5%)	12 (2%)

В свете этих сведений, распределение типов средств выражения падежных противопоставлений в двухпадежных системах, различающихся по степени связанности с основой, представляется нормальным: в значительном большинстве языков падежи выражаются аффиксами. Несколько более высокая, чем в среднем, доля нелинейного выражения падежных противопоставлений, наблюдаемая в двухпадежных системах, связана, скорее всего, с тем, что в статистике М. Драйера учитываются лишь основные способы выражения падежей. Существенно более интересны данные о линейной позиции этих показателей, в особенности наличие в четырёх неродственных и расположенных на разных континентах языках и группах языков (берберских, салишских, мовима и ниас) препозитивных падежных показателей, при том, что, например, И.А. Мельчук [Mel'čuk 1986: 61; 2006: 135], пишет, что ему не известны случаи префиксального выражения падежей². Более того, как показывает сравнение таблиц 3.2 и 3.4, в языках с двухпадежными системами препозиция падежных показателей встречается существенно чаще, чем в целом в языках мира. Попытка найти объяснение этому факту требует отдельного изучения.

Наконец, небезынтересны встречающиеся в языках с двухпадежными системами сочетания разных позиционных типов падежных показателей. Во-первых, в рассматриваемом материале не обнаружилось случаи сосуществования в одном языке препозитивных и постпозитивных падежных показателей. Во-вторых, весьма интересно то, что практически не засвидетельствованы надёжные случаи совмещения препозиции и ярко выраженной суперпозиции. По-видимому, это связано с тем, что конец слова более подвержен фонетической эрозии и фузии, нежели начало слова, и суффиксальные показатели более склонны превращаться в морфонологические чередования, затрагивающие основу в целом.

Рассмотрим примеры каждого из типов выражения падежных противопоставлений в исследуемых языках. Клитические показатели встречаются лишь в еди-

---

² В работе [Hall 1992: 57 — 58], посвящённой проблеме позиционной асимметрии аффиксов, приводится целый ряд языков с препозитивными падежными показателями, включая и некоторые из тех, что рассматриваются здесь.

ничных языках; наиболее очевиден клитический статус предлога ʔə= в языке халкомелем, где он присоединяется слева ко всей ИГ, ср. уже приводившиеся в гл. 2 примеры. Показатели, по-видимому, промежуточные между аффиксами и клитиками, представлены в персидском и татском языках, где показатель косвенного падежа $-(r)\bar{a}l/-(r)a$ происходит из послелога $=r\bar{a}diy$ [Овчинникова 1956а,б], [Грюнберг 1963: 23 — 25]. Наиболее интересный случай, пожалуй, наблюдается в амхарском языке.

Косвенный падеж в амхарском языке выражается при помощи энклитики $=\text{ən}$, присоединяющейся к правой периферии словоформы, после показателей числа, определённости и посессивности. При сочинении ИГ энклитика появляется на каждом из конъюнктов, если все они оформлены определённым артиклем $=w$, ср. пример (3.1a) [Leslau 1995: 183], однако появляется лишь на последнем из конъюнктов, когда определённый артикль относится ко всей сочинённой группе в целом, ср. пример (3.1b) [ibid.], или когда артикль вообще отсутствует (3.1c) [ibid.: 184]:

амхарский (афразийская макросемья, семитская семья, южная группа, эфиопская подгруппа, Эфиопия)

- (3.1) a. $w\bar{a}mbar=u=n$ $alga=w=\text{ən}=\text{ə}nna$ $t\bar{e}r\bar{a}ppeza=w=\text{ən}$ $am\bar{t}u$.
 стул=DEF=OBL кровать=DEF=OBL=CNJ стол=DEF=OBL принеси

‘Принеси стул, кровать и стол.’

- b. $w\bar{a}mbar=\text{ə}nna$ $agla=w=\text{ən}$ $am\bar{t}a$.
 стул=CNJ кровать=DEF=OBL принеси

‘Принеси стул и кровать.’

- c. $\text{ʔor}\bar{a}nn\bar{a}t$ $\check{c}\bar{a}gg\bar{a}r=\text{ə}nna$ $t\bar{e}fat=\text{ən}$ $yask\bar{a}tt\bar{a}lall$.
 война нищета=CNJ разруха=OBL порождает

‘Война порождает нищету и разруху.’

Когда ИГ содержит определение, то энклитика $=\text{ən}$ присоединяется к последнему, а не к вершине, пример (3.2) [ibid.]; возможно, это связано с ваккернагелевским статусом показателя косвенного падежа в амхарском языке.

- (3.2) a. $w\bar{a}\check{s}\bar{s}a=w$ $t\bar{a}ll\bar{a}q=u=n$ $b\bar{a}qlo$ $n\bar{a}kk\bar{a}s-\bar{a}$.
 собака=DEF большой=DEF=OBL мул укусил-3SG

‘Собака укусила большого мула.’

- b. $n\bar{a}\check{c}\check{c}=u=n$ $w\bar{a}mb\bar{a}r=\text{ə}nna$ $alga$ $am\bar{t}a$.
 белый=DEF=OBL стул=CNJ кровать принеси

‘Принеси белые стул и кровать.’

c. *yəh=ən məʃaf yəsafäw mannäw?*
 этот=OBL книга написавший кто

‘Кто написал эту книгу?’

d. *y=astämari=w=ən bet țärräg-ä.*
 POSS=учитель=3SG=OBL дом подмёл-3SG

‘Он подмёл дом своего учителя.’

Интересны случаи, когда категория падежа выражается совместно с категорией определённости, показатели которой, в свою очередь, являются клитиками. Такая ситуация представлена, например, в языке шусвап и в современном румынском языке и будет рассмотрена в следующем разделе.

Примеры аффиксального (как префиксального, ср. берберские языки, так и суффиксального) выражения падежных граммем были в большом количестве приведены выше и не представляют самостоятельного интереса; перейду непосредственно к тем случаям, когда падежные противопоставления выражаются либо комбинацией аффикса и некоторого морфонологического процесса, либо просто таким процессом. Такие примеры имеются в ряде индоиранских языков, ср., например, парадигмы языка пашто [Грюнберг 1987а: 35 — 37], представленные в таблице 3.5.

Таблица 3.5. Именные парадигмы в пашто (только Sg)

	‘дом’	‘крестьянин’	‘вор’
Dir	<i>kor</i>	<i>bazgar</i>	<i>ɣal</i>
Obl	<i>kor-a</i>	<i>bazgər</i>	<i>ɣ-ə</i>

Как видно, в пашто OblSg может быть выражен аффиксом (‘дом’), чередованием (‘крестьянин’) или сочетанием аффикса и чередования (‘вор’); такая ситуация, при которой в языке существуют как аффиксальные, так и неаффиксальные средства выражения падежа, является типичной; языков, где падежные противопоставления выражались бы только сегментными чередованиями, видимо, нет. Близки, однако, к этому, курманджи [Бакаев 1966: 263 — 264] и ниас [Brown 2001: 39 — 40], ср. таблицы 3.6, 3.7.

Таблица 3.6. Именные парадигмы в курманджи (только Sg)

	‘отец’	‘жена’	‘мука’	‘брат’	‘мельник’
Dir	<i>бав</i>	<i>жън</i>	<i>ар</i>	<i>бъра</i>	<i>ашван</i>
Obl	<i>бав-е</i>	<i>жън-е</i>	<i>ер</i>	<i>бъре</i>	<i>ашвен</i>

Таблица 3.7. Именные парадигмы в ниас

	‘рис’	‘земля’	‘палка’	‘свинья’	‘лодка’	‘яйцо’
Dir	<i>fakhe</i>	<i>tanö</i>	<i>si'o</i>	<i>baβi</i>	<i>oβo</i>	<i>adulo</i>
Obl	<i>vakhe</i>	<i>danö</i>	<i>zi'o</i>	<i>m-baβi</i>	<i>n-oβo</i>	<i>g-adulo</i>

И в курманджи, и в ниас образование косвенного падежа может быть описано с помощью сравнительно простых правил: в курманджи либо добавлением *-e* после конечной согласной основы, либо заменой *a* в последнем слоге основы на *-e*; в ниас префиксацией *n-* (в ряде случаев *g-*), или озвончением начальной глухой согласной (очевидно, что как на диахроническом, так и на синхронно-морфонологическом уровне это один и тот же процесс, см. [Brown 2001: 39 — 49]).

Наиболее интересный способ выражения падежных значений представлен в нилотских языках (и в менее чистом виде также в кушитских), где для этого используются изменения тонового контура слова. Ср. парадигмы существительных масаи [Tucker, Bryan 1966: 459], представленные в таблице 3.8.

Таблица 3.8. Именные парадигмы в масаи

	‘нож’	‘вода’	‘девочка’	‘пастух’	‘жираф’
Dir	<i>ɛŋkalẽm</i>	<i>ɛŋkarẽ</i>	<i>entito</i>	<i>encekũt</i>	<i>ɔmẽɔt</i>
Obl	<i>ɛŋkalem</i>	<i>ɛŋkare</i>	<i>entitó</i>	<i>encekut</i>	<i>ɔmeot</i>

В масаи, равно как и в других нилотских языках, имеется около десяти так называемых «тоновых классов», полностью аналогичных типам склонения индоевропейских языков; по свидетельству П. Беннета [Bennett 1974], общей характеристикой разных типов образования косвенного падежа в нилотских языках является понижение тона по сравнению с прямым падежом. Наиболее ярко эту тенденцию, проявления которой во многих случаях не столь очевидны, иллюстрирует следующий пример из южно-нилотского языка сапинь [Welmers 1973: 243]:

сапинь (нило-сахарская макросемья, восточно-суданская ветвь, нилотская семья, южная группа, подгруппа календжин, Уганда)

- (3.3) a. *c̃ile*   *p̃ɔntét.*   b. *c̃ile*   *p̃ɔntet.*
                           смотрит   старик.DIR.SG   смотрит   старик.OBL.SG
                           ‘Он смотрит на старика.’   ‘Старик смотрит на него.’

В указанной работе П. Беннета также отмечается невозможность свести тоновые противопоставления, подобные продемонстрированным, к каким-либо сегментным показателям или к результату действия поверхностно-фонологических процессов, вроде тоновой ассимиляции S/A-аргумента предшествующему глаголу. Ср., напри-

мер, следующие предложения на южно-нилотском языке кипсингис, где тоновый контур падежных форм никак не зависит от порядка слов [Tucker, Bryan 1964: 237]:

кипсингис (нило-сахарская макросемья, восточно-суданская ветвь, нилотская семья, южная группа, подгруппа календжин, Кения)

- (3.4) a. *kitɔːr*   *ci:tə̀*   *sə̀é:t*.
           3SG-убил   человек.OBL.SG   бык.DIR.SG
           ‘Человек убил быка.’
- b. *kitɔːr*   *sə̀é:t*   *ci:tə̀*.
           3SG-убил   бык.DIR.SG   человек.OBL.SG
           ‘Тж.’
- c. *kitɔːr*   *ci:tə́*   *sə̀é:t*.
           3SG-убил   человек.DIR.SG   бык.OBL.SG
           ‘Бык убил человека.’
- d. *kitɔːr*   *sə̀é:t*   *ci:tə̀*.
           3SG-убил   бык.OBL.SG   человек.DIR.SG
           ‘Тж.’

Диахронические истоки нилотской падежной системы мне неизвестны; обсуждение этого вопроса в статье [Bennett 1974], носит лишь самый предварительный и общий характер, а в монографиях [Rottland 1982] и [Voßen 1982], посвящённых, среди прочего, сравнительно-историческому исследованию нилотских языков, он вообще не затрагивается³.

Гораздо более сложная и в каком-то смысле уникальная ситуация представлена в языке сомали (напомню, что нилотские и кушитские языки входят в один лингвистический ареал; по крайней мере, их падежные системы обнаруживают явные черты типологического сходства, см. уже упоминавшуюся во Введении работу [Andrzejewski 1984]; ср. также работы [Castellino 1973], [Tosco 1994], специально посвящённые падежным системам в кушитских языках). В сомали противопоставление Dir и Obl выражается как сегментными (суффиксы, чередования), так и супрасегментными средствами, а чаще всего — их комбинациями. Основное отличие

---

³ Следует, однако, заметить, что в некоторых нилотских языках, например, в нанди [Tucker, Bryan 1964: 237 ff.] и пери [Andersen 1988: 294 — 295], косвенный падеж при некоторых условиях может выражаться не только изменением тонового контура, но также и суффиксом; вопрос о том, какое из средств выражения в данном случае исторически первично, видимо, пока не имеет решения.

падежной системы в сомали от склонения имён в нилотских языках заключается в том, что если в последних морфологическая категория падежа закреплена за именной словоформой, то область определения данной категории в сомали — целая ИГ: падежная граммема выражается не на вершине ИГ, а на её последнем слове, независимо от того, к какой части речи оно относится (особенности падежной морфологии сомали детально исследованы в монографии [Andrzejewski 1964]). Ср. следующие примеры [Andrzejewski 1956: 24 — 26]:

сомали (афразийская макросемья, кушитская семья, восточная группа, Сомали)

(3.5) a. *nín*   *bàa* *lībāāḥ*   *dīlāy*.
 человек   PRT   лев.OBL.SG   он.убил

‘Лев убил человека.’

b. *nín*   *bàa* *lībāāḥ*   *dīlāy*.
 человек   PRT   лев.DIR.SG   он.убил

‘Человек убил льва.’

(3.6) a. *más=kīi*   *mīyūi*   *dīlāy?*
 змея=DEF.OBL.SG   он.DIR   он.убил

‘Убила ли его змея?’

b. *más=kīi*   *mīyūi*   *dīlāy?*
 змея=DEF.DIR.SG   он.OBL   он.убил

‘Убил ли он змею?’

(3.7) a. [*más*   *yārī*]   *mīyūi*   *dīlāy?*
 змея   маленький.OBL.SG   он.DIR   он.убил

‘Убила ли его маленькая змея?’

b. [*más*   *yār*]   *mīyūi*   *dīlāy?*
 змея   маленький.DIR.SG   он.OBL   он.убил

‘Убил ли он маленькую змею?’

Из приведённых шести примеров видно, что противопоставление прямого и косвенного падежей в сомали может (но не обязано, т. к. имеются случаи синкретизма, ср. одинаковые формы Dir и Obl местоимения третьего лица; также следует отметить, что перед фокусной частицей *bàa* имя всегда стоит в прямом падеже, независимо от своей синтаксической роли) быть выражено лишь на последнем члене ИГ, будь то существительное, энклитический артикль или прилагательное. Однако, как показывают следующие примеры, манифестация падежных граммем в сомали не ограничи-

вается именными частями речи и затрагивает даже личные формы глаголов в придаточных относительных, ср. [Andrzejewski 1956: 26]:

- (3.8) a. [*más=kíī āy ārkēen*]   *mīyūī dīlāy?*
змея=DEF REL они.видели.OBL он.DIR он.убил

‘Убила ли его змея, которую они видели?’

- b. [*más=kíī āy ārkēen*]   *mīyūī dīlāy?*
змея=DEF REL они.видели.DIR он.OBL он.убил

‘Убил ли он змею, которую они видели?’

Подобная ситуация, когда показатель падежа присоединяется к последнему члену ИГ, является нормальной в языке, где эта категория выражается при помощи клитик или хотя бы аффиксов (ср. ниже румынский); однако в сомали падежные противопоставления реализуются не клитиками и как правило даже не аффиксами, а изменениями тонового контура слова⁴. Диахронические истоки такого, по-видимому, уникального положения дел мне неизвестны; укажу лишь на то, что в других кушитских языках (галла, бедауйе и т. п.) падежи выражаются при помощи суффиксов, присоединяющихся к существительному, см. [Долгопольский 1991], [Castellino 1978], [Tosco 1994].

Наконец, супплетивные формы прямого и косвенного падежей наблюдаются в большом количестве языков в системе личных местоимений, которым в наибольшей степени свойственно нерегулярное выражение грамматических противопоставлений. В индоиранских языках супплетивизм ярче всего выражен у местоимения ‘я’, ср. парадигмы из языков пашто [Skjærvø 1989: 392], вайгали [Эдельман 1965: 43] и рошорвского [Курбанов 1976: 89], представленные в таблице 3.9.

**Таблица 3.9. Парадигмы склонения личных местоимений
в индоиранских языках**

	пашто		вайгали		рошорвский	
	‘я’	‘ты’	‘я’	‘ты’	‘я’	‘ты’
Dir	<i>zə</i>	<i>tə</i>	<i>aŋa</i>	<i>tīī</i>	<i>waz</i>	<i>tu</i>
Obl	<i>mā</i>	<i>tā</i>	<i>ū̄</i>	<i>tū̄</i>	<i>mu(n)</i>	<i>tā</i>

⁴ Сходная ситуация имеет место и в нияс, где, однако, во-первых, первое слово синтагмы изменяется относительно регулярно, а во-вторых, это слово всегда является именем, см. [Brown 2001: 45 — 47]. Во многом похожая ситуация наблюдается и в языке мовима, где показатель косвенного падежа *n-* по морфонологическим признакам является префиксом, а синтаксически ведёт себя как проклитика, присоединяясь к левой периферии ИГ.

Частично супплетивные парадигмы представлены в языке маунг, где, как уже указывалось, категория падежа определена лишь на местоимениях [Capell, Hinch 1970: 59 — 60], ср. таблицу 3.10.

Таблица 3.10. Парадигмы местоимений в маунг

	‘я’	‘мы (инкл.)’	‘мы (экскл.)’	‘ты’	‘вы’	‘он’	‘они’
Dir	<i>ŋab-i</i>	<i>ŋarwur-i</i>	<i>ŋar-i</i>	<i>niɟ-i</i>	<i>niwwur-i</i>	<i>janad</i>	<i>wɛnad</i>
Obl	<i>ŋaɗ-u</i>	<i>ŋarwur-u</i>	<i>ŋar-u</i>	<i>niw-u</i>	<i>niwwur-u</i>	<i>niɟu</i>	<i>wu</i>

У личных местоимений первого и второго лица в маунг противопоставление прямого и косвенного падежей выражается аффиксами *-i* и *-u*, соответственно, присоединение которых может сопровождаться чередованиями в основе, по всей видимости, непредсказуемыми; образование же падежных форм местоимений третьего лица полностью нерегулярно.

Супплетивизм обозначен в качестве одного из основных способов образования падежных форм в салишских языках из-за того, что, как уже было указано выше, в ряде языков этой группы падежные противопоставления выражены лишь у проклитического артикля, ср. шусвап [Kuipers 1974: 57]: Dir *ɣ=*, Obl *t=*.

Ср. также румынскую парадигму в таблице 3.12 [Иордан 1950: 70], ‘брат’+определённый артикль.

Таблица 3.12. Склонение энклитического артикля в румынском языке

	Sg	Pl
Dir	<i>frate=le</i>	<i>frați=i</i>
Obl	<i>frate=lui</i>	<i>frați=lor</i>

Обратимся к вопросу о возможных корреляциях между средствами выражения падежей и функционально-семантическими характеристиками падежной системы, рассмотренными в предыдущей главе. Определённого рода связи такого рода должны иметь место хотя бы ввиду того, что степень связанности с основой отражает степень грамматикализации показателя, которая, в свою очередь, выражается и в его семантике: чем более грамматикализован показатель, тем более он полифункционален, ср. [Bossong 1985: 113 — 115], и тем более абстрактные (синтаксические) функции он выражает [Lehmann 1995/1982: passim]. Данные о степени связанности показателя косвенного падежа с основой и выражаемых им функций в языках выборки представлены в таблице 3.13.

Таблица 3.13. Формальная и семантическая грамматикализация показателей косвенного в языках выборки

Язык	Степень связанности	Core	Perif	F ⁵
Старофранцузский	Афф, Черед.	+	+	P
Кати	Афф	+	+	P
Берберский	Афф, Черед	+	+	P
Амхарский	Афф/Клит?	+	—	M
Нанди	Супр. черед	+	—	M
Скомиш	Афф, Черед.	—	+	P
Чоктау	Афф	+	—	M
Яки	Афф	+	+	P
Алеутский	Афф	+	+	P
Мовима	Афф	+	+	P
Ниас	Афф, Черед	+	+	P
Йимас	Афф	—	+	P
Маунг	Афф	—	+	P

Как видно, языки выборки, по крайней мере, на первый взгляд, не дают никаких значимых соответствий между способом выражения косвенного падежа и степенью связанности его показателя с основой. Рассмотрим, однако, некоторые случаи более подробно. Так, в языках, про которые известно, что в них показатели *Obl* возникли сравнительно недавно, — в амхарском, персидском и татском — основной (а иногда и единственной) функцией *Obl* является маркирование *U'*, характеризующейся более «богатой» семантической и тем более прагматической значимостью, нежели довольно сильно «синтаксизованная» роль *U*. Напротив, хотя косвенный падеж в нилотских и в ряде берберских языков можно считать монофункциональным, высокая степень грамматикализованности его показателя неудивительна, т. к. его значение (фактически, синтаксическая роль «подлежащего») крайне абстрактно. Сложнее обстоит дело с *Obl* в салишских языках и в йимас, где этот падеж, за редкими исключениями, выражает лишь периферийные семантические роли; в обоих языках значение *Obl* весьма абстрактно (семантически недифференцированная синтаксическая роль косвенного дополнения), однако в языке халкомелем в качестве показателя *Obl* выступает предлог, а в йимас — аффикс с нетривиальной алломорфией. В данном случае остаётся лишь констатировать, что ситуация в йимас является более нормальной, в то время как в халкомелем, по всей видимости, семантическая грамматикализация существенно продвинулась по сравнению с морфологической. Подтвер-

⁵ Этот параметр отражает полифункциональность (P) vs. монофункциональность (M) падежа.

ждением этому может служить хотя бы тот факт, что в ряде других салишских языках *Obl* формально также довольно сильно грамматикализован.

Тем самым, можно отметить, что в двухпадежных системах имеются некоторые типологически естественные соотношения между формальными признаками падежных показателей и их семантическим наполнением; эти соотношения, однако, не являются ни абсолютными, ни тривиальными.

3.1.2. Падеж и другие морфологические категории имени в двухпадежных системах

3.1.2.0. Вступительные замечания

В данном разделе я остановлюсь на некоторых наблюдаемых в исследуемых языках интересных аспектах взаимодействия падежа с другими морфологическими категориями имени, а именно, с числом и определённой. В фокусе внимания будут такие проблемы, как кумулятивное/раздельное выражение категорий и возможные между ними отношения нейтрализации, а также вопросы диахронической стабильности различных парадигматических структур, которые мне представляется уместным рассмотреть именно здесь.

3.1.2.1. Падеж, число и парадигматика двухпадежных систем

В большинстве языков с двухпадежными системами, равно как и, вероятно, в большинстве языков с падежами, граммема числа и падежа выражаются раздельно. Кумуляция их широко распространена лишь в индоевропейских языках, в частности, в индоиранских, ср., например, парадигму из хинди [Mohanap 1994: 61], ‘ребёнок’, таблица 3.14.

Таблица 3.14. Именная парадигма в хинди

	Sg	Pl
Dir	<i>baccā</i>	<i>bacce</i>
Obl	<i>bacce</i>	<i>baccō</i>

Раздельное выражение этих категорий в индоиранских языках также представлено, ср. ягнобские парадигмы [Хромов 1987: 662 — 663] в таблице 3.15.

Таблица 3.15. Именные парадигмы в ягнобском языке

	‘дом’		‘мужчина’	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Dir	<i>kat</i>	<i>kat-t</i>	<i>morti</i>	<i>morti-t</i>
Obl	<i>kat-i</i>	<i>kat-t-i</i>	<i>morti-y</i>	<i>morti-t-i</i>

Интересны случаи, где при том, что категории числа и падежа выражаются отдельно, показатели падежей в разных числах не совпадают, как, например, в языке кховар [Edelman 1983: 212], см. таблицу 3.16.

Таблица 3.16. Именные парадигмы в кховар

	‘брат’		‘сын’	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Dir	<i>brār</i>	<i>brār-gini</i>	<i>žau</i>	<i>žižau</i>
Obl	<i>brār-o</i>	<i>brār-gini-ān</i>	<i>žaw-o</i>	<i>žižaw-ān</i>

Показатели *-o* и *-ān* исторически восходят к кумулятивным маркерам, хорошо представленным в других индоиранских языках.

Перейдём к случаям совпадения форм (синкретизма) разных падежей/чисел. В языке, где имеется два падежа (Dir, Obl) и два числа (Sg, Pl), логически возможны четыре случая синкретизма (для начала я рассмотрю лишь те ситуации, когда значение одной из категорий фиксировано), см. таблицу 3.17.

Таблица 3.17. Исчисление случаев синкретизма чисел и падежей в языках с двухпадежными системами

(1)		(2)		(3)		(4)	
DirSg	DirPl	DirSg	DirPl	DirSg	DirPl	DirSg	DirPl
OblSg	OblPl	OblSg	OblPl	OblSg	OblPl	OblSg	OblPl

Ситуации (1) и (2), при которых имеет место нейтрализация одного противопоставления в контексте более «маркированного» члена другой категории, представлена во многих языках мира независимо от числа падежей в них; более того, рядом исследователей высказывалось предположение, что случаи (3) и (4) либо вообще не существуют, либо крайне редки, ср. [Bierwisch 1967: 254], [Boeder 1976: 120]⁶. В языках с двухпадежными системами, однако, эти «аномальные» случаи представлены, хотя и довольно редко. Рассмотрим примеры каждой из отмеченных моделей.

⁶ Данное предположение, идущее, видимо, от работы [Greenberg 1966], настолько некритически воспринимается разными лингвистами, что стало уже поистине общим местом; ср. обсуждение этого вопроса и некоторых контрпримеров в работе [Аркадьев 2004б].

Нейтрализация противопоставления Dir vs. Obl во множественном числе представлена, например, в языке яки, что подтверждают следующие примеры [Lindenfeld 1973: 54]:

яки (юто-ацтекская семья, южная группа, Мексика)

- (3.9) а. *em misi-m nee biča-k.*
ваш кошка-DIR.PL я.OBL видеть-PERF

‘Ваши кошки (А) меня видели.’

- б. *inero em misi-m biča-k*
я.DIR ваш кошка-OBL.PL видеть-PERF

‘Я видел ваших кошек (U).’

В единственном числе, как было неоднократно продемонстрировано, в яки аргументы А и U формально противопоставлены (Dir *misi*, Obl *misi-ta*). Ср. также парадигму, представленную в одном из говоров курманджи [Цукерман 1986: 74], ‘книга’, таблица 3.18.

**Таблица 3.18. Именное склонение и падежный синкретизм
в говорах курманджи**

	Sg	Pl
Dir	<i>kitaw</i>	<i>kitawan</i>
Obl	<i>kitawê</i>	

Противопоставление прямого и косвенного падежей нейтрализуется в двойственном и множественном числах и в алеутском языке [Bergsland 1997: 50], см. таблицу 3.19 (лексема ‘медвежья ягода’).

Таблица 3.19. Именное склонение и падежный синкретизм в алеутском языке

	Sg	Du	Pl
Dir	<i>ulaĥ</i>	<i>ulaĥ-ix</i>	<i>ulaĥ-in</i>
Obl	<i>ulaĥ-im</i>		

Случай (1), когда противопоставление чисел нейтрализовалось бы в косвенном падеже, в языках с двухпадежными системами не обнаруживается. Однако в целом ряде индоиранских языков встречается случай (3), т. е. синкретизм чисел в прямом падеже. Ср. парадигмы из языков кати [Грюнберг 1980: 175 — 176], калаша [Эдельман 1965: 120] и литературного варианта курманджи [Цукерман 1986: 72], представленные в таблице 3.20.

Таблица 3.20. Именное склонение и синкретизм чисел в индоиранских языках

	кати, 'источник'		калаша, 'человек'		курманджи, 'книга'	
	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl
Dir	<i>vuncev</i>		<i>mōč</i>		<i>k'itêb</i>	
Obl	<i>vuncev-e</i>	<i>vuncev-o</i>	<i>mōč-es</i>	<i>mōč-en</i>	<i>k'itêb-ê</i>	<i>k'itêb-an</i>

Хотя примеры такого рода отмечены почти исключительно в индоиранских языках, их возникновение нельзя объяснить лишь генетическим или ареальным родством: совершенно очевидно, что никакого общего развития и тем более взаимного влияния между курманджи (Закавказье) и кати (Гиндукуш) быть не могло. Происхождение такой редкой системы, видимо, связано с массовой редукцией конечных слогов, затронувшей в первую очередь показатели DirSg и DirPl, содержавшие меньше фонем, нежели флексии косвенных падежей (см. [Молчанова 1975: 220 — 222]; ср. также [Эдельман 1978: 277 — 280], где, однако, приводятся лишь синхронные данные). Более того, такая система в качестве маргинальной отмечается и за пределами индоиранской группы, а именно в склонении определённого артикля мужского рода в старофранцузском языке [van Reenen, Schøsler 1998: 327], см. таблицу 3.21.

Таблица 3.21. Склонение определённого артикля в старофранцузском языке

	Sg	Pl
Dir	<i>li</i>	
Obl	<i>le</i>	<i>les</i>

Такого рода системы, независимо от того, противоречат ли они каким-то реальным типологическим тенденциям, или лишь нарушают постулированные *a priori* иерархии маркированности, видимо, являются диахронически нестабильными. Так, приведённые в таблицах 3.18 и 3.20 парадигмы из разных говоров курманджи, по свидетельству И. И. Цукерман [Цукерман 1986: 72 — 74]; ср. также [Бакаев 1965: 30 — 31], [Молчанова 1975: 224 — 226], [Пирейко, Эдельман 1978: 116 — 117], связаны диахроническим переходом: если в литературном языке представлена парадигма с нейтрализацией категории числа в прямом падеже, то в говорах показатель косвенного падежа *-an* был обобщён в качестве суффикса множественного числа; в результате возникла другая, более «стандартная» модель нейтрализации, при которой противопоставление Dir и Obl есть лишь в единственном числе. Аналогичный процесс имел место также и в других курдских диалектах, например, в сулеймани и мукри [McKenzie 1961: 58; 153].

Другой способ устранения парадигм типа (3) представлен в ряде памирских языков, где вместо переосмысления показателя OblPl возник новый аффикс DirPl.

Следует, однако, для начала отметить, что в этих языках представлен ещё один «нестандартный» тип парадигмы — нейтрализация падежного противопоставления в единственном числе, при сохранении во множественном. Ср. парадигмы из ваханского⁷ [Пахалина 1975: 41 — 42] и сарыкольского [Пахалина 1966: 21] языков в таблице 3.22.

Таблица 3.22. Именное склонение и падежный синкретизм в памирских языках

	ваханский 'дом'		сарыкольский 'баран'	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Dir	<i>xūn</i>	<i>xūn-išt</i>	<i>wern</i>	<i>wern-xeyl</i>
Obl		<i>xūn-əv</i>		<i>wern-ef</i>

Согласно Е.К. Молчановой [Молчанова 1975: 222 — 223], показатели DirPl в обоих языках восходят к формам *nomina collectiva*, введённым в парадигму для устранения ещё более «скандальной» ситуации, когда форма OblPl, возникшая в обоих случаях из древнего InsPl (там же; ср. также [Соколова 1966: 371], [Керимова, Расторгуева 1975: 181], [Эдельман 1987: 294 — 295]⁸), была противопоставлена недифференцированным формам DirSg, OblSg и DirPl. Необходимо сразу же указать на то, что такие парадигмы сохраняются в ряде языков, например, в тирахи [Эдельман 1965: 115], 'отец', см. таблицу 3.23.

Таблица 3.23. Именная парадигма в тирахи

	Sg	Pl
Dir	<i>mala</i>	
Obl		<i>mala-n</i>

⁷ Следует оговориться, что в литературе высказываются разные точки зрения на падежную систему ваханского языка. Так, фундаментальная монография [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976] постулирует в этом языке шестипадежную систему, рассматривая некоторые послелогии в качестве падежных аффиксов. Такое решение, вне всякого сомнения, допустимо, однако в соответствии с данным в Гл. 1 определением двухпадежной системы, в ваханском языке можно выделить такую систему; ср. также данные работы [Раупе 1989: 429], где показано, что показатели, которые А.Л. Грюнберг и И.М. Стеблин-Каменский рассматривают в качестве падежных, оформляют именную группу целиком, тем самым, являясь менее грамматикализованными, чем показатель OblPl -əv. Ещё раз подчеркну, что вопрос о составе ваханской падежной системы не имеет однозначного решения и допускает альтернативные трактовки.

⁸ Трактовка этого показателя Т.Н. Пахалиной [Пахалина 1989: 20, 218] как также восходящего к показателям собирательности не представляется мне убедительной хотя бы по той причине, что совершенно не очевидно, почему разные собирательные формы имени могут оказаться распределёнными по признаку синтактико-семантической роли.

Такого рода парадигмы совмещают в себе черты одновременно типов (3) и (4) и, очевидно, являются наименее стабильными (замечу, что в тиражи представлены и другие модели склонения; парадигмы этого типа довольно широко представлены также в пашто, где встречаются у некоторых типов прилагательных, см. [Грюнберг, Эдельман 1987: 61 — 63]).

Существует и довольно распространён тип парадигмы, противоположный только что приведённому, а именно, противопоставляющий DirSg единой форме, нейтрализующей прочие оппозиции. Такая структура, видимо, является последней стадией падения системы склонения в целом; она представлена, например, в румынском языке [Иордан 1950: 60], ‘дом’, и в ламани [Trail 1970: 84], ‘сестра’, см. таблицы 3.24 и 3.25.

Таблица 3.24. Именная парадигма в румынском языке

	Sg	Pl
Dir	<i>casă</i>	
Obl	<i>case</i>	

Таблица 3.25. Именная парадигма в ламани

	Sg	Pl
Dir	<i>bhen</i>	
Obl	<i>bhene</i>	

Однако наиболее интересной и, что важно, более широко представленной моделью синкретизма в языках с двухпадежными системами является система, при которой форма OblSg совпадает с формой DirPl. Её можно интерпретировать как не нарушающую абстрактных критериев маркированности: действительно, если считать, что прямой падеж немаркирован по отношению к косвенному, а единственное число по отношению ко множественному, то DirSg немаркирован сразу по двум категориям, OblPl — маркирован сразу по обеим, а OblSg и DirPl по одной из них маркированы, а по другой — нет. Однако, из такого анализа вытекает, в частности, что форма DirSg должна иметь нулевой показатель, что, тем не менее, неверно, ср. старофранцузские парадигмы [Pore 1934: 311 — 312], представленные в таблице 3.26.

Таблица 3.26. Именные парадигмы в старофранцузском языке

		‘стена’	‘господин’	‘мальчик’
Sg	Dir	<i>mur-s</i>	<i>sire</i>	<i>garz</i>
	Obl	<i>mur</i>	<i>seignor</i>	<i>garcon</i>
Pl	Dir	<i>mur-s</i>	<i>seignour-s</i>	<i>garcon-s</i>
	Obl	<i>mur-s</i>	<i>seignour-s</i>	<i>garcon-s</i>

Временно отвлекаясь в данный момент от того, что для старофранцузского языка (и не только для него) нормальным было совпадение не только OblSg = DirPl, но и DirSg = OblPl, укажу на несомненную бóльшую формальную сложность DirSg по сравнению с OblSg (под мерой формальной сложности здесь понимается не длина в слогах или фонемах, а выводимость из других членов парадигмы при помощи более или менее регулярных правил). Более подробно такие «аномалии» маркированности будут рассмотрены в следующем разделе; здесь же приведу ещё несколько примеров таких нетривиальных парадигм из различных языков. Ср. таблицу 3.14 с данными из хинди, а также таблицу 3.27 с примерами из пашто [Грюнберг 1987а: 35 — 37, 43 — 44] и панджаби [Gill, Gleason 1963: 99 — 101].

Таблица 3.27. Именное склонение в пашто и панджаби

		пашто ‘вор’	пашто ‘глаз’	панджаби ‘мальчик’
Sg	Dir	<i>ɣal</i>	<i>stərga</i>	<i>munda</i>
	Obl	<i>ɣə</i>	<i>stərgə</i>	<i>munde</i>
Pl	Dir	<i>ɣo</i>	<i>stərgo</i>	<i>mundrā</i>
	Obl	<i>ɣo</i>	<i>stərgo</i>	<i>mundrā</i>

Возвращаясь к старофранцузскому, следует отметить, что в этом языке наиболее стандартная парадигма имени выглядела так, как схематически показано в таблице 3.28 (ср. пример со словом *mur* ‘стена’ в таблице 3.26).

Таблице 3.28. Схема именной парадигмы в старофранцузском языке

	Sg	Pl
Dir	-s	-∅
Obl	-∅	-s

Иными словами, четыре логически возможные комбинации граммем числа и падежа выражались при помощи всего двух показателей, а если учитывать лишь фонологически непустые морфемы, то при помощи всего лишь одного. При этом, несмотря на минимально допустимый набор формальных средств, система обладала достаточной различительностью, т. к. «перекрёстное» распределение

форм по парадигме создавало омонимию, как правило легко разрешавшуюся контекстом. Однако, несмотря на то, что подобные парадигмы зафиксированы в нескольких языках, развивавшихся независимо друг от друга, их возникновение обусловлено в основном фонологической редукцией. Поиски мотивации таких систем какими-либо принципами экономии или маркированности представляются мне относительно бесплодными хотя бы потому, что они совершенно явно нестабильны и проявляют тенденцию к исчезновению (ср. п. 3.2.2.2 про падение старофранцузской падежной системы).

Двухпадежные системы, таким образом, проявляют ряд нетривиальных свойств и в структуре именных парадигм; некоторые из них обусловлены именно минимальным числом падежей, а некоторые, по крайней мере, теоретически допустимы и в многопадежных системах. Очевидно, например, что нейтрализация категории числа в прямом падеже возможна и в многопадежной системе (ср. трактовку некоторых данных курдских диалектов в работе [Курдоев 1978: 53 — 69], где выделяется до пяти падежей, восходящих к послеложным сочетаниям). Также очевидно, что нетривиальные парадигмы, подобные старофранцузским, могут возникнуть лишь в двухпадежных системах. Важно указать на то, что различные типы парадигматических структур проявляют разные степени диахронической устойчивости, не всегда напрямую соотносящиеся с иерархиями маркированности: если тип парадигмы, нейтрализующий числа в *Dir* или тем более противопоставляющий *ObIP* единой «немаркированной» форме, часто подвергается перестройке, переводящей его в хотя бы чуть более «оптимальную» структуру, а старофранцузская модель, видимо, повсеместно устраняется, то система, представленная в целом ряде индоиранских языков и отличающаяся от старофранцузской лишь несовпадением *DirSg* и *ObIP*, как кажется, весьма стабильна. Всё вышесказанное, однако, суть не более чем предварительные заключения; более подробное обсуждение указанных синхронных и диахронических проблем требует отдельного изучения.

3.1.2.2. Падеж, определённость и «аналитические» падежные формы

Другая грамматическая категория, с которой падеж может нетривиально взаимодействовать, это категория детерминации, в частности, граммема опре-

делённости⁹. В некоторых языках, например, в норвежских диалектах, в румынском, в салишских и, возможно, в чоктау¹⁰, падеж и определённость выражаются кумулятивно, ср. приведённые в предыдущем разделе примеры. Норвежские диалекты интересны ещё и тем, что собственно противопоставление Dir и Obl наблюдается там лишь у определённых существительных [Sandøy 1996], ср. парадигмы в таблице 3.29 (приводятся только флексии, фонологическая запись).

Таблица 3.29. Схема именного склонения в норвежских диалектах

	Indef		Def	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Dir	-e	-a	-en	-adn
Obl			-a	-o

Аналогичным образом, в языке заза, где отдельное формальное выражение имеет неопределённый референциальный статус имени, показатель неопределённости «вытесняет» показатель падежа, ср. таблицу 3.30 [Selcan 1998: 282].

Таблица 3.30. Падеж и неопределённость в заза

	Indef		Def	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Dir	-ê	-u	-∅	-e / -i
Obl			-e / -i	-u

Кумулятивные показатели определённости и падежа, восходящие к склоняющимся артиклям, — видимо, наряду с предлогами или послелогами, основные источники клитических падежных показателей. Здесь интересно рассмотреть несколько подробнее данные румынского языка, где падежные противопоставления, за исключением маргинальных случаев, выражаются исключительно при помощи артиклей или подобных им единиц, среди которых имеются как энклитики, так и полностью автономные лексемы. Ср. парадигмы ИГ с детерминативом [Репина 1974: 35] в таблице 3.31.

⁹ Явления, связанные с дифференцированным маркированием объекта, здесь не рассматриваются, т. к. они не имеют отношения к *морфологической* категории детерминации.

¹⁰ В имеющихся у меня источниках (в основном [Heath 1977], а также [Gordon, Munro 1982]) есть лишь отдельные явно предварительные замечания о связи опущения показателя прямого падежа *-(a)n* с определённостью/неопределённостью имени. В других мускогейских языках, по-видимому, роль дискурсивных категорий в маркировании ИГ более очевидна, ср. обсуждение данных языка алабама в статье [Davis, Hardy 1988].

Таблица 3.31. Склонение ИГ в румынском языке

		‘человек.Def’	‘человек.Indef’
Sg	Dir	<i>om=ul</i>	<i>un om</i>
	Obl	<i>om=ului</i>	<i>unui om</i>
Pl	Dir	<i>oameni=i</i>	<i>niște oameni</i>
	Obl	<i>oameni=lor</i>	<i>unor oameni</i>

Как видно, Dir и Obl различаются формально лишь у детерминатива, будь то независимое слово, находящееся в позиции препозитивного определения (неопределённый артикль), или энклитический определённый артикль, в то время как само вершинное имя существительное изменяется лишь по числам.

Такой способ выражения падежных граммем приводит к тому, что в румынском они, как правило, реализуются в ИГ лишь один раз, на её первом члене, ср. следующие примеры [ibid.: 69]:

румынский (индоевропейская семья, итало-романская группа, восточная подгруппа)

- (3.10) а. *urs=ului*   *mort*   б. *bătrîn=ului*   *servitor*
 медведь=DEF.OBL.SG   мёртвый   старый=DEF.OBL.SG   слуга
 ‘мёртвому медведю’   ‘старому слуге’

Тенденция выражать категории определённости и падежа один раз в пределах ИГ действовала в истории румынского языка и продолжает действовать и поныне. Так, в языке XVII — XVIII вв. ещё были допустимы примеры, где обе категории выражены как на вершине ИГ, так и на определении [ibid.: 72 — 73]:

- (3.11) *cinstit=ului*   *diregători=ului*
 почтенный=DEF.OBL.SG   сановник=DEF.OBL.SG
 ‘почтенному сановнику’

однако нормой уже становились примеры, где артикль употреблён однократно. Аналогично, если в литературном румынском в конструкции, с постпозитивным определением, вводимым указательным местоимением, косвенным падежом оформляются и имя с обязательным энклитическим артиклем, и свободный детерминатив, то в разговорном языке детерминатив выступает в неизменяемой форме, ср. следующие примеры [ibid.: 70]:

- (3.12) а. *ungr=ului*   *cel-ui*   *gras*
 венгр=DEF.OBL.SG   DET-OBL.SG   толстый
 ‘толстому венгру’

b. *ungr=ului cel gras*
венгр=DEF.OBL.SG DET толстый

‘тж.’

Тем самым, можно констатировать, что в румынском языке морфологический падеж превращается в категорию, определённую не на конкретном имени, а на целой ИГ; этот процесс напрямую связан с редукцией падежной системы, сохранившейся лишь у небольшого числа грамматикализованных единиц.

Сходное явление наблюдается и в ряде памирских языков, где падежные противопоставления сохраняются лишь у местоимений, в том числе и указательных, употребляющихся в функции артикля (ср. данные в статьях [Рауне 1980], [Эдельман 1987]). Ср. следующие примеры [Керимова, Расторгуева 1975: 198 — 199] из рушанского языка:

рушанский (индоевропейская семья, индоиранская группа, иранская ветвь, юго-западная подгруппа, Таджикистан)

(3.13) a. *dāδ harwič-en tar ka sāwan?*
эти.DIR мальчик-PL к где идти.3PL

‘Куда идут эти мальчики?’

b. *muf kitōb-en tar čod yōs!*
эти.OBL книга-PL к дом отнеси

‘Отнеси те книги домой!’

Важной особенностью падежных систем типа румынской или салишских заключается в практически обязательном употреблении артиклей, выражающих категорию падежа (ср. [Репина 1974: 30]; в салишских языках наличие артикля — вообще единственный признак ИГ, ср. [Kroeber 1999]); видимо, в шугнано-рушанских языках имеет место та же тенденция.

Нужно также отметить, что в тех языках с двухпадежными системами, где развились энклитические или суффиксированные артикли, как правило, не возникает двойного выражения падежа в одной словоформе, как это иногда бывает в многопадежных системах, ср. подробное обсуждение этой проблематики в работе [Stolz 1992]. Например, в курманджи показатель косвенного падежа встречается в словоформе лишь один раз — в заключительной позиции, т. е. после неопределённого артикля (восходящего к энклитическому числительному ‘один’), если таковой имеется, ср. примеры [Цукерман 1986: 60], [Бакаев 1965: 44 — 45] в таблице 3.32.

**Таблица 3.32. Склонение имени с суффицированным артиклем
в курманджи**

	‘девушка’	‘девушка.Indef’
Dir	<i>keç'ik</i>	<i>keç'ik-ək</i>
Obl	<i>keç'ik-ê</i>	<i>keç'ik-ək-ê</i>

3.1.3. *Морфологические оппозиции и «аномалии» маркированности в двухпадежных системах*¹¹.

Морфологическая оппозиция, имеющая место между прямым и косвенным падежами, может быть либо привативной (один из падежей имеет нулевой показатель, в то время как другой — ненулевой), либо эквиолентной (оба падежа имеют ненулевые показатели)¹². Кроме того, в случае привативной оппозиции важным является вопрос о том, какой из падежей является формально маркированным, а какой выражается нулём. Данные об этих параметрах в языках выборки представлены в таблице 3.33.

Таблица 3.33. Маркированность падежей в двухпадежных системах

Язык	Оппозиция	Маркир. падеж
Старофранцузский ¹³	Прив	Dir
Кати	Прив	Obl
Берберский	Прив	Obl
Амхарский	Прив	Obl
Нанди	Прив	Obl
Скомиш	Прив	Obl
Чоктау	Прив/Экв	Obl
Яки	Прив	Obl
Алеутский	Экв	Obl
Мовима	Прив	Obl
Ниас	Прив	Obl
Йимас	Прив	Obl
Маунг	Экв	

¹¹ Данный раздел частично включает материал и выводы, представленные в докладе на VII Межвузовской конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, апрель 2004 г.), ср. [Аркадьев 2004а], ср. также [Аркадьев 2006а].

¹² Такое понимание терминов «эквиолентная оппозиция» и «привативная оппозиция» я заимствую у Г. Боссонга [Bossong 1985: 122]. Что же касается характера содержательной (семантической) оппозиции между Dir и Obl, то я полагаю, что она в большинстве случаев является эквиолентной, т. к. каждый падеж имеет вполне определённые функции, ср. [Плунгян 1994].

¹³ В единственном числе соотношение именно такое, а во множественном — обратное.

Как видно, в подавляющем большинстве языков падежная оппозиция является привативной, а маркированным падежом — косвенный. Эквиполентная оппозиция систематически представлена лишь в тех языках, где падеж выражается кумулятивно с другими категориями (числом и/или определённой), ср. примеры, приводившиеся выше.

Ранее уже шла речь о том, что в двухпадежных системах отмечаются так называемые «аномалии маркированности», когда маркированным падежом кодируются роли, для которых «стандартным» выражением является немаркированный падеж. Так, в старофранцузском, старопровансальском, берберских, кушитских, нилотских, мускогейских языках¹⁴ маркированным падежом оформляются функции S/A, а функция U и некоторые другие — немаркированным падежом. Однако между падежными системами старофранцузского и старопровансальского языков, с одной стороны, и, например, африканскими падежными системами, с другой, есть существенное различие. Оно заключается в том, что в последних функции именного предиката и топика оформляются тем же падежом, что и роль U, т. е. немаркированным Dir; напротив, в старофранцузском языке периода его относительной стабильности (XI — XIII вв.) функция именного предиката была закреплена за формально маркированным прямым падежом. Соотношение формальной и функциональной маркированности в этих языках отображено в таблице 3.34.

Таблица 3.34. Функции и маркированность падежей в старофранцузском языке и в африканских языках

Язык	Dir	Obl	Функции Dir	Функции Obl
старофранцузский	M	∅	S/A, Pred	U + Perif
берберские и др.	∅	M	U, Pred, Top	S/A (+Perif)

Тем самым, «аномальность» системы проявляется в этих языках на разных уровнях: если в африканских языках характеристические функции Top и Pred закреплены за немаркированным падежом (что в полной мере соответствует типологическим ожиданиям), и нестандартным является распределение между Dir и Obl ядерных функций, то в старофранцузском «аномалия» проявляется в сфере морфологического выражения (функции S/A и Pred, обычно кодируемые не-

¹⁴ Подробный обзор таких падежных систем с маркированным «номинативном», ограниченный правда, лишь материалом африканских языков, представлен в работе [König 2004].

маркированным падежом, здесь оказываются закреплёнными за маркированным).

Отдельный вопрос — почему в африканских языках наблюдается такое распределение функций, при котором роли S и A обслуживаются маркированным падежом. Ряд исследователей, см., например, [Dixon 1979: 76 — 78], [Plank 1985], предлагали диахроническое объяснение, возводя «аномальные» аккумулятивные системы к более древним эргативным; однако никаких подтверждений этому предположению, насколько я могу судить, нет¹⁵. Мне представляется разумным связать формальную маркированность функции S/A в берберских, нилотских и кушитских языках с тем фактом, что в этих языках кодирование «подлежащего» обусловлено информационной структурой: топикализованное «подлежащее» выносится в начало предложения и выступает в немаркированном прямом падеже; ObI и постглагольная позиция характерны лишь для нетопикализованного «подлежащего» (см. обсуждение в п. 2.1.1). При этом известно, ср., в частности, [Givón 1984: Ch. 5], [Du Bois 1988], что для функций S и в особенности A естественно выступать именно в функции топика, а конструкции с нетопикализованным «подлежащим» в языках мира, как правило, получают особое морфосинтаксическое кодирование, см. [Lambrecht 1994]. Тем самым можно предположить, что в указанных языках имеет место корреляция между функциональной маркированностью нетопикализованного «подлежащего» и его формальным кодированием при помощи косвенного падежа.

Вернёмся к старороманским падежным системам. Более глубокий анализ демонстрирует, что они вовсе не так нелогичны, как может показаться на первый взгляд. Рассмотрим для начала признаки, традиционно выделяемые в качестве коррелятов маркированности/немаркированности, ср. [Greenberg 1966: Ch. 3], [Croft 1990: Ch. 4], [Givón 1995: Ch. 2], [Мельчук 1998: 17 — 18], см. таблицу 3.34.

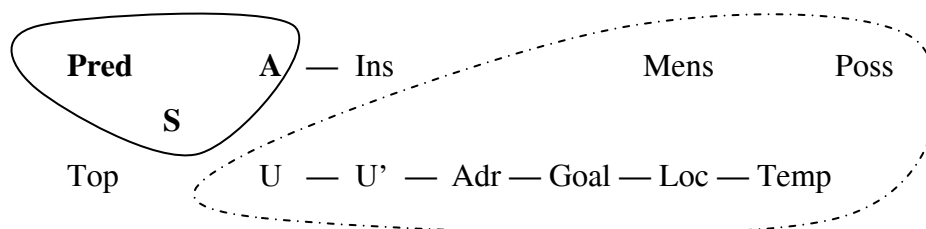
¹⁵ Ср. некоторые более убедительные гипотезы, основанные на конкретном материале, высказанные в указанной работе [König 2004], а также обсуждение в статье [Tosco 1994], где предполагается, что маркированный «номинатив» в кушитских языках восходит к показателям топика.

Таблица 3.35. Характеристические свойства маркированных и немаркированных языковых единиц

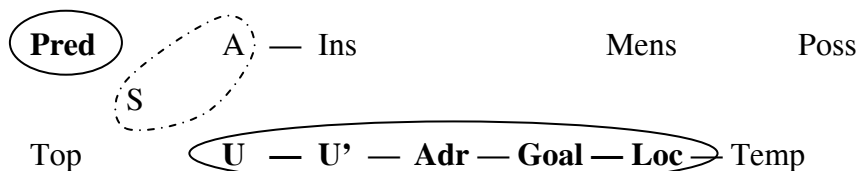
Свойства немаркированных единиц	Свойства маркированных единиц
нулевое формальное выражение	ненулевое формальное выражение
высокая частотность	низкая частотность
свободная дистрибуция	ограниченная дистрибуция
диахроническая стабильность	диахроническая нестабильность

Особое значение в рамках данного обсуждения имеют признаки дистрибуции и частотности, ср. [Haspelmath to appear a, to appear b]. Под противопоставлением свободной/ограниченной дистрибуции я имею в виду возможность сформулировать правила употребления падежей в следующих терминах: «падеж *A* употребляется в функции a^{16} (т. е. имеет ограниченную дистрибуцию), а падеж *B* — во всех прочих случаях (т. е. имеет свободную дистрибуцию)». Характер дистрибуции довольно очевидным образом коррелирует с частотностью: чем больше разнообразных функций может кодировать падеж, тем чаще он встречается в речи. Сравним теперь семантические карты падежных систем старофранцузского языка и языка нанди, см. рис. 3.1 и 3.2.

Рисунок 3.1. Семантическая карта двухпадежной системы старофранцузского языка

Рисунок 3.2. Семантическая карта двухпадежной системы нанди

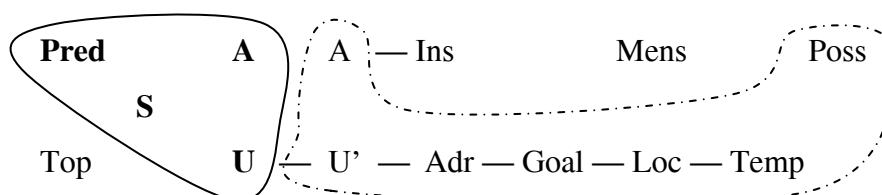

¹⁶ Или, точнее, в ограниченном множестве функций, образующих естественный класс (например, в функциях *S* и *A*).

Довольно очевидно, что признаками свободной дистрибуции и высокой частотности в обоих языках обладают формально немаркированные падежи — Obl в старофранцузском и Dir в нанди. Действительно, основной (а в нанди единственной, причём прагматически ограниченной) функцией маркированных падежей в обоих языках является синтаксическая роль «подлежащего», в то время как немаркированный падеж употребляется во всех прочих случаях (за исключением, естественно, тех функций, которые в данных языках кодируются при помощи служебных слов). Что же касается частотности, то соответствующие данные для нилотских языков мне не известны¹⁷, а в старофранцузских текстах Obl всегда встречается существенно чаще, нежели Dir, см. [Foulet 1970: 32 — 33], [Schøsler 1984].

В свете всего вышесказанного по-настоящему аномальными могут показаться падежные системы типа курдской, где признаком свободной дистрибуции, как представляется, обладает формально маркированный косвенный падеж, ср. семантическую карту для диалекта мукри языка сорани на рис. 3.3.

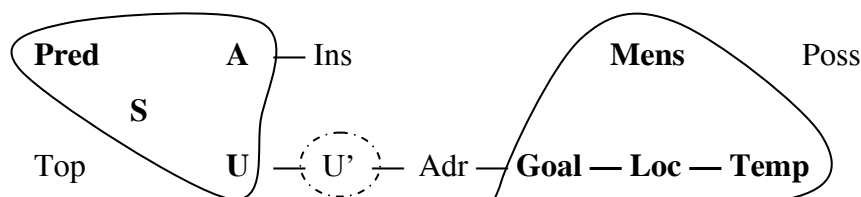
Рисунок 3.3. Семантическая карта двухпадежной системы диалекта мукри языка сорани [Эйюби, Смирнова 1968], [McKenzie 1961]

Важным отличием данной системы от только что рассмотренных является более широкая сфера употребления падежа, «отвечающего» за ядерные функции; можно предполагать, что Dir и Obl в курдских диалектах и подобных им системах не существенно различаются по частотности. Для сравнения можно привести семантическую карту для современного персидского языка, где маркированный характер Obl по отношению к Dir проявляется очень отчётливо, см. рис. 3.4.

¹⁷ Хотя из общих соображений, ср. опять же [Du Bois 1988], можно предполагать, что нетопикализованный A встречается исключительно редко, а нетопикализованный S ограничен рядом специализированных контекстов, таких как введение в дискурс нового персонажа, или описание ситуации, участник которой не имеет для говорящего большого значения.

Рисунок 3.4. Семантическая карта двухпадежной системы современного персидского языка [Lazard 1957]¹⁸

Возвращаясь к старофранцузскому, укажу на то, что представленная в нём падежная система, при том, что отдельные её свойства можно мотивировать в функциональных терминах, в целом была весьма нестабильной. Совокупность диахронических факторов, приведших к её распаду, будет более подробно рассмотрена в разделе 3.2.2.2. Напротив, падежные системы нилотских языков, насколько можно судить, являются в высшей степени стабильными и не обнаруживают никаких признаков изменения¹⁹; данное утверждение, к сожалению, не может быть подтверждено историческими данными, которых в моём распоряжении нет, и основывается лишь на том факте, что падежные системы целого ряда языков этой семьи, относящихся к разным группам внутри неё, очень похожи друг на друга и явно восходят к одному и тому же диахроническому источнику²⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нетривиальные распределения формальной маркированности в двухпадежных системах (исключая рассмотренные в предыдущих разделах типы нейтрализаций) находятся в соответствии с функциональными коррелятами маркированности, такими как свободная/связанная дистрибуция и частотность. Тот же факт, что такого рода «аномалии маркированности», по-видимому, особенно часто встречаются

¹⁸ На карте отмечены периферийные роли, которые могут выражаться прямым падежом при опущении предлогов, см. выше; сама такая возможность является дополнительным аргументом в пользу функциональной немаркированности Dig в персидском.

¹⁹ Единственный нилотский язык, весьма существенным образом перестроивший свою двухпадежную систему, — пери, в котором Obl утратил функцию S (по крайней мере, в независимых предложениях), превратившись в «эргатив», см. [Andersen 1988: 320 — 323].

²⁰ По данным монографии [Voßen 1982: 319, 470 — 471], падежные системы такого типа в нилотских языках восходят по крайней мере к рубежу нашей эры, однако эти сведения являются сугубо гипотетическими.

именно в двухпадежных системах, имеет своей причиной, скорее всего, опять-таки характер падежного противопоставления в них, при котором ситуации, когда один из падежей оказывается функционально немаркированным, возникают чаще, чем в многопадежных системах, где каждый падеж имеет более или менее узкий круг функций.

3.1.4. Заключение

Рассмотренные в данном разделе факты, касающиеся разных аспектов морфологического и парадигматического устройства двухпадежных систем, позволяют с довольно большой долей уверенности утверждать, что такие системы в своей массе подчиняются тем же ограничениям, что и многопадежные системы. Разного рода исключения и «аномалии», такие как нестандартные модели нейтрализации падежно-числовых противопоставлений или нетривиальные соотношения маркированного и немаркированного падежей, обусловлены двумя факторами: путями диахронической эволюции двухпадежных систем (напомню, что обладающие нетривиальным парадигматическим устройством старороманские и новоиранские двухпадежные системы представляют собою результат редукции и стирания многопадежных систем, см. следующий раздел) и, что не менее важно, самим характером падежной оппозиции, требующим от языка членения обширной области падежных значений всего на две части.

3.2. Элементы диахронической типологии двухпадежных систем²¹

3.2.0. Предварительные замечания

Несмотря на то, что отдельные вопросы, относящиеся преимущественно к различным изменениям, которые происходят в двухпадежных системах, уже рассматривались в предыдущих разделах работы, мне представляется необходимым уделить особое внимание двум важным проблемам, связанным с исто-

---

²¹ Материал и выводы данной главы были представлены мною в докладе на Ностратическом семинаре Центра компаративистики Института восточных культур РГГУ, июнь 2004 г. Я благодарю всех участников семинара, принимавших участие в обсуждении этого доклада, в особенности С.Г. Болотова, С.А. Бурлак, А.В. Дыбо, И.Б. Иткина, И.С. Пекунову и С.А. Старостина.

рическим развитием этих систем: их возникновению и дальнейшей судьбе²². Тем самым, в данном разделе выделяются две части:

3.2.1. *Пути возникновения двухпадежных систем*, где выделяются два основных диахронических типа двухпадежных систем — «старые» системы, являющиеся результатом редукции многопадежных, и «новые», возникающие в языках, где до того вообще не было категории падежа.

3.2.2. *Пути развития двухпадежных систем*, где они рассматриваются в качестве двух различных стадий существования в языке грамматической категории падежа — основы для возникновения новой многопадежной системы или же, напротив, заключительного этапа исчезновения падежной системы.

3.2.1. Пути возникновения двухпадежных систем

3.2.1.0. Вступительные замечания

Как и любая другая грамматическая категория, падеж в языке может быть «старым», т. е. существовать на протяжении длительного исторического периода, или, напротив, «новым», т. е. возникнуть сравнительно недавно. «Возраст» грамматической категории определяется, с одной стороны, на основании данных письменной истории языка или сравнительно-исторической реконструкции, с другой стороны, на таких синхронных основаниях, как степень грамматикализованности показателей. Кроме того, как правило, говорить о возрасте категории в целом вообще не представляется возможным, т. к. на каждом срезе истории языка обычно сосуществуют граммы, находящиеся на разных стадиях грамматикализации (в литературе по грамматикализации такое явление называется «наслаиванием» или *layering*, см. [Hopper 1991], [Hopper, Traugott 1993: 123 — 126], [Lehmann 1995/1982: 21 — 22, 132 — 137 et passim]).

Наличие у грамматической категории всего двух членов обычно считается признаком сильной степени её грамматикализованности и, следовательно, большой древности, см., например, [Lehmann 1995/1982: 133 — 134], [Плунгян 2000: 162 — 163]; так, В.А. Плунгян [*ibid.*] прямо пишет, что «наличие в языке двухпадежной системы — последний этап перед полной утратой им категории

---

²² Эти вопросы являются основными для общей диахронической типологии падежных систем, ср. [Kulikov to appear].

падежа». Однако такое утверждение, в свете рассматриваемых здесь данных, представляется необоснованным. Как будет показано в этом разделе, двухпадежные системы вовсе не всегда возникают в результате редукции многопадежных; существуют и «новые» двухпадежные системы.

При том, что в моём распоряжении имеются надёжные диахронические данные далеко не обо всех рассматриваемых языках (собственно говоря, детально изучена история систем склонения лишь в индоевропейской семье, см. [Brugmann 1904: 373 — 413], [Kuryłowicz 1964: Ch. 8], [Семереньи 1980/1970: Гл. VII], [Тронский 2001/1967]), тем не менее, как уже указывалось в предыдущем разделе, про значительную часть языков можно с относительной степенью достоверности предполагать, как возникли их двухпадежные системы, ср. таблицу 3.36.

Таблица 3.36. Происхождение двухпадежных систем в языках выборки

Язык	Возраст	Возникновение
Старофранцузский	старая	редукция
Кати	старая	редукция
Берберский	старая	грамматикализация
Амхарский	новая	грамматикализация
Нанди	старая	?
Скомиш	?	грамматикализация
Чоктау	?	?
Яки	старая	?
Алеутский	старая	?
Мовима	?	грамматикализация
Ниас	новая	грамматикализация
Йимас	?	грамматикализация
Маунг	?	?

Тем самым, можно констатировать, что, вопреки приведённому выше утверждению, в большинстве случаев, где про двухпадежную систему (более или менее надёжно) известно, как она возникла, её источником была не редуцировавшаяся многопадежная система, а грамматикализация предлогов (как в салишских языках и в мовима), послелогов (как, видимо, в амхарском и йимас) и т. п. Кроме того, как уже отмечалось выше, двухпадежные системы могут быть весьма стабильны диахронически, что показывают иранские, дардские и нилотские языки.

Рассмотрим последовательно два основных источника двухпадежных систем.

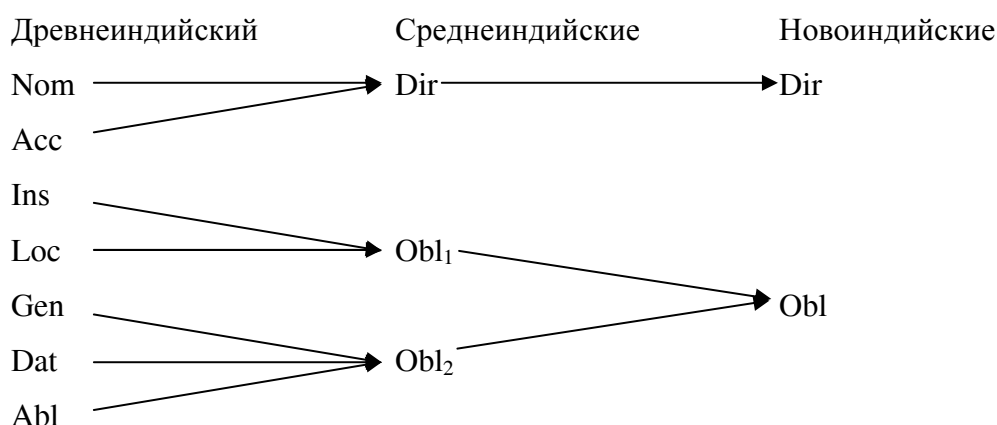
3.2.1.1. Двухпадежные системы, возникшие в результате редукции многопадежных систем

Двухпадежные системы, про которые доподлинно известно, что они являются результатом редукции многопадежных, зафиксированы лишь в индоевропейских языках. На процесс постепенной утраты падежных противопоставлений оказывали влияние самые разные факторы, как фонетические (редукция конечных слогов, вызвавшая массовую омонимию флексий), так и грамматические (по всей видимости, развитие предлогов и послелогов не следовало за падением падежных противопоставлений, а подчас шло одновременно с ним, что приводило к избыточности «старых» падежных формантов; ср. обсуждение этого вопроса на материале иранских языков в работе [Расторгуева 1975: 163 — 164]).

Рассмотрим, например, эволюцию падежных систем индоарийских языков, как она представлена в работе [Захарьин 1978], ср. также [Bubenik 1989], [Вертоградова 2002/1978: 52 — 60], [Masica 1991: 230 — 231]. В древнеиндийском языке ($\approx$ классический санскрит) было представлено семь падежей (исключая вокатив), из которых в большей части парадигм не различались *Dat* и *Abl*. В результате редукции конечных закрытых слогов в целом ряде среднеиндийских языков утрачивается противопоставление *NomSg* и *AccSg*, а различные фонетические и морфологические процессы приводят к утрате противопоставления *Loc* и *Ins*, с одной стороны, и *Dat*, *Gen* и *Abl*, с другой. Тем самым, в среднеиндийских языках представлена трёхпадежная система, которая, однако, оказалась весьма нестабильной: как пишет Б.А. Захарьин [*ibid.*: 88 — 90], два косвенных падежа были во многих контекстах взаимозаменяемы. В результате, в тех новоиндийских языках, где «старая» категория падежа вообще сохранилась, имеется противопоставление лишь прямого и косвенного падежей. История индоарийской падежной системы схематически представлена на рис. 3.5.

Рисунок 3.5. Редукция падежной системы в индоарийских языках

Аналогичным образом, видимо, развивались и иранские падежные системы, см. [Керимова, Расторгуева 1975], [Эдельман 1990: 147 — 162]. Здесь также прямой падеж восходит к слившимся Nom и Acc, а косвенный, по крайней мере, в единственном числе, нередко продолжает разные старые падежи у разных типов склонения (ср. [Эдельман 1990: 157 и сл.] для языка пашто); косвенный падеж множественного числа, как правило, восходит к древнему GenPl **-ānām*, однако в ряде памирских языков — либо к DatAbl, либо к Ins **-ābh-* (ср. выше).

Такое развитие отражается в функциях падежей в современных языках, в частности, в том, что для них характерно одинаковое маркирование ролей S/A и U в настоящем времени, причина которого — слияние бывших Nom и Acc в единый прямой падеж, подробнее см. [Керимова, Расторгуева 1975: 180 — 191].

Особое значение для понимания путей эволюции двухпадежных систем в иранских языках имеют данные согдийского языка, который представляет собой уникальный пример синхронного сосуществования старой многопадежной и новой двухпадежной систем, см. [Tedesco 1926], [Керимова, Расторгуева 1975: 144 — 150], [Лившиц, Хромов 1981: 421 — 429], [Sims-Williams 1982]. На согдийском материале можно ясно наблюдать взаимодействие фонетических, морфологических и синтаксических факторов, приводящих к возникновению двухпадежной системы из многопадежной, поэтому я рассмотрю его более подробно.

Центральную роль в грамматике согдийского языка играло фонотактическое по своему происхождению противопоставление «лёгких» и «тяжёлых» основ, релевантное как для имени, так и для глагола. Если в письменный период (VIII — IX вв.) «лёгкие» основы ещё сохраняли многие черты древнеиранской

многopaдежной системы (хотя, например, уже развили агглютинативный показатель множественного числа), то «тяжёлые» основы уже полностью утратили древнюю падежную систему. Склонение «лёгких» и «тяжёлых» основ [Sims-Williams 1982: 67, 68] представлено в таблицах 3.37 и 3.38.

Таблица 3.35. Склонение согдийских «лёгких» основ

		‘народ’, m.	‘дерево’, f.
Sg	Nom	<i>ramí</i>	<i>waná</i>
	Acc	<i>ramú</i>	
	Gen	<i>ramé</i>	<i>wanyá</i>
	Loc	<i>ramyá</i>	
	Abl	<i>ramá</i>	
Pl	Nom	<i>ramtá</i>	<i>wantá</i>
	Acc		
	Gen	<i>ramtyá</i>	<i>wantyá</i>
	Loc		
	Abl		

Таблица 3.38. Склонение согдийских «тяжёлых» основ

		‘день’, m.	‘жизнь’, f.
Sg	Dir	<i>mēθ</i>	<i>žwān</i>
	Obl	<i>mēθ-ī</i>	<i>žwān-ī</i>
Pl	Dir	<i>mēθ-t</i>	<i>žwān-t</i>
	Obl	<i>mēθ-t-ī</i>	<i>žwān-t-ī</i>

Как видно, пятипадежная система сохранялась лишь у «лёгких» основ мужского рода, и лишь в единственном числе; женский род и множественное число обоих родов у «лёгких» основ уже полностью унифицировалось и представляло собой двухпадежную систему: Dir (< Nom, Acc) *-a*, Obl (< Gen, Loc, Abl) *-ya*. Редукция склонения «лёгких» основ женского рода во многом имела фонетические причины; ввиду того, что показатель множественного числа *-t-*, по всей видимости, восходит к суффиксу абстрактных имён женского рода **-tā* [Керимова, Расторгуева 1975: 149], [Молчанова 1975: 210], [Sims-Williams 1982: 71], эта подпарадигма претерпела те же изменения, что и единственное число женского рода.

Насчёт происхождения двухпадежного склонения «сильных» основ существует некоторое расхождение в мнениях специалистов. С одной стороны, столь масштабная редукция была вызвана, безусловно, ритмическими факторами, а именно отпадением конечных гласных после основ с долгими гласными по так называемому «ритмическому закону» П. Тедеско, [Керимова, Расторгуева

ва 1975: 144], [Лившиц, Хромов 1981: 417]. С другой стороны, проблему представляет показатель *Obl -ī*. В работах [Керимова, Расторгуева 1975: 146 след.] и [Лившиц, Хромов 1981: 426 — 427], вслед за П. Тедеско [Tedesco 1926], предполагается, что этот показатель был заимствован из склонения «лёгких» основ, где имелся продуктивный суффикс генитива $-ī^{23}$. Аргументом в пользу этого является тот факт, что форма *GenSg* могла употребляться вместо форм других косвенных падежей, и в конце концов постепенно вытеснила их [Керимова, Расторгуева 1975: 146], [Лифшиц, Хромов 1981: 427]. Напротив, Н. Симс-Уильямс [Sims-Williams 1982: 72 ff.] указывает на то, что подобное предположение наталкивается на некоторые сложности как фонологического, так и синтаксического характера, и предполагает, что *Obl* на $-ī$ «тяжёлых» основ возник в результате закономерного развития в качестве безударного аналога аффикса «лёгких» основ *-ua*. Помимо фактов исторической фонетики, в подтверждение своей гипотезы Н. Симс-Уильямс [ibid.: 73] приводит данные об употреблении форм *Obl* «тяжёлых» основ и показывает, что оно во многом совпадает с дистрибуцией форм «лёгких» основ с суффиксом *-ua*, т. е. *LocSg* лексем мужского рода и косвенных падежей множественного числа и женского рода.

Каково бы ни было происхождение конкретных показателей, эволюция согдийского склонения ясно показывает, что редукция многопадежной системы и возникновение на её основе двухпадежной системы — сложный многофакторный процесс, на которой оказывают влияние самые разные уровни языковой структуры — от фонетики до семантики.

Несколько по-другому развивались падежные системы в романских языках, см. [Bourciez 1946: 227 — 237], [Hall 1980], [Репина 1974], а отдельно про старофранцузский [Pore 1934: 310 — 311], хотя из здесь важным фактором была фонетическая редукция. Падение конечных носовых согласных, а затем (в старофранцузском и старопровансальском) и открытых слогов привело к сохранению во всех языках, кроме румынского, противопоставления *NomSg*, оканчивавшемуся на *-s*, косвенному падежу единственного числа; это противопоставление поддерживалось также большим числом лексем, где *NomSg* имел в латы-

---

²³ Необходимо отметить, что фонологическая запись согдийских форм представляет собой не более чем гипотетическую транскрипцию консонантного письма, поэтому качество гласных аффиксов нередко является предметом дискуссии специалистов.

ни другую основу, нежели косвенные падежи. Велика была, однако, и роль собственно морфологических процессов, таких как аналогическое выравнивание типов склонения, см. [Bourciez 1946: 229], [Plank 1979], [Hall 1980: 266 — 267], в результате которого двухпадежная система проникла и во множественное число, и возникли приводившиеся в п. 3.1.2.1 парадигмы.

Тем самым, можно сделать вывод, что на функциональное устройство двухпадежной системы оказывает существенное влияние характер её происхождения, т. к. возникшие в результате редукции *Dir* и *Obl* частично сохраняют функции древних падежей. Так, в индоиранских языках, где *Dir* возник из бывших *Nom* и *Acc*, этот падеж имеет более широкий набор функций, нежели старофранцузский *Dir*, восходящий к латинскому *Nom*.

3.2.1.2. «Новые» двухпадежные системы

Данный раздел содержит лишь весьма отрывочные замечания о нескольких двухпадежных системах, про которые известна, либо с относительно достоверностью реконструируется история их возникновения. Это объясняется тем, что вновь образовавшиеся в результате грамматикализации предлогов или послелогов двухпадежные системы отмечаются в языках, не имеющих ни письменной истории, ни хорошо исследованных «родственников». Единственными известными мне исключениями являются современный персидский язык и татский язык, где старый косвенный падеж исчез и затем возник новый косвенный падеж, имеющий довольно ограниченный набор функций (в персидском лишь *U'*, в татском, возможно, также *Poss*) и явно восходящий к послелогу *-rādi* (см. п. 3.1.1).

Особенно отчётливо противопоставление старых и новых двухпадежных систем наблюдается в системах склонения личных местоимений. Ср. регулярные персидские парадигмы [Amin-Modani, Lutz 1972: 151] в таблице 3.39

Таблица 3.39. Склонение личных местоимений в персидском языке

	‘я’	‘ТЫ’	‘МЫ’	‘ВЫ’
Dir	<i>man</i>	<i>to</i>	<i>mā</i>	<i>šomā</i>
Obl	<i>ma-rā</i>	<i>to-rā</i>	<i>mā-rā</i>	<i>šomā-rā</i>

с супплетивными формами местоимений языка такестани [Yar-Shater 1969: 147 — 149] в таблице 3.40.

Таблица 3.40. Склонение личных местоимений в такестане

	‘я’	‘ты’
Dir	<i>az</i>	<i>ta</i>
Obl	<i>ceme(n)</i>	<i>ešta</i>

О недавнем происхождении персидских форм косвенного падежа местоимений свидетельствует также и то, что соответствующие формы местоимений в других языках выступают лишь в функции *Adr*, но не *U'*, ср. заза [Пирейко 1997: 141] *mi=rē* ‘мне’, *to=rē* ‘тебе’.

Ещё одно несомненное свидетельство недавнего происхождения рассматриваемых показателей — их, как уже отмечалось выше, промежуточный статус между клитиками (послелогоми) и собственно аффиксами. Так, в персидском языке показатель *Obl* оформляет всю именную группу, присоединяясь к её правой периферии (которая вовсе не всегда совпадает с вершинным именем); ср. следующие примеры [Amin-Modani, Lutz 1972: 53, 321]:

(3.14) a. *Faršid [kaqaz va medād]=rā bord.*

Фаршид бумага и карандаш=OBL взял

‘Фаршид взял бумагу и карандаш.’

b. *in [gol-e qašang]=rā barāye=šomā avarde ast.*

он цветок-IZF красивый=OBL для=вы.DIR принёсший AUX

‘Он принёс для вас эти красивые цветы.’

Данные о происхождении показателей косвенного падежа в других языках, где категория падежа, по предположению, возникла недавно, гораздо менее надёжны. Так, Л. Браун связывает *Obl* в языке ниас, где он, напомним, выражается присоединением к первому слову ИГ префиксов *n-*, *g-*²⁴ или специфическим изменением начальной согласной («мутацией»), с различными частицами вида *nV*, широко распространёнными в австронезийских языках и выполняющими в них самые различные функции [Brown 2001: 47 — 49]. Тем не менее, этот вывод, как пишет сама Л. Браун, является лишь весьма предварительным, особенно в виду того, что ей пока неизвестны параллели мутации в ниас из генетически и ареально близких языков (Л. Браун, частное сообщение). Дело в том, что

²⁴ Исторически исходной является форма *n-*, хотя *g-* у слов с вокалическим анлаутом синхронно преобладает [Brown 2001: 40 — 42].

дистрибуция частиц — возможных когнатов мутации — в других языках региона имеет очень мало общего с распределением *Dir* и *Obl* в *ниас*.

Проблематично также и происхождение показателя *Obl* в амхарском языке (и аналогичных показателей в других эфиосемитских языках, см. [Appleyard 2004]). В указанной работе предлагается возводить амхарский показатель *Obl* (основной функцией его, напомню, является оформление роли *U'*) к предлогу *le=*, маркирующему в амхарском языке роль *Adr*, а в некоторых других языках этой группы, например, тигринья [Kogan 1997: 432 — 433], также и *U'*. Аргументация, приводимая в этой работе, представляется, однако, недостаточно убедительной: хотя переход показателя *Adr* в показатель *U'* нередок, я не вижу оснований отождествлять как фонетически, так и позиционно различные показатели. Более того, во всех языках, где имел место переход *Adr* → *U'*, эти функции либо закреплены за одним и тем же показателем, либо в роли *Adr* выступает новый маркер; здесь же, видимо, предлагается считать, что показатель *Adr/U'* мог быть как препозитивным, так и постпозитивным, а затем его употребления разделились на препозитивный *Adr* и постпозитивный *U'*²⁵. Однако никаких свидетельств в пользу такого сценария (как мне кажется, единственного, способного привести к современному распределению показателей), нет (см. анализ данных древнеэфиопского языка *геэз* в той же работе, с. 300, а также [Weniger 1999: 34 — 35]²⁶). Несколько более убедительна гипотеза о возникновении амхарского *Obl* на *-(ə)n* и похожих на него функционально показателей в других эфиосемитских языках из определённого артикля, см. [Wagner 2002: 778 — 779].

Морфологизация указательных местоимений, изначально маркировавших референциальный статус ИГ, по-видимому, лежала в основе возникновения и берберской падежной системы, см. подробнее [Chaker 1988: 690 — 693]. Данный вопрос, однако, далёк от решения, поэтому я не буду здесь на нём подробно останавливаться.

---

²⁵ Действительно, в некоторых языках этой группы, например, в харари, амхарским предлогам соответствуют послелого, см. [Wagner 1997: 492]; однако изменение линейного порядка затронуло *все* предлоги, а не избранную их часть.

²⁶ В последней из цитированных работ эксплицитно указывается, что в *геэзе* не было послелогов (с. 35); тем самым, несмотря на то, что роль *U'* могла при некоторых обстоятельствах маркироваться не косвенным падежом, а «дативным» предлогом *la=* [Weniger 1999: 39], развитие этих конструкций в современные амхарские чрезвычайно маловероятно.

3.2.1.3. Заключение

На основании данных, кратко рассмотренных выше, можно с уверенностью утверждать, что двухпадежные системы имеют по меньшей мере два источника:

(i) многопадежные системы, в результате разнородных процессов редукции «свёртывающиеся» до двух членов;

(ii) грамматикализация показателей различного происхождения, по большей части послелогов или предлогов с пространственным или адресативным значением.

Естественно, выводы более частного характера, касающиеся возможных путей грамматикализации этих показателей, возможны лишь после детального синхронного и диахронического исследования соответствующих языков.

3.2.2. Пути развития двухпадежных систем

3.2.2.0. Вступительные замечания

Помимо возможных путей происхождения двухпадежных систем, немалый интерес представляют сценарии их дальнейшего развития. В свете выделенного в работе [Kulikov to appear] противопоставления сокращающихся (*case-reducing*) и расширяющихся (*case-increasing*) падежных систем, можно предположить, что двухпадежные системы будут развиваться по одному из двух основных путей:

(i) расширение системы при помощи грамматикализации новых падежей из послелогов или предлогов;

(ii) разрушение системы путём постепенного стирания различий между падежами, как формальных, так и семантических.

Оба сценария реально отмечены в индоевропейских языках, по истории которых имеются письменные источники. Кроме того, анализ целого ряда многопадежных систем позволяет предположить, что они построены на основе существовавшей когда-то двухпадежной системы.

В данном разделе я рассмотрю оба возможных сценария развития двухпадежных систем. В п. 3.2.2.1 на материале падежных систем в новых индоиранских языках будет продемонстрировано, что на основе двухпадежных сис-

тем могут возникать многопадежные, обладающие вполне определённым нетривиальным парадигматическим устройством. На основании анализа многопадежных систем эскимосских и нахско-дагестанских языков, обладающих схожими свойствами, получают дополнительное подтверждение уже высказывавшиеся в литературе гипотезы об их происхождении из более древних двухпадежных систем. В п. 3.2.2.2 на материале старофранцузского языка будет подробно проиллюстрирован процесс распада двухпадежной системы.

3.2.2.1. Двухпадежные системы как основа для многопадежных систем

Как уже отмечалось выше, грамматическая система редко бывает формально и функционально гомогенной: как правило, в ней сосуществуют образующие несколько «ярусов» элементы, находящиеся на различных стадиях грамматикализации. В области падежного маркирования (понимаемого в данном случае широко) такая ситуация ярко представлена в новоиндийских языках, где можно выделить следующие «ярусы» показателей [Зограф 1976: 98 — 117], [Masica 1991: 232 — 248]:

(i) «Первичный» — флективные показатели, кумулятивно выражающие число и падеж и восходящие к древнеиндийским формам. Как правило, именно на этом уровне и имеет смысл говорить о двухпадежной системе.

(ii) «Вторичные» показатели, подразделяющиеся на два типа: (a) «непосредственные», присоединяющиеся к неоформленной основе; (b) «опосредованные», присоединяющиеся к основе, оформленной первичным показателем, ср. пример из языка маратхи [Зограф 1976: 99]:

маратхи (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, южная подгруппа, Индия)

(3.15) $bāp-ā=lā$
отец- OBL.SG=DAT
'к отцу'

(iii) «Третичные показатели», которые, будучи наименее грамматикализованными, присоединяющиеся к послелогам предыдущего уровня, ср. пример из языка хинди [ibid.]:

хинди (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная зона, Индия)

- (3.16) *sahēliy-ō=kē*   *sāth*
 подруга-OBL.PL=POSS вместе
 ‘вместе с подругами’

В новоиндийских языках наблюдается постепенная грамматикализация послелогов каждого из ярусов. Этот процесс выражается в том, что они всё теснее сливаются с основой, а бывший косвенный падеж в целом ряде языков (непали [Королёв 1965], парья [Оранский 1977]) не может употребляться самостоятельно, но лишь в сопровождении послелогов (как было показано выше, в языках хинди и урду ситуация не такая), ср. [Kulikov to appear]. В результате, в некоторых языках уже можно говорить о возникновении новой падежной системы с противопоставлением прямой и косвенной основ, ср., например, язык гуджарати, где, по свидетельству работы [Савельева 1965: 24 — 25], послелогов уже полностью слились с основой, ср. парадигму в таблице 3.42.

Таблица 3.42. Именное склонение в гуджарати

	‘собака’
Nom	<i>kūtro</i>
Gen	<i>kūtrā-nũ</i>
Acc	<i>kūtrā-ne</i>
Ins	<i>kūtrā-e</i>
Abl	<i>kūtrā-thī</i>
Loc	<i>kūtrā-mã</i>

Двухпадежная система в этом языке сохраняется у прилагательных, которые в новоиндийских языках не принимают «вторичных» показателей, ср. следующий пример [ibid.: 28]:

гуджарати (индоевропейская семья, индоиранская группа, индоарийская ветвь, центральная подгруппа, Индия и Пакистан)

- (3.17) *glelã*   *svapn-o-mã*
 бредовый.OBL.PL сон-OBL.PL-LOC
 ‘в бредовых снах’

Очень ярко проявляется такая система в цыганском языке, где противопоставление прямой и косвенной основ проходит через всё склонение, см. [Вентцель, Черенков 1976: 301 — 308]. При этом, в отличие от гуджарати, где бывший ObI превратился в «пустой» основообразующий суффикс, в цыганском

языке косвенная основа без следующего за нею «вторичного» показателя выступает в роли аккузатива, ср. парадигму в таблице 3.43 (русский диалект, [ibid. 306], лексема ‘цыган’).

Таблица 3.43. Именное склонение в русском диалекте цыганского языка

	Sg	Pl
Nom	<i>rom</i>	<i>rom-a</i>
Acc	<i>rom-es</i>	<i>rom-en</i>
Dat	<i>rom-es-ke</i>	<i>rom-en-ge</i>
Loc	<i>rom-es-te</i>	<i>rom-en-de</i>
Abl	<i>rom-es-tîr</i>	<i>rom-en-dîr</i>
Ins	<i>rom-es-a <-es-sa</i>	<i>rom-en-ça</i>

Как видно из этих парадигм, показатели «вторичных» падежей подвергаются фонетическим изменениям при присоединении к основе, в том числе фузии (InsSg). Данная парадигма очень характерна для систем, имеющих «вторичные» падежи.

Таким образом, отличительные особенности многопадежных систем, возникших на основе двухпадежных, таковы:

- (i) противопоставление прямой основы косвенной, от которой образуются все или большинство периферийных падежей;
- (ii) относительно единый набор показателей косвенных падежей для всех классов слов и всех подпарадигм;
- (iii) относительно большая вариативность показателей косвенной основы, как правило, кумулятивно выражающих также и число;
- (iv) наличие у согласующихся с именем слов лишь двух форм, распределённых также, как прямая и косвенная основы, ср. гуджарати и то же явление в цыганском.

В новоиранских языках, более консервативных в отношении своих двухпадежных систем, настоящие вторичные падежи, уже не являющиеся послелоговыми, наблюдаются, видимо, лишь в белуджском языке²⁷; ср. парадигму, пред-

---

²⁷ Следы древней двухпадежной (?) системы сохранились также в осетинском языке, где противопоставление прямой и косвенной основ наблюдается лишь у личных местоимений ‘я’ и ‘ты’, ср. [Исаев 1966: 244]: ‘я’ *æz*, ‘меня’ *тæп*, ‘мне’ *тæпæп* и т. д. Система склонения существительных в осетинском языке, включающая девять падежей, на синхронном уровне абсолютно гомогенна.

ставленную в таблице 3.43 (западный диалект [Керимова, Расторгуева 1975: 195 — 197], лексема ‘дом’, ср. также [Пирейко, Эдельман 1978: 119 и след.]).

Таблица 3.43. Именное склонение в белуджском языке

	Sg	Pl
Nom	<i>lōg</i>	<i>lōg</i>
Obl	<i>lōg-ā</i>	<i>log-ān</i>
Gen	<i>lōg-a-(y)</i>	<i>log-ān-i</i>
Acc	<i>log-ā-rā</i>	<i>log-ān-(r)ā</i>

Как видно, белуджская система скорее похожа на цыганскую (косвенная основа может употребляться независимо), нежели на «стандартные» новоиндийские; можно также заметить, что, как и в цыганском, показатели «вторичных» падежей подвержены фонетическому влиянию основы.

Убедившись в том, что процесс расширения двухпадежной системы за счёт послелогов, присоединяющихся к форме косвенного падежа²⁸, реально имеет место по крайней мере в одной группе языков²⁹, можно задаться вопросом о том, не лежат ли древние двухпадежные системы в основе многопадежных систем и в других языках. Для этого необходимо найти падежные системы, в достаточной степени удовлетворяющие сформулированным выше признакам (i) — (iv). Такие системы отмечаются по крайней мере в двух неродственных семьях языков: эскимосско-алеутской и нахско-дагестанской. Рассмотрим последовательно их данные.

Системы склонения, представленные в различных эскимосских языках, в значительной степени похожи друг на друга и включают три числа (Sg, Du, Pl) и шесть — восемь падежей: два «грамматических» падежа, маркирующих ядерные роли (номинатив и эргатив³⁰) и несколько периферийных падежей. При этом показатели грамматических падежей кумулятивно выражают также и число, в то время как аффиксы периферийных падежей скорее однозначны (при

²⁸ В случае, когда послелоги присоединяются к прямому падежу, как в юто-ацтекских языках, отличить новые «вторичные» падежи от старого Obl затруднительно или вообще невозможно.

²⁹ Возможно, аналогичные процессы имели место и в ряде языков Восточной Африки, ср. [König 2004].

³⁰ В работах по эскимосским языкам этот падеж, основные функции которого — A и Poss, — традиционно называется «релятивным» или «относительным» (*relative*), см. цитируемые ниже источники.

том, что именные парадигмы в эскимосских языках далеко не столь прозрачны и единообразны, как в «эталонных» агглютинативных тюркских). Ср. парадигму слова ‘женщина’ из языка науканских эскимосов [Меновщиков 1975: 99 — 100], представленную в таблице 3.45.

3.45. Именное склонение в языке науканских эскимосов

	Sg	Du	Pl
Nom	<i>aŋa-q</i>	<i>aŋa-k</i>	<i>aŋa-t</i>
Erg	<i>aŋa-m</i>	<i>aŋa-k</i>	<i>aŋa-t</i>
Ins	<i>aŋa-m-ŋ</i>	<i>aŋa-g-n-ŋ</i>	<i>aŋa-n-ŋ</i>
All	<i>aŋa-mun</i>	<i>aŋa-g-nun</i>	<i>aŋa-nun</i>
Loc₁	<i>aŋa-mi</i>	<i>aŋa-g-ni</i>	<i>aŋa-ni</i>
Loc₂	<i>aŋa-kun</i>	<i>aŋa-g-ŋ-kun</i>	<i>aŋa-t-xun</i>
Equ	<i>aŋaχ-situn</i>	<i>aŋa-x-situn</i>	<i>aŋa-situn</i>

Данная парадигма позволяет выдвинуть гипотезу о двухпадежности исходной системы склонения в эскимосских языках; действительно, если формы Du и Pl не дают возможности судить о вторичности периферийных падежей из-за синкретизма Nom и Erg, в единственном числе в составе целого ряда показателей (Ins, All, Loc₁) выделяется формант *-m-*, совпадающий с показателем Erg. Тем самым, по крайней мере для этих трёх падежей можно предположить происхождение из послелогов, присоединявшихся к более древнему косвенному падежу, функции которого в исторических языках сузились до маркирования A и Poss — остальные функции взяли на себя новые падежи. Такую гипотезу выдвигает и сам Г.А. Меновщиков [Меновщиков 1962: 150 — 151], сравнивая данные нескольких эскимосских языков. Ещё одним аргументом в пользу предположения о таком происхождении эскимосской многопадежной системы служит склонение существительных с показателями принадлежности, ср. парадигму в таблице 3.45 [Меновщиков 1975: 106], ‘моё копье’.

3.45. Посессивное склонение в языке науканских эскимосов

	Sg	Du	Pl
Nom	<i>paŋa-ka</i>	<i>paŋa-x-ka</i>	<i>paŋa-n-ka</i>
Erg	<i>paŋa-ma</i>	<i>paŋa-g-ma</i>	<i>paŋa-ma</i>
Ins	<i>paŋa-m-n-ŋ</i>	<i>paŋa-g-ŋ-n-ŋ</i>	= Sg
All	<i>paŋa-m-nun</i>	<i>paŋa-g-ŋ-nun</i>	
Loc₁	<i>paŋa-m-ni</i>	<i>paŋa-g-ŋ-ni</i>	
Loc₂	<i>paŋa-m-kun</i>	<i>paŋa-g-ŋ-kun</i>	
Equ	<i>paŋa-m-situn</i>	<i>paŋa-g-ŋ-situn</i>	

Очевидно, что в этой парадигме все показатели периферийных падежей присоединяются к форме *Erg*, подвергающейся определённым (видимо, регулярным) фонетическим преобразованиям. Надо отметить также, что если в простом склонении существительных двухъярусность падежных форм обнаруживается лишь при внутренней реконструкции, то в данном случае можно говорить о синхронном принципе организации парадигмы, ср. [Меновщиков 1962: 181]: «от лично-притяжательных суффиксов относительного падежа образуются лично-притяжательные суффиксы всех косвенных падежей», ср. также аналогичное замечание для языка гренландских эскимосов в работе [Lehmann 1995/1982: 84].

Наконец, данные внешнего сравнения также говорят в пользу гипотезы о том, что эскимосская падежная система имеет в своей основе двухпадежную. Действительно, в алеутском языке имеется бесспорная двухпадежная система, в очень большой степени напоминающая систему ядерных падежей эскимосских языков, ср. парадигму в таблице 3.46 [Bergsland 1997: 50], лексема ‘дом’.

Таблица 3.46. Именное склонение в алеутском языке

	Sg	Du	Pl
Dir	<i>ula-x̂</i>	<i>ula-x</i>	<i>ula-n</i>
Obl	<i>ula-m</i>		

Как и в эскимосских языках, падежное противопоставление в алеутском имеется лишь в единственном числе; более того, алеутские и эскимосские показатели могут быть отождествлены фонетически и функционально: *Obl* в алеутском покрывает тот же набор функций, что *Erg* в эскимосском. Генетическое родство падежных систем этих языков обосновывается в работе [Меновщиков 1968б: 360] и не вызывает больших сомнений³¹.

В нахско-дагестанских языках имеет место аналогичное явление, хотя, в полную противоположность эскимосской группе, где падежные системы почти идентичны в языках, расположенных друг от друга на расстоянии тысяч кило-

---

³¹ К. Бергсланд [Bergsland 1997: 341 — 342], напротив, полагает, что более древней является именно эскимосская многопадежная система, а алеутская двухпадежная возникла в результате редукции. В частности, он считает, что редкие адвербиальные употребления алеутского *Obl* являются результатом слияния древних *Erg* и *Loc* (там же). Такой сценарий развития, однако, не представляется мне более правдоподобным, нежели обратный, предполагающий исходную двухпадежную систему. В частности, гипотеза К. Бергсланда не может объяснить особенностей парадигматического устройства эскимосских падежных систем.

метров, склонение в этих языках проявляет поразительное разнообразие, как межъязыковое, так и внутриязыковое, см. [Kibrik 1991], [Кибрик 1992: гл. 8; 2003: гл. 12]. Важнейшей характеристикой нахско-дагестанского именного словоизменения является наличие двух основ — прямой и косвенной, ср. склонение существительного ‘кружка’ в арчинском языке ([Кибрик 2003: 216], без локативных форм) в таблице 3.47.

Таблица 3.47. Именное склонение в арчинском языке

	Sg	Pl
Nom	<i>gel</i>	<i>gel-um</i>
Erg	<i>gel-li</i>	<i>gel-um-čaj</i>
Gen	<i>gel-li-n</i>	<i>gel-um-če-n</i>
Dat	<i>gel-li-s</i>	<i>gel-um-če-s</i>
Comp	<i>gel-li-χur</i>	<i>gel-um-če-χur</i>
Comit	<i>gel-li-tū</i>	<i>gel-um-če-tū</i>
Permut	<i>gel-li-L'ana</i>	<i>gel-um-če-L'ana</i>
Part	<i>gel-li-qliš</i>	<i>gel-um-če-qliš</i>

Тем самым, стандартная модель склонения³² в нахско-дагестанских языках вполне соответствует основному критерию, позволяющему реконструировать в качестве её прототипа двухпадежную систему. Дополнительным аргументом могут служить особенности склонения местоимений и согласование. Личные местоимения в нахско-дагестанских языках характеризуются супплетивными основами для ядерных и периферийных падежей, ср. парадигмы из аварского языка [Алексеев, Атаев 1997: 50, 54 — 55] в таблице 3.48.

Таблица 3.48. Именное и местоименное склонение в аварском языке

	‘сын’	‘ты’
Nom	<i>vas</i>	<i>mun</i>
Erg	<i>vas-acc</i>	<i>du-ɟɟa</i>
Gen	<i>vas-acc-ɟul</i>	<i>du-p</i>
Dat	<i>vas-acc-e</i>	<i>du-e</i>

При несходстве показателей «грамматических» падежей у имён и личных местоимений, можно предположить, что склонение последних в своей основе также двухпадежно. О том же свидетельствует и склонение прилагательных и подобных им лексем: прилагательные в атрибутивной позиции, как правило, раз-

³² В этих языках представлены разнообразные отклонения от этой модели, существенно усложняющие картину, см. уже указанные работы.

личают лишь две формы³³ — прямую (при вершинном имени в Nom) и косвенную (в прочих случаях), ср. парадигму словосочетания ‘высокая изгородь’ в чеченском языке [Nichols 1994: 29], представленную в таблице 3.49.

Таблица 3.49. Склонение ИГ с прилагательным в чеченском языке

Nom	<i>leqā kyert</i>
Erg	<i>leqači kyertuo</i>
Gen	<i>leqači kyertā</i>
Dat	<i>leqači kyertana</i>
All	<i>leqači kyertie</i>

Интересно также наличие в некоторых языках этой семьи двух граммем генитива, выбираемых в зависимости от падежа вершинного имени по аналогичному правилу, ср. следующие примеры из бежтинского языка [Kibrik 1995: 220]:

бежтинский (северокавказская макросемья, восточно-кавказская семья, цезская группа, Дагестан)

- (3.18) a. *abo-s*   *is*   b. *abo-la*   *is-t'i-l*
отец-GEN.DIR брат.Nom   отец- GEN.OBL   брат-OBL.SG³⁴-DAT
‘брат отца’   ‘брату отца’

Таким образом, есть основания согласиться с теми исследователями восточнокавказских языков, которые реконструируют двухпадежную систему в качестве исходной для них (см., например, уже упоминавшиеся работы А.Е. Кибрика; в монографии [Алексеев 2003: Гл. 1], где приводятся многочисленные данные такого рода, эта гипотеза не рассматривается ввиду того, что для собственно восточнокавказского праязыка всё же имеет смысл восстанавливать многопадежную систему, подобную тем, что имеются в современных языках³⁵; тем самым, двухпадежность в этих языках имеет смысл возводить к очень древнему уровню).

Тем самым, можно с немалой долей уверенности утверждать, что двухпадежные системы являются одним из важных и, видимо, далеко не редких ис-

³³ Подобное различие имеется далеко не во всех нахско-дагестанских языках.

³⁴ Показатель *-t'i-* является маркером косвенной основы склонения, а не косвенного падежа.

³⁵ Я благодарю Я.Г. Тестельца и С.А. Старостина за подробные разъяснения по этой проблеме.

точников многопадежных систем, развивающихся путём присоединения послелогов к форме косвенного падежа.

3.2.2.2. Редукция двухпадежных систем

Сценарий развития двухпадежных систем, противоположный только что рассмотренному, предполагает постепенную утрату противопоставления *Dir vs. Obl*. Как правило, в таком случае для выражения падежных значений, в особенности относящихся к периферийной зоне, начинают использоваться служебные слова. Можно предположить, что основное различие между теми языками, в которых старая двухпадежная система даёт основу новой многопадежной, и теми, где она исчезает, заключается в наличии в первых послелогов, а во вторых предлогов. Действительно, известно, что послелогов значительно легче грамматикализуются в падежные аффиксы, нежели предлоги (см. [Lehmann 1995/1982: 83 — 85], [Blake 2001/1994: Ch. 6], а также возможные объяснения этого факта в работе [Hall 1992]), хотя, как мы уже видели, последнее также возможно. В этой связи интересно отметить, что в целом ряде индоарийских языков, активно грамматикализирующих послелогов, старая двухпадежная система практически утрачена. Если в хинди, где, как уже было продемонстрировано, *Obl* может употребляться самостоятельно, противопоставление падежей имеет место у значительного большинства имён, то в непали, где косвенный падеж никогда не употребляется без послелога, отдельный показатель *Obl* сохраняется лишь у некоторых существительных мужского рода в единственном числе. Тем самым, можно считать, что утрата старой двухпадежной системы, с одной стороны, и создание новой путём грамматикализации послелогов, с другой, — явления скорее независимые; редукция же падежной системы происходит в тех языках, где вместо послелогов имеются предлоги, куда менее склонные тесно связываться с вершинным именем.

Отдельные аспекты утраты двухпадежных систем в некоторых языках, например, в среднеперсидском, уже были кратко рассмотрены в предшествующих разделах, и здесь мне бы хотелось подробнее остановиться на одном весьма показательном случае редукции двухпадежной системы, а именно на истории распада старофранцузского склонения в XIV — XV вв.. Перед этим, однако, укажу на интересный факт из норвежских диалектов, где также происходит по-

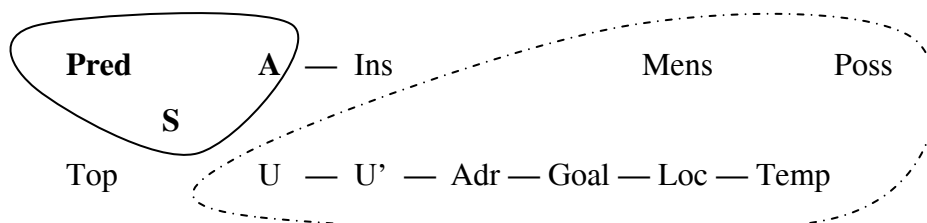
степенная утрата старого косвенного падежа. Последний употребляется в следующих контекстах:

- (i) при определённых предлогах, которые управляют только Obl;
- (ii) при некоторых других предлогах, причём здесь Obl, кодирующий значение Loc, противопоставлен Dir с функцией Goal (см. п. 2.2.2);
- (iii) при некоторых прилагательных и глаголах, не допускающих в функции «объекта» Dir;
- (iv) в функции Adr.

Чрезвычайно характерно, что имеется ярко выраженная тенденция сохранять одни из употреблений Obl дольше, чем другие [Sandøy 1996: 134], а именно, Obl сначала исчезает из тех контекстов, где он не несёт самостоятельной смысловой нагрузки, т. е. (i) и (iii), и сохраняется там, где он семантически противопоставлен Dir, т. е. (ii) и (iv). Тем самым, можно выделить один из возможных сценариев распада двухпадежной системы: формально и функционально маркированный Obl постепенно заменяется на немаркированный Dir во всех контекстах, начиная с тех, где Obl не имеет собственного значения, но навязывается требованиями синтаксиса. Лишь затем Obl вытесняется и в других, более семантизированных употреблениях (причём, возможно, на смену «уходящему» Obl приходит не Dir, а сочетания со служебными словами, см. [Lehmann 1995/1982: 17 — 19, 84 — 86 etc.]).

Существенно более сложная ситуация имела место в старофранцузском языке. Напомню, что в языке XI — XIII вв. функции Dir и Obl были распределены следующим образом, см. рис. 3.6.

Рисунок 3.6. Семантическая карта двухпадежной системы в старофранцузском языке

При этом Dir был формально маркирован по сравнению с Obl в единственном числе, что вступало в противоречие с универсальной тенденцией оформлять

роль Pred немаркированным падежом. Приведу ещё раз характерную парадигму слова ‘стена’ [Pope 1934: 311], см. таблицу 3.50.

Таблица 3.50. Именное склонение в старофранцузском языке

	Sg	Pl
Dir	<i>mur-s</i>	<i>mur</i>
Obl	<i>mur</i>	<i>mur-s</i>

Кроме того, как отмечают исследователи, ср. [Pope 1934: 313], фонологические процессы на стыках слов приводили к тому, что конечное *-s* фактически не произносилось в большей части контекстов. Тем самым, различие падежных граммем постепенно делалось всё менее явным, сохраняясь, в конце концов, лишь на уровне графики.

Если предположить, что рассмотренная в п. 3.1.3 «аномальность» старофранцузской двухпадежной системы была одной из основных причин её изменения, можно предположить два возможных пути устранения асимметрии:

- (i) Перестройка системы путём перераспределения функций между падежами, в частности, передача оформления Pred косвенному падежу. В результате старофранцузская система стала бы похожа на весьма стабильные нилотские.
- (ii) Дезинтеграция системы, сопровождающаяся массовыми случаями свободного варьирования падежей.

Старофранцузское склонение совершенно явно пошло по второму пути. Как свидетельствуют имеющиеся в моём распоряжении источники, см. [Laubscher 1921], [Pope 1934: 313 — 316], [Gardner, Greene 1958: 2 — 5], [Bourciez 1946: 350 — 351, 672 — 673], [Foulet 1970: 32 — 36], [Moignet 1976: 88 — 99], [van Reenen, Schøsler 1998], использование в одной и той же функции то прямого, то косвенного падежа без каких-либо общих закономерностей было в текстах XIV — XV вв. обычным явлением. Ср., например, употребление в функции Актора Dir и Obl в следующих примерах [Gardner, Greene 1958: 2 — 3]:

старофранцузский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа)

- (3.19) *quant li roy-s Ysope-s les ot*
 когда DEF.DIR.SG царь-DIR.SG Эзоп-DIR.SG он.OBL.PL AUX

prins en main...
взятый в рука.OBL.SG

‘Когда царь Эзоп (A) взял их (U) в руку...’

(3.20) *les roy-s, duc-s, prince-s et*
DEF.OBL.PL король-OBL.PL герцог-OBL.PL князь-OBL.PL и

autre-s gran-s seigneur-s tenoient
другой-OBL.PL большой-OBL.PL господин-OBL.PL держали

avecques eulx les bon-s menestereulx.
вместе они DEF.OBL.PL хороший-OBL.PL менестрель.OBL.PL

‘Короли, герцоги, князья и другие большие господа (A) держали при себе хороших менестрелей (U).’

Пример (3.19) иллюстрирует стандартное употребление в роли «подлежащего» прямого падежа, а в (3.20) в той же функции выступает уже косвенный падеж, причём A и U различаются лишь порядком слов. Аналогично и с именным предикатом [ibid.]:

(3.21) *Caïn fut le premier enfant.*
Каин был DEF.OBL.SG первый.OBL.SG ребёнок.OBL.SG

‘Каин (S) был первым ребёнком (Pred)’

(3.22) *le soudan de Perse est grans*
DEF.OBL.SG султан.OBL.SG от Персия есть великий.DIR.SG

riche-s hom-s.
богатый-DIR.SG человек-DIR.SG

‘Персидский султан (S) — великий богач (Pred).’

Показательно, что в примерах (3.21) и (3.22) оформление ролей S и Pred «зеркально»; тем самым, нельзя говорить о том, что в старофранцузском функция именного предиката была передана косвенному падежу — в этом случае примеры типа (3.22) были бы невозможны, хотя их весьма много.

В этой связи показательна судьба старого Dir (< латинский NomSg) в некоторых ретороманских диалектах, см. [Bourciez 1946: 632], [Rohlf s 1952: 201], [Бородина 1969: 48 — 49], [Hall 1980: 263], [van Reenen, Schøsler 1998: 339], где формы с конечным -s, сохранившиеся у прилагательных и причастий, используется *исключительно* в предикативной функции, ср. следующие примеры [Rohlf s 1952: 201]:

ретороманский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа, Швейцария, Австрия, Италия)

- (3.23) a. *il mir alv*   b. *il mir ei alv-s.*
           DEF стена белая   DEF стена COP белая-PRED
           ‘белая стена’   ‘Стена белая.’

Ср. также примеры нерегулярных предикативных форм, восходящих к старому DirSg [Бородина 1969: 49]: *buns* ‘хорошо’ vs. *bien* ‘хороший’. Этот факт показывает, что утрата падежного противопоставления может идти в направлении, казалось бы, противоположном ожидаемому: немаркированный падеж постепенно перенимает у маркированного все аргументные функции, а также функцию цитации, тем самым превращая бывший прямой падеж в показатель предикатива; характерно, однако, что у ретороманских существительных даже эта функция перешла к бывшему Obl, что можно объяснить тем, что прилагательные, как правило, встречаются в предикативной позиции чаще, чем существительные.

Вернёмся к старофранцузскому. В текстах рассматриваемого периода наблюдаются примеры рассогласования составляющих одной ИГ [Gardner, Greene 1958: 4]:

старофранцузский (индоевропейская семья, итало-романская группа, западная подгруппа)

- (3.24) *de nostre sire le roy*
           от наш.OBL.SG господин.DIR.SG DEF.OBL.SG король.OBL.SG
           ‘от нашего господина короля’

Характерно, однако, что при том, что на позднем этапе развития старофранцузской падежной системы наблюдалось именно относительно беспорядочное свободное варьирование падежей, примеров употребления Obl вместо Dir (т. е., оформления косвенным падежом «подлежащего» и именного предиката) существенно больше, нежели примеров использования Dir в функциях U, Adr и т. п.. Последние систематически наблюдались, видимо, лишь с теми словами, у которых форма DirSg по каким-то причинам была не менее частотной, нежели OblSg, например, слово ‘господин’ (*sire, seignor*), DirSg которого постоянно употреблялся в функции обращения [Laubscher 1921: 30 — 34]. Тем самым, формально и функционально немаркированный косвенный падеж постепенно вытеснял маркированный прямой, что соответствует типологическим ожиданиям, ср. статистическое исследование этого процесса в работе [Schøsler 1984].

Вытеснение прямого падежа косвенным в старофранцузском языке было обусловлено целым рядом факторов, связанных со слабой различительностью морфологических средств, с асимметрией формальной и функциональной маркированности, и с собственно синтаксическими явлениями. В частности, появление Obl в функции S/A было во многом вызвано переразложением экзистенциальных конструкций с глаголами *faire* ‘делать’, *avoir* ‘иметь’, в которых аргумент, функционально соответствующий S, оформлялся как «прямое дополнение» соответствующего глагола, ср. [Moignet 1976: 88]:

(3.25) *i ot quatre roi-s corone-z.*
 он.DIR имеет четыре.OBL.SG король-OBL.PL коронованный-OBL.PL
 ‘Там находятся четыре коронованных короля (S).’

(3.26) *et al matin fist mult bel jour*
 и в утро делало очень красивый.OBL.SG день.OBL.SG
et mult cler
 и очень ясный.OBL.SG
 ‘И утром был очень красивый день и очень ясно (S).’

Переосмысление этих конструкций привело, с одной стороны, к спорадическому появлению в них форм прямого падежа [ibid.], и, с другой стороны, к аналогическому распространению косвенного падежа на S/A других конструкций [Laubscher 1921: 48 — 51].

В результате распада старофранцузской падежной системы современные французские именные формы в своей массе восходят к старофранцузскому Obl (в особенности ярко это проявляется в формах множественного числа, показатель которых *-s* этимологически тождественен старому показателю OblPl; ср. аналогичные явления, имевшие место в ряде индоиранских языков, см. п. 3.1.2.1). Отдельные исключения из этого правила составляют уже упоминавшиеся слова (преимущественно относившиеся к так называемому неравносложному типу склонения, противопоставлявшему форму DirSg общей основе для остальных форм), у которых DirSg по разным причинам не был окончательно вытеснен, например, ‘сестра’, *sœur* < DirSg *suor* vs. OblSg *seror*, см. [Laubscher 1921: 30 — 34], [Bourciez 1946: 672 — 673]. Нередко бывшие DirSg и OblSg давали начало двум разным лексемам, ср. *sire* ‘обращение к монарху’ < DirSg vs. *seigneur* ‘господин’ < OblSg [ibid.].

Следует отметить, что разделение *sire* и *seigneur* на две отдельные лексемы произошло ещё в тот период, когда категория падежа продолжала существовать; согласно работе [van Reenen, Schøsler 1998: 330], в позднем старофранцузском имелись парадигмы, представленные в таблице 3.51.

Таблица 3.51. Склонение слова *sire* в позднем старофранцузском языке

		архаичное	новое 1	новое 2
Sg	Dir	<i>sire-(s)</i>	<i>sire-(s)</i>	<i>seigneur-(s)</i>
	Obl	<i>seigneur</i>	<i>sire</i>	<i>seigneur</i>
Pl	Dir	<i>seigneur</i>	<i>sire</i>	<i>seigneur</i>
	Obl	<i>seigneur-s</i>	<i>sire-s</i>	<i>seigneur-s</i>

Тем самым, можно предполагать, что сначала формы DirSg *sire* и OblSg *seigneur* дали начало разным *полным* парадигмам, а затем в каждой из этих парадигм, в соответствии с общей тенденцией, «выжила» форма Obl. В таком случае пример (3.24) иллюстрирует не рассогласование членов одной ИГ, а как раз одну из новых парадигм.

Аналогичные процессы имели место и в других романских языках: в старопровансальском, утратившем падежную систему одновременно со старофранцузским [Anglade 1921: 216 — 217], а также в лишившихся категории падежа существенно ранее испанском [García de Diego 1970: 202 — 203] и итальянском [Maiden 1995: 98 — 99].

Таким образом, романские языки и в особенности старофранцузский иллюстрируют ещё один из сценариев разрушения двухпадежной системы: восстановление функционального и формального равновесия системы за счёт радикальной её реорганизации, связанной с полной утратой падежного противопоставления. Отличие этого пути от того, что наблюдается в норвежских диалектах, заключается как в исходном состоянии (напомню, что норвежские системы не содержат никаких «аномалий»), так и в способе его преобразования: вместо постепенного вытеснения маркированного падежа из тех контекстов, где он избыточен, — массовое свободное варьирование падежей почти во всех контекстах, приводящее, помимо потери собственно падежного противопоставления, к сохранению отдельных рефлексов маркированного падежа наряду с преобладающими рефлексами немаркированного.

Возможно, что оба сценария играли роль в эволюции среднеперсидской падежной системы, где существительные в единственном числе утратили мар-

кированные формы Obl, в то время как личные местоимения обобщили эту форму, см. [Молчанова 1978: 61, 65], [Ефимов, Керимова 1978: 163]. К сожалению, у меня нет достаточных данных о том, как происходил этот процесс и какими факторами (кроме, видимо, частотности соответствующих форм, которая сама по себе нуждается в объяснении³⁶) было вызвано такое распределение именных и местоименных форм в среднеперсидском языке³⁷, поэтому здесь я завершаю обсуждение вопроса о редукции двухпадежных систем.

3.2.3. Заключение

Факты, рассмотренные в данном разделе, позволяют сделать вывод о том, что, вопреки уже приводившимся утверждениям, двухпадежные системы по тенденциям своего исторического развития несущественно отличаются от многопадежных. Минимальные системы склонения могут возникать как в результате редукции систем с большим набором граммем, так и в результате грамматикализации показателей, оформляющих имена, не имевшие до того морфологической категории падежа. Также разнообразна может быть и дальнейшая судьба двухпадежных систем: они могут быть диахронически стабильны, не меняясь на протяжении длительного времени, либо имеют тенденцию к расширению за счёт грамматикализирующихся послелогов, либо, напротив, распадаются.

---

³⁶ Здесь нельзя не отметить, что «выживание» именно косвенной формы местоимений в процессе редукции является, видимо, типологически естественным явлением. Можно упомянуть хотя бы английский язык, где косвенный падеж местоимений (*me, him, them* и т. п.) употребляется существенно чаще, чем прямой, и имеет гораздо больший набор функций, а также французский язык, где бывшие прямые формы местоимений (*je, tu, il* и т. д.) вообще утратили статус отдельных словоформ, превратившись в глагольные клитики или даже аффиксы, см. [Lambrecht 1983: Ch. 2]. Причины этого явления, однако, неочевидны.

³⁷ Как указывает Д.И. Эдельман (частное сообщение), редукция падежного противопоставления в единственном числе «в пользу» прямого падежа могла быть связана, помимо большей формальной сложности Obl, также и с тем, что показатель Obl фонетически совпал с показателем изафета, и необходимость в разграничении двух столь разных функций могла сказаться на утрате показателем *-i/-y* значения падежа. О функционировании падежей в среднеперсидских текстах см. статью [Skjærvø 1983].

Как было показано в этом разделе, двухпадежные системы являются важным источником многопадежных систем; те из последних, которые построены на основе двухпадежных, могут очень долго сохранять следы своего происхождения в таких свойствах, как двухосновное склонение или согласование слов-атрибутов на основе бинарного противопоставления прямой и косвенной форм.

Также были выделены и проиллюстрированы различные сценарии распада двухпадежных систем, действительно нередко представляющих собою последнюю стадию существования в языке морфологической категории падежа. Необходимо ещё раз подчеркнуть, что утрата языком грамматической категории, в частности, падежа — процесс, регулируемый многими взаимодействующими факторами как формального, так и функционального свойства, и что его причины невозможно сводить к какой-либо одной движущей силе (как делают например, авторы работы [van Reenen, Schøsler 1998: 337 ff.], утверждающие, что основной причиной распада старофранцузской падежной системы была фонетическая редукция).

Остаётся только заметить, что диахроническое изучение падежных систем методами современной типологической лингвистики только начинается, и что рассмотрение материала двухпадежных систем может послужить своеобразным «полигоном» для такого рода исследований.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

4.0. Предварительные замечания

В этом исследовании были рассмотрены основные параметры типологии двухпадежных систем, наблюдаемых в языках мира. Разумеется, в моём распоряжении были данные не всех таких языков, и не весь этот материал был использован в равной мере и исследован с одинаковой глубиной. Тем не менее, я смею надеяться, что результаты, которые удалось получить, представляют определённый интерес для общей типологии грамматических категорий и грамматических систем. В настоящем Заключении я кратко суммирую основные положения диссертации и сформулирую её основные выводы.

4.1. Основные результаты типологического изучения двухпадежных систем

Первой и необходимой задачей данного исследования было выявление двухпадежных систем в языках мира и их каталогизация. Хотя, как уже было сказано, я не обладаю данными обо *всех* существующих двухпадежных системах, а имеющиеся у меня сведения довольно сильно различаются как по полноте, так и по надёжности, можно утверждать, что масштаб распространения в языках мира двухпадежных систем теперь более или менее достоверно известен. Данные обо всех зафиксированных на настоящий момент двухпадежных системах с указанием источников информации представлены в Приложении. Здесь я лишь кратко укажу на основные языковые семьи и ареалы, где представлены двухпадежные системы. Полуужирным шрифтом выделены языки, вошедшие в широко используемую в данной работе выборку.

1. Европа: индоевропейская семья
  - 1.1. романская группа: **старофранцузский**, старопровансальский, румынский
  - 1.2. германская группа: английский, норвежские и шведские диалекты
2. Азия: индоевропейская семья: индоиранская группа: иранские, дардские, нуристанские (**кати**) и индоарийские языки
3. Африка:
  - 3.1. семитская семья: **амхарский**, геэз, харари
  - 3.2. берберская семья: **кабийский** и другие языки Магриба

- 3.3. кушитская семья: сомали, оромо, гидоле и др.
- 3.4. нилотская семья: **нанди**, масаи, пери, пакот и др.
- 4. Америка:
  - 4.1. салишская семья: **скомиш**, шусвап, халкомелем
  - 4.2. семья мускоги: **чоктау**
  - 4.3. юто-ацтекская семья: **яки**, чемевеви
  - 4.4. эскимосско-алеутская семья: **алеутский**
  - 4.5. амазонский ареал: **мовима**
- 5. Океания:
  - 5.1. австронезийская макросемья: малайско-полинезийская семья: **ниас**
  - 5.2. семья сепик-раму (Новая Гвинея): **йимас**
  - 5.3. семья йивайдя (Австралия): **маунг**

В диссертации использовались данные всего около семидесяти языков; как мог отметить читатель, одни языки, такие как яки, кати или старофранцузский, были постоянными «героями» моего изложения; другие, например, английский или чоктау, появлялись в нём лишь спорадически. Это «неравенство» связано как с объективными факторами (по некоторым языкам я обладаю лишь фрагментарной информацией), так и с субъективными предпочтениями.

Главное место в изучении двухпадежных систем занимает анализ функций, выражаемых падежами в рассмотренных языках. Эти функции, в соответствии с принятыми в типологии классификациями, подразделяются на ядерные (семантические макророли Актора и Претерпевающего) и периферийные (локативные роли, функции Адресата, Посессора и т. д.).

В области выражения ядерных семантико-синтаксических отношений двухпадежные системы проявляют существенное разнообразие, находящееся, однако, в основном в рамках универсальных тенденций (см. п. 2.1.1). В языках с двухпадежными системами представлены все основные стратегии кодирования ядерных актантов: аккузативная, эргативная, активная и нейтральная. При этом, как и в языках мира в целом, преобладающими являются аккузативная и нейтральная модели падежного маркирования ядерных ролей. Наряду с частотными типами кодирования в некоторых языках с двухпадежными системами, а именно в ряде индоиранских (и, по-видимому, только в них), представлена и явно нестандартная и «нефункциональная» «квазинейтральная» стратегия, противопоставляющая недифференцированные «переходные» аргументы (A и U) «непереходному» (S). Однако, как было показано

в соответствующих разделах (см. п. 2.1.1.7, Экскурс), «квазинейтральная» модель кодирования закономерно возникает в результате взаимодействия двух типов факторов: (i) имеющих в этих языках типов «расщеплённого» кодирования актантов, и (ii) наличия в них именно двухпадежной системы, а не многопадежной. О том, что последний фактор является определяющим, свидетельствует то, что в языках с бóльшим числом ядерных падежных маркеров и теми же случаями «расщеплённого» кодирования (в индоарийских языках) вместо «квазинейтральной» стратегии имеется контрастивная, оказывающаяся, неожиданным образом, её функциональным аналогом. Осмыслению этого явления в рамках Теории Оптимальности посвящён Экскурс в главе 2.

Представленные в языках с двухпадежными системами случаи сосуществования и противопоставления различных стратегий оформления ядерных актантов (уже упомянутые явления «расщеплённого» кодирования, см. п. 2.1.2) также подчиняются универсальным функциональным закономерностям, связанным с взаимодействием различных грамматических иерархий, см. [DeLancey 1981], [Aissen 1999]: иерархии эмпатии (участники речевого акта > одушевлённые > неодушевлённые), иерархии семантических ролей (Актор > Претерпевающий), — и принципов, связанных с референтным статусом ИГ и направлением «точки зрения», кодируемой в видо-временных формах глагола. Тот факт, что в языках с двухпадежными системами противопоставление *Dir vs. Obl* оказывается чувствительным к указанным семантическим и «когнитивным» параметрам, — дополнительный аргумент в пользу универсальной значимости последних. То же обстоятельство, что в рассматриваемых языках реализация общих закономерностей, связанных с перечисленными параметрами, нередко оказывается нетривиальной и неожиданной (ср. только что обсуждавшуюся «квазинейтральную» стратегию), объясняется именно своеобразием двухпадежных систем, «заставляющих» язык делить универсальное пространство падежных значений на две части и объединять под одним показателем подчас очень разные функции.

Помимо ядерных функций, языки с двухпадежными системами способны выражать при помощи одного или обоих падежей также и целый ряд периферийных функций, таких как Адресат, Посессор, локативные роли и т. п. Этот факт сам по себе заслуживает внимания. Действительно, можно было бы предположить, что наличие в языке лишь двух (по сути, одного, т. к. *Dir* систематически выражается нулём) высоко грамматикализованных показателей может быть компенсировано

большим числом служебных слов, которые бы взяли на себя задачу выражения всех необходимых значений. Иными словами, не было бы удивительным, если бы в подавляющем большинстве языков с двухпадежными системами область значений, «покрываемая» обоими падежами, была бы весьма узкой, включая в себя, например, лишь ядерные роли, в то время как всё множество значений периферийной зоны выражалось бы с любой степенью детализации при помощи предлогов или послелогов. Тем не менее, материал двухпадежных систем ясно показывает, что это не так: в большинстве языков «падежная область» (см. п. 2.3.1) весьма обширна и включает в себя, помимо ядерных ролей, также многие периферийные¹. Разумеется, есть языки, где последние в основном выражаются при помощи служебных слов, постепенно грамматикализирующихся в новые падежи (индоарийские, юто-ацтекские, эфиосемитские языки); однако большая часть языков, где наблюдается двухпадежная система, используют её в полной мере.

Важнейшей задачей данного исследования было построение типологической классификации двухпадежных систем на основании содержательных параметров, связанных с тем, как такие системы делят универсальное пространство падежных значений. В п. 2.3 были предложены два таких параметра:

- (i) падежная область — множество значений, которые покрывают собственно падежи (а не, например, предлоги или послелог);
- (ii) характер разделения падежной области между двумя падежами.

На основании этих параметров были выделены основные типы двухпадежных систем. По объёму падежной области выделяются следующие типы:

- (i) узкие системы, в которых в падежную область входят лишь ядерные роли (например, ваханский язык);
- (ii) широкие системы, в которых, помимо ядерных ролей, падежи способны кодировать и целый ряд периферийных ролей (например, старофранцузский язык).

Имеются также и промежуточные системы, в которых падежи могут кодировать лишь немногие периферийные роли (например, алеутский язык, берберские языки).

---

¹ Нельзя не отметить также, что наличие в языке, с одной стороны, многопадежной системы и, с другой стороны, большого числа служебных слов — параметры, по всей видимости, независимые (ср. хотя бы древние индоевропейские, славянские и алтайские языки).

Важно, что в большем числе языков с двухпадежными системами последние являются «широкими».

По характеру членения падежной области выделяются такие типы:

- (i) разграничивающие системы, в которых оба падежа покрывают относительно непрерывную область значений, причём один из падежей берёт на себя все или часть ядерных ролей, а другой — остальные значения (например, старофранцузский язык);
- (ii) распределяющие системы, в которых каждый падеж покрывает как часть ядерных, так и часть периферийных ролей (например, язык кати).

Как и в случае с предыдущим параметром, имеются системы, промежуточные между разграничивающими и распределяющими; интересно, что они наблюдаются в основном среди языков с падежной областью среднего объёма (алеутский, маунг). Между разграничивающими и распределяющими типами двухпадежных систем имеется существенная асимметрия: последние в чистом виде встречаются исключительно редко и, видимо, являются реликтами более древнего состояния соответствующих языков (близкородственных иранских, дардских и нуристанских), обладавших ранее многопадежными системами. Напротив, системы разграничивающего типа, будучи, видимо, более «нормальными» (хотя бы потому, что каждый падеж в них, как правило, имеет функции, принадлежащие к некоторому естественному классу), встречаются практически повсеместно и распадаются на несколько подтипов в зависимости от соотношения оформления ядерных и периферийных ролей.

Основные типы разграничивающих систем таковы (я не буду учитывать здесь явление «расщеплённой» эргативности в индоиранских языках):

- (i) нейтральный, где все ядерные роли кодируются одним и тем же падежом, а именно *Dir* (например, салишские языки);
- (ii) аккумулятивный, где роли *S/A* противопоставляется функция *U*, или, как в индоиранских языках, *U'* — высоко индивидуализированный Претерпевающий (например, юто-ацтекские языки).

В рамках аккумулятивного типа имеет смысл выделять несколько подтипов в зависимости от следующих двух параметров:

- (i) какой падеж оформляет функцию *S/A*;
- (ii) как соотносится оформление роли *U* и периферийных функций.

Теоретически возможны четыре типа широких разграничивающих двухпадежных систем с аккумулятивной базовой стратегией оформления ядерных актантов, см. таблицу 4.1. (= таблица 2.42)

Таблица 4.1. Основные типы двухпадежных систем с доминантной аккумулятивной стратегией кодирования ядерных ролей

Тип	S/A	U, U'	периф.	языки
нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	европейские, индоиранские, юто-ацтекские
нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	—
аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	нилотские, чоктау
аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	берберские

Как видно, из исчисленных типов реально зафиксированы лишь три, причём нормальный гармонический тип (в полном соответствии со своим названием) имеется в существенно большем числе языков, нежели представители аномального типа. Объяснение этому нетривиальному факту даётся в рамках Теории Оптимальности: выделенные типы по-разному взаимодействуют с универсальными (но не категорическими) ограничениями на (двух)падежные системы, выполняющимися в подавляющем большинстве рассматриваемых языков:

- (i) PERIF→OBL: если в языке есть периферийные роли, кодируемые при помощи прямого падежа, то в нём есть периферийные роли, кодируемые при помощи косвенного падежа;
- (ii) PERIF≠S: если в языке есть периферийные роли, кодируемые так же, как роль S, то в нём есть периферийные роли, кодируемые отлично от роли S.

Для наглядности воспроизведу таблицу 2.43, где эксплицитно показано, как при помощи указанных ограничений можно объяснить фиксируемое распределение типов, см. таблицу 4.2.

Таблица 4.2. ТО-оценка типов двухпадежных систем с доминантной аккумулятивной стратегией кодирования ядерных актантов

Тип	S/A	U, U'	периф.	PERIF≠S	PERIF→OBL
☞☞ нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	✓	✓
* нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	*	*
☞☞ аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	✓	*
☞☞ аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	*	✓

Таким образом, как сами типы двухпадежных систем, представленные в языках мира, так и их частотность мотивированы функционально-семантическими принципами, имеющими, по предположению, универсальную значимость. Так, ука-

занные ограничения PERIF→OBL и PERIF≠S, несомненно, связаны как с синхронно действующими иерархиями маркированности и принципами иконичности, так и с диахроническими тенденциями, проявляющимися в путях грамматикализации падежных показателей (периферийные функции, имея большее конкретно-семантическое наполнение, нежели ядерные, требуют большего фонетического материала для своего кодирования; ядерная функция S, имея наиболее десемантизированный и абстрактный характер, скорее будет кодироваться средствами, грамматикализованными до такой степени, что они уже не способны оформлять периферийные роли).

Наконец, тот факт, что падежные системы «аномального» типа, т. е. кодирующие, казалось бы, наиболее абстрактную грамматическую функцию S/A (или, как уникальный в этом отношении язык ниас, функцию S/U) при помощи маркированного косвенного падежа, особенно распространены среди двухпадежных систем (хотя, несомненно, встречаются и среди многопадежных, см. [König 2004]), объясняется тем, что именно в той ситуации, когда в языке есть лишь два падежа, возможна и более вероятна «инверсия» разных параметров формальной и функциональной маркированности (см. п. 3.1.3). Действительно, в языках с аномальным кодированием S/A эта функция, как правило, является единственной для Obl (как в нилотских языках), в то время как немаркированный Dig может выражать целый ряд значений. Тем самым, «аномальность» таких систем оказывается мнимой, т. к. в них сохраняется основное соотношение между функциональной и формальной маркированностью: форма, имеющая свободную дистрибуцию и высокую частотность, скорее будет немаркированной, нежели форма, имеющая связанную дистрибуцию и низкую частотность.

Помимо задачи построения функционально-семантической типологии двухпадежных систем, выполнению которой была посвящена глава 2, в диссертации также был поставлен вопрос об особенностях морфологического устройства таких систем (п. 3.1). Помимо уже затронутой проблемы «аномалий» маркированности, двухпадежные системы поднимают ряд вопросов собственно морфологического свойства. Хотя в большинстве случаев в языках с двумя падежами формальные средства выражения падежей (как правило, косвенного падежа, т. к., как уже указывалось выше, Dig обычно имеет нулевой показатель) стандартны (суффиксы), целый ряд рассмотренных языков имеет нетривиальные показатели падежей, такие как префиксы и проклитики (берберские, салишские, мовима, ниас), супрасегментные

(тоновые) чередования (нилотские и кушитские) — см. п. 3.1.1. Необычно подчас и парадигматическое устройство двухпадежных систем, в особенности в тех случаях, когда они имеют своим источником старые многопадежные системы (индоиранские, романские) — см. п. 3.1.2.

Наконец, важнейшую роль в типологии двухпадежных систем, равно как и в любом типологическом анализе, играет диахроническое измерение. Вопросам происхождения и исторического развития двухпадежных систем был посвящён п. 3.2, где были рассмотрены пути возникновения и сценарии эволюции двухпадежных систем. Естественно, ввиду того, что для подавляющего большинства языковых семей и ареалов, где представлены двухпадежные системы, отсутствуют как фактические данные языковой истории, так и надёжные реконструкции, материалом для диахронических наблюдений в основном служили индоевропейские языки. На основании анализа данных языков с двухпадежными системами можно сделать следующие немаловажные выводы:

- (i) С довольно большими основаниями можно утверждать, что значительная часть двухпадежных систем в языках мира является результатом не распада и редукции более древних многопадежных систем, а процесса грамматикализации показателей с конкретными значениями, например, локативных предлогов или послелогов, что скорее всего имело место в йимас и салишских языках, или маркеров коммуникативной структуры (топика или фокуса), как, видимо, в nilотских языках.
- (ii) Двухпадежные системы могут проявлять большую диахроническую стабильность, не претерпевая существенных изменений на протяжении больших временных периодов, в том числе и в тех случаях, когда, как в nilотских или берберских языках, падежная система принадлежит к более редкому «аномальному» типу.
- (iii) Двухпадежные системы могут лежать в основе многопадежных систем, возникающих в результате грамматикализации послелогов, управляющих косвенным падежом. Результирующие многопадежные системы обладают рядом нетривиальных свойств, объясняющихся их генезисом. При том, что такой процесс был надёжно зафиксирован лишь для индоарийских и части иранских языков, есть основания предполагать, что некоторые языки (например, эскимосские и восточнокавказские) также имели на определённом, возможно, очень давнем этапе своей истории двухпадежные системы.

Наконец, в разделе 3.2.2.2 были рассмотрено несколько примеров редукции двухпадежных систем, в частности, подробно проанализирован распад склонения в старофранцузском языке, и показано, что для адекватного понимания процесса дезинтеграции двухпадежной системы необходимо учитывать самые различные факторы как формального (фонетическая редукция, «аномальное» парадигматическое устройство), так и содержательного (переразложение синтаксических конструкций, вытеснение маркированной формы немаркированной) характера.

Суммируя всё вышесказанное, можно отметить, что всестороннее исследование двухпадежных систем, представленное в диссертации, преследовало своей целью, в частности, продемонстрировать продуктивность такого подхода к языковым явлениям, при котором самые различные факторы (морфологические, синтаксические и семантические; синхронные и диахронические; конкретно-языковые и универсальные) учитываются и рассматриваются не в изоляции, а в виде комплексной системы, где они сосуществуют и взаимодействуют, нередко вступая в конфликты, разрешающиеся путём их различного ранжирования. Лишь исходя из принципов интегрального типологического изучения языковых явлений можно, по моему убеждению, прийти к значимым обобщениям и, более того, к объяснению того, почему эти явления именно таковы, каковы они есть.

4.2. Двухпадежные системы как типологически-релевантный класс

Как мне представляется, важнейший вывод, который можно сделать на основании всего предшествующего рассмотрения, заключается в том, что двухпадежные системы представляют собою *типологически-релевантный класс*, обладающий некоторым относительно гомогенным набором общих свойств, и члены которого варьируются во вполне определённых пределах. Конституирующим свойством двухпадежных систем является, естественно, само количество имеющихся в них элементов. Важно, однако, то, что в этом смысле двухпадежные системы существенно отличаются от, например, трёх- или пятипадежных: сам минимальный характер системы накладывает на неё очень сильные ограничения, которые, по видимому, делаются всё слабее по мере увеличения числа граммем. Несколько утрируя, можно сказать, что вопрос об общих нетривиальных свойствах n -падежных систем имеет смысл лишь при $n = 2$, — хотя бы потому, что «грамматики не умеют считать» [Тестелец 2001: 57; 478].

Обладая теми или иными особенностями, двухпадежные системы, несомненно, подчиняются тем же типологическим закономерностям, что и все остальные падежные системы. Как уже указывалось выше, в них наблюдаются такие же основные типы оформления ядерных актантов, а варьирование этих типов обусловлено универсальными тенденциями, вообще подчас не зависящими от наличия или отсутствия в языке грамматической категории падежа или её аналогов. Формальные характеристики двухпадежных систем, такие как тип средства выражения и основные модели взаимодействия падежа с другими морфологическими категориями, также, в общем, мало различаются в двух- и многопадежных системах. Таким образом, можно утверждать, что известные к настоящему времени универсальные закономерности устройства падежных систем релевантны и для двухпадежных систем и определяют то общее, что все такие системы имеют между собой. Особенности же двухпадежных систем, то, что противопоставляет их другим системам, проистекают, как уже было сказано, в основном из их минимальности и связанных с этим нетривиальных свойств.

Например, как уже не раз утверждалось на протяжении диссертации, альтернации кодирования актантов в двухпадежных и в многопадежных системах, будучи обусловлены одними и теми же функционально-семантическими факторами, получают неодинаковое поверхностное воплощение из-за различного числа имеющихся в языках выразительных средств. Минимальным характером падежной системы обусловлены также и некоторые морфологические явления, например, определённые модели нейтрализации падежных или числовых противопоставлений или «зеркальные» парадигмы старофранцузского типа. С тем же фактором, возможно, связаны и наблюдаемые с особой отчётливостью в языках с двухпадежными системами «аномалии» маркированности, возникающие в результате того, что языки различными способами «подстраиваются» под универсальные принципы, устанавливающие соответствия между содержательными и формальными свойствами грамматических систем.

Здесь следует ещё раз подчеркнуть, что разного рода своеобразные характеристики двухпадежных систем, выявленные в данном исследовании, являются в каждом случае продуктом диахронических изменений, приведших к тем или иным реально отмечаемым структурам. Так, хорошо известна и документально зафиксирована история индоиранских языков, в частности, процессов редукции и функциональной перестройки их падежных систем, см., например, подробнейшее исследо-

вание [Керимова, Расторгуева 1975], приведших к тому, что в этом ареале представлено поразительное (практически совпадающее с мировым) разнообразие двухпадежных систем. Это разнообразие, проявляющееся как на уровне парадигматического устройства, так и в том, как эти системы членят пространство падежных функций, накладывается на общие для большинства языков этой группы характеристики морфосинтаксиса, такие как имеющиеся в них вполне определённые типы вариаций в оформлении актантов, которые, что крайне важно, существуют в индоиранских языках совершенно независимо от того, есть ли в данном языке двухпадежная система, и, в случае, если таковая в нём имеется, от того, как она устроена. Таким образом, каждая конкретная двухпадежная система есть результат комплексного взаимодействия многих факторов самого разного рода, как релевантных собственно для двухпадежных систем, так и таких, которые играют роль в устройстве языка безотносительно к наличию в нём двухпадежной системы или вообще категории падежа, но на конкретно-языковую реализацию которых может оказать существенное, а иногда и решающее влияние тип представленной в языке падежной системы.

Тем не менее, тот факт, что двухпадежные системы в самых разных языках мира оказываются в большой степени похожи друг на друга, причём не только в самых общих принципах устройства, но и в более частных моментах (например, нестандартные реализации различных типов «расщеплённого» кодирования актантов представлены в столь разных языках, как иранские и юто-ацтекские), свидетельствует, что существуют общие закономерности организации двухпадежных систем, проявляющиеся независимо от случайностей исторического развития, вернее, всякий раз, когда оно приводит к возможности их реализации. Выявление этих закономерностей и было основной целью данного исследования.

4.3. Заключительные замечания

Суммируя всё вышесказанное, ещё раз подчеркну, что двухпадежные системы являются специфическим типом именных грамматических систем, обладающих рядом свойств, как уникальных, так и разделяемых ими со всеми падежными системами. Изучение двухпадежных систем, как, я надеюсь, мне удалось показать, является очень плодотворным для типологии падежа, в первую очередь благодаря тому, что данный объект исследования позволяет, с одной стороны, использовать чрезвычайно богатый и разнообразный материал, дающий определённое представление о

параметрах и пределах варьирования, релевантных для падежных систем в целом, а с другой стороны, выделить универсальные закономерности, регулирующие межъязыковую изменчивость в столь сложной области, как падеж. Остаётся лишь надеяться, что подобного рода комплексные типологические исследования падежных систем с привлечением обширных синхронных и исторических данных будут продолжены и дадут интересные результаты, которые расширят наше понимание природы грамматических категорий и человеческого языка вообще.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ДАННЫЕ О ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМАХ В ЯЗЫКАХ МИРА

Вступительные замечания

В настоящем приложении приводятся в единообразном и схематическом виде основные данные о двухпадежных системах всех рассмотренных мною языков, в том числе и тех, которые по разным причинам не упоминались в основном тексте книги. В таблице отображается следующая информация:

- (i) генетическая принадлежность (источники сведений о ней были изложены во Введении); сокращения названий семей и генетических групп см. ниже;
- (ii) (основные) источники данных;
- (iii) «морфология»: формальная маркированность/немаркированность падежей: М означает маркированность, Ø — немаркированность;
- (iv) выражаемые при помощи падежей ядерные роли;
- (v) выражаемые при помощи падежей периферийные роли; список условных обозначений для обеих рубрик см. ниже;
- (vi) «Adpos»: сочетаемость падежей с предлогами или послелогами;
- (vii) «Split CM»: наблюдаемые в языке основные типы «расщеплённого» кодирования ролей: TA — в зависимости от видо-временной формы сказуемого; DO — в зависимости от референциальных свойств аргумента («дифференцированное маркирование объекта»); Pt — в зависимости от противопоставления (личных) местоимений и прочих ИГ (только при наличии двухпадежной системы и у тех, и у других); Cl — в зависимости от подчинённого/независимого статуса предикации;
- (viii) наконец, в разделе «комментарии» приводятся дополнительные сведения, на которые указывают номера примечаний в прочих разделах таблицы; информация о морфологических особенностях даётся первой по порядку без номера.

Языки в таблице упорядочены по их генетической принадлежности (а также по «континентам»: Европа — Азия — Африка — Америка — Океания; алеутский язык рассматривается как американский); языки, вошедшие в выборку, выделены полужирным шрифтом. Данные, взятые в скобки, либо ненадёжны, либо представляют собой редкие и периферийные для данного языка случаи.

Сокращения, используемые в таблице

Названия языковых семей и групп¹

АН — австронезийская

МП — малайско-полинезийская

АФ — афразийская

ИЕ — индоевропейская

ИИ — индоиранская

НС — нило-сахарские

ЮА — юто-ацтекские

Обозначения надежных функций

A — актор (переходного предиката)

Adr — адресат/реципиент

Comit — комитатив

Comp — объект сравнения

Goal — цель движения

Ins — инструмент

Loc — место

Man — способ

Mens — мера

P — именной предикат

PA — агенс пассива

Poss — посессор

S — единственный аргумент непереходного предиката

S_A — актор непереходного глагола (при активном кодировании)

Temp — время

Top — топик

Trans — транслатив

U — претерпевающий (переходного предиката)

U' — индивидуализированный претерпевающий (только когда маркируется иначе, чем неиндивидуализированный)

---

¹ Термин «нило-сахарские» используется лишь в качестве конвенционального ярлыка; статус этой «макросемьи» как *генетического* объединения языков крайне сомнителен.

№	Язык	Генетическая принадлежность	Источники	Падеж	Морфология	Ядерные роли	Периферийные роли	Ad-pos	Split CM	Комментарии
1.	Старофранцузский	ИЕ > романские	Foulet 1970, Moignet 1976	Dir Obl	∅,M ∅,M	S,A,P U	Adr,Poss,Temp,Loc, Goal,Mens	+		Личные местоимения имеют три падежа; частая замена Obl на Dir, реже обратно
2.	Старопровансальский	ИЕ > романские	Anglade 1921, Schultz-Gora 1915	Dir Obl	∅,M ∅,M	S,A,P U	Transl (Adr),Poss,Temp,Man, Mens	+		
3.	Румынский	ИЕ > романские	Beyrer et al. 1987	Dir Obl	∅ ∅,M	S,A,U,P	Mensur, Temp Adr, Poss	+? +		В основном у детерминативов; личные местоимения имеют 3 падежа
4.	Английский	ИЕ > германские		Dir Obl	M M	S,A U,P	Adr	+		
5.	Норвежские диалекты	ИЕ > германские	Vigeland 1981, Sandøy 1996	Dir Obl	∅,M M	S,A,U,P U ¹	Adr	+		Только у местоимений и определённых имён. 1. При некоторых глаголах и прилагательных; всегда у личных местоимений
6.	Кати	ИЕ > ИИ > нуристанские	Грюнберг 1980	Dir Obl	∅, M M	S,A,U,P S ¹ ,A,U'	Goal,Loc Poss,Adr	+	TA,DO	1. В инфинитивной конструкции
7.	Вайгали	ИЕ > ИИ > нуристанские	Эдельман 1965, Edelman 1983	Dir Obl	M M	S,A,U A,U	Poss,Adr	+	TA	Только у местоимений, у имён 3 падежа
8.	Прасун	ИЕ > ИИ > нуристанские	Эдельман 1965, Edelman 1983	Dir Obl	∅ M	S,A,U U'	Goal,Temp ¹ Adr,Loc,Temp ¹	+	DO	1. Dir 'два месяца', Obl 'вечером'

9.	Калаша	ИЕ > ИИ > дард-ские	Эдельман 1965, Edelman 1983, Morgenstierne 1973	Dir Obl	M M	S,A U	Poss,Adr	+		2 падежа только у местоимений, у существительных, видимо, больше.
10.	Тирахи	ИЕ > ИИ > дард-ские	Эдельман 1965, Edelman 1983	Dir Obl	∅ M	S,A A ¹	Poss		Pr	1. Только у местоимений.
11.	Кховар	ИЕ > ИИ > дард-ские	Эдельман 1965, Edelman 1983	Dir Obl	∅ M	S,A,U U'	Goal,Temp ¹ Poss,All,Temp ¹ ,Adr ²	+	DO	1. Dir 'в один год', Obl 'на восьмой день'. 2. У местоимений
12.	Майян	ИЕ > ИИ > дард-ские	Эдельман 1965, Edelman 1983	Dir Obl	∅ ∅,M	S				Большая часть имён не склоняется; у местоимений, кроме 1Sg, есть отдельный Erg.
13.	Шина	ИЕ > ИИ > дард-ские	Эдельман 1965, Edelman 1983	Dir Obl	∅, M M	S,U	Poss,(Loc),All,Temp	+ ¹ +		1. С послелогом -s(e) выражает A.
14.	Пхалура	ИЕ > ИИ > дард-ские	Buddruss 1967, Edelman 1983	Dir Obl	∅,M M	S,A,U A,U'	Temp,Goal Poss,Adr,Loc,Temp		TA,DO	У неодушевлённых есть аблатив.
15.	Среднеперсидский	ИЕ > ИИ > иран-ские	Расторгуева 1966	Dir Obl	∅ M	S,U,A,P A	Poss,Loc,Temp Poss	+	TA	Частая замена Obl на Dir.
16.	Современный персидский	ИЕ > ИИ > иран-ские	Lazard 1957, Amin-Modani, Lutz 1972	Dir Obl	∅ M	S,A,U,P U'	Goal ¹ ,Loc ¹ ,Temp ¹ (Adr)	+	DO	1. При опущении предлогов.
17.	Курманджи	ИЕ > ИИ > иран-ские	Бакаев 1965, 1966, Цукерман 1986	Dir Obl	∅ M	S,A,U,P A,U'	Adr,Poss,Goal,Loc	+	TA,DO	
18.	Курдский (диал. аврамани)	ИЕ > ИИ > иран-ские	Юсупова 2000	Dir Obl	∅ M	S,A,U,P (U),(A)	Poss		TA	Obl вытесняется Dir

19.	Курдский (азер-байджанский диал.)	ИЕ > ИИ > иранские	Бакаев 1965	Dir Obl	∅, (M) M	S,A,U,P A,U	Goal,(Adr),Temp	(+) +	TA,(DO)	
20.	Курдский (диал. бингирд)	ИЕ > ИИ > иранские	McKenzie 1961	Dir Obl	∅ M	S,A,U,P A,U'	Poss	 +	TA,DO	В Pl синкретизм.
21.	Курдский (диал. Акра)	ИЕ > ИИ > иранские	McKenzie 1961	Dir Obl	∅ M	S,A ¹ ,P U,A	Poss,Adr, Loc,Temp	 +	TA,(DO)	В Dir совпадают числа; 1. Тенденция заменять Dir на Obl в этой функции.
22.	Сорани (диал. мукри)	ИЕ > ИИ > иранские	Эйюби, Смирнова 1968, McKenzie 1961	Dir Obl	∅ M	S,A,U,P U'	Poss,Adr,Goal,Temp	 +	TA,DO	
23.	Заза	ИЕ > ИИ > иранские	Selcan 1998, Пирейко 1997	Dir Obl	∅, M M	S,A,U A,U'	Poss, Goal	 +	TA,DO	
24.	Вафси	ИЕ > ИИ > иранские	[Stilo 2004]	Dir Obl	∅ M	S,A,U A,U'	Poss,Adr,Goal	 +	TA,DO	
25.	Татский	ИЕ > ИИ > иранские	Грюнберг 1963	Dir Obl	∅ M ¹	S,A,U U'	Poss,(Adr)		DO	1. Клитика.
26.	Азари (группа диалектов)	ИЕ > ИИ > иранские	Yar-Shater 1969	Dir Obl	∅ M	S,A,U A,U'	Poss, Adr, Goal	 +	TA,DO	
27.	Талышский	ИЕ > ИИ > иранские	Пирейко 1966	Dir Obl	∅ M	S,A,U,P A,U'	Poss Poss	 +	TA,DO, Pr	
28.	Ормури	ИЕ > ИИ > иранские	Morgenstierne 1929	Dir Obl	∅ M	S,A,U ¹ ,P?	Loc, Temp	 +	DO	1. Только у имён.

29.	Ягнобский	ИЕ > ИИ > иранские	Хромов 1972, 1987	Dir Obl	∅ М	S,A,U,P S ¹ ,A,U'	Loc,All,Temp Poss,Adr, Loc,All,Temp	+ +	TA,DO	У местоимений, кроме 2Sg, Dir=Obl. 1. В инфинитивной конструкции.
30.	Пашто	ИЕ > ИИ > иранские	Грюнберг 1987, Грюнберг, Эдельман 1987	Dir Obl	М М	S,A,U A,S _A	Loc, Temp	+ +	TA,DO, (Pr)	
31.	Рошорвский	ИЕ > ИИ > иранские	Курбанов 1976	Dir Obl	М М	S,A,P U	Poss,Adr,Comp	+ +		Только у местоимений
32.	Шугнано-рушанские	ИЕ > ИИ > иранские	Пахалина 1969, Эдельман 1987	Dir Obl	М М	S,A,P U,A	Poss	+ +	TA	Только у местоимений и детерминативов
33.	Сарыкольский	ИЕ > ИИ > иранские	Пахалина 1966, Эдельман 1987	Dir Obl	М М	S,A,P U,(A)	Adr,Poss,Loc	+ +	(TA),DO	Различаются только в Pl
34.	Мунджанский	ИЕ > ИИ > иранские	Грюнберг 1972	Dir Obl	∅ М	S,A,U,P A,S _A	Poss, Goal, Temp Poss ¹	+ +	TA,DO	Совпадают у 1,2Pl; 1. Только у местоимений.
35.	Ваханский	ИЕ > ИИ > иранские	Пахалина 1975, 1987, Lorimer 1958	Dir Obl	∅,М М	S,A,P U,S ¹ ,A ¹		+ +	(TA),DO	1. У местоимений в прошедшем времени
36.	Дакхини	ИЕ > ИИ > индийские	Шаматов 1974	Dir Obl	М М	S,A ¹ ,U	Adr ¹	+ +		Почти у всех имён совпадают. 1. Только у личных местоимений.
37.	Хинди/урду	ИЕ > ИИ > индийские	Дымшиц 1962; Mohanan 1994	Dir Obl	М М	S,A,U,P	Temp,(Goal),Mens Goal	+ +	TA,DO ¹	Dir=Obl у всех fem. и многих masc. в Sg. 1. A и U выражаются послелогогами
38.	Авадхи (стар.)	ИЕ > ИИ > индийские	Saksena 1937	Dir Obl	∅,М ∅,М	S,A,U A,U'	(Poss),(Adr)	+ +	TA,DO	Распространён синкретизм
39.	Авадхи (совр.)	ИЕ > ИИ > индийские	Липеровский 1997, Saksena 1937	Dir Obl	∅, М ∅, М	S,A,U A,U'	Goal,Temp,Ins	(+) +	TA,DO	Распространён синкретизм, в частности, у личных местоимений.

40.	Браджд	ИЕ > ИИ > индийские	Липеровский 1988	Dir Obl	∅, М ∅, М	S,(A),U A	Loc,Goal,Temp,Man	+		У местоимений 4 падежа.
41.	Панджаби	ИЕ > ИИ > индийские	Gill, Gleason 1963, Cummings, Bailey 1925	Dir Obl	М,∅ М	S,A,U A	Temp	+	TA,DO	Синкретизм, особ. у fem и 1,2Sg.
42.	Ламани	ИЕ > ИИ > индийские	Trail 1970	Dir Obl	М,∅ М,∅	S,A,U	Top (Loc)	+	DO	Очень много синкретизма.
43.	Амхарский	АФ > Семитские	Титов 1991, Leslau 1995	Dir Obl	∅ М	S,A,U U'	Top Adr,Goal,Path,Temp	+	DO	
44.	Гафат	АФ > Семитские	Leslau 1956, Hetzron 1997	Dir Obl	∅ М	S,A,U U'	Top	+	DO	
45.	Аргобба	АФ > Семитские	Leslau 1997, Hudson 1997	Dir Obl	∅ М	S,A,U U'	Dir,Loc,Temp	+	DO	
46.	Харари	АФ > Семитские	Wagner 1997, 2002	Dir Obl	∅ М	S,A,U U'	? ?	?	DO	
47.	Вост. гураге	АФ > Семитские	Gutt 1997	Dir Obl	∅ М	S,A,U U'	Loc,Temp		DO	
48.	Гезз	АФ > Семитские	Weniger 1999	Dir Obl	∅ М	S,A,P U	Goal,Temp,Man,Trans	+		
49.	Кабильский	АФ > Берберские	Chaker 1983	Dir Obl	М М	U,P S,A	Top Poss	+	+	
50.	Ташельхит	АФ > Берберские	Galand 1964	Dir Obl	М М	U,P S,A	Top Poss	+	+	

51.	Берберский (южно-марокканский диал.)	АФ > Берберские	Willms 1972	Dir Obl	M M	U,P S,A	Top,(Loc,Temp)	+		
52.	Сомали	АФ > Кушитские	Andrzejewski 1956, 1964	Dir Obl	∅ M	U S,A	Adr, Poss	+		Падеж маркируется на последнем элементе ИГ, а не только на имени.
53.	Гидоле	АФ > Кушитские	Hayward 1981	Dir Obl	∅ M	S,A,U S ¹ ,A ¹	?			1. Нефокализированный S/A
54.	Оромо	АФ > Кушитские	Bender et al. 1976	Dir Obl	M M	U,P S,A	Loc,Temp,Mens,Poss			
55.	Нанди	НС > нилотские	Creider, Creider 1989	Dir Obl	∅ M	U,P S,A	Adr, Loc,All	? ?		
56.	Масаи	НС > нилотские	Tucker, Mpaayei 1955, Tucker, Bryan 1966	Dir Obl	∅ M	U,P S,A	Adr PA	+		
57.	Пакот	НС > нилотские	Tucker, Bryan 1966, Rottland 1982	Dir Obl	∅ M	U,P S,A	? ?	? ?		
58.	Марквета	НС > нилотские	Rottland 1982	Dir Obl	∅ M	U S,A	? ?	? ?		
59.	Датога	НС > нилотские	Rottland 1982	Dir Obl	∅ M	U S,A	? ?	? ?		
60.	Пери	НС > нилотские	Andersen 1988	Dir Obl	∅ M	S,U A,S ¹	Top,(Adr)	+		1. В Imp и некоторых типах зависимых предикаций.

61.	Скомиш	Салишские	Kuipers 1967	Dir Obl	∅ (M) M	S,A,U U ¹	PA,Loc,Ins,Goal,Poss ²	+		Только у детерминативов. 1. При детранзитивизации. 2. Только у личных имён.
62.	Шусвап	Салишские	Kuipers 1974	Dir Obl	M M	S,A,U U ¹	(Adr),PA,Man,Loc, Goal,Trans	+		Только у детерминативов 1. При детранзитивизации.
63.	Сааниш	Салишские	Montler 1986, Jelinek, Demers 1994	Dir Obl	∅ M	S,A,U U ¹	Adr Goal,Loc,Ins,PA,(Poss)			1. У битранзитивных глаголов и антипассивов
64.	Халкомелем	Салишские	Kroeber 1999	Dir Obl	∅ M	S,A,U U ¹	Adr Goal,Loc,Ins,PA			1. У битранзитивных глаголов и антипассивов
65.	Чоктау	Мускогейские	Heath 1977, Gordon, Munro 1982	Dir Obl	(M) M	U,P S,A,U ¹	Adr			1. В посессивных конструкциях
66.	Яки	ЮА	Lindenfeld 1973	Dir Obl	∅ M	S,A,P S ¹ ,A ¹ ,U	Poss, Adr	+	Cl	Синкретизм в Pl; у местоимений и детерминативов 3 падежа 1. В придаточных.
67.	Чемевеви	ЮА	Press 1979	Dir Obl	∅, M M	S,A,U ¹ S ² ,A ² ,U	Adr ¹ Poss, Adr ²	+	Cl	1. В императиве. 2. В придаточных.
68.	Алеутский	Эскимосско-алеутские	Bergsland 1997, Меновщиков 1968a	Dir Obl	∅ M	S,U A	Top,Temp Poss		+	Синкретизм в Du,Pl и у местоимений
69.	Ульва	Мисумальпские	Green 1999	Dir Obl	∅ M ¹	S,A,U U	Adr, Loc, Goal		??	1. Клитика.
70.	Мовима	изолят, Боливия	Haude 2006	Dir Obl	∅ M ¹	S,A,U U ²	Adr, Poss Goal, Loc, Temp, Ins, Comit, Poss			1. Префикс, по синт. свойствам — проклитика. 2. При битранзитивных глаголах и антипассивах.

71.	Ямамади	Аравакские	Derbyshire 1986	Dir Obl	∅ M	S,A,U ¹ U	? ?	? ?	Cl	1. В императиве, некоторых типах придаточных
72.	Ниас	АН > МП	Brown 2001	Dir Obl	∅ M	A,U,P S,A,U	Top,Ins,Loc,Temp,Comp Poss,Exp	+ +	TA,Cl	В прошедших временах S/U маркируется Dir
73.	Йимас	Нижний Сепик (Новая Гвинея)	Foley 1991	Dir Obl	∅ M	S,A,U	Adr Ins,Loc,Temp, Goal	(+)		
74.	Маунг	изолят (Австралия)	Capell, Hinch 1970	Dir Obl	M M	S,A	Poss Adr,Poss			Только у местоимений

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Айхенвальд 1987 — А.Ю. Айхенвальд. Структурно-типологическая классификация берберских языков. Синтаксис // *Предварительные публикации Отдела языков, Институт Востоковедения АН СССР, вып. 9. М., 1987.*
2. Айхенвальд, Милитарёв 1991 — А.Ю. Айхенвальд, А.Ю. Милитарёв. Ливийские языки // Дьяконов, Шарбатов (ред.) 1991, с. 183 — 237.
3. Алексеев 2003 — М.Е. Алексеев. *Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени.* М.: «Academia», 2003.
4. Алексеев, Атаев 1997 — М.Е. Алексеев, Б.М. Атаев. *Аварский язык.* М.: Academia, 1997.
5. Андронов (ред.) 1978 — М.С. Андронов (ред.). *Языки Азии и Африки. Т. II. Индоевропейские языки: иранские языки, дардские языки. Дравидийские языки.* М.: «Наука», 1978.
6. Апресян 1995/1974 — Ю.Д. Апресян. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка.* 2-е изд. М.: «Восточная литература», 1995. (1-е изд. М.: «Наука», 1974).
7. Аркадьев 2004а — П.М. Аркадьев. Двухпадежные системы с маркированным номинативом: аномалия или закономерность? // А.В. Андронов (ред.). *VII Межвузовская научная конференция студентов-филологов. Тезисы.* СПб.: СПбГУ, 2004, с. 113 — 114.
8. Аркадьев 2004б — П.М. Аркадьев. О некоторых нетривиальных случаях взаимодействия морфологических категорий числа и падежа // Д.В. Герасимов, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика, С.С. Сай (ред.), *Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 24 — 25 сентября 2004 г. Тезисы докладов.* СПб.: «Наука», 2004, с. 13 — 16.
9. Аркадьев 2005а — П.М. Аркадьев. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // *Вопросы языкознания*, 2005, № 4, с. 101 — 120.
10. Аркадьев 2005б — П.М. Аркадьев. Типология и диахрония: наблюдения над падежным синкретизмом в славянских языках // В.Н. Топоров (ред.), *Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой.* М.: «Языки славянской культуры», 2005, с. 210 — 223.

11. Аркадьев 2006а — П.М. Аркадьев. Двухпадежные системы в языках Африки // Н.Н. Дьяков (ред.), *Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы»*. К 150-летию Восточного факультета СПбГУ. Тезисы докладов. СПб.: СПбГУ, 2006, с. 329 — 330.
12. Аркадьев 2006б — П.М. Аркадьев. Кодирование роли адресата в двухпадежных системах // *Международная молодёжная научная олимпиада «Ломоносов-2006»*. Сборник тезисов XIII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Т. III. Искусствоведение. Филология. Юридические науки. М.: МГУ, 2006, с. 119 — 121.
13. Аркадьев в печати а — П.М. Аркадьев. Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива // В печати в сб. Н.Н. Казанский и др. (ред.), *Индоиранские языки и типология языковых ситуаций*. Сборник к 70-летию А.Л. Грюнберга. СПб.
14. Аркадьев в печати б — П.М. Аркадьев. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем // В печати в журн. *Вопросы языкознания*.
15. Бакаев 1965 — Ч.Х. Бакаев. *Язык азербайджанских курдов*. М.: «Наука», 1965.
16. Бакаев 1966 — Ч.Х. Бакаев. Курдский язык // *Виноградов (ред.) 1966*, с. 257 — 280.
17. Бенвенист 1974 — Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. / Пер. с франц. М.: «Прогресс», 1974.
18. Бенвенист 1974/1952 — Э. Бенвенист. Пассивное оформление перфекта переходного глагола // Бенвенист 1974, с. 192 — 202. (E. Benveniste. La construction passive du parfait transitif // *BSLP*, t. 48 (1952).)
19. Бенвенист 1974/1962 — Э. Бенвенист. К анализу падежных функций: латинский генитив. // Бенвенист 1974, с. 156 — 164. (E. Benveniste. Pour l'analyse des fonctions casuelles: le génitif latin. // *Lingua*, Vol. 11 (1962), pp. 10 — 18.)
20. Бергельсон, Кибрик 1987 — М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни (ред.), *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. М.: «Наука», 1987, с. 52 — 62.
21. Бородина 1969 — М.А. Бородина. *Современный ретороманский язык Швейцарии*. Л.: «Наука», 1969.

22. Булыгина 1977 — Т.В. Булыгина. *Проблемы теории морфологических моделей*. М.: «Наука», 1977.
23. Бурлак, Старостин 2005 — С.А. Бурлак, С.А. Старостин. *Введение в лингвистическую компаративистику*. М.: «Эдиториал УРСС», 2005.
24. Ван Валин, Фоли 1982/1980 — Р. Ван Валин, У. Фоли. Референциально-ролевая грамматика // Кибрик (ред.) 1982, с. 376 — 410. (R.D. Van Valin, Jr., W.A. Foley. Role and Reference grammar // E. Moravcsik (ed.). *Syntax and Semantics 13. Current Approaches to Syntax*. New York: Academic Press, 1980, pp. 329 — 352).
25. Вентцель, Черенков 1976 — Т.В. Вентцель, Л.Н. Черенков. Диалекты цыганского языка // М.С. Андронов (ред.). *Языки Азии и Африки. Т. I. Индоевропейские языки: Хетто-лувийские языки, армянский язык, индоарийские языки*. М.: «Наука», 1976, с. 283 — 339.
26. Вертоградова 2002/1978 — В.В. Вертоградова. *Пракриты*. М.: «Восточная литература», 2002. (1-е изд. М.: «Наука», 1978)
27. Виноградов (ред.) 1966 — В.В. Виноградов (ред.). *Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки*. М.: «Наука», 1966.
28. Виноградов (ред.) 1968 — В.В. Виноградов (ред.), *Языки народов СССР. Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*. М. — Л.: «Наука», 1968.
29. Ганенков 2002 — Д.С. Ганенков. *Модели полисемии пространственных показателей*. Дипломная работа. М.: МГУ, ОТиПЛ, 2002.
30. Грюнберг 1963 — А.Л. Грюнберг. *Язык североазербайджанских татов*. Л.: АН СССР, 1963.
31. Грюнберг 1972 — А.Л. Грюнберг. *Мунджанский язык*. Л.: «Наука», 1972.
32. Грюнберг 1980 — А.Л. Грюнберг. *Язык кати*. М.: «Восточная литература», 1980.
33. Грюнберг 1987а — А.Л. Грюнберг. *Очерк грамматики афганского языка (пашто)*. Л.: «Наука», 1987.
34. Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976 — А.Л. Грюнберг, И.М. Стеблин-Каменский. *Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк*. М. — Л.: «Наука», 1976.
35. Грюнберг, Эдельман 1987 — А.Л. Грюнберг, Д.И. Эдельман. Афганский язык // Расторгуева (ред.) 1987, с. 6 — 154.

36. Гусев 2004 — В.Ю. Гусев. Целевые конструкции при глаголах движения: актанты или сирконстанты? // Comrie et al. (eds.) 2004, pp. 142 — 145.
37. Даниэль 2005 — М.А. Даниэль. Вокатив: замечания к типологии. // В.И. Подлесская (ред.), *Четвёртая Типологическая Школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21 — 28 февраля 2005 г. Материалы лекций и семинаров*. М.: РГГУ, 2005, с. 145 — 147.
38. Долгопольский 1991 — А.Б. Долгопольский. Кушитские языки // Дьяконов, Шарбатов (ред.) 1991, с. 3 — 147.
39. Дымшиц 1962 — З.М. Дымшиц. *Язык урду*. М.: «Восточная литература», 1962.
40. Дьяконов 1967 — И.М. Дьяконов. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения // Жирмунский (ред.) 1967, с. 95 — 115.
41. Дьяконов, Шарбатов (ред.) 1991 — И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов (ред.). *Языки Азии и Африки. Т. IV. Афразийские языки. Кн. 2. Кушитские языки. Ливийско-гуанчские языки. Египетский язык. Чадские языки*. М.: «Наука», 1991.
42. Ефимов, Керимова 1978 — В.А. Ефимов, А.А. Керимова. Новоиранские языки. Юго-западная группа // Андронов (ред.) 1978, с. 156 — 198.
43. Жирмунский (ред.) 1967 — В.М. Жирмунский (ред.). *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов*. Л.: «Наука», 1967.
44. Жирмунский (ред.) 1972 — В.М. Жирмунский (ред.). *Члены предложения в языках различных типов*. Л.: «Наука», 1972.
45. Зализняк 2002 — А.А. Зализняк. *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: «Языки славянской культуры», 2002.
46. Зализняк 2002/1967 — А.А. Зализняк. *Русское именное словоизменение*. 2-е изд. // Зализняк 2002, с. 1 — 370. (1-е изд. М.: «Наука», 1967).
47. Зализняк 2002/1973 — А.А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. 2-е изд // Зализняк 2002, с. 613 — 647. (1-е изд. в сб. А.А. Зализняк (ред.). *Проблемы грамматического моделирования*. М.: «Наука», 1973)
48. Захарьин 1978 — Б.А. Захарьин. *Введение в историю языка хинди*. М.: МГУ, 1978.
49. Звегинцев (ред.) 1981 — В.А. Звегинцев (ред.). *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика*. М.: «Прогресс», 1981.

50. Зограф 1976 — Г.А. Зограф. *Морфологический строй новых индоарийских языков*. М.: «Наука», 1976.
51. Иордан 1950/1946 — И. Иордан. *Грамматика румынского языка*. М.: «Иностранная литература», 1950. (I. Jordan. *Gramatica limbii române*. Ed-a 2-a. Bucur-ești, 1946)
52. Исаев 1966 — М.И. Исаев. Осетинский язык // *Виноградов (ред.) 1966*, с. 237 — 256.
53. Казенин 2002 — К.И. Казенин. Современные формальные теории синтаксиса: сопоставление трактовок грамматической анафоры // *Кибрик и др. (ред.) 2002*, с. 403 — 433.
54. Керимова, Расторгуева 1975 — А.А. Керимова, В.С. Расторгуева. Категория падежа // *Расторгуева (ред.) 1975*, т. II, с. 117 — 199.
55. Кибрик 1992 — А.Е. Кибрик. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М.: МГУ, 1992.
56. Кибрик 2003 — А.Е. Кибрик. *Константы и переменные языка*. СПб.: «Алетейя», 2003.
57. Кибрик, Плунгян 2002/1997 — А.А. Кибрик, В.А. Плунгян. Функционализм // *Кибрик и др. (ред.) 2002*, с. 276 — 339. (1-е изд. 1997 г.)
58. Кибрик (ред.) 1982 — А.Е. Кибрик (ред.). *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике*. М.: «Прогресс», 1982.
59. Кибрик и др. (ред.) 2002 — А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина (ред.). *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Эдиториал УРСС», 2002.
60. Кинэн 1982/1976 — Э.Л. Кинэн. К универсальному определению подлежащего // *Кибрик (ред.) 1982*, с. 236 — 276. (E.L. Keenan. Towards a universal definition of subject // Li (ed.) 1976, pp. 303 — 333.)
61. Климов 1973 — Г.А. Климов. *Очерк общей теории эргативности*. М.: «Наука», 1973.
62. Климов 1977 — Г.А. Климов. *Типология языков активного строя*. М.: «Наука», 1977.
63. Климов, Эдельман 1970 — Г.А. Климов, Д.И. Эдельман. *Язык бурушаски*. М.: «Наука», 1970.

64. Козинский 1980 — И.Ш. Козинский. Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений // И.Ф. Вардуль (ред.). *Теория и типология местоимений*. М.: «Наука», 1980, с. 50 — 62.
65. Козинский 1983 — И.Ш. Козинский. О категории «подлежащее» в русском языке // *Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации*. Вып. 156. М.: ИРЯ АН СССР, 1983.
66. Королёв 1965 — Н.И. Королёв. *Язык непали*. М.: «Наука», 1965.
67. Курбанов 1976 — Х. Курбанов. *Рошорвский язык*. Душанбе: «Дониш», 1976.
68. Курдоев 1978 — К.К. Курдоев. *Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани*. М.: «Наука», 1978.
69. Лакофф 1981/1971 — Дж. Лакофф. Лингвистические гештальты // Звегинцев (ред.) 1981, с. 350 — 366. (G. Lakoff. Linguistic gestalts // *Papers from the 13th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1977)
70. Ли, Томпсон 1982/1976 — Ч. Ли, С.А. Томпсон. Подлежащее и топик: новая типология языков // Кибрик (ред.) 1982, с. 193 — 235. (Ch. Li, S.A. Thompson. Subject and topic: A new typology of language // Li (ed.) 1976, pp. 457 — 489.)
71. Липеровский 1988 — В.П. Липеровский. *Очерк грамматики современного браджа*. М.: «Наука», 1988.
72. Липеровский 1997 — В.П. Липеровский. *Очерк грамматики современного авадхи*. М.: «Восточная литература», 1997.
73. Мельчук 1998 — И.А. Мельчук. *Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения*. М. — Вена: «Языки русской культуры», 1998.
74. Мельчук 1999/1974 — И.А. Мельчук. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Семантика. Синтаксис*. 2-е изд., с прил.. М.: «Языки русской культуры», 1999. (1-е изд. М.: «Наука», 1974)
75. Мельчук рукопись — И.А. Мельчук. Актанты в семантике и в синтаксисе. / Авторизованный пер. с англ. Рукопись.
76. Мельчук и др. 1995/1975 — И.А. Мельчук, Л.Л. Иомдин, Н.В. Перцов. Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса: предикативные синтагмы // И.А. Мельчук. *Русский язык в модели «Смысл ⇔ текст»*. М. — Вена: «Языки русской культуры», 1995, с. 235 — 272. (1-е изд. *НТИ*, сер. 2, 1975, № 7, с. 31 — 43.)

77. Меновщиков 1962 — Г.А. Меновщиков. *Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. I. Фонетика. Морфология именных частей речи.* Л.: АН СССР, 1962.
78. Меновщиков 1968а — Г. А. Меновщиков. Алеутский язык // Виноградов (ред.) 1968, с. 352 — 365.
79. Меновщиков 1968б — Г.А. Меновщиков. Эскимосско-алеутская группа. Введение // Виноградов (ред.) 1968, с. 352 — 365.
80. Меновщиков 1975 — Г.А. Меновщиков. *Язык науканских эскимосов.* Л.: «Наука», 1975.
81. Мещанинов 1945 — И.И. Мещанинов. *Члены предложения и части речи.* М. — Л.: АН СССР, 1945.
82. Мещанинов 1967 — И.И. Мещанинов. *Эргативная конструкция в языках различных типов.* Л.: «Наука», 1967.
83. Молчанова 1975 — Е.К. Молчанова. Категория числа // Расторгуева (ред.) 1975, т. II, с. 200 — 249.
84. Молчанова 1978 — Е.К. Молчанова. Среднеиранские языки // Андронов (ред.) 1978, с. 58 — 109.
85. Овчинникова 1956а — И.К. Овчинникова. Функции послелогога -ра в современном литературном персидском языке // *Труды Института языкознания АН СССР*, Т. IV, 1956, с. 356 — 391.
86. Овчинникова 1956б — И.К. Овчинникова. Использование послелогога -ра в произведениях таджикских и персидских классических авторов (XI — XV вв.) // *Труды Института языкознания АН СССР*, Т. IV, 1956, с. 392 — 408.
87. Оранский 1977 — И.М. Оранский. *Фольклор и язык гиссарских парья.* М.: «Наука», 1977.
88. Падучева 1996 — Е.В. Падучева. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива.* М.: «Языки русской культуры», 1996.
89. Падучева 1998 — Е.В. Падучева. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // *Семиотика и информатика*, вып. 36. М.: «Языки русской культуры», 1998, с. 82 — 107.
90. Падучева 2004 — Е.В. Падучева. *Динамические модели в семантике лексики.* М.: «Языки славянской культуры», 2004.
91. Пахалина 1966 — Т.Н. Пахалина. *Сарыкольский язык.* М.: «Наука», 1966.
92. Пахалина 1969 — Т.Н. Пахалина. *Памирские языки.* М.: «Наука», 1969.

93. Пахалина 1975 — Т.Н. Пахалина. *Ваханский язык*. М.: «Наука», 1975.
94. Пахалина 1989 — Т.Н. Пахалина. *Сравнительно-историческая морфология памирских языков*. М.: «Наука», 1989.
95. Пирейко 1966 — Л.А. Пирейко. Талышский язык // *Виноградов (ред.) 1966*, с. 302 — 322.
96. Пирейко 1968 — Л.А. Пирейко. *Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков*. М.: «Наука», 1968.
97. Пирейко 1997 — Л.А. Пирейко. Заза // В.А. Ефимов (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа. Кн. II*. М.: «Восточная литература», 1997, с. 97 — 143.
98. Пирейко, Эдельман 1978 — Л.А. Пирейко, Д.И. Эдельман. Новоиранские языки. Северо-западная группа // *Андронов (ред.) 1978*, с. 110 — 156.
99. Плунгян 1994 — В.А. Плунгян. К проблеме морфологического нуля // В.И. Беликов, Е.В. Муравенко, Н.В. Перцов (ред.) *б Знак. Сборник памяти А.Н. Журицкого*. М.: «Русский учебный центр», 1994, с. 148 — 155.
100. Плунгян 1998 — В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // *Семиотика и информатика*. Вып. 36. М.: «Языки русской культуры», 1998, с. 324 — 386.
101. Плунгян 2000 — В.А. Плунгян. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: «Эдиториал УРСС», 2000.
102. Плунгян 2003 — В.А. Плунгян. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В.А. Виноградов, И.Н. Топорова (ред.), *Основы африканского языкознания. Т. III. Глагол*. М.: «Восточная литература», 2003, с. 5 — 40.
103. Плунгян (ред.) 2002 — В.А. Плунгян (ред.). *Грамматикализация пространственных значений. (Исследования по теории грамматики, т. 2)*. М.: «Русские словари», 2002.
104. Плунгян, Рахилина 1990 — В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Сирконстанты в толковании? // Z. Saloni (red.) *Metody formalne v opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990, s. 201 — 210.
105. Плунгян, Рахилина 1998 — В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Парадоксы валентностей // *Семиотика и информатика*. Вып. 36. М.: «Языки русской культуры», 1998, с. 108 — 119.
106. Расторгуева 1966 — В.С. Расторгуева. *Среднеперсидский язык*. М.: «Наука», 1966.

107. Расторгуева 1975 — В.С. Расторгуева. Вопросы общей эволюции морфологического типа // Расторгуева (ред.) 1975, т. I, с. 89 — 224.
108. Расторгуева (ред.) 1975 — В.С. Расторгуева (ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. I — II. М.: «Наука», 1975.
109. Расторгуева (ред.) 1981 — В.С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. М.: «Наука», 1981
110. Расторгуева (ред.) 1987 — В.С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа*. М.: «Наука», 1987.
111. Расторгуева, Молчанова 1981 — В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова. Среднеперсидский язык // Расторгуева (ред.) 1981, с. 6 — 146.
112. Рахилина, Тестелец (ред.) — Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.). *Типология и теория языка. От описания к объяснению. К шестидесятилетию А. Е. Кибрика*. М.: «Языки русской культуры», 1999.
113. Репина 1974 — Т.А. Репина. *Аналитизм романского имени (склонение существительных на западе и востоке Романии)*. Л.: ЛГУ, 1974.
114. Савельева 1965 — Л.В. Савельева. *Язык гуджарати*. М.: «Наука», 1965.
115. Семереньи 1980/1970 — О. Семереньи. *Введение в сравнительное языкознание*. Пер. с нем. М.: «Прогресс», 1980. (O. Szemerényi. *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*. Darmstadt, 1970)
116. Сердобольская 2005 — Н.В. Сердобольская. *Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации*. Диссертация ... кандидата филологических наук. М., ОТиПЛ МГУ, 2005.
117. Соколова 1966 — В.С. Соколова. Шугнано-рушанская языковая группа // Виноградов (ред.) 1966, с. 362 — 397.
118. Татевосов 2002 — С.Г. Татевосов. *Семантика составляющих именной группы: кванторные слова*. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
119. Тестелец 1986 — Я.Г. Тестелец. *Эргативная конструкция и эргативообразное построение*. Диссертация ... кандидата филологических наук. М.: Институт языкознания АН СССР, 1986.
120. Тестелец 2001 — Я.Г. Тестелец. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001.
121. Тестелец 2003 — Я.Г. Тестелец. *Грамматические иерархии и типология предложения*. Диссертация в виде научного доклада ... доктора филологических наук. М.: РГГУ, 2003.

122. Титов 1991 — Е.Г. Титов. *Грамматика амхарского языка*. М.: «Наука», 1991.
123. Тронский 2001/1967 — И.М. Тронский. *Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)* // И.М. Тронский. *Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*. М.: «Индрик», 2001, с. 409 — 527.
124. Филипенко 2003 — М.В. Филипенко. *Семантика наречий и адвербиальных выражений*. М.: «Азбуковник», 2003.
125. Филлмор 1981/1968 — Ч. Филлмор. Дело о падеже // Звегинцев (ред.) 1981, с. 369 — 495. (Ch. Fillmore. The case for case // E. Bach, R.T. Harms (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. New York etc.: Holt, Rinehart & Winston, 1968, pp. 1 — 88)
126. Филлмор 1981/1977 — Ч. Филлмор. Дело о падеже открывается вновь // Звегинцев (ред.) 1981, с. 496 — 530. (Ch. Fillmore. The case for case reopened // Cole, Sadock (eds.) 1977, pp. 59 — 81)
127. Храковский 1998 — В.С. Храковский. Понятие сирконстанта и его статус // *Семиотика и информатика*, вып. 36. М.: «Языки русской культуры», 1998, с. 141 — 153.
128. Храковский (ред.) 2003 — В.С. Храковский (ред.). *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие*. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 22 — 24 сентября 2003 г. СПб.: «Наука», 2003.
129. Хромов 1972 — А.Л. Хромов. *Ягнобский язык*. М.: «Наука», 1972.
130. Хромов 1987 — А.Л. Хромов. Ягнобский язык // Расторгуева (ред.) 1987, с. 644 — 701.
131. Цукерман 1986 — И.И. Цукерман. *Хорасанский курманджи. Исследование и тексты*. М.: «Наука», 1986.
132. Чейф 1975/1971 — У.Л. Чейф. *Значение и структура языка*. М.: «Прогресс», 1975. (W.L. Chafe. *Meaning and the Structure of Language*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1971.)
133. Чейф 1982/1976 — У.Л. Чейф. Данное, контрастивность, определённости, подлежащее, топики и точка зрения // Кибрик (ред.) 1982, с. 277 — 316. (W.L. Chafe. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // Li (ed.) 1976, pp. 27 — 55.)
134. Шаматов 1974 — А.Н. Шаматов. *Классический дакхини (южный хиндустан XVII в.)*. М.: «Наука», 1974.

135. Шарбатов 1991 — Г.Ш. Шарбатов. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки // Дьяконов, Шарбатов (ред.) 1991, с. 250 — 330.
136. Шахтер 1982/1977 — П. Шахтер. Ролевые и референциальные свойства подлежащих // Кибрик (ред.) 1982, с. 317 — 355. (P. Schachter. Reference-related and role-related properties of subjects // Cole, Sadock (eds.) 1977, pp. 279 — 306.)
137. Эдельман 1965 — Д.И. Эдельман. *Дардские языки*. М.: «Наука», 1965.
138. Эдельман 1978 — Д.И. Эдельман. Дардские языки // Андронов (ред.) 1978, с. 254 — 316.
139. Эдельман 1987 — Д.И. Эдельман. Шугнано-рушанская языковая группа // Расторгуева (ред.) 1987, с. 236 — 347.
140. Эдельман 1990 — Д.И. Эдельман. *Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. М.: «Наука», 1990.
141. Эйюби, Смирнова 1968 — К.Р. Эйюби, А.М. Смирнова. *Курдский диалект мукри*. Л.: «Наука», 1968.
142. Юсупова 2000 — З.А. Юсупова. *Курдский диалект аврамани. По материалам «Дивана» Саади*. М.: «Восточная литература», 2000.
143. Якобсон 1985 — Р.О. Якобсон. *Избранные работы*. М.: «Прогресс», 1985.
144. Якобсон 1985/1936 — Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Якобсон 1985, с. 133 — 175. (R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der Russischen Kasus // *Travaux du cercle linguistique de Prague*, VI, 1936)
145. Якобсон 1985/1958 — Р.О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Якобсон 1985, с. 176 — 197. (Доклад на IV Международном съезде славистов, Москва, 1958).
146. Abraham (ed.) 1978 — W. Abraham (ed.). *Valence, Semantic Case, and Grammatical Agreement*. Amsterdam: John Benjamins, 1978.
147. Ackerman, Moore 2001 — F. Ackerman, J. Moore. *Proto-Properties and Grammatical Encoding. A Correspondence Theory of Argument Selection*. Stanford: CSLI, 2001.
148. Aikhenvald 1990 — A.Y. Aikhenvald. On Berber cases in the light of Afroasiatic languages // H.G. Mukarovsky (ed.), *Proceedings of the 5th International Hamito-Semitic Congress. Vol. I*. Wien, 1990, pp. 113 — 122.

149. Aikhenvald et al. (eds.) 2001 — A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon, M. Onishi (eds.). *Non-Canonical Marking of Subjects and Objects*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001.
150. Aissen 1999 — J. Aissen. Markedness and subject choice in optimality theory // *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 17 (1999), No. 4, pp. 673 — 711.
151. Aissen 2003 — J. Aissen. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 21 (2003), No. 3, pp. 435 — 483.
152. Amberber, de Hoop (eds.) to appear — M. Amberber, H. de Hoop (eds.), *Competition and Variation in Natural Languages: The Case for Case*. To appear.
153. Amin-Modani, Lutz 1972 — S. Amin-Modani, D. Lutz. *Persische Grammatik*. Heidelberg: Groos, 1972.
154. Andersen 1988 — T. Andersen. Ergativity in Pāri, a Nilotic OVS language // *Lingua*, 75 (1987), 289 — 324.
155. J. Anderson 1976 — J.M. Anderson. *The Grammar of Case. Towards a Localistic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
156. J. Anderson 1977 — J.M. Anderson. *On Case Grammar. Prolegomena to a Theory of Grammatical Relations*. London etc.: Croom Helm, 1977.
157. Anderson 1994 — J.M. Anderson. Case // Asher (ed.) 1994, Vol. 4, pp. 447 — 453.
158. S. Anderson 1976 — S.R. Anderson. On the notion of subject in ergative languages // Li (ed.) 1976, pp. 1 — 24.
159. S. Anderson 1977 — S.R. Anderson. On mechanisms by which languages become ergative // Ch. Li (ed.). *Mechanisms of Syntactic Change*. Austin, London: University of Texas Press, 1977, pp. 317 — 364.
160. Andrews 1985 — A. Andrews. The major functions of the noun phrase // Shopen (ed.) 1985, Vol. I, pp. 62 — 154.
161. Andrzejewski 1956 — B.W. Andrzejewski. Grammatical introduction // M. H. I. Galaal. *Hikmaad Soomaali*. London, Cape Town: Oxford University Press, 1956, pp. 1 — 30.
162. Andrzejewski 1964 — B.W. Andrzejewski. *The Declensions of Somali Nouns*. London: School of Oriental and African Studies, 1964.
163. Andrzejewski 1984 — B.W. Andrzejewski. The role of accentual pattern in subject/object differentiation in Somali and the parallels in Paraniotic languages // Bynon (ed.) 1984, pp. 11 — 15.

164. Anglade 1921 — J. Anglade. *Grammaire de l'ancien provençal*. Paris: Klincksieck, 1921.
165. Aristar 1996 — A.R. Aristar. The relationship between dative and locative: Kuryłowicz's argument from a typological perspective // *Diachronica*, Vol. 13 (1996), No. 2, pp. 207 — 224.
166. Aristar 1997 — A.R. Aristar. Marking and hierarchy types and the grammaticalization of case-markers // *Studies in Language*, Vol. 21 (1997), pp. 313 — 368.
167. Arkadiev to appear a — P.M. Arkadiev. Differential argument marking in two-term case systems and its implications for the general theory of case marking. // To appear in H. de Hoop, P. de Swart (eds.), *Differential Subject Marking*. Dordrecht: Kluwer.
168. Arkadiev to appear b — P.M. Arkadiev. Thematic roles, event structure, and argument encoding in semantically aligned languages // To appear in S. Wichmann, M. Donohue (eds.), *The Typology of Semantic Alignment Systems*. Oxford: Oxford University Press.
169. Asher (ed.) 1994 — R.E. Asher (ed.), *Encyclopedia of Languages and Linguistics, Vol. 1*. Oxford etc.: Pergamon Press, 1994.
170. Baker 1997 — M.C. Baker. Thematic roles and syntactic structure // L. Haegeman (ed.), *Elements of Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1997, pp. 73 — 137.
171. Barbosa et al. (eds.) 1998 — P. Barbosa, D. Fox, P. Hagstrom, M. McGinnis, D. Pesetsky (eds.), *Is the Best Good Enough? Optimality and Competition in Syntax* Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
172. Bashakararao, Subbarao (eds.) 2004 — P. Bashakararao, K.V. Subbarao (eds.) *Non-nominative subjects*. Vols. 1 — 2. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004.
173. Bashir 1986 — E. Bashir. Beyond split-ergativity: Subject marking in Wakhi // *Papers from the 22nd Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago, 1986, pp. 14 — 35.
174. Basset 1959 — A. Basset. Sur l'anticipation en berbère // A. Basset. *Articles de dialectologie berbère*. Paris: Klincksieck, 1959, pp. 90 — 100.
175. Bell 1978 — A. Bell. Language samples // Greenberg et al. (eds.) 1978, Vol. I, pp. 123 — 156.

176. Bender et al. 1976 — M.L. Bender, M. Eteffa, D.L. Stinson. Galla // M.L. Bender, J.D. Bowen, R.L. Cooper, C.A. Ferguson (eds.), *Language in Ethiopia*. London etc.: Oxford University Press, 1976, pp. 130 — 148.
177. Bennett 1974 — P.R. Bennett. Tone and the Nilotic case system // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, Vol. 37 (1974), No. 1, pp. 19 — 28.
178. Bergsland 1997 — K. Bergsland. *Aleut Grammar*. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1997.
179. Beyrer et al. 1987 — A. Beyrer, K. Bochmann, S. Brousert. *Grammatik der rumänischen Sprache der Gegenwart*. Leipzig: Enzyklopädie, 1987.
180. Bickel 1999 — B. Bickel. Grammatical relations, agreement, and genetic stability. Ms. 1999. (<http://socrates.berkeley.edu/~bickel/papers>)
181. Bickel, Yādava 2000 — B. Bickel, Y.P. Yādava. A fresh look at grammatical relations in Indo-Aryan // *Lingua*, Vol. 110 (2000), pp. 343 — 373.
182. Bierwisch 1967 — M. Bierwisch. Syntactic features in morphology: General principles of so-called pronominal inflection in German // *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Vol. I. The Hague, Paris: Mouton, 1967, pp. 239 — 270.
183. Bílý, Pettersson 1988 — M. Bílý, Th. Pettersson. Neutralization in case morphology // *Lund University, Dept. of Linguistics. Working Papers*, No. 33 (1988), pp. 5 — 21.
184. Blake 1977 — B.J. Blake. *Case Marking in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1977.
185. Blake 1990 — B.J. Blake. *Relational Grammar*. London, New York: Routledge, 1990.
186. Blake 2001/1994 — B.J. Blake. *Case*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. (1st ed. 1994).
187. Blansitt 1978 — E.L. Blansitt. Stimulus as a semantic role // Abraham (ed.) 1978, pp. 311 — 325.
188. Blansitt 1988 — E.L. Blansitt. Datives and allatives // M. Hammond, E. Moravcsik, J. Wirth (eds.), *Studies in Syntactic Typology*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988, pp. 173 — 191.
189. Boeder 1976 — W. Boeder. Morphologische Kategorien // K. Braunmüller, W. Kürschner (Hrsg.). *Grammatik. Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums*. Bd. 2. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1976, S. 117 — 126.

190. Bossong 1985 — G. Bossong. *Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
191. Bourciez 1946 — É. Bourciez. *Éléments de linguistique romane*. 4-e éd. Paris: Klincksieck, 1946.
192. Brecht, Levine (eds.) — R.D. Brecht, J.S. Levine (eds.). *Case in Slavic*. Columbus (OH): Slavica, 1986.
193. Bresnan 2001 — J. Bresnan. *Lexical-Functional Syntax*. Oxford etc.: Blackwell, 2001.
194. Bresnan (ed.) 1982 — J. Bresnan (ed.). *The Mental Representation of Grammatical Relations*. Cambridge (MA): MIT Press, 1982.
195. Brown 2001 — L. Brown. *A Grammar of Nias Selatan*. PhD Thesis, University of Sydney, 2001.
196. Brown 2003 — L. Brown. Nias: An exception to universals of argument-marking. Paper presented at the 5th Meeting of the Association for Linguistic Typology, Cagliari, 2003.
197. Brown 2005 — L. Brown. Nias // N.P. Himmelmann, K.A. Adelaar (eds.). *The Austronesian Languages of Asia and Madagascar*. London: Routledge, 2005, pp. 562 — 589.
198. Brugmann 1904 — K. Brugmann. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg: Trübner, 1904.
199. Bubenik 1989 — V. Bubenik. On the origins and eliminations of ergativity in Indo-Aryan languages // *Canadian Journal of Linguistics*, Vol. 34 (1989), No. 4, pp. 377 — 398.
200. Buddruss 1967 — G. Buddruss. *Die Sprache von Sau in Ostafghanistan. Beitrag zur Kenntnis des dardischen Phalūra*. München: Kitzinger, 1967.
201. Butt 2001 — M. Butt. A reexamination of the accusative to ergative shift in Indo-Aryan // M. Butt, T.H. King (eds.), *Time over Matter. Diachronic Perspectives on Morphosyntax*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2001, pp. 105 — 141.
202. Butt, Geuder (eds.) 1998 — M. Butt, W. Geuder (eds.). *The Projection of Arguments. Lexical and Compositional Factors*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1998.
203. Butt, King 2002 — M. Butt, T.H. King. Case systems: Beyond structural distinctions // E. Brandner, H. Zinmeister (eds.), *New Perspectives on Case Theory*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2002, pp. 53 — 87.

204. Butt, King 2004 — M. Butt, T.H. King. The status of case // V. Dayal, A. Mahajan (eds.), *Clause Structure in South-Asian Languages*. Dordrecht: Kluwer, 2004, 153 — 198.
205. Bybee 1985 — J.L. Bybee. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1985.
206. Bybee 1988 — J.L. Bybee. The diachronic dimension in explanation // J.A. Hawkins (ed.), *Explaining Language Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, pp. 350 — 379.
207. Bybee et al. 1994 — J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, London: The Univ. of Chicago Press, 1994.
208. Bybee et al. (eds.) 1997 — J.L. Bybee, J. Haiman, S.A. Thompson (eds.), *Essays on Language Function and Language Type. Dedicated to Talmy Givón*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1997.
209. Bynon 1979 — Th. Bynon. The ergative construction in Kurdish // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, Vol. 42 (1979), P. 2, pp. 211 — 224.
210. Bynon 1984 — Th. Bynon. From passive to active in Kurdish via the ergative construction // E.C. Traugott, R. Labrun, S. Shepherd (eds.). *Papers from the 4th International Conference on Historical Linguistics*. (Current Issues in Linguistic Theory, 14). Amsterdam: John Benjamins, 1980, pp. 151 — 164.
211. Bynon (ed.) 1984 — J. Bynon (ed.). *Current Progress in Afro-Asiatic Linguistics (Papers from the 3rd International Hamito-Semitic Congress)*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1984.
212. Campe 1994 — P. Campe. *Case, Semantic Roles, and Grammatical Relations: A Comprehensive Bibliography*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994.
213. Capell, Hinch 1970 — A. Capell, H. Hinch. *Maung Grammar, Texts and Vocabulary*. The Hague, Paris: Mouton, 1970.
214. Castellino 1978 — G.R. Castellino. The case system of Cushitic in relation to Semitic // P. Fronzaroli (ed.), *Atti del secondo congresso internazionale de linguistica camito-semitica*. Firenze, 1978, 31 — 42.
215. Chaker 1983 — S. Chaker. *Un parler berbère d' Algérie (Kabylie). Syntaxe*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1983.

216. Chaker 1988 — S. Chaker. L'état d'annexion du nom // *Encyclopédie berbère*, Vol. V., 1988, pp. 686 — 695.
217. Christian Brothers 2002 — *New Irish Grammar by the Christian Brothers*. Dublin: C. J. Fallon, 2002.
218. Chvany 1996a — C.V. Chvany. From Jakobson's cube as *Objet d'art* to a new model of the grammatical sign // O.T. Yokoyama, E. Klenin (eds.) *Selected essays of Catherine V. Chvany*. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1996, pp. 188 — 210.
219. Cole, Sadock (eds.) 1977 — P. Cole, J.M. Sadock (eds.). *Syntax and Semantics. Vol. 8. Grammatical Relations*. New York etc.: Academic Press, 1977.
220. Cole et al. 1980 — P. Cole, W. Harbert, G. Hermon, S.N. Sridhar. The acquisition of subjecthood // *Language*, 56 (1980), No. 4, pp. 719 — 743.
221. Comrie 1978 — B. Comrie. Ergativity // W.P. Lehmann (ed.). *Syntactic Typology. Studies in the Phenomenology of Language*. Austin, London: The University of Texas Press, 1978, pp. 329 — 394.
222. Comrie 1979 — B. Comrie. Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica Silesiana*, Vol. 3 (1979), 13 — 21.
223. Comrie 1986 — B. Comrie. On delimiting cases // Brecht, Levine (eds.) 1986, pp. 86 — 106.
224. Comrie 1988 — B. Comrie. Topics, grammaticalized topics, and subjects // *Proceedings of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley: BLS, 1988, pp. 265 — 279.
225. Comrie 1989/1981 — B. Comrie. *Language Universals and Linguistic Typology*. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1989. (1st ed. 1981)
226. Comrie 1991 — B. Comrie. Form and function in identifying cases // Plank (ed.) 1991: 41 — 56.
227. Comrie et al. (eds.) 2004 — B. Comrie, P. Suihkonen, V. Solovyev (eds.). *Proceedings of the 2nd International Symposium LENCA-2: The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations, Kazan, May 2004*. Казань: КГУ, 2004.
228. Corbett 1991 — G.G. Corbett. *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
229. Corbett 2000 — G.G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
230. Craig (ed.) 1986 — C.G. Craig (ed.). *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1986.

231. Creider, Creider 1989 — C.A. Creider, J.T. Creider. *A Grammar of Nandi*. Hamburg: Buske, 1989.
232. Creissels 2003a — D. Creissels. Are there 'indirect objects' in African languages? Paper presented at the 5th Meeting of the Association for Linguistic Typology, Cagliari, September 2003.
233. Creissels 2003b — D. Creissels. Encoding the distinction between localization, the source of motion, and the direction of motion: A typological study. Paper presented at the Workshop Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories, Paris, 2003.
234. Croft 1990 — W.C. Croft. *Typology and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
235. Croft 1991 — W.C. Croft. *Syntactic Categories and Grammatical Relations. The Cognitive Organization of Information*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1991.
236. Croft 1998 — W.C. Croft. Event structure in argument linking // Butt, Geuder (eds.) 1998, pp. 21 — 64.
237. Croft 2001 — W.C. Croft. *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
238. Cruse 1973 — D.A. Cruse. Some thoughts on agentivity // *Journal of Linguistics*, Vol. 9 (1973), pp. 1 — 23.
239. Cummings, Bailey 1925 — T.F. Cummings, T.G. Bailey. *Panjabi Manual and Grammar. A Guide to the Colloquial Panjabi of the Northern Panjab*. Calcutta: Baptist Mission Press, 1925.
240. Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
241. Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2006 — The resilient dative and other remarkable cases in Scandinavian vernaculars // *Sprachtypologie und Universalienforschung, a special issue on Swedish in typological perspective*, ed. by Å. Viberg, to appear in 2006.
242. Davis, Hardy 1988 — Ph. Davis, H. Hardy. Absence of noun marking in Alabama // *International Journal of American Linguistics*, 54 (1988), 279 — 308.
243. de Groot 1956 — A.W. de Groot. Classification of cases and uses of cases // M. Halle, H.G. Lunt, H. McLean, C.H. van Schooneveld (eds.). *For Roman Jakobson*. The Hague: Mouton, 1956, pp. 187 — 194.
244. de Hoop, Malchukov 2006 — H. de Hoop, A.L. Malchukov. Case marking strategies. Ms., 2006. (электронная версия ROA # 797, <http://roa.rutgers.edu>)

245. Dekkers et al. (eds.) 2000 — J. Dekkers, F. van der Leeuw, J. van de Weijer (eds.), *Optimality Theory. Phonology, Syntax, and Acquisition*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
246. DeLancey 1981 — S. DeLancey. An interpretation of split ergativity and related patterns // *Language*, Vol. 57 (1981), No. 3, pp. 626 — 567.
247. DeLancey 1984 — S. DeLancey. Notes on agentivity and causation // *Studies in Language*, Vol. 8 (1984), No. 2, pp. 181 — 213.
248. DeLancey 1985 — S. DeLancey. Agentivity and syntax // Eilfort et al. (eds.) 1985, pp. 1 — 12.
249. DeLancey 1991 — S. DeLancey. Event construal and case role assignment // *Proceedings of the 17th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1991, pp. 338 — 353.
250. Derbyshire 1986 — D.C. Derbyshire. Comparative survey of morphology and syntax in Brazilian Arawakan // D.C. Derbyshire, G.K. Pullum (eds.). *Handbook of Amazonian Languages. Vol. 1*. Berlin etc.: Mouton de Gruyter, 1986, pp. 469 — 566.
251. Destaing 1907 — E. Destaing. *Étude sur le dialecte berbère des Beni-Sous*. Paris: Leroux, 1907.
252. de Swart 2003 — P. de Swart. *The Case Mirror*. MA Thesis, University of Nijmegen, 2003.
253. Dixon 1972 — R.M.W. Dixon. *The Dyirbal Language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
254. Dixon 1979 — R.M.W. Dixon. Ergativity // *Language*, Vol. 55 (1979), No. 1, pp. 59 — 138.
255. Dixon 1994 — R.M.W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
256. Dixon (ed.) 1987 — R.M.W. Dixon (ed.). *Studies in Ergativity*. (*Lingua* special issue, Vol. 71, Nos. 1 — 4). Amsterdam: North Holland, 1987.
257. Dixon, Aikhenvald 1997 — R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald. A typology of argument-determined constructions // Bybee et al. (eds.) 1997: 71 — 114.
258. Dixon, Aikhenvald 1998 — R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald. Dependencies between grammatical systems // *Language*, Vol. 74 (1998), No 1, pp. 56 — 80.
259. Donohue, Donohue 1997 — C. Donohue, M. Donohue. Fore case marking // *Language and Linguistics in Melanesia*, Vol. 28 (1997), No. 1-2, pp. 69 — 98.

260. Dowty 1979 — D.R. Dowty. *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel, 1979.
261. Dowty 1991 — D.R. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*, Vol. 67 (1991), No. 3, pp. 547 — 619.
262. Dryer 1986 — M. Dryer. Primary objects, secondary objects, and antitativity // *Language*, Vol. 62 (1986), No. 4, pp. 808 — 845.
263. Dryer 1997 — M. Dryer. Are grammatical relations universal? // Bybee et al. (eds.) 1997: 115 — 144.
264. Dryer 2005 — M. Dryer. Position of case affixes // M. Dryer, M. Haspelmath, D. Gil, B. Comrie (eds.), *World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 210 — 211.
265. Dryer 2006 — M. Dryer. Functionalism and the theory — metalanguage confusion // G. Wiebe, G. Libben, T. Priestly, R. Smyth, S. Wang (eds.), *Phonology, Morphology, and the Empirical Imperative: Papers in Honour of Bruce Derwing*. Taipei: The Crane Publishing Company, 2006, pp. 27 — 59.
266. Du Bois 1987 — J. Du Bois. The discourse basis of ergativity // *Language*, Vol. 63 (1987), No. 4, pp. 805 — 855.
267. Durie 1988 — M. Durie. Preferred argument structure in an active language // *Lingua*, Vol. 74 (1988), pp. 1 — 25.
268. Edelman 1983 — D.I. Edelman. *The Dardic and Nuristani Languages*. Moscow: Nauka, 1983.
269. Eilfort et al. (eds.) 1985 — W.H. Eilfort, P.D. Kroeber, K.L. Peterson (eds.). *Papers from the Parasession on Causatives and Transitivity at the 21st Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: CLS, 1985.
270. Estival, Myhill 1988 — D. Estival, J. Myhill. Formal and functional aspects of the development from passive to ergative systems // M. Shibatani (ed.). *Passive and Voice*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988, pp. 441 — 492.
271. Fillmore 1994 — Ch. Fillmore. Under the circumstances (place, time, manner, etc.) // *Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1994, pp. 158 — 172.
272. Foley 1986 — W.A. Foley. *The Papuan Languages of New Guinea*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
273. Foley 1991 — W.A. Foley. *The Yimas Language of New Guinea*. Stanford: Stanford University Press, 1991.

274. Foley 1993 — W.A. Foley. The conceptual basis of grammatical relations // W. A. Foley (ed.). *The Role of Theory in Linguistic Description*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1993, pp. 131 — 173.
275. Foley, Van Valin 1977 — W.A. Foley, R.D. Van Valin, Jr. On the viability of the notion of 'subject' in Universal grammar // *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1977, pp. 293 — 320.
276. Foley, Van Valin 1984 — W.A. Foley, R.D. Van Valin, Jr. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
277. Foulet 1970 — L. Foulet. *Petite syntaxe de l'ancien français*. 3-ème éd. revue. Paris: Champion, 1970.
278. Galand 1964 — L. Galand. L'énoncé verbal en berbère // *Cahiers Ferdinand de Saussure*, Vol. 21 (1964), pp. 33 — 53.
279. Galand 1979 — L. Galand. Relations du verbe et du nom dans l'énoncé berbère // C. Paris (éd.). *Relations prédicat-actant(s)*. Paris, 1979, pp. 131 — 146.
280. García de Diego 1970 — V. García de Diego. *Gramática histórica española*. 3 ed. corr. Madrid: Gredos, 1970.
281. Gardner, Greene 1958 — R. Gardner, M. Greene. *A Brief Description of Middle French Syntax*. Chapel Hill (NC): The University of North Carolina Press, 1958.
282. Gary, Keenan 1977 — J. Gary, E.L. Keenan. On collapsing grammatical relations in universal grammar // Cole, Sadock (eds.) 1977, pp. 83 — 120.
283. Gill, Gleason 1963 — H.S. Gill, H.A. Gleason, Jr. *A Reference Grammar of Panjabi*. Hartford, 1963.
284. Givón 1976 — T. Givón. Topic, pronoun, and grammatical agreement // Li (ed.) 1976, pp. 149 — 188.
285. Givón 1979 — T. Givón. *On Understanding Grammar*. New York: Academic Press, 1979.
286. Givón 1984 — T. Givón. *Syntax. A Functional-Typological Introduction*. Vol. I. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1984.
287. Givón 1990 — T. Givón. *Syntax. A Functional-Typological Introduction*. Vol. II. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1990.
288. Givón 1995 — T. Givón. *Functionalism and Grammar*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1995.
289. Givón 1997 — T. Givón. Grammatical relations: An introduction // Givón (ed.) 1997, pp. 1 — 84.

290. Givón (ed.) 1997 — T. Givón (ed.). *Grammatical Relations. A Functionalist Perspective*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1997.
291. Goddard 1982 — C. Goddard. Case systems and case marking in Australian languages: A new interpretation // *Australian Journal of Linguistics*, Vol. 2 (1982), pp. 167 — 196.
292. Gordon, Munro 1982 — L. Gordon, P. Munro. Syntactic relations in Western Muskogean: A typological perspective // *Language*, Vol. 58 (1982), No. 1, pp. 81 — 115.
293. Green 1999 — T.M. Green. *A Lexicographic Study of Ulwa*. Ph.D. Diss., MIT, 1999.
294. Greenberg 1959 — J.H. Greenberg. The origin of the Masai passive // *Africa*, Vol. 29 (1959), No. 2, pp. 171 — 176.
295. Greenberg 1966 — J.H. Greenberg. *Language Universals. With Special Reference to Feature Hierarchies*. The Hague, Paris: Mouton, 1966.
296. Greenberg et al. (eds.) 1978 — J.H. Greenberg, E.A. Moravcsik, C.A. Ferguson (eds.). *Universals of Human Language. Vols. 1 — 4*. Stanford: Stanford University Press, 1978.
297. Guerrero, Van Valin 2004 — L. Guerrero, R.D. Van Valin, Jr. Yaqui and the analysis of primary object languages // *International Journal of American Linguistics*, Vol. 70 (2004), No. 3, pp. 290 — 319.
298. Guersel 1992 — M. Guersel. On the case system of Berber // *Canadian Journal of Linguistics*, Vol. 37 (1992), No. 2, pp. 175 — 195.
299. Gutt 1997 — E.-A. Gutt. The Silte group (East Gurage) // Hetzron (ed.) 1997, pp. 509 — 534.
300. Hagège 1978 — C. Hagège. Du thème au thème en passant par le sujet. Pour une théorie cyclique // *La linguistique*, Vol. 14 (1978), fasc. 2, pp. 1 — 38.
301. Haig 1998 — G. Haig. On the interaction of morphological and syntactic ergativity: Lessons from Kurdish // *Lingua*, Vol. 105 (1998), pp. 149 — 173.
302. Haig 2004 — G. Haig. *Alignment in Kurdish: A Diachronic Perspective*. Unpublished Habilitationsschrift, Universität Kiel, 2004.
303. Haiman 1985 — J. Haiman. *Natural Syntax, Iconicity and Erosion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
304. Haiman 1998 — J. Haiman. *Talk is Cheap. Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language*. Oxford: Oxford University Press, 1998.

305. Hale, Keyser 1993 — K.L. Hale, S.J. Keyser. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // K.L. Hale, S.J. Keyser (eds.), *The View from Building 20. Essays in Linguistics in Honor of Sylvian Bromberger*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1993, pp. 53 — 109.
306. Hale, Keyser 2002 — K.L. Hale, S.J. Keyser. *Prolegomena to a Theory of Argument Structure*. Cambridge (MA): The MIT Press, 2002.
307. Hall 1980 — R.A. Hall, Jr. The gradual decline of case in Romance substantives // F. van Coetsem, L.R. Waugh (eds.), *Contributions to Historical Linguistics: Issues and Materials*. Leiden: Brill, 1980, pp. 261 — 269.
308. Hall 1992 — C.J. Hall. *Morphology and Mind. A Unified Approach to Explanation in Linguistics*. London, New York: Routledge, 1992.
309. Harris, Campbell 1995 — A.C. Hassir, L. Campbell. *Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
310. Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1997.
311. Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. Optimality and diachronic adaptation // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, Bd. 18 (1999), No. 2, pp. 180 — 205.
312. Haspelmath 2003 — M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.), *The New Psychology of Language, Vol. II*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum, 2003, pp 211 — 242.
313. Haspelmath 2006 — M. Haspelmath. Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic Discovery*, Vol. 3 (2006), No. 1, pp. 1 — 21.
314. Haspelmath to appear a — M. Haspelmath. Against markedness (and what to replace it with) // *Journal of Linguistics*, Vol. 41 (2006), No. 2, pp. 1 — 46.
315. Haspelmath to appear b — M. Haspelmath. Creating economic morphosyntactic patterns in language change // J. Good (ed.), *Language Universals and Language change*. Oxford: Oxford University Press.
316. Haspelmath et al. (eds.) 2001 — M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2001.
317. Haude 2006 — K. Haude. *A Grammar of Movima*. Nijmegen, Radboud University Dissertation, 2006.
318. Hawkins 2004 — J.A. Hawkins. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

319. Hayward 1981 — R. Hayward. Nominal affixes in Dirayta (Gidole) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, Vol. 44 (1981), No. 1, pp. 126 — 144.
320. Heath 1977 — J. Heath. Choctaw cases // *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1977, pp. 204 — 213.
321. Heath 1978 — J. Heath. Functional universals // *Proceedings of the 4th Annual Meeting of The Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1978, pp. 76 — 85.
322. Heine, Claudi 1983 — B. Heine, U. Claudi. *On the Rise of Grammatical Categories. Some Examples from Maa*. Berlin: Reimer, 1986.
323. Heine, Traugott (eds.) 1991 — B. Heine, E.C. Traugott (ed.). *Approaches to Grammaticalization*. Vols. I — II. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1991.
324. Heine et al. 1991 — B. Heine, U. Claudi, F. Hünemeyer. *Grammaticalization. A Conceptual Framework*. Chicago & London: The Univ. of Chicago Press, 1991.
325. Hetzron 1997 — R. Hetzron. Outer South Ethiopic. // Hetzron (ed.) 1997, pp. 535 — 549.
326. Hetzron (ed.) 1997 — R. Hetzron (ed.), *The Semitic Languages*. London, New York: Routledge, 1997.
327. Hjelmslev 1972/1935—1937 — L. Hjelmslev. *La catégorie des cas. Étude de grammaire générale*. P. I — II. 2. Aufl. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. (1. Aufl.: P. I. Kopenhagen, 1935; P. II. Kopenhagen, 1937)
328. Hopper 1991 — P.J. Hopper. On some principles of grammaticization // Heine, Traugott (eds.), Vol. I, pp. 17 — 36.
329. Hopper, Thompson 1980 — P.J. Hopper, S.A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*, Vol. 56 (1980), pp. 251 — 299.
330. Hopper, Traugott 1993 — P.J. Hopper, E.C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
331. Hudson 1997 — G. Hudson. Amharic and Argobba // Hetzron (ed.) 1997, pp. 457 — 485.
332. Jackendoff 1976 — R. Jackendoff. Toward an explanatory semantic representation // *Linguistic Inquiry*, Vol. 7 (1976), No. 1, pp. 89 — 150.
333. Jackendoff 1983 — R. Jackendoff. *Semantics and Cognition*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1983.
334. Jackendoff 1987 — R. Jackendoff. The status of thematic relations in linguistic theory // *Linguistic Inquiry*, Vol. 18 (1987), No. 3, pp. 369 — 411.

335. Jackendoff et al. 1989 — R. Jackendoff, M. Yip, J. Maling. Case in tiers // *Language*, Vol. 63 (1987), No. 2, pp. 217 — 250.
336. Jacobs et al. (eds.) 1993 — 1996 — J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, Th. Vennemann (eds.), *Syntax. An International Handbook of Contemporary Research. Vols. 1 — 2*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1993 — 1996.
337. Junghare 1983 — I.Y. Junghare. Markers of definiteness in Indo-Aryan // *Indian Linguistics*, Vol. 44 (1983), No. 1 — 4, pp. 43 — 53.
338. Kachru 1987 — Y. Kachru. Ergativity, subjecthood and topicality in Hindi-Urdu // Dixon (ed.) 1987: 223 — 238.
339. Kager 1999 — R. Kager. *Optimality Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
340. Keenan 1985 — E.L. Keenan. Relative clauses // Shopen (ed.) 1985, Vol. II, 141 — 170.
341. Kibrik 1979 — A.E. Kibrik. Canonical ergativity and Daghestan languages // Plank (ed.) 1979: 61 — 78.
342. Kibrik 1991 — A.E. Kibrik. Organising principles for nominal paradigms in Daghestanian languages: Comparative and typological observations // Plank (ed.) 1991, pp. 255 — 274.
343. Kibrik 1995 — A.E. Kibrik. Direct-oblique agreement of attributes in Daghestanian // F. Plank (ed.). *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1995, pp. 216 — 229.
344. Kibrik 1997 — A.E. Kibrik. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology*, Vol. 1 (1997), No. 3, pp. 279 — 346.
345. Klaiman 1978 — M.H. Klaiman. Arguments against a passive origin of the IA ergative // *Papers from the 14th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: CLS, 1978, pp. 204 — 216.
346. Klaiman 1981 — M.H. Klaiman. Toward a universal semantics of indirect subject constructions // *Proceedings of the 7th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1981, pp. 123 — 135.
347. Klaiman 1987 — M.H. Klaiman. Mechanisms of ergativity in South Asia // Dixon (ed.) 1987: 61 — 102.
348. Kogan 1997 — L.E. Kogan. Tigrinya // Hetzron (ed.) 1997, pp. 424 — 445.
349. König 2004 — Chr. König. “Marked Nominative” in Africa: An exotic language type. Ms. 2004.

350. Kroeber 1999 — P.D. Kroeber. *The Salish Language Family. Reconstructing Syntax*. Lincoln, London: *The University of Nebraska Press*, 1999.
351. Kuipers 1967 — A.H. Kuipers. *The Squamish Language. Grammar, Texts, Dictionary*. The Hague, Mouton, 1967.
352. Kuipers 1974 — A.H. Kuipers. *The Shuswap Language. Grammar, Texts, Dictionary*. The Hague, Paris: Mouton, 1974.
353. Kulikov to appear — L.I. Kulikov. Case systems in a diachronic perspective: A typological sketch. To appear in Kulikov et al. (eds.).
354. Kulikov et al. (eds.) to appear — L.I. Kulikov, A.L. Malchukov, H. de Hoop (eds.), *Case, Valency, and Transitivity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
355. Kuno 1987 — S. Kuno. *Functional Syntax. Anaphora, Discourse and Empathy*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1987.
356. Kuryłowicz 1964 — J. Kuryłowicz. *The Inflectional Categories of Indo-European*. Heidelberg: Winter, 1964.
357. Lakoff 1987 — G. Lakoff. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987.
358. Lambrecht 1983 — K. Lambrecht. *Topic, Antitopic, and Verb Agreement in Non-Standard French*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1983.
359. Lambrecht 1994 — K. Lambrecht. *Information Structure and Sentence Form. Topic, Focus, and the Mental Representations of Discourse Referents*. (Cambridge Studies in Linguistics, 71). Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
360. Langacker (ed.) 1977 — R.W. Langacker (ed.). *Studies in Uto-Aztecan Grammar. Vol. 1. An Overview of Uto-Aztecan Grammar*. Dallas: SIL; University of Texas Press, 1977.
361. Laubscher 1921 — G.G. Laubscher. *The Syntactical Causes of Case Reduction in Old French*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1921.
362. Lazard 1957 — G. Lazard. *Grammaire du persan contemporain*. Paris: Klincksieck, 1957.
363. Lazard 1984 — G. Lazard. Actance variations and categories of the object // Plank (ed.) 1984: 269 — 292.
364. Lazard 1985a — G. Lazard. A few remarks of actance gradients // Seiler, Brettschneider (eds.) 1985, pp. 245 — 247.
365. Lazard 1985b — G. Lazard. Anti-impersonal verbs, transitivity continuum and the notion of transitivity // Seiler, Brettschneider (eds.) 1985, pp. 115 — 123.

366. Lazard 1986 — G. Lazard. Le type linguistique dit “actif”: réflexions sur une typologie globale // *Folia Linguistica*, Vol. 20 (1986), pp. 87 — 108.
367. Lazard 1994 — G. Lazard. *L’actance*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.
368. Lazard 2001/1982 — G. Lazard. Le morphème *râ* en persan et les relations actancielles // G. Lazard. *Études de linguistique générale. Typologie grammaticale*. Leuven, Paris: Peeters, 2001, pp. 327 — 356. (1-ère publ. dans *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, Vol. 77 (1982), No. 1, pp. 177 — 207.)
369. Legendre et al. 1993 — G. Legendre, W. Raymond, P. Smolensky. An Optimality-Theoretic typology of case and grammatical voice systems // *Proceedings of the 19th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1993, pp. 464 — 478.
370. Legendre et al. (eds.) 2001 — G. Legendre, J. Grimshaw, S. Vikner (eds.), *Optimality Theoretic Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
371. Lehmann 1988 — Chr. Lehmann. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S.A. Thompson (eds.). *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988, pp. 181 — 226.
372. Lehmann 1995/1982 — Chr. Lehmann. *Thoughts on Grammaticalization*. München & Newcastle: LINCOM Europa, 1995. (appeared as ms. 1982)
373. Leslau 1956 — W. Leslau. *Étude descriptive et comparative du Gafat (éthiopien méridional)*. Paris: Klincksieck, 1956.
374. Leslau 1995 — W. Leslau. *Reference Grammar of Amharic*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
375. Leslau 1997 — W. Leslau. *Ethiopic Documents: Argobba. Grammar and Dictionary*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997.
376. Levin, Rappaport Hovav 1998 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. Building verb meanings // Butt, Geuder (eds.) 1998, pp. 97 — 134.
377. Li (ed.) 1976 — Ch. Li (ed.). *Subject and Topic*. New York etc.: Academic Press, 1976.
378. Lindenfeld 1973 — J. Lindenfeld. *Yaqui Syntax*. Berkeley: University of California Press, 1973.
379. Lorimer 1935 — D.L.R. Lorimer. *The Burushaski Language. Vol. 1. Introduction and Grammar*. Oslo etc.: Instituttet for sammenlignende kulturforskning, 1935.

380. Lorimer 1958— D.L.R. Lorimer. *The Wakhi Language. Vol. I. Introduction, Phonetics, Grammar, Texts*. London: School of Oriental and African Studies, 1958.
381. Luraghi 1987 — S. Luraghi. Patterns of case syncretism in Indo-European languages // A.G. Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds.), *Papers from the 7th International Conference on Historical Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1987, pp. 355 — 371.
382. Luraghi 2003 — S. Luraghi. *On the Meaning of Prepositions and Cases. The Expression of Semantic Roles in Ancient Greek*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003.
383. Maiden 1995 — M. Maiden. *A Linguistic History of Italian*. London, New York: Longman, 1995.
384. Malchukov to appear a — A.L. Malchukov. Transitivity parameters and transitivity alternations: Considering co-variation // To appear in Kulikov et al. (eds.).
385. Malchukov to appear b — A.L. Malchukov. Case pattern splits, verb types and construction competition. // To appear in Amberber, de Hoop (eds.).
386. Mallinson, Blake 1981 — G. Mallinson, B.J. Blake. *Language Typology. Cross-linguistic Studies in Syntax*. Amsterdam etc.: North Holland, 1981.
387. Manning 1996 — Chr. Manning. *Ergativity: Argument Structure and Grammatical Relations*. Stanford: CSLI, 1996.
388. Masica 1991 — C. Masica. *The Indo-Aryan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
389. McCarthy 2002 — J.J. McCarthy. *A Thematic Guide to Optimality Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
390. McKenzie 1961 — D.N. McKenzie. *Kurdish Dialect Studies, I*. London: Oxford University Press, 1961.
391. Mel'čuk 1986 — I.A. Mel'čuk. Toward a definition of case // Brecht, Levine (eds.) 1986, pp. 35 — 85.
392. Mel'čuk 1994 — I.A. Mel'čuk. Grammatical cases, basic verbal construction, and voice in Maasai: Towards a better analysis of the concepts // W. Dressler et al. (eds.). *Towards Progress in Morphology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996, pp. 131 — 170.
393. Mel'čuk 2006— I.A. Mel'čuk. *Aspects of the Theory of Morphology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.

394. Merlan 1985 — F. Merlan. Split intransitivity: Functional oppositions in intransitive inflection // Nichols, Woodbury (eds.) 1985: 324 — 362.
395. Mithun 1984 — M. Mithun. The evolution of noun incorporation // *Language*, Vol. 60 (1984), No. 4, pp. 847 — 894.
396. Mithun 1991a — M. Mithun. Active/agentive case marking and its motivations // *Language*, Vol. 67 (1991), No. 3, pp. 510 — 546.
397. Mithun 1991b — M. Mithun. The role of motivation in the emergence of grammatical categories: The grammaticization of subjects // Heine, Traugott (eds.) 1991, Vol. II, pp. 159 — 184.
398. Mohanan 1994 — T. Mohanan. *Argument Structure in Hindi*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1994.
399. Moignet 1976 — G. Moignet. *Grammaire de l'ancien français. Morphologie — Syntaxe*. 2-me éd. rev. et. corr.. Paris: Klincksieck, 1976.
400. Montler 1986 — Th. Montler. An Outline of the *Phonology and Morphology of Saanish, North Straits Salish*. *University of Montana Occasional Papers in Linguistics*, No. 4, 1986. (<http://www.cas.unt.edu/~montler>)
401. Moravcsik 1978a — E.A. Moravcsik. On the distribution of ergative and accusative patterns // *Lingua*, Vol. 45 (1978), pp. 233 — 279.
402. Moravcsik 1978b — E.A. Moravcsik. On the limits of subject-object ambiguity tolerance // *Papers in Linguistics*, Vol. 11 (1978), No. 1-2, pp. 255 — 259.
403. Moravcsik 1978c — E.A. Moravcsik. On the case marking of objects // Greenberg et al. (eds.) 1978, Vol. IV, 249 — 290.
404. Morgenstierne 1929 — G. Morgenstierne. *Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. I. Parachi and Ormuri*. Oslo etc.: Universitetsforlaget, 1929.
405. Morgenstierne 1973 — G. Morgenstierne. *Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. IV. The Kalasha Language*. Oslo etc.: Universitetsforlaget, 1973.
406. Müller 2004 — G. Müller. On decomposing inflection class features: Syncretism in Russian nominal inflection // L. Gunkel, G. Müller, G. Zifonun (eds.), *Explorations in Nominal Inflection*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004, pp. 189 — 227.
407. Müller-Gotama 1994 — F. Müller-Gotama. *Grammatical Relations. A Cross-Linguistic Perspective on their Syntax and Semantics*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994.
408. Nakamura 1997 — W. Nakamura. *A Constraint-Based Typology of Case Systems*. PhD Thesis, SUNY, Buffalo, 1997.

409. Nakamura 1999 — W. Nakamura. Functional Optimality Theory. Evidence from split case systems // M. Darnell, E.A. Moravcsik, F. Newmeyer, M. Noonan, K. Wheatley (eds.), *Functionalism and Formalism in Linguistics. Vol. II: Case Studies*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1999, pp. 253 — 276.
410. Næss 2004 — Å. Næss. What markedness marks: The markedness problem with direct objects // *Lingua*, Vol. 114 (2004), No 7, pp. 1186 — 1212.
411. Nichols 1983 — J. Nichols. On direct and oblique cases // *Proceedings of the 9th Annual Meeting of The Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1983, pp. 170 — 192.
412. Nichols 1986 — J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*, Vol. 62 (1986), No. 1, pp. 56 — 119.
413. Nichols 1992 — J. Nichols. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992.
414. Nichols 1994 — J. Nichols. Chechen // R. Smeets (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus*, Vol. 4, New York, Delmar: Caravan Books, 1994, pp. 2 — 77.
415. Nichols, Woodbury (eds.) 1985 — J. Nichols, A. Woodbury (eds.). *Grammar Inside and Outside the Clause. Approaches to Theory from the Field*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
416. Onishi 2001 — M. Onishi. Introduction: Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and properties // Aikhenvald et al. (eds.) 2001: 1 — 52.
417. Palmer 1994 — F.R. Palmer. *Grammatical Roles and Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
418. Payne 1979 — J.R. Payne. Transitivity and intransitivity in the Iranian languages of the U.S.S.R // P.R. Clyne, W.F. Hanks, C.L. Hofbauer (eds.). *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels, Including Papers from the Conference on Non-Slavic Languages of the USSR (The 15th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society)*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979, pp. 436 — 447.
419. Payne 1980 — J.R. Payne. The decay of ergativity in Pamir languages // *Lingua*, Vol. 51 (1980), pp. 147 — 186.
420. Payne 1989 — J.R. Payne. Pāmīr languages. // Schmitt (ed.) 1989, pp. 417 — 444.
421. Penzl 1955 — H. Penzl. *A Grammar of Pashto. A Descriptive Study of the Dialect of Kandaghar, Afghanistan*. Washington, D.C.: American Council of Learned Society, 1955.

422. Perkins 1989 — R.D. Perkins. Statistical techniques for determining language sample size // *Studies in Language*, Vol. 13 (1989), No. 2, pp. 293 — 315.
423. Perlmutter 1978 — D.M. Perlmutter. Impersonal passives and the Unaccusative hypothesis // *Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1978, pp. 157 — 189.
424. Perlmutter 1982 — D.M. Perlmutter. Syntactic representation, syntactic levels, and the notion of subject // P. Jacobson, G.K. Pullum (eds.). *The Nature of Syntactic Representation*. Dordrecht: Reidel, 1982, pp. 283 — 340.
425. Perlmutter (ed.) 1983 — D.M. Perlmutter (ed.). *Studies in Relational Grammar. Vol. I*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1983.
426. Perlmutter, Postal 1977 — D.M. Perlmutter, P. Postal. Toward a universal characterization of passivization // *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1977, pp. 394 — 417.
427. Perlmutter, Rosen (ed.) 1984 — D.M. Perlmutter, C.G. Rosen (eds.). *Studies in Relational Grammar. Vol. 2*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1984.
428. Plank 1980 — F. Plank. Encoding grammatical relations: Acceptable and unacceptable non-distinctness // J. Fisiak (ed.). *Historical morphology*. The Hague: Mouton, 1980. pp. 289 — 325.
429. Plank 1985 — F. Plank. The extended accusative/restricted nominative in perspective // Plank (ed.) 1985, pp. 269 — 310.
430. Plank 1986 — F. Plank. Paradigm size, morphological typology, and universal economy // *Folia Linguistica*, Vol. 20 (1986), pp. 29 — 48.
431. Plank 1999 — F. Plank. Split morphology: How agglutination and flexion mix // *Linguistic Typology*, Vol. 3 (1999), pp. 279 — 340.
432. Plank (ed.) 1979 — F. Plank (ed.). *Ergativity: Towards a Theory of Grammatical Relations*. London etc.: Academic Press, 1979.
433. Plank (ed.) 1984 — F. Plank (ed.). *Objects: Towards a Theory of Grammatical Relations*. London etc.: Academic Press, 1984.
434. Plank (ed.) 1985 — F. Plank (ed.). *Relational Typology*. Berlin, New York & Amsterdam: Mouton, 1985.
435. Plank (ed.) 1991 — F. Plank (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991
436. Plungian 2001 — V.A. Plungian. Agglutination and flexion // Haspelmath et al. (eds.), Vol. 1, pp. 669 — 678.

437. Pope 1934 — M.K. Pope. *From Latin to Modern French with especial consideration of Anglo-Norman. Phonology and Morphology*. Manchester: Manchester University Press, 1934.
438. Postal, Joseph (eds.) — P.M. Postal, B.D. Joseph (eds.). *Studies in Relational Grammar. Vol. 3*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1990.
439. Press 1979 — M.L. Press. *Chemehuevi: A Grammar and Lexicon*. Berkeley: University of California Press, 1979.
440. Primus 1993 — B. Primus. Syntactic relations // Jacobs et al. (eds.) 1993 — 1996, Vol. 1, pp. 686 — 705.
441. Primus 1996 — B. Primus. Relational typology // Jacobs et al. (eds.) 1993 — 1996, Vol. 2, pp. 1076 — 1109.
442. Primus 1999 — B. Primus. *Cases and Thematic Roles. Ergative, Accusative and Active*. Tübingen: Niemeyer, 1999.
443. Primus 2003 — B. Primus. Proto-roles and case selection in Optimality Theory. *Arbeiten des SFB 282 "Theorie des Lexikons"*, Nr. 122 (2003).
444. Prince, Smolensky 2004/1993 — A. Prince, P. Smolensky. *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2004. (Ms. Rutgers University, 1993, электронная версия ROA # 537, <http://roa.rutgers.edu>)
445. Regamey 1954 — C. Regamey. A propos de la “construction ergative” en indo-aryen moderne // G. Redard (Hrsg.). *Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift A. Debrunner*. Bern: Francke, 1954, S. 363 — 384.
446. Rohlfs 1952 — G. Rohlfs. *Romanische Philologie. II Teil. Italienische Philologie. Die Sardische und Rätoromanische Sprache*. Heidelberg: Winter, 1952.
447. Rottland 1982 — F. Rottland. *Die Südnilotischen Sprachen. Beschreibung, Vergleichung, Rekonstruktion*. Berlin: Reimer, 1982.
448. Saksena 1937 — B. Saksena. *Evolution of Awadhi (a Branch of Hindi)*. Allahabad: The Indian Press, 1937.
449. Sandøy 1996 — H. Sandøy. *Talemål*. Oslo: Novus, 1996.
450. Sasse 1984 — H.-J. Sasse. Case in Cushitic, Semitic and Berber // Bynon (ed.) 1984, pp. 111 — 126.
451. Schmitt (ed.) 1989 — R. Schmitt (ed.), *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Reichert, 1989.

452. Schøsler 1984 — L. Schøsler. *La déclinaison bicasuelle de l'ancien français: Son rôle dans la syntaxe de la phrase, les cause de sa disparition*. Odense, 1984.
453. Schultz-Gora 1915 — O. Schultz-Gora. *Altprovenzalisches Elementarbuch*. Heidelberg: Winter, 1915.
454. Seiler 1983 — H. Seiler. Possessivity, subject, and object // *Studies in Language*, Vol. 7 (1983), No. 1, pp. 89 — 118.
455. Seiler 1985 — H. Seiler. Introductory paper. Diversity, unity, and their connection // Seiler, Brettschneider (eds.) 1985, pp. 4 — 10.
456. Seiler, Brettschneider (eds.) 1985 — H. Seiler, G. Brettschneider (eds.). *Language Invariants and Mental Operations*. Tübingen: Narr, 1985.
457. Seiler, Premper (Hrsg.) 1991 — H. Seiler, W. Premper (Hrsg.). *Partizipation. Das sprachliche Erfassen von Sachverhalten*. Tübingen: Narr, 1991.
458. Selcan 1998 — Z. Selcan. *Grammatik der Zaza-Sprache. Nord-Dialekt (Dersim-Dialekt)*. Berlin: Wissenschaft und Technik, 1998.
459. Serbat 1981 — G. Serbat. *Cas et fonctions. Étude des principales doctrines casuelles du Moyen Âge à nos jours*. Paris: Presses universitaires de France, 1981.
460. Shannon 1987 — T.F. Shannon. On some recent claims of Relational grammar // *Proceedings of the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: BLS, 1987, pp. 247 — 262.
461. Shibatani 1983 — M. Shibatani. Toward an understanding of the typology and function of case-marking // Sh. Hattori, K. Inoue (eds.), *Proceedings of the 13th International Congress of Linguists*. Tokyo, 1983, pp. 42 — 58.
462. Shibatani 1991 — M. Shibatani. Grammaticization of topic into subject // Heine, Traugott (eds.) 1991, Vol. II, pp. 93 — 134.
463. Shopen (ed.) 1985 — T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vols. 1 — 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
464. Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R.M.W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1976, pp. 112 — 171.
465. Sims-Williams 1982 — N. Sims-Williams. The double system of nominal inflection in Sogdian. // *Transactions of the Philological Society*, 1982, pp. 67 — 76.
466. Skalmowski 1974 — W. Skalmowski. Transitive verb constructions in the Pamir and Dardic languages // *Studia Indoeuropejskie, Polska Akademia Nauk — Oddział w Krakowie. Prace Komisji Językoznawstwa*, Nr. 37 (1974), pp. 205 — 212.

467. Skjærvø 1983 — P.O. Skjærvø. Case in inscriptional Middle Persian, inscriptional Parthian and the Pahlavi Psalter. // *Studia Iranica*, Vol. 12 (1983), pp. 47 — 62, 151 — 181.
468. Skjærvø 1989 — P.O. Skjærvø. Pashto // Schmitt (ed.) 1989, pp. 384 — 410.
469. Spencer 2003 — A. Spencer. A realizational approach to case // M. Butt, T. H. King (eds.), *Proceedings of the LFG03 Conference*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2003, pp. 387 — 401.
470. Spencer, Otugoro to appear — A. Spencer, R. Otugoro. Limits to case — A critical survey of the notion // To appear in Amberber, de Hoop (eds.).
471. Starosta 1988 — S. Starosta. *The Case for Lexicase. An Outline of Lexicase Grammatical Theory*. London, New York: Pinter, 1988.
472. Stilo 2004 — D. Stilo. Grammar notes. // D. Stilo. *Vafsi Folk Tales*. Wiesbaden: Reichert, 2004, pp. 223 — 244.
473. Stolz 1992 — Th. Stolz. *Sekundäre Flexionsbildung. Eine Polemik zur Zielgerichtetheit im Sprachwandel*. Bd. I — II. Bochum: Brockmeyer, 1992.
474. Stump 1983 — G.T. Stump. The elimination of ergative patterns of case-marking and verbal agreement in Modern Indic Languages // *Ohio State University Working Papers in Linguistics*, Vol. 27 (1983), pp. 140 — 164.
475. Svorou 1994 — S. Svorou. *The Grammar of Space*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994.
476. Talmy 1976 — L. Talmy. Semantic causative types // M. Shibatani (ed.). *Syntax and Semantics. Vol. 6. The Grammar of Causative Constructions*. New York etc.: Academic Press, 1976, pp. 43 — 116.
477. Talmy 1983 — L. Talmy. How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (eds.), *Spatial Orientation: Theory, Research and Application*. New York: Plenum Press, 1983, pp. 225 — 282.
478. Talmy 1985 — L. Talmy. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical form // T. Shopen (ed.) 1985, Vol. III, pp. 57 — 149.
479. Talmy 1988 — L. Talmy. Force dynamics in language and cognition // *Cognitive Science*, Vol. 12 (1988), pp. 49 — 100.
480. Talmy 2000 — L. Talmy. *Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems*. Cambridge (MA): MIT Press, 2000.
481. Tedesco 1926 — P. Tedesco. Ostiranische Nominalflexion // *Zeitschrift für Indologie und Iranistik*, Bd. 4 (1926), S. 94 — 166.

482. Testelec 1998 — Y.G. Testelec. On two parameters of transitivity // L.I. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of Verbal Categories. Papers Presented to Vladimir Nedjalkov on the Occasion of his 70th Birthday*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998, pp. 29 — 46.
483. Tosco 1994 — M. Tosco. On case marking in the Ethiopian language area (with special reference to the subject marking in East Cushitic) // V. Brugnatelli (ed.), *Sem, Cam, Iafet*. Milano: Centro studi camito-semitici, 1994, pp. 225 — 244.
484. Trail 1970 — R.L. Trail. *The Grammar of Lamani*. Norman: Summer Institute of Linguistics, 1970.
485. Trnka 1992/1958 — B. Trnka. On some problems of neutralisation // B. Trnka. *Selected Papers in Structural Linguistics*. Berlin etc.: Mouton, 1992, pp. 149 — 155. (orig. publ. 1958)
486. Tsunoda 1985 — T. Tsunoda. Remarks on transitivity // *Journal of Linguistics*, Vol. 21 (1985), No. 2, pp. 385 — 396.
487. Tsunoda 1981 — T. Tsunoda. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // *Linguistics*, Vol. 19 (1981), No. 5/6, pp. 389 — 438.
488. Tucker, Bryan 1964 — A.N. Tucker, M.A. Bryan. Noun classification in Kalenjin: Nandi-Kipsigis // *African Language Studies*, Vol. 5 (1964), pp. 192 — 247.
489. Tucker, Bryan 1966 — A.N. Tucker, M.A. Bryan. *Linguistic Analyses. The Non-Bantu Languages of North-Eastern Africa*. London etc.: Oxford University Press, 1966.
490. Tucker, Mpaayei 1955 — A.N. Tucker, J.T.O. Mpaayei. *A Maasai Grammar with Vocabulary*. London etc.: Longman, 1955.
491. Tuite et al. 1985 — K. Tuite, A. Agham, R. Graczyk. Agentivity, transitivity, and the question of active typology // Eilfort et al. (eds.) 1985, pp. 252 — 270.
492. Turnbull 1982 — A. Turnbull. *Nepali: Grammar and Vocabulary*. 3rd ed. New Delhi, 1982.
493. van Reenen, Schøsler 1998 — P. van Reenen, L. Schøsler. Declension in Old and Middle French. Two opposing tendencies // J. Ch. Smith, D. Bentley (eds.), *Historical Linguistics 1995. Vol. 1: General Issues and Non-Germanic Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998, pp. 327 — 344.
494. Van Valin 1977 — R.D. Van Valin, Jr. Ergativity and the universality of subjects // *Papers from the 13th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society*. Chicago: CLS, 1977, pp. 689 — 705.

495. Van Valin 1981 — R.D. Van Valin, Jr. Grammatical relations in ergative languages // *Studies in Language*, Vol. 5 (1981), No. 3, pp. 361 — 394.
496. Van Valin 1990 — R.D. Van Valin, Jr. Semantic parameters of split intransitivity // *Language*, Vol. 66 (1990), No. 2, pp. 221 — 260.
497. Van Valin 1993 — R.D. Van Valin, Jr. A synopsis of Role and Reference Grammar // Van Valin (ed.) 1993, pp. 1 — 165.
498. Van Valin 1994 — R.D. Van Valin, Jr. Functional relations // Asher (ed.) 1994, Vol. 3, pp. 1327 — 1338.
499. Van Valin 2001 — R.D. Van Valin, Jr. *An Introduction to Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
500. Van Valin (ed.) 1993 — R.D. Van Valin, Jr. (ed.). *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993.
501. Van Valin, La Polla 1997 — R.D. Van Valin, Jr., R. La Polla. *Syntax: Structure, Meaning, and Function*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
502. Vigeland 1981 — B. Vigeland. *Dialekter i Norge*. Oslo etc.: Universitetsforlaget, 1981.
503. Vogt 1973 — H. Vogt. *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.
504. Voßen 1982 — R. Voßen. *The Eastern Nilotes. Linguistic and Historical Reconstructions*. Berlin: Reimer, 1982.
505. Wagner 1997 — E. Wagner. Harari // Hetzron (ed.) 1997, pp. 486 — 508.
506. Wagner 2002 — E. Wagner. Die Funktion des Akkusativmorphems -w im Harari // W. Arnold, H. Bobzin (Hrsg.), "Sprich doch mit deinen Knechten aramäisch, wir verstehen es!" 60 Vorträge zur Semitistik. Otto Jastrow zum 60. Geburtstag. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002, S. 777 — 787.
507. Welmers 1973 — W.E. Welmers. *African Language Structures*. Berkeley: California University Press, 1973.
508. Weniger 1999 — S. Weniger. *Gəʕz*. 2nd ed. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
509. Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. *The Case for Surface Case*. Ann Arbor: Karoma, 1980.
510. Wierzbicka 1981 — A. Wierzbicka. Case marking and human nature // *Australian Journal of Linguistics*, Vol. 1 (1981), pp. 43 — 80.

511. Wierzbicka 1983 — A. Wierzbicka. The semantics of case marking // *Studies in Language*, Vol. 7 (1983), No. 2, pp. 247 — 275.
512. Wierzbicka 1988 — A. Wierzbicka. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988.
513. Wierzbicka 1999 — A. Wierzbicka. A semantic basis for linguistic typology // Рахилина, Тестелец (ред.) 1999, с. 26 — 35.
514. Wilkins (ed.) 1988 — W. Wilkins (ed.). *Syntax and Semantics. Vol. 22. Thematic Relations*. San Diego (CA) etc.: Academic Press, 1988.
515. Willms 1972 — A. Willms. *Grammatik der südlichen Beraber-Dialekte*. Hamburg: Augustin; Glückstadt, 1972.
516. Woolford 2001 — E. Woolford. Case patterns // Legendre et al. (eds.) 2001: 509 — 543.
517. Wunderlich, Lakämper 2001 — D. Wunderlich, R. Lakämper. On the interaction of structural and semantic case // *Lingua*, Vol. 111 (2001), pp. 377 — 418.
518. Yar-Shater 1969 — E. Yar-Shater. *A Grammar of Southern Tati Dialects*. The Hague, Paris: Mouton, 1969.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A — актер двухместного предиката	GEN — генитив
ABL — аблатив	GER — деепричастие
ABS — абсолютив	HAB — хабитуалис
ACC — аккузатив	IMP — императив
Adr — адресат	IMPERS — безличная форма
AGT — показатель агенса	INDEF — неопределённость
ALL — аллатив	INS — инструменталис (падеж); инструмент (семантическая роль)
ART — артикль	IO — непрямой объект
ASP — аспектуальный показатель	ITR — показатель непереходности
AUX — вспомогательный глагол	IZF — изафет
CAUS — каузатив	LOC — локатив (падеж); место (семантическая роль)
CL — клитика	M — мужской род
CNJ — сочинительный союз	Mens — способ (семантическая роль)
COMIT — комитатив	NEG — отрицание
Comp — компаратив (падеж); объект сравнения (семантическая роль)	NML — номинализация
COP — связка	NOM — номинатив
DAT — датив	OBJ — показатель объекта
DEF — определённость	OBL — косвенный падеж
DET — указательное местоимение	PA — агенс пассива
DIR — прямой падеж	PART — партитив
DU — двойственное число	PASS — пассив
DUR — дуратив	PERF — перфект
EMPH — эмфатическая частица	PERMUT — пермутатив
EQU — экватив	PFV — перфектив
ERG — эргатив	PL — множественное число
Exp — экспериенцер (семантическая роль)	POSS — посессивная форма; посессор (семантическая роль)
F — женский род	Pred — именной предикат
FOC — фокус	PREP — предложный падеж; предлог
FUT — будущее время	

PROG — прогрессив
PRS — настоящее время
PRT — частица
PST — прошедшее время
Q — вопросительность
REFL — рефлексив / возвратное местоимение
REL — релятивизатор
S — единственный аргумент одноместного предиката
SBF — субъектный фокус
SG — единственное число
SIM — нефинитная форма глагола со значением одновременности
Stim — стимул (семантическая роль)
T — тема трёхместного предиката
TEMP — нефинитная форма глагола с темпоральным значением; время (семантическая роль)
TOP — топик
TR — показатель переходности
U — претерпевающий двухместного предиката
U' — индивидуализированный претерпевающий